

Джон Локк (1632 - 1704)

1937

1954 г.
ПРОВЕРЕНО
1954 г.

ДЖОН ЛОКК

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Перевод с английского Ю. М. Давидсона

Вступительная статья А. Ф. Шабановой

Под редакцией проф. И. Ф. Сладковского

9474 ✓

ИЗД-ВО РСФСР

УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАРКОМПРОСА РСФСР

193 г

№ 7708

Создано

ИГПИ
проверено
1995 г.

Ц/Ф

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР
МОСКВА 1939

Книга содержит основные педагогические сочинения виднейшего английского философа и педагога XVII века Джона Локка.

„Мысли о воспитании“, „О воспитании разума“, „Об учении“, „Рабочие школы“ — составляют систему педагогических взглядов Локка. Перевод всех произведений сделан заново. Произведениям Локка предшествует большая вводная статья т. Шабаровой М. Ф., анализирующая философские взгляды и педагогическую теорию Локка.

В конце книги приложены примечания редакции, составленные главным образом переводчиком Ю. М. Давидсоном, предметный и именной указатель, а также основная библиография.

ДЖОН ЛОКК — ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР
1939 год.

Ответственный редактор А. П. Кубарева. Технический редактор Н. Н. Махрова.
Корректор Н. С. Соломонова. Уполномоченный Главлита № А 15733.

Сдано в набор 3/IV 1939 г. Подписано к печати 4/X 1939 г. Индекс У-3.
Учпедгиз № 11590. Тираж 10 тыс. экз. Печ. л. 20^{1/8}. Учетно-издат. л. 24,135 +
вклейка. Формат бумаги 60×92^{1/16}. Бум. 10^{1/16} л. Тип. зн. в 1 бум. л. 102,400.

Заказ № 964. Бумага Камского бумкомбината.

Набрано и сматрицировано во 2-й тип. ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкига“
„Печатный Двор“ им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

Напечатано с матриц во 2-й фабрике детской книги Детиздата ЦК ВЛКСМ.
Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 3180.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЛОККА.

1. ЖИЗНЬ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ Д. ЛОККА.

Джон Локк родился 29 августа 1632 г. в местечке Рингтон, в семье провинциального адвоката. Один из предков которого, английский купец, за деньги получил от короля некоторые чины и привилегии. Свое детство маленький Локк провел в деревне Пенсфорд, далеко от г. Бристоль, бывшего в то время центром торговли и политики. Отец и мать Локка были религиозными людьми и принадлежали к секте пуритан. Роскоши, торжественности католических ритуалов пуритане противопоставляли скромность, умеренность, воздержание. Это была идеология стяжательства, экономии, сугубой расчётливости. Новые «дворяне» не желали подражать феодальной аристократии и духовной аристократии в увлечении роскошью и внешним блеском, в безрассудной трате средств на удовлетворение своих капризов. Деньги, к которым полупрезрительно и свысока относилась феодальная аристократия, были основой купеческого могущества.

В семье, где больше всего ценился строгий порядок и раз навсегда установленные правила взаимоотношений членов дома между собой, Локк получил первые навыки бережливости, аккуратности, расчётливости. Его биограф Марион говорит, что Локк всю свою жизнь был экономен из любви к порядку, что он кропотливо вел свои счета, хотя и был добр по отношению к бедным. Отец Локка требовал от своих детей безусловного повиновения, был с ними строг до суровости, добиваясь, однако, послушания не побоями и розгой, а системой продуманных, рациональных мер воздействия. Когда сыновья вырастали, из детей превращались в юношей, мудрый адвокат постепенно приближал их к себе, заменяя суровую опеку дружеским расположением, включая детей во все свои деловые интересы и действия. На взаимоотношениях детворы и взрослых в доме Локка лежала печать патриархальности, несколько суровой доброжелательности, родительской требовательности к младшим членам семьи. Постоянная забота о своих религиозных обязанностях, об отправлении всех обрядов и служб богопочитания наполняла всю жизнь этой дружной пуританской семьи, тесно переплетаясь с ее хозяйственной и служебной деятельностью. Любовь к высшему существу, преклонение перед его мудростью и силой — одна из характерных черт как самого Локка, так

и его учения. В «Мыслях о воспитании» он постоянно напоминает родителям о необходимости развития у детей чувства любви к богу.

Здесь в семье были также привиты Локку первые навыки поведения в обществе, в свете, которые он развивал и совершенствовал в школах, где получал образование. Учиться Локк был отдан в Вестминстерскую школу — старинную и знаменитую школу Англии, описание истории которой занимает существенную часть всех очерков по истории среднего образования в Англии. Это была старейшая латинская школа (grammar school), основанная в эпоху реформации; в ней наряду с традиционным богословием изучались и предметы классического цикла, вызванные к жизни мощным образовательным движением эпохи Возрождения.

Во время Локка в школе изучали главным образом древние языки — латинский и греческий. Весь процесс обучения представлял собой механическую зубрежку. Ученики штудировали риторику, грамматику, диалектику на основе реформированной латыни. Характер образования был сугубо словесным, филологическим. Средневековая схоластика здесь тесно переплелась с узко формальным классицизмом.

В «Мыслях о воспитании» Локк часто критикует формальное образование, полученное им самим и господствовавшее во всех латинских школах Англии того времени.

«Характер науки, господствующей в современных европейских школах, — говорит он, — и являющейся обыкновенно главным предметом забот при воспитании, таков, что джентльмен очень легко может обойтись без нее, не нанося этим особенного ущерба себе или своим делам» («Мысли о воспитании») ¹.

Локк все время упрекает современные ему школы в том, что они дают мертвые, абсолютно непонятные формальные знания, в целях тренировки разума, что они стали абсолютно непроницаемыми для всех новых веяний, что они застыли в косности и неподвижности; этот упрек направлен в первую очередь к школе, в которой он провел свою юность. По окончании школы девятнадцатилетним юношей Д. Локк посылается администрацией школы в числе трех лучших учеников в один из самых старейших английских университетов, в Оксфордский. Оксфордский университет, открытый еще в XIII в., владел тогда, как и теперь, большими богатствами — фермами, городскими домами, лесами, крепко привязавшими его к прошлому. Оксфордский университет на всем протяжении своей истории яростно сопротивлялся всему новому, о чем ярко свидетельствует и та борьба, которая была организована университетом против учения его бывшего ученика — Локка, в момент, когда последний выступил публично со своими произведениями, осмеивавшими схоластическое университетское мировоззрение. Уважение к старым традициям и авторитетам — одна из основных черт всего университетского образования в Оксфорде — вызывало в Локке сильнейшее нерасположение к университету. Вопреки стремлениям учебного персонала привить ему интерес

¹ В дальнейшем книга «Мысли о воспитании» будет нами называться сокращенно «Мысли». — Автор.

к схоластической и узко классической мудрости, он интересуется точными естественными науками. Он много занимается медициной, знакомится с открытиями ученых и врачей. По свидетельству современников, Локк скоро преуспел в медицине. Лучшие врачи специалисты Англии того времени с уважением относились к медицинским познаниям Локка. Эти же знания послужили непосредственной причиной знакомства Локка с одним из виднейших деятелей Англии — лордом Ашли.

Учеба Локка в Оксфордском университете, не доставляя ему большого внутреннего удовлетворения, внешне шла блестяще. Через положенное количество лет, в 1656 г., он получил звание бакалавра искусств, а за см через 3 года, в 1658 г., и степень магистра. В 1660 г., незадолго до смерти своего отца, он был назначен в университет лектором греческого языка.

В это же время Локк написал трактат под заглавием «Размышления о римской-республике». Его биограф, Фокс Боурн, говорит, что в этом трактате было высказано много умеренно либеральных положений о политической власти и религии. Но продолжать свою ученую карьеру в лоне Оксфорда Локк не желал, его научные стремления не согласовывались с господствующими университетскими интересами. Его привлекали науки, не занявшие почетного места в традиционном университетском курсе. Локк увлекался Декартом, Бэконом, Ньютоном, — т. е. учеными, имена которых в это время в Оксфорде мало употреблялись. Поэтому скоро Локк порывает с университетом и ищет применения своих сил вне университетских стен. В 1664 г. он едет в Берлин в качестве секретаря английского посла. В это время он берет на себя задачу разрешить вопрос о взаимоотношениях церкви и государства: пишет первое «Письмо о веротерпимости», которое настолько же привлекло к нему людские симпатии, сколько и антипатии. Нам не должен удивлять интерес Локка, который, как мы говорили выше, занимался естественными науками, к вопросам религии и веры. Вопрос об отношениях духовной и светской власти, церкви и государства был актуальным, злободневным на всем протяжении XVII в. Характерно, что инициатива постановки этих вопросов принадлежала новым буржуазным элементам страны, поскольку само духовенство и все приверженцы старых устоев не считали нужным что-нибудь изменить, а следовательно, и ставить эти вопросы. «Письма о веротерпимости», изданные в количестве трех уже после «славной революции» 1688 г., тесно связаны со всем мировоззрением Локка. Он — за свободу вероисповедания, за политику веротерпимости по отношению к самым разным религиозным сектам. Средневековой религиозной исключительности он противопоставляет известную свободу религиозных верований. Каждый волен выбирать себе любую религию и свободно исповедывать ее, не подвергаясь преследованиям. Исключение должно быть сделано для католиков и атеистов, ибо и те и другие опасны для общества; первые — фанатики и узколобы, а вторые — якобы — нравственно испорченные люди, — говорит он. В своих работах Локк настаивает на отделении церкви от государства как в интересах веры, так и

в интересах водворения гражданского порядка. Деизм¹ Локка, его свободомыслие стяжали ему огромную популярность среди сторонников борьбы за новый порядок не только в Англии, но и на континенте.

«...Свободомыслие французской революции было ввезено во Францию именно из Англии. Локк был отцом его», — говорят К. Маркс и Ф. Энгельс в отзыве на книгу Гизо². Направленность упреков и обвинений Локка главным образом в сторону католической церкви и верхушки англиканского духовенства вызвала ярость и ненависть к нему в этой среде.

Начавшейся в 1640 г. революции Локк шлет свое сочувствие. Он приветствует действия Долгого Парламента, который, отстранив короля, добивается казни Страффорда — главного советника короля, и архиепископа Лода, направлявшего месть короля на пуритан. Но когда массы, недовольные политикой парламента, негодуют и Кромвель, опираясь на недовольство их, разгоняет парламент, Локк отходит от революции. Он не симпатизирует той буржуазии, которая выдвигается из престоляродья, той индипендентской части населения Англии, из которой Кромвель формирует свои полки. Отец Локка также сражался в армии парламента против короля, но он шел с теми, кто был за ограничение королевской власти, а не за ее упразднение. Локк, не скупясь на выражения, называет новых революционеров авантюристами, их свободу — якобы свободой ниспровергать благоустроенные конституции. Когда выясняется, что захватившие в свои руки парламента лондонские низы требуют решительных действий по расширению избирательных прав для всего народа, Локк вместе со всей буржуазией и буржуазным дворянством предпочитает новой власти монархию Стюартов.

В начале царствования Карла II Локк пишет: «Никто не питает такого искреннего уважения и почтения к власти, как я. Едва я достиг возраста, в котором человек делается сознательным существом, как я увидал себя среди бурь, свирепствовавших почти до настоящего времени, и потому я с величайшей радостью и удовольствием приветствую наступающее затишье. Я нахожу, что общая свобода есть общее рабство, что народные агитаторы, стоящие за общественную свободу, всего чаще нарушают ее и что их напрасно считают ее стражами»³.

В 1667 г. Локк познакомился с Купером Ашли — будущим лорд-канцлером Англии графом Шефтсбери; это знакомство в дальнейшем выросло в длительную и крепкую дружбу. Встреча эта в известной мере определила дальнейшую жизнь философа. Локк, поставивший своей жизненной задачей продолжать начатое английскими философами дело разрушения схоластического мировоззрения и желавший видеть свои идеи осуществленными, нашел в лорде Ашли (графе

¹ Религиозно-философское течение, которое ставило перед собой задачи примирения религии с разумом и знания с верой, получило название деизма. Сложилось в XVII в. в Англии и распространилось во Франции, Германии и др. странах Европы.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 277.

³ Цитирую по ст. П. Н. «Локк», помещенной в журнале «Русская мысль», кн. III за 1898 г., стр. 93.

Шефтсбери) политика, желавшего бороться за установление более разумных порядков. В свою очередь граф Шефтсбери, по отзывам современников, умный и честолюбивый государственный деятель, внимательно прислушивался к советам Локка и видел в нем человека, обосновавшего теоретически ту политику, которая велась лордом Ашли в интересах буржуазного дворянства.

Граф Ашли был руководителем королевской оппозиции, вождем партии вигов, состоявшей из земельной аристократии и стремившейся к ограничению королевской власти.

«Виги, — говорит Маркс, — являются аристократическими представителями буржуазии, промышленного и торгового среднего класса. Под известным условием буржуазия предоставляет им, этой олигархии аристократических родов, монополию управления и исключительное право замещения всех государственных должностей»¹.

Другими словами, виги — это та землевладельческая аристократия, связь которой с буржуазией делает ее сильнейшим врагом старого феодального строя, а с другой стороны, придает политической жизни Англии XVII в. характер компромисса. В 1672 г., во время реакции при Карле II, лорд Ашли, пожалованный титулом графа Шефтсбери, становится великим канцлером Англии и выдвигает Локка секретарем правления по делам благотворительности. Новый канцлер, пользующийся большой известностью и опирающийся на своих многочисленных сторонников в среде дворянства и буржуазии, не согласен с королевской политикой уничтожения завоеваний революции. Борьба между ним и королем принимает острые формы, в процессе которой лорд Шефтсбери публикует ряд документов, компрометирующих двор и действия короля, за что его смещают и подвергают опале, а вместе с ним и Локка. И вот в 1673 г. мы видим Локка опять за границей, где он заводит знакомства с рядом людей науки. Ограниченность источников не дает возможности точно установить цель этой поездки, своего рода добровольной эмиграции Локка из родной страны, длившейся больше 5 лет. Когда в 1679 г. лорд Шефтсбери снова привлекается к государственной деятельности и становится президентом совета, он вызывает Локка из-за границы, предлагает ему ряд государственных должностей. Но деятельность аристократического патрона в составе правительства Карла II была слишком кратковременной: уже через год он не только снимается со своего ответственного поста, но его арестовывают и сажают в тюрьму за участие в так называемом «райгаусском заговоре», составленном с целью ниспровержения монархии. Спасаясь от казни, граф бежит в Голландию, где и умирает в 1683 г. Террористические действия короля Локком осуждались, но в этот период он хранит упорное молчание, не втягиваясь ни в споры, ни в дискуссии. Стараясь оставаться незамеченным, он покидает Лондон и поселяется в Оксфорде в качестве члена коллегии университета, используя звание, которое он носил до сих пор. Сюда же, в Оксфорд, населенный сторонниками короны, переносит король Карл заседания парламента, убегая от явно вигского Лондона.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. IX, стр. 6.

Духовенство, старая консервативная профессура, уже восстановленная против Локка, пользуясь удобным случаем и благоприятной политической ситуацией, сводит счеты с ним. Организуется целая кампания, направленная к разоблачению политических симпатий и устремлений Локка. Все средства пущены в ход с тем, чтобы заставить Локка раскрыть свои убеждения, выявить свои взгляды на происходящие в Англии события. Доктора богословия и магистры уважаемых в Оксфорде наук окружают Локка системой подслушивания, шпионажа, провокаторских выходов, с тем чтобы заставить его признаться в антипатиях к существующему правительству. Историк Англии Маколей говорит, что в присутствии Локка умышленно говорили на особо волнующие темы, например о самом лорде Шефтсбери, о партии вигов и т. д. Но Локк «заставил шпионов признаться с досадой, что никогда еще человек не являлся таким полным господином своего языка и своих страстей».

Такое продуманное и выдержанное поведение не спасло Локка от преследований правительства, которое чувствовало в нем своего противника и человека, играющего не последнюю роль среди вигов, и вот в 1681 г. Локк исключается из состава членов Оксфордской коллегии и лишается всех связанных с этим званием прав и привилегий за свое «мятежное и бесчестное поведение».

В библиотеке коллегии церкви Христа Оксфордского университета хранится по сие время такой документ: «Достопочтенному отцу в боге, Джону, лорду епископу Оксфордскому, декану церкви Христа и нашему верному и возлюбленному капитулу.

Достопочтенному отцу в боге, верному и возлюбленному привет. Так как мы получили сведения о мятежном и бесчестном поведении Локка, одного из студентов этой нашей коллегии, мы считаем за благо сообщить вам свою волю и желание, чтобы вы лишили его вышеупомянутого звания и всех прав и преимуществ, с оным связанных. На сие уполномачиваем вас. Шлем вам сердечный привет.

Дано при нашем дворе в Уитгалле 11 ноября 1684 г., а царствования же нашего в тридцать шестое.

По приказанию его величества Суперланд».

Но Локк еще раньше, а именно в 1683 г., покидает Англию, со словами (в дневнике): «Уйдем прочь от этого мерзкого состояния вещей, удалимся по широким океанам от коварства и жестокости». Он направляется в Голландию, где нашли себе пристанище много английских эмигрантов и в том числе лорд Шефтсбери. Голландия — соперница Англии на морях, боявшаяся растущей мощи поднимающейся крупнейшей державы, не препятствовала деятельности эмигрантов, составлявших здесь самые различные планы свержения короля Англии. В эмиграции Локк, живя в доме богатого английского купца Ферлея, был посвящен во все оппозиционные планы и сочувствовал им. Он был связан со всеми наиболее выдающимися членами партии вигов, находившимися в эмиграции, встречаясь с ними как в доме лорда Шефтсбери, так и у Ферлея. В это время партия вигов вновь развила наиболее активные подготовительные действия к свержению ненавистного короля двойным ударом: извне — из Голландии и изнутри — из самой Англии, опираясь там на все растущее недоволь-

ство со стороны дворянства и буржуазии. Английское правительство, узнав об этом заговоре, потребовало через своего голландского посланника немедленной выдачи противников короля, в том числе и Локка. Голландское правительство, в составе которого был будущий король Англии Вильгельм Оранский, ответило, что выдаст английских подданных в том случае, если будут представлены веские основания для обвинения в антиправительственной, в антианглийской деятельности. И Локк остался в Голландии, живя здесь под постоянным страхом каких-либо террористических замыслов со стороны слуг английского короля, выходя в течение долгого времени из дома только по ночам. Трудно, не имея под руками всех документов, осветить подробно роль Локка во всей эмигрантской антиправительственной и безусловно революционной деятельности, поскольку она была направлена к свержению главы реакции Стюартов Карла II и его сына Якова II. Бесспорным является его тесная связь с вождями эмиграции. Локк написал здесь свое «Письмо о веротерпимости», упорно и настойчиво работал над своим монументальным произведением «Опыт о человеческом разуме». В 1687 г. появляется на французском языке краткое извлечение из этой книги, сыгравшей такую огромную роль в развитии философской мысли.

Деятельность всех недовольных королевской политикой и в Англии, и в эмиграции усиливается, составляется широкий заговор, в результате которого свергается Яков II и штатгальтер Голландской республики Вильгельм Оранский приглашается парламентом принять английскую корону. Наученная горьким опытом во время правления Стюартов, английская буржуазия строго оговаривает права короля и принимает меры к пресечению всяких возможностей усиления и расширения королевской власти.

Теоретики новой аристократии разрабатывают проблему «справедливых» взаимоотношений короля и парламента; занимается этим и Локк. Он по возвращении в Лондон хочет добиться отнятых у него по приказу Карла II прав члена коллегии в Оксфорде. Но ученое общество, профессура Оксфордского университета, дает ему почувствовать, что в Англии наряду с победой новой власти не забыто и старое, что человек, посягнувший на святость и неприкосновенность старых учений, не будет пользоваться в Оксфорде уважением. Не желая быть окруженным врагами, Локк поселяется в доме воспитанного им сына графа Шефтсбери (сам вождь вигов умер в Голландии в 1683 г.), пишет два трактата на самую злободневную, острую тему о сущности, происхождении, формах, выборности и наследовании власти, о правах короля и парламента. Этот трактат о правительстве явился результатом стремления Локка теоретически осмыслить все происшедшее в Англии. По возвращении из эмиграции он так формулирует задачу своего дальнейшего существования: «Утвердить престол великого восстановителя английской свободы короля Вильгельма, вывести его право из воли народа и защитить перед всем миром английский народ за его новую революцию» (т. е. «бескровную революцию» 1688 г. — *М. Ш.*). Эти слова, как и все содержание трактатов о правительстве, убеждают нас в том, что Локк приветствует вновь установившийся порядок и желает искренно служить новому

королю, приглашенному в Англию, по мнению Локка, от имени всего народа. Король Вильгельм дарит Локка за такую искренность и преданность своей привязанностью и заботой. Ему предлагают самые ответственные государственные посты. Король часто вызывает философа и советуется с ним по важнейшим государственным вопросам. Внимательны к Локку и влиятельные члены парламента, стимулировавшие своими постоянными заботами оформление в монументальный труд важнейшего произведения Локка «Опыт о человеческом разуме». Работая над окончанием этого философского труда, Локк вместе с тем стремился живо реагировать на важнейшие события общественно-экономической жизни страны. Так, заметив неурядицы в организации финансовой и торговой деятельности, он пишет три небольших, но важных по содержанию статьи «О монетном деле в Англии и его улучшении», в которых, опираясь на самые последние политико-экономические научные теории, рекомендует урегулировать финансовое неустройство страны, полученное в наследство от старой династии. Обращая внимание парламента на эти вопросы, Локк говорит, что нужно быстрее внести соответствующие улучшения, так как все недостатки финансово-торговой организации отрицательно влияют на интересы частных лиц, занятых торгово-промышленной и финансовой деятельностью. Правительство, созданное волей народа, обязано заботиться об интересах своих подданных. В работах о финансах Англии Локк обнаружил близкое и глубокое знакомство с вопросами торговли, что было констатировано не только при дворе, но и во всем финансовом мире, где сильно дебатировались статьи Локка. Король предложил ему пост министра торговли и колоний, но Локк отклонил это предложение, сделавшись членом совета при министерстве. Когда вследствие застарелой болезни (астма) Локк был вынужден покинуть Лондон, влиятельные придворные сановники и сам король просили Локка не отходить от государственной деятельности.

Слова Энгельса в письме к Шмидту в 1890 г. о том, что Локк является сыном классового компромисса 1688 г., следует понимать не только в том смысле, что Локк в своих произведениях объективно отразил этот компромиссный характер английской революции, но он и субъективно искренно считал его действительно справедливым, необходимым и естественным. Нельзя понять жизни Локка и его произведений без попутного знакомства с событиями английских революций XVIII в. Не являясь политическим вождем революции, не принимая личного участия во всех перипетиях революционной борьбы, Локк все же участвовал в направлении этих событий, давая в руки ее вождей и непосредственных руководителей теоретическое оружие для борьбы со старым порядком.

Свои произведения, начиная с огромного абстрактного философского труда и кончая небольшими статейками о монетном деле в Англии, Локк писал, откликаясь на происходящие события, стремясь теоретически осознать их и направить через влиятельных людей, с которыми был тесно связан личными узами, по надлежащему руслу.

Незадолго до своей смерти Локк оформил в известную систему свои мысли по вопросам воспитания джентльменов, детей среднеземле-

владельческих и промышленных слоев населения, в трактате «Мысли о воспитании», состоявшем из писем к одному из его друзей. Книга эта произвела огромное впечатление и на современников Локка, и на последующее поколение. Педагогические воззрения идеологов французской революции и, в частности, педагогическая теория Руссо формировались под влиянием этого произведения. Позднее было выпущено небольшое посмертное произведение «О воспитании разума», примыкающее по изложенным в нем мыслям как к философской работе, так и к педагогической.

Работая в качестве члена совета торговли и плантаций, Локк некоторое время занимался изучением вопроса об организации помощи бедным. Наличие в стране огромных слоев населения без крова и пищи делало проблему вспомоществования бедным сугубо острой. Результатом этого изучения является его статья о «Рабочих школах», впервые публикуемая на русском языке в этой книге.

Эта коротенькая записка, которую Локк подает в надежде на соответствующее законодательство по данному вопросу, дает возможность прямо выяснить взгляды Локка на вопросы воспитания и обучения детей трудящихся. Если в книге «Мысли о воспитании» Локк, заботясь об образовании джентльмена, пытается создать систему воспитания, готовящую человека к достижению личного счастья и в этих целях обладающего развитым и отшлифованным разумом, то по отношению к воспитанию детей бедных, как это явствует из записки, Локк придерживается других взглядов. Основные добродетели, которые должны быть привиты детям трудящихся, — это прилежание, религиозность и трудолюбие. Так идеолог английской буржуазии на заре ее появления открыто говорит о необходимости двух систем воспитания, с различными целями и задачами, с иным содержанием.

Умер Локк в 1704 г. в уединенном местечке Уайт, близ графства Эссекс.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ Д. ЛОККА.

Поставив перед собой задачу разрушения схоластического мировоззрения, Локк в «Трактате о правительстве» расходится с официальной точкой зрения на сущность, роль и происхождение королевской власти.

Употребляемым в схоластической науке приемам исследования, сводящимся к формальному оперированию различными общими понятиями и выведению из них частных положений, Локк противопоставляет свой научный метод, находящийся в согласии с основными положениями эмпирической философии Бэкона. Все содержание его политического злободневного трактата о правительстве построено не метафизическим способом выведения отдельных тезисов из абстрактных понятий «общество», «государство», «человек», а путем изучения того, как возникла, развивалась и крепла королевская власть в действительности. И хотя теория Локка в целом не везде и не всегда отражает действительный ход развития общества и государства, все же в отдельных местах своего трактата он приближается

к истине и показывает, что королевская власть по своему происхождению не божественна, — она установлена людьми. В политических теориях средневековья королевская власть считалась наследственной, непоколебимой. Полемизируя с этими теориями, Локк утверждает, что королевская власть не имеет божественного начала, что она создана людьми во имя защиты их интересов. Он конструирует договорную теорию происхождения государства. Идеалом общественного устройства, по Локку, является жизнь людей в естественном состоянии, где все взаимоотношения между индивидуумами построены согласно законам природы. Все люди в этом состоянии имеют равные права на счастье, на свободу, на равенство, на собственность. Люди, — пишет он, — все равны потому, что все рождены для пользования одними и теми же благами природы. Это естественное равенство есть равное право каждого на свою природу без всякого подчинения другому. Таким образом, в естественном состоянии все люди распоряжаются свободой и собственностью по своему усмотрению, независимо от чьей бы то ни было посторонней воли. Для того, чтобы была обеспечена мирная жизнь в согласии и без посягательств на чью бы то ни было свободу, люди вступают между собой в договорные отношения, выбирают себе власти, задачей которых является счастье и защита интересов тех, кто их выбрал. Как же совершился переход от естественного состояния к современному государству XVII в.? По мнению Локка, королевская власть незаконным, противоестественным, насильственным образом узурпировала себе права граждан, нарушила договор и поэтому должна быть свергнута также насильственным путем. Люди должны вернуться в естественное состояние, выбрав новую власть и обеспечив себя от возможных посягательств на естественное природное право всех и каждого. Гарантию защиты этих прав Локк видит в разделении функций властей, — таком их устройстве, при котором власти контролируют друг друга и охраняют общую свободу. Следует строго разграничивать власть законодательную и исполнительную. Первая принадлежит только народным представителям, которые, собираясь время от времени, выносят необходимые законы, проверяют выполнение ранее принятых законов и расходятся. Вторая — исполнительная власть — вверяется одному постоянно правящему лицу, поскольку выполнение законов требует повседневного наблюдения. Исполнительная власть — король подчинен всем решениям народной законодательной власти, он только выполняет волю народа. В тех случаях, когда король вступает в столкновение с законодательной властью и не подчиняется народу, он, как нарушивший договор, заменяется новым избранником. Твердо и решительно Локк формулирует следующее многозначительное положение, безусловно имевшее в виду то, что произошло в Англии в 1649 г., когда парламент сверг короля: «Если король злоупотребляет своей властью, то этим он подрывает к себе доверие народа, в таких случаях король должен быть заменен новым представителем, угнетенный народ может даже прибегнуть к силе».

Но самое понятие «народ», «народные представители» — это отнюдь не вся нация. Это благородные, знатные, состоятельные граждане, именно те, которые отвернулись, вместе с Локком, от револю-

нии в период диктаторства Кромвеля и произвели свою, так называемую «славную» революцию 1688 г.

Самое беглое ознакомление с трактатом о правительстве, написанным Локком на самую актуальную тему современности, убеждает в том, что постановкой и решением проблемы государственной власти Локк оправдывал все происшедшее на его глазах в Англии.

Неразрывную связь теорий, развиваемых философами на протяжении XVII в., с английской революцией отмечает Энгельс. «...науки, — говорит он, — приняли в XVIII веке свою научную форму и, вследствие этого, примкнули, с одной стороны, к философии, с другой — к практике. Результатом их присоединения к философии был материализм (имеющий своей предпосылкой столько же Ньютона, сколько Локка), просвещение, французская политическая революция. Результатом их присоединения к практике была английская социальная революция»¹.

Эта революция, в которой руководящая роль принадлежала буржуазии и ее адвокату — крупным землевладельцам, оформленным в партию вигов, имела в виду обуржуазить английский феодальный порядок XVII в.; идеологи обуржуазившегося землевладения, борясь за интересы своего класса, выдавали эту борьбу за общенациональную, общенародную борьбу. Так делает и Локк, оправдывавший необходимость существования конституционной, буржуазной монархии естественными, природными правами каждого человека на свободу. Но надо подчеркнуть, что компромиссно-буржуазная теория Локка о договорном происхождении верховной власти и самого государства была чрезвычайно радикальной для своего времени, оправдывала те буржуазные революции, которые назревали к этому времени во всех крупных западноевропейских государствах.

3. ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ ЛОККА.

Методологические основы своего мировоззрения Локк сформулировал в работе «Опыт о человеческом разуме», представляющей большой интерес и для педагога. Этот, ставший знаменитым, философский трактат был написан Локком в целях исследования проблемы о роли и значении человеческого разума в деле познания. Как, какими путями человечество в целом и каждый человек в отдельности приобретает знание об окружающем? Откуда происходят все наши идеи и понятия? Родятся ли они вместе с нами и, если нет, откуда и как попадают они в наш разум? Вот тот круг вопросов, которые поставил перед собой Локк, вопросов, от правильного ответа на которые зависело дальнейшее развитие наук. Задача, поставленная и решаемая Локком на протяжении четырех книг, содержащих в себе больше шестидесяти глав, представляла для своего времени колоссальный теоретический интерес. Связанная с именем целого ряда английских мыслителей и особенно Бэкона, победа эмпирического метода в естествознании, для того чтобы стать окончательной, нуждалась в создании новой теории познания. Чтобы быть утвержденным, новое эмпи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. II, стр. 357.

рическое мировоззрение должно было вступить в борьбу с прежней теорией познания и теоретически опрокинуть ее. Эту задачу и выполнил Локк, вступивший во всеоружии своей эрудиции на борьбу за создание нового философского мировоззрения, сформулировавший новую точку зрения на то, каким путем добывает человек свои знания, и, вместе с тем, сильнее всего изменивший существующий взгляд на процесс воспитания и методы обучения.

В XVII в. в области гносеологии господствовала теория Декарта. Декарт сформулировал теорию врожденных идей, гласящую, что истинные идеи и понятия не являются результатом чувственного опыта, а врождены. Человеческое мышление — «душа», по терминологии эпохи, для того чтобы начать свою деятельность, не нуждается в соприкосновении с окружающим миром, оно от рождения несет в себе все необходимое для того, чтобы начался процесс размышления. Таким образом, душа (сознание) превращалась в особую, оторванную от всего материального, постоянно мыслящую субстанцию; всякий чувственный, конкретный опыт, всякое знание, приобретаемое не посредством чистого мышления, а в процессе эксперимента и наблюдения, третировались, как низшие формы познания.

Учение Декарта о врожденных идеях, вначале критически встреченное церковью, очень скоро было ею поддержано; возражения против этой теории считались посягательством на ортодоксальное религиозное мировоззрение.

Локк, развивавшийся под влиянием эмпирической философии Бэкона и осведомленный о всех научных достижениях своего времени, начал борьбу за новое понимание процесса мышления и познания критикой учения о врожденных идеях.

В первой книге своего философского труда он, разбирая аргументацию защитников теории врожденных идей, приходит к выводу о неосновательности этого учения, как противоречащего очевидным и всем известным фактам. Развивая свои доказательства, Локк говорит, что если бы идеи содержались готовыми в нашем уме от рождения, то они особенно ясно обнаруживались бы у детей, души которых менее извращены ходячими предрассудками и затемнены посторонними влияниями, но это не так, — опыт убеждает нас в том, что дети знают лишь о том, что их окружает, совершенно не знакомы с отвлеченными понятиями, являющимися предметом споров только в школах и университетах.

В борьбе со сторонниками теории врожденных идей Локк очень часто аргументирует свои выводы на основе обобщенных наблюдений над тем, как мыслит ребенок, как постепенно развивается его сознание, чем оно отличается от мышления взрослого человека, и, имея в виду основную задачу своей работы — утвердить приобретаемость идей и понятий, попутно формулирует много интересных психолого-педагогических положений.

Основной посылкой новой теории познания Локка является следующее утверждение: «идеи и понятия так же мало родились вместе с нами, как науки и искусства». Они приобретаются в процессе опыта.

Но в процессе деятельности и жизни человек приобретает не только понятия и идеи, но и моральные принципы, регулирующие человеческие взаимоотношения. Сведения о том, как вести себя в обществе, законы, определяющие поведение каждого индивидуума, человек получает в процессе личного опыта, убеждаясь постоянно в том, что достижение личного счастья возможно только на основе согласования своих интересов с интересами других. Если, критикуя теорию врожденных идей, Локк закладывает основы для своих психолого-педагогических воззрений на процесс умственного развития ребенка, то, разбивая аргументы сторонников теории врожденных моральных принципов, Локк формулирует ряд выводов этического характера, на которые он будет опираться при решении проблемы о целях воспитания.

Утвердив приобретаемость всех идей в процессе опыта, Локк прослеживает в деталях и подробностях движение идей и исследует пути движения. При рождении в разуме ребенка не запечатлено никаких идей, только соприкосновение с внешним миром через органы чувств вызывает работу сознания. «Восприятия, — говорит Локк, — вызываются в нас внешними причинами, действующими на наши чувства, а не каким-нибудь иным путем. Сами органы, очевидно, не в силах производить их. В противном случае глаза в темноте производили бы цвета, нос зимой слышал бы запах розы. Но мы не видим, чтобы кто-нибудь ощущал в себе вкус ананаса, не отправившись в Индию и не попробовав его»¹.

Принято говорить о сенсуализме Локка, установившего приобретаемость наших знаний через органы чувств, предваряющих работу сознания в собственном смысле этого слова. Сенсуализм как философское направление разделяется и материалистами и идеалистами. К какому же лагерю отнести сенсуализм Локка? Он занимал здесь очень своеобразную позицию. Как говорят основоположники марксизма, он является родоначальником двух теорий познания — материалистической (Дидро, Гельвеций) и идеалистической (Беркли, Юм). Начав свою работу с материалистического утверждения о приобретаемости идей путем восприятий при соприкосновении с внешним миром, Локк, разделяя опыт на внешний и внутренний, качества вещей — на первичные и вторичные и идеи на — простые и сложные, все дальше откатывается к идеализму.

Все те восприятия, которые получают путем воздействия внешних предметов, Локк объединяет одним понятием «внешний опыт», считая, что последний — исходный пункт всякого познания. Но как только восприятия хлынули в душу, появляется опыт внутренний — наблюдение человека над своими собственными ощущениями и восприятиями, ставшими частью его сознания. В одном месте Локк говорит, что внутренний опыт есть продолжение внешнего, но, тем не менее, он считает его почти равнозначным первому и ставит параллельно, внося некоторую неясность в свою теорию. Исследуя дальше

¹ «Опыт о человеческом разуме», перев. Савина, изд. т-ва Кушнерев и К°, М. 1898.

В дальнейшем книга «Опыт о человеческом разуме» будет нами именоваться сокращенно «Опыт».

проблему воздействия окружающих предметов на наши чувства, он разделяет утверждение Декарта и Гобса о делении качеств предмета на первичные и вторичные.

К первичным он относит те неизменные и постоянно сохраняемые качества предметов, которые не теряются при всех изменениях тел (плотность, протяженность и т. д.). Эти качества объективно существуют в природе, и мы воспринимаем их так, как они даны в самом предмете, следовательно, они объективны. Что касается вторичных качеств, к которым относятся звук, цвет, твердость, шероховатость, то они, по мнению Локка, не являются объективными. Они субъективно конструируются человеком и не являются тождественными свойствами самой объективно существующей реальности. Здесь Локк уже расходится с материализмом. Диалектический материализм считает всякое качество объективно присущим реальному, материальному миру. Конечно, звук таким, как он существует в человеческом восприятии, не существует в предмете. Однако определенному звуку соответствует определенная степень длины волн эфира, которая, проходя через наши органы чувств, принимает форму определенного звука. Локк же, правильно указав на разницу в этих качествах, сделал значительный шаг в сторону идеализма, оторвав целый ряд свойств предмета от него самого; еще дальше пошел он по идеалистической тропе при решении вопроса о простых и сложных идеях.

«Чтобы лучше понять природу, характер и протяжение нашего знания, — говорит Локк, — нужно обратить серьезное внимание на одну вещь в наших идеях, на то, что в их числе одни простые, а другие сложные» («Опыт»). В предмете его свойства соединены и существуют не раздельными, но представления о них, воспринятые с помощью органов чувств, существуют в душе в качестве отдельных, не смешиваясь с другими. Таким образом простые идеи, приобретаемые в результате воздействия внешнего мира, адекватные качествам вещей, представляют собой материал и начатки знания; эти простые идеи возникают независимо от разума и его деятельности. «Разум так же мало волен не пустить этих простых идей, когда они представляются душе, изменять их, когда они отпечатались, вытеснить их и создать новые, как мало может зеркало изменить или вымарать образы или идеи, которые производят в нем поставленные перед ним предметы» («Опыт»).

Но, получив эти простые идеи, разум перестает быть таким же пассивным, как зеркало при отражении предметов; нет, наполнившись простыми идеями, он начинает развивать собственную активную деятельность по соединению, сопоставлению простых идей между собой и по обособлению их друг от друга. Так создается второй круг идей, называемых сложными, появляющихся в процессе активной творческой деятельности разума над обработкой простых идей.

Локк не удовлетворяет одно эмпирическое познание; он говорит, что оно должно рассматриваться, как ступенька в общем процессе познания, задача его — накопить конкретный фактический материал, который будет в дальнейшей работе мышления основанием и материалом для создания обобщающих понятий. Весь тот материал, ко-

торый принесли разуму органы чувств, должен быть подвергнут логической обработке; процесс мышления, начавшийся как эмпирический, должен получить свое завершение операциями рационалистического характера. Локк совершенно правомерно ожесточенно нападает на схоластов за их увлечение абстрактно-логическими операциями, не основанными на конкретных фактических данных; правильна также его осторожность по отношению к тем, кто все эмпирические данные, не обработанные с помощью логики и абстракции, выдает за абсолютное истинное знание. Жемчужинами знания он называет общие понятия, выведенные из частных («Мысли»).

Но все эти правильные мысли Локка о взаимоотношении эмпирического и логического познания в конечном счете получают идеалистическую интерпретацию.

Решая проблему перехода конкретного материала знания, доставленного разуму органами чувств, в обобщающие понятия, Локк разрывает простые и сложные идеи. Он считает первые только пассивным отражением качеств самого предмета, а второе — только результатом деятельности мышления.

Если прообразом простой идеи являются материальные качества предметов вне нас находящегося внешнего мира, то прообразы сложных идей лишены у Локка материальности. Наши представления, возникающие из опыта через чувство, обязаны приспособляться к внешнему миру, они истинны и верны, они не могут быть ложны с точки зрения существующих вне нас вещей. «Истинность этих представлений состоит только в их соответствии силам во внешних объектах» («Опыт»).

Сложные же идеи не приспособляются к окружающему, наоборот, приспособляют мир к себе; по мнению Локка, познание, имеющее своим предметом сложные идеи, необходимо, объективно, но здесь уже мы познаем не окружающие нас предметы, а нами самими сконструированные идеи. В четвертой, последней, книге «Опыта» Локк говорит: «Так как у души во всех ее мыслях и рассуждениях нет непосредственного объекта, кроме его собственных идей, которые одни она созерцает и может созерцать, то наше познание, очевидно, относится только к идеям» («Опыт»).

Сложным идеям, одним из видов которых являются абстрактные понятия, ничто в объективном реальном мире не соответствует, а поскольку, как правильно говорит Локк, процесс познания невозможен без абстракции, мы познаем не столько внешний мир, сколько наши собственные идеи. Вне нас лежащая действительность познается нами только с помощью простых идей, которые есть отражение в мышлении частного и единичного. На дальнейших ступенях познания, когда разум подвергает простые идеи логической обработке, внешний, окружающий мир перестает существовать в нем, и разум оперирует субъективными знаками, не имеющими причины в самих предметах.

Таким образом, если в начале своей философской работы Локк требовал соответствия идеи самим вещам, подчеркивая этим, что критерием истины является внешний объективный мир, то в процессе исследования происхождения наших идей он отказывается от этого утверждения и устанавливает идеалистический и формальный крите-

рий, требуя правильности в сочетании, разделении и связывании простых идей.

Начав свою теорию с материалистических предпосылок, Локк закончил ее идеализмом, разорвав конкретное и абстрактное в процессе познания, не сумев понять эмпирического и логического элемента в нем. Основная ошибка Локка, породившая огромные противоречия в его философской теории, является следствием механистичности и метафизичности, неумения постичь мир в его целостности, движении и взаимной борьбе противоположностей, т. е. того недостатка, которым, по мнению Энгельса, страдала вся наука XVIII в., для которого мир был чем-то окостенелым, неизменным, чем-то созданным сразу. В системе Локка нет места для перехода одного явления в другое, наоборот — все явления резко обособлены друг от друга. Механический разрыв на отдельные, не связанные между собой части единого, целостного мира, на отдельные, не связанные между собой ступени единого целостного процесса познания выступает у Локка, как в тот момент, когда он разрывает опыт внешний и внутренний, как тогда, когда он делит качества предметов на первичные и вторичные, так и в решении вопроса о формировании данных чувственного опыта в сложные идеи¹.

Решая проблему взаимоотношения эмпирического и логического моментов в процессе познания, Локк особенно резко оторвал друг от друга представление и понятие, ощущение и сознание, не найдя между ними никаких переходов, никакой связи, ничего общего.

Система Локка, в результате ее механистичности, выглядит очень противоречивой; на всем протяжении развития философской мысли она служила питательной базой как для теоретиков материалистического, так и идеалистического лагерей. Но если в настоящее время, в свете достижений диалектического материализма, особенно отчетливо выступает несовершенство этого учения, то для XVIII в. оно звучало как откровение и использовалось идеологами революционного класса как оружие в его научной и политической борьбе с феодализмом.

В «Святом семействе» Маркс, подчеркивая огромную значимость в XVIII в. учения Локка для французов, говорит: «Чувствовалась необходимость в такой книге, которая привела бы в систему тогдашнюю жизненную практику и дала бы ей теоретическое обоснование. Сочинение Локка о «Происхождении человеческого рассудка» очень кстати явилось с того берега пролива. Оно встречено было с энтузиазмом, как давно и страстно ожидаемый гость»².

¹ См. Энгельс, Введение к «Диалектике природы», стр. 9. Партиздат, 1933.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 156.

СОДЕРЖАНИЕ, ЦЕЛИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАНИЯ.

1. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ВОСПИТАНИЯ.

«Из всех людей, с которыми мы встречаемся, $\frac{9}{10}$ их становятся тем, чем они есть — добрыми или злыми, полезными или нет — благодаря воспитанию. Оно-то и создает огромную разницу между людьми», — говорит Локк, подчеркивая особую роль и значимость воспитания в деле подготовки хороших или злых, полезных или вредных граждан.

Вера Локка в исключительную могущественность воспитания, с одной стороны, содержала в себе много ценного, интересного и положительного для своего времени, а с другой — породила утопические надежды на преобразование общества с помощью рациональной организации дела воспитания.

Предшествующая Локку официально-религиозная точка зрения на процесс воспитания гласила, что в человеке от рождения содержится злое дьявольское начало, которое должно быть вытравлено в процессе воспитания, что поведение человека, его характер и психология определяются добрыми и злыми потусторонними силами, справиться и познать которые человек может только в процессе изучения божественной премудрости. Такому взгляду Локк противопоставляет свою точку зрения о душе, как о «*tabula rasa*», пустой, чистой доске от рождения, постоянно наполняющейся чертами и качествами в процессе соприкосновения с внешним окружающим миром. Употребленная Локком в условном смысле во второй книге «Опыта» аналогия души с чистым листом бумаги часто принималась историками за полнейшее игнорирование английским философом наследственных, конституциональных и психических различий между людьми, а его фраза о ребенке, принимающем, как воск, в руках воспитателя любую форму, — за стремление отрицать какую бы то ни было наследственную предрасположенность.

Однако всестороннее изучение системы взглядов Локка на значение воспитания приводит нас к убеждению в том, что Локк не совсем правильно был понят и что ему ни в какой мере не свойственно отрицание природных особенностей, отличающих одного человека от другого. Если Локк выбросил за борт, как ненужную ветошь, загро-

мождающую путь истинного познания, врожденные идеи, то не так решил он вопрос о всякой врожденности вообще.

«Существует, очевидно, — говорит он, — большое разнообразие в человеческих рассудках, и естественные конституции людей создают, обуславливают в этом отношении такие широкие различия между ними, что ни искусство, ни усердие никогда не бывают в состоянии преодолеть природу; повидимому, самая природа одних не дает той базы, на которой они могли достичь того, чего достигают другие» («О воспитании разума»).

Эти природные различия не имеют своей причины в расовых, национальных или сословных особенностях. Так, считая, что более низкий в сравнении с европейским уровень развития, достигаемый негритянскими племенами, является результатом среды, воспитания, а не расовой предрасположенности, Локк говорит: «Если бы мы с Вами родились у Солданийского залива, быть может наши взгляды и понятия не стояли бы выше диких воззрений живущих там готтентотов. А получи виргинский король Апочанкана воспитание в Англии, он стал бы, может быть, лучшим английским богословом и математиком. Разница между ним и более образованным англичанином состоит только в том, что работа его способностей ограничивалась обычаями и взглядами его страны и никогда не была направлена на иные, более глубокие исследования» («Опыт»).

Таким образом, дело не в том, к какой нации принадлежит человек, а каковы условия среды, в которых проходит его развитие; в состоянии или нет вся обстановка воспитания и образования предоставить возможности для развития всех способностей, которыми от природы обладает человек.

Отвергнув наличие отличительных расовых качеств и способностей к воспитанию, Локк не признает и сословной врожденной обусловленности к развитию.

Природный склад простолюдина, — утверждает он, — таков же, как и других людей. «Среди детей бедного поселянина — кто благодаря счастливой случайности получил образование и вышел в люди, превосходит способностями остальных, между тем как, если бы оставался дома, эти способности попрежнему были бы у него такого же масштаба, что у его братьев» («О воспитании разума»).

Биологические, передаваемые по наследству, задатки и склонности человека остаются существовать илиглохнуть в зависимости от влияния разнообразных социальных и культурных условий существования данного индивидуума.

Не отрицая индивидуальных биологических различий между людьми, Локк все же считает, что сильнее, устойчивее и важнее те качества и черты, которые приобретаются в процессе формирования человека.

Нельзя рассчитывать на полнейшее исчезновение некоторых природных предрасположений, как нельзя сделать меланхолика веселым, и наоборот, но в конечном счете решает все же воспитание, ибо природа награждает человека только семенами, зародышами и хорошего и плохого и развить эти задатки можно только правильной организацией воспитания. Так рисуется Локку процесс воспитания

человека, имеющий своей задачей развивать и совершенствовать все данное ребенку от природы. Но настаивая на необходимости развивать природные склонности и особенности детей, Локк не делает эту задачу исключительной и всепоглощающей, как это будет иметь место у Руссо. Нет, изучение и развитие природных дарований, семена которых носит в себе в той или иной степени каждый, важно для того, чтобы вселять в детей «более зрелые помыслы, благороднейшие мысли, стремление к познанию добра, чести и благопристойности», т. е. давать определенное социальное содержание тем или иным биологическим склонностям.

Из тех врожденных задатков, которые имеются у детей, не все могут претендовать на развитие и закрепление. Некоторые качества и черты характера, вредные в человеческом общежитии, должны быть искоренены. И Локк рекомендует целый ряд мероприятий педагогического характера, задерживающих развитие в ребенке антиобщественных, неприятных черт и свойств характера.

Правда, воспитатель не может «надеяться всецело изменить их (детей) природный характер, сделать веселого задумчивым и серьезным или меланхолика резвым, не портя их, но все же он должен сообразить, чего им недостает, способны ли они воспринять это с помощью прилежания и усвоить посредством практики и стоит ли делать попытку в этом направлении» («Мысли»).

Так рисуются Локку задачи воспитателя в деле развития у ребенка необходимых качеств. Педагог, с его точки зрения, не может взяться за свое дело, не изучив особенностей и склонностей своих воспитанников и не составив ясного представления об индивидуальности данного ребенка. Локк останавливается на целом ряде пороков и недостатков, которые должны исчезнуть в процессе воспитания, и указывает конкретные педагогические меры и приемы, с помощью которых воспитатель может надеяться на успешность в решении поставленной задачи. Так, он дает советы о борьбе с грубостью, заносчивостью, придирчивостью, излишней раздражительностью, болтливостью и целым рядом других, противоречащих представлению о благовоспитанном молодом человеке психологических качеств, подчеркивая, что следует тщательно следить за проявлением этих недостатков у детей, «останавливать их в самом начале и прививать им противоположную привычку, которой бы они держались во всех случаях общения с людьми» («Мысли»).

Подводя итоги всем высказываниям Локка по вопросу о значении воспитания в деле формирования личности человека, следует сказать, что самый процесс воспитания Локк рассматривает как творческий. С его точки зрения, в сравнении с тем, что дает природа, воспитание вносит и нечто новое.

Врожденные индивидуальные особенности у детей не остаются всю жизнь неизменными по мнению Локка. Он настаивает на том, что в процессе воспитания можно с помощью рациональных педагогических мер изменить свойства и качества психики ребенка. Было бы несправедливо по отношению к Локку требовать от него решения как проблемы о взаимоотношении биологического и социального, так и вопроса о значении воспитания в деле привития новых психологиче-

ских качеств и склонностей во всей полноте и многогранности. Самый уровень научных знаний о наследственности, о роли общественного строя в процессе формирования человека в XVII в. был очень низок, да и классовая позиция Локка, умеренного буржуа, не всегда давала ему возможность осознать эту проблему во всей ее сложности.

Тогда, когда Локк говорит об исключительной могущественности воспитания, он почти игнорирует зависимость самого воспитания от основ данного общественного строя. С нашей точки зрения, возможности воспитания не одинаковы в условиях разных общественно-экономических формаций. Марксистская теория формирования человека говорит о том, что правильно, разумно организованное воспитание возможно только в условиях разумного общественного строя, каковым является социализм, установление которого возможно только в процессе ожесточенной классовой борьбы, как победа социалистической революции.

Локк же явился родоначальником той идеалистической теории, которая особенно расцвела в XVIII в. и которая считала воспитание могущественным и первоочередным фактором в деле преобразования общественного строя. Измените посредством правильно организованного воспитания людей, искорените в них все предрассудки и заблуждения прошлого, и мир, говорили защитники этой теории, станет иным. В той или иной мере, с теми или иными поправками, такой взгляд на значение воспитания разделяли все мыслители XVIII в., в том числе французские материалисты, Руссо и Песталоцци, пытавшиеся создавать такие педагогические системы, с помощью которых решались бы все актуальные социальные вопросы того времени. Воспитание приобретало огромную, но иллюзорную, не принадлежащую ему в действительности силу. До своего абсурдного заключения эта теория была доведена в практике просветительных действий Екатерины II в России в 60-годах XVIII в., когда группа дворянских идеологов во главе с Бецким, разделяя утопический взгляд теоретиков XVIII в. на мощь и значение воспитания, пыталась создать с его помощью, в условиях крепостнического строя, новую породу людей. Такому утопическому взгляду мы противопоставляем марксистский тезис о том, что человек изменяет свою природу в процессе изменения общественного строя, в процессе активной практики по овладению силами природы, по овладению материальными и духовными факторами, двигающими развитие общества. Характер воспитания, говорим мы, всегда является производным от основ социального строя.

Но нельзя обойти молчанием историческую значимость теории Локка о могущественности воспитания. Традиционной точки зрения о том, что характер и психика человека определяется врожденными факторами и волей бога, Локк противопоставил уверенность в том, что все люди от природы имеют равные умственные способности, что все они свободны от предрассудков и заблуждения, что всех людей можно, с помощью всемогущего воспитания, сделать счастливыми и добродетельными. Эта сторона учения Локка была воспринята французскими материалистами и стала в их руках знаменем борьбы за новый общественный строй, способный предоста-

вить каждому человеку условия для развития и восприятия правильных разумных норм морали. Выдавая свои буржуазные взгляды за надклассовые, свои идеалы за общечеловеческие, французские просветители боролись за такое общество, в котором только буржуа получал, в конечном счете, условия для счастливой жизни. Но в XVIII в. борьба за установление буржуазного строя была борьбой революционной, в этом случае учение Локка носит прогрессивный характер.

Такое же значение продолжает сохранять оно, будучи рассматриваемо в плане педагогическом. Заявление Локка о том, что в процессе воспитания следует развивать природные дарования ребенка, а также о значимости для человечества разумно организованной системы воспитания было в руках новых общественных элементов знаменем борьбы за новую, буржуазную систему организации дела просвещения и воспитания.

2. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ВОСПИТАНИЯ.

Кратко формулируя цель воспитания, Локк говорит, что основная задача его — воспитание добродетели. Такая трактовка задач воспитания в ее общей форме присуща большинству буржуазных педагогов, однако каждый из них вкладывает в понятие «добродетель» до некоторой степени и свое собственное толкование.

Локк, как и большинство буржуазных педагогов, согласовывает конечные идеалы воспитания с тем этическим учением, которое он развил в ряде своих работ. Основная направленность этического учения Локка — в его сугубо индивидуалистическом характере, в стремлении сделать основным двигателем поведения человека правильно понятый им личный, эгоистический интерес. Человек рождается, не имея никаких нравственных принципов и понятий, все они приобретаются в процессе опыта и общения. Опыт подсказывает нам, что каждый человек стремится к достижению личного счастья. Но тот же опыт постоянно свидетельствует о том, что преуспевает в своих делах только тот, кто умеет, достигая своих интересов, считаться с интересами других. Такое поведение Локк считает разумным, естественным и мудрым идеалом, к которому должен приближаться каждый. Навыки такого поведения и осмысливание его должны найти свое место в процессе воспитания. Так определяются Локком задачи воспитания, которые сводятся к подготовке джентльмена, мудро и прибыльно ведущего свои дела в свете. Раскрывая свое понятие добродетельного человека, Локк говорит о том, что ребенку должны быть привиты черты и качества, приятные всем, как-то: хорошие манеры, умение быть находчивым, вежливым, учтивым; благоразумие, т. е. рассудительность, умение владеть своими чувствами, храбрость, правдивость, честность; все эти черты в совокупности создают образ идеального человека, который, составляя свое собственное счастье, не будет мешать счастью других. Но основанием добродетели и опорой ее является бог и его мудрость. Добродетельный человек, говорит Локк, должен обязательно быть религиозным человеком. Поэтому понятие о боге и любовь к нему должны запечатлеваться в детских душах с ранних пор.

Так нравственное воспитание тесно переплетается у Локка с религиозным; первое подкрепляется вторым.

Не трудно вскрыть за всеми фразами Локка об идеальном человеке его классовое лицо. Локк заботится о воспитании буржуа — предпринимателя, перенимающего у дворянства его аристократическую внешнюю манерность. Джентльмен готовится к деловой жизни, к преуспеванию в мирских делах, — в этом основное отличие целевой установки воспитания, защищаемого Локком, от средневековой системы воспитания, которая ориентировала человека на потусторонние, заоблачные идеалы.

Разрешая вопрос о целях воспитания, Локк сознательно и преднамеренно обращается только к верхушке английского послереволюционного общества. Предметом его забот и внимания являются только джентльмены, только та часть предпринимательского, буржуазного дворянства, которое пригласило на престол Вильгельма Оранского и установило в процессе длительной гражданской войны конституционную буржуазную монархию. Этой части общества он дает совет, как воспитать делового, практического юношу, обладающего манерами аристократа. Вопросов воспитания народа в собственном смысле этого слова Локк не касается на том основании, что дворянин и сын обыкновенного джентльмена должны получать различное образование.

«Ибо знание и наука — занятия лишь тех, которые пользуются довольством и досугом».

Если принять во внимание мысли, развиваемые Локком на тему о задачах воспитания детей трудящихся в его записке «о рабочих школах», то следует сделать категорический вывод о том, что идеолог ранней английской буржуазии обосновывает необходимость существования различных систем образования для различных слоев общества. Цели воспитания дифференцируются у Локка применительно к детям различных общественных групп населения. Знатные и богатые должны быть воспитаны в интересах удовлетворения всех своих потребностей, в удовольствии и счастье, дети простого народа должны быть воспитаны в прилежании и трудолюбии, с минимумом знаний и научных сведений.

Следует отметить, что полемика Локка, ведущаяся им в интересах утверждения значимости и мощи воспитания в деле формирования человека, против особых природных привилегий на образование, его мысль о том, что природная расположенность к образованию не зависит ни от расовых, ни от национальных, ни от имущественных различий, — не привели его к требованию равного образования для всех людей.

Но классовая ограниченность Локка отчетливо выступает не только в узко сословном решении вопроса о воспитании детей народа, но и в не менее узком утилитарном подходе к определению целей воспитания вообще. Забота Локка о воспитании предприимчивого, благоразумного джентльмена, имеющего конечной целью составление своего личного благополучия, делает его педагогическую теорию сугубо утилитарной, рассчитывающей все свои советы, выводы и правила на

крепкого хозяина и умного дельца. Такая целевая установка педагогической теории раннего буржуазного идеолога входила как необходимое звено в миросозерцание новых общественных элементов, борющихся со средневековым схоластическим мировоззрением.

3. О СОСТАВНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ВОСПИТАНИЯ.

Решающей и определяющей частью воспитания Локк считает воспитание характера. Если при этом физическое воспитание у Локка как бы предваряет нравственное и, будучи правильно организованным, помогает решить основную задачу — создание твердого и крепкого характера, то учение или образование ставится Локком на последнее место, поскольку оно «только вспомогательное средство для развития более важных качеств». «Читать и писать, обучение наукам — все это я признаю необходимым, но не главным делом» («Мысли»). Обосновывая свою позицию о второстепенности обучения и образования, Локк мотивирует ее тем, что самой трудной и сложной проблемой является формирование характера и именно на решение этой проблемы должно быть направлено главное внимание воспитателей. В процессе всей своей жизни дети получают то или иное нравственное воспитание, ребенок начинает воспитываться с детства и, если формирование его характера пошло по неправильному пути, то исправить сложившееся всегда трудно, а иногда и невозможно. Сенсуалистическая теория Локка о приобретении всех знаний в процессе опыта и практики через чувство подсказывает ему, что нельзя оставить в пренебрежении поведение и действия ребенка, что нельзя его предоставить самому себе и лишать с малых лет руководящего и направляющего влияния благоразумного и опытного воспитателя. Поэтому он обращает исключительное внимание на эту сторону воспитания, требуя от родителей заботиться о развитии характера с первых шагов, с первых дней жизни ребенка, используя для решения этой цели как все, что окружает ребенка, так и его собственные действия. Некоторая горячность Локка в отстаивании требования больше заниматься воспитанием в собственном смысле этого слова и только во вторую очередь образованием становится понятной в свете той характеристики, которую Локк дает современным ему школам («Мысли»).

Незначительная образовательная ценность тогдашних школ заставляет Локка горячо сожалеть о той большой затрате времени, которая имеет место при усвоении традиционного учебного курса. Отсутствие в этих школах заботы о воспитании характера заставляет Локка ставить этот вопрос перед родителями со всей остротой. А несовершенство воспитательных приемов, применяемых этими школами, приемов, сводящихся в основном к розге и побоям, вызывает у Локка отвращение к этим школам и желание противопоставить иную целевую установку воспитания. Но, как бы ни были значительны обстоятельства, вызвавшие соответствующую реакцию со стороны Локка, нельзя оправдать его желание отвести образованию последнее место. Мы соглашаемся с Локком в оценке незначительной образовательной роли современных ему школ с узко гумани-

тарным циклом учебных предметов, мы разделяем его неудовольствие по поводу применяемых там мер воздействия на детей, но мы никак не можем принять его постановку вопроса о механическом отрыве друг от друга нравственного воспитания и образования.

Правильно говорит Локк о том, что бессмысленно держать ребенка в школе 7—8 лет только в целях овладения латинским и греческим языком. Но ведь ко времени Локка уже складывались существенно важные с образовательной точки зрения естественноведческие науки. И борьба за правильное отношение к проблеме образования подрастающего поколения должна была идти не только в плане рассуждений о никчемности традиционного учебного курса, но и в попытках решить вопрос о новом учебном плане, отражающем научное движение своего времени. Крупнейшая ошибка Локка в этом вопросе явилась следствием не только механического отделения воспитания от образования, но и неправильного представления о роли школы в деле приобретения научных знаний подрастающим индивидуумом.

Подавляющее большинство теоретиков и практиков воспитания гуманистической педагогики считали среднюю школу местом, где прививается некоторая умственная культура, без которой нельзя успешно заниматься изучением наук. Сами науки должны изучаться в высшей школе — в университете, весь же образовательный путь ребенка и юноши до этого учебного заведения должен быть заполнен формальными занятиями, готовящими ум будущего студента к последующим научным занятиям.

Локк до конца не порывает с этой точкой зрения; хотя он и критикует умственные занятия формального, дисциплинирующего характера, хотя он и говорит, что джентльмен должен получить целый ряд положительных сведений из наук, которые ему будут полезны в будущей жизни, все же, по его мнению, до университета воспитанник должен только приохотиться к науке, только получить интерес к ней, настоящие же научные знания он приобретает, ставши взрослым и сознательным.

4. ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ.

Как говорилось выше, главной и основной задачей воспитания, по Локку, является формирование характера; в свою очередь, решение этой проблемы требует установить надлежащее попечение о силе и крепости тела, ибо только в здоровом теле, — говорит Локк, — может быть здоровый дух. Физическое воспитание должно начинаться со дня появления ребенка на свет, оно является первым видом воспитательного воздействия взрослых на детей в интересах реализации конечных целей воспитания. Такая постановка вопроса заставляет Локка посвятить первые страницы своего педагогического труда проблеме физического воспитания.

«Я думаю, что детскую душу так же легко направить по тому или иному пути, как и речную воду; но хотя в этом заключается основная задача воспитания и наша забота должна быть уделена главным образом внутренней стороне человека, однако не следует оставлять без

внимания и брентную оболочку. С последней я поэтому начну и прежде всего рассмотрю вопросы, касающиеся здоровья тела» («Мысли»).

Чувствуя, как врач, что научное решение проблемы физического развития детей возможно только объединенными усилиями медицины и педагогики, Локк заявляет, что здесь он будет рассматривать этот вопрос в плане педагогическом, используя и привлекая свои медицинские познания и показывая, как на основе их должна решаться проблема укрепления здоровой конституции детей.

«Мои дальнейшие рассуждения о здоровье относятся не к тому, что должен делать врач с больным и хилым ребенком, а к тому, что должны делать родители, не обращаясь к помощи медицины, для оберегания и укрепления здоровой или по меньшей мере неболезненной конституции своих детей» («Мысли»).

Если медицина, выполняя свои специфические обязанности по укреплению здоровья детей, прибегает главным образом к искусственным средствам — лекарствам, то педагогика прежде всего должна использовать естественные условия — природу.

«Предоставлять детей целиком природе безопаснее, чем отдавать их в руки врача» («Мысли»), — говорит Локк, имея в виду как недостатки тогдашней медицины, так и неправильное отношение к вопросам воспитания детей. Локк протестует против искусственной изнеженности, баловства, от которых портится большинство детей, и настаивает на том, чтобы в физическом отношении джентльмены воспитывались так, как воспитываются дети фермеров и состоятельных крестьян, т. е. просто и естественно. Главным образом надо заботиться о закаливании организма ребенка, о создании у него привычек выносливости к холоду, жаре и различным состояниям погоды. Не нежить и расслаблять свое тело должен настоящий джентльмен, а закалять его с малых лет. В целом ряде параграфов первого раздела книги «Мысли о воспитании» Локк дает много санитарно-гигиенических советов о том, как закалить и укрепить организм ребенка, стоящих на уровне научных медицинских знаний его времени. Но поскольку в XVII в. медицина, как и большинство наук, не была совершенной, целый ряд положений Локка, в частности о режиме питания, о вреде строгой регламентации времени приема пищи, отвергнуты дальнейшим ходом развития медицины. Но это обстоятельство не снижает огромного принципиального значения постановки проблемы физического воспитания во времена Локка, когда дети аристократии, отданные в младенческом возрасте на воспитание невежественных кормилиц и наполненных предрассудками бабушек, чахли, хирели и вырастали тепличными растениями в искусственной, оранжерейной обстановке. Распространенным среди аристократии его времени воззрениям Локк противопоставляет спартанские и древнегерманские идеалы, настаивая на простой, здоровой пище, жесткой постели, строгой регламентации часов сна и занятий, постоянных физических упражнениях.

Основное средство, с помощью которого джентльмен станет здоровым, крепким и выносливым, — упражнения в соответствующих полезных действиях и создание привычек к простой естественной

жизни, не отнимающей у человека много времени на заботы о его здоровье.

Отмечая в общем и целом положительность указаний Локка по вопросу о средствах и методах закалывания организма и воспитания у детей посредством правильного режима питания, сна и занятий, выносливости, отважности, умения приспособиться к любым условиям, — мы вместе с тем считаем, что проблема физического воспитания в современной педагогике должна ставиться гораздо шире и всестороннее.

Верный своей основной установке исходить из утилитарной, практической задачи воспитания, продиктованной Локку классовой принадлежностью и условиями времени, он решает проблему физического воспитания узко, исходя из личных интересов джентльмена. Человек, о подготовке которого он заботится, должен иметь те привычки, которые так настойчиво рекомендует воспитывать Локк.

«Кто привык спать на жестком ложе у себя дома, не будет страдать бессонницей во время своих путешествий» («Мысли»).

Кто привык получать пищу в любое время дня, тот не будет чувствовать неудобства в том случае, если попадет в обстановку, где невозможно организовать такой режим. Кто не привык к пище, требующей длительного времени на приготовление, тот может во время деловой поездки целесообразно использовать каждую минуту своего времени. Все эти советы Локка — наилучшая форма выражения программы английской буржуазии в деле подготовки крепкого и выносливого потомства, способного бороться за установление как мирового владычества Англии на морях, так и политического господства над другими классами внутри страны. Недаром Локк многозначительно говорит:

«Джентльмен должен быть воспитанным так, чтобы во всякое время быть готовым надеть оружие и стать солдатом. Кто в наше время так воспитывает своего сына, как будто готовит его проспять всю жизнь в изобилии и довольстве крупного богатства, которое ему собирается оставить, тот мало принимает в соображение примеры, которые он видел, и эпоху, в которую он живет («Мысли»).

Современная английская буржуазия разделяет точку зрения Локка на физическое воспитание, как средство создания твердого, закаленного характера, и противопоставляет физическое развитие умственному, предпочитая первое второму. Спорт, физическая культура, игры — занимают первоочередное место в жизни учащихся средних и высших школ Англии, явно вытесняя интерес и любовь к науке.

Но если борьба Локка за внимание к вопросам физического развития личности была противопоставлена средневековому пренебрежению к проблеме физического развития — и в этом случае была действенной и яркой, то стремление современной буржуазии развитием крепких мускулов и выносливого тела заменить развитие ума говорит о старчестве и закате сыгравшего свою прогрессивную роль класса.

Наша педагогика строит воспитание ребенка на основе тесного соединения физического развития и умственного образования. Отдавая должное проблеме физического развития крепких, закаленных

строителей социализма и используя для этой цели наследство, оставленное идеологами буржуазии и в том числе Локком, марксистская педагогика рассматривает эту проблему неизмеримо шире и многостороннее в плане гармонического развития поколения, «способного окончательно установить коммунизм».

5. ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ.

Поскольку «различия, наблюдаемые в нравах и способностях людей, зависят от воспитания в большей мере, чем от чего бы то ни было другого, то мы вправе сделать вывод, что в деле формирования детской души необходимо проявлять большую заботливость и что даже в ранние годы нужно давать ей такое направление, влияние которого сказалось бы во всей жизни детей» («Мысли»).

Считая формирование характера главной задачей воспитания, Локк обращает внимание родителей и воспитателей на необходимость заняться этим вопросом с ранних лет.

Главное в воспитании не в том, чтобы упражнять память, наполнять ребенка знаниями, расширять его умственный кругозор, а в том, чтобы вырастить добродетельного человека. Наука и знания, по мнению Локка, могут равноценно быть использованы как людьми нравственными, так и безнравственными. Учение полезно только после того, как воспитан надлежащим образом разум, только в том случае, когда заложены основы добродетели и мудрости, когда ребенку внушили любовь и стремление ко всему прекрасному.

В чем же заключается, по мнению Локка, задача нравственного воспитания, какие силы и способности должен пробудить педагог в ребенке, с тем, чтобы помочь ему вырасти добродетельным и нравственно-совершенным?

...«ближайшая и основная задача заключается в правильной организации самого разума, с тем, чтобы он во всех случаях был склонен принимать лишь то, что соответствует достоинству и превосходству разумного создания» («Мысли»).

Разум — основное, что отличает человека от всех других живых существ, — должен стать предметом забот и внимания воспитателей, и его развитие должно идти с малых лет по пути контролирования всех чувственных проявлений и руководства ими. Только тот человек разумен, который вполне владеет всеми своими желаниями и эмоциональными побуждениями.

В разделе о целях воспитания мы говорили, что Локк считает идеальным джентльменом того, кто, достигая собственного счастья, не мешает делать это же другим людям, принадлежащим к свету, т. е. к буржуазной аристократии. Его фраза: «вести свои дела не только прибыльно, но и мудро» — скрывает в себе именно этот смысл. Под мудростью Локк понимает осмотрительные продуманные действия, санкционированные не только моим желанием («хочу»), но и осознанием возможностей («могу»). Поэтому естественно, что конечная санкция поведения не может, говорит Локк,

лежать в пределах эмоциональной сферы, она должна быть разумной. Только разум, обладая сведениями о взаимоотношении общества и индивидуума, осмысливая результаты предыдущего поведения, в состоянии подсказать, что из желаемого человеком может быть претворено в действие и что должно быть задержано, т. к., ставши выявленным, оно вредит другим и тем самым, в конечном счете, мне. Разум — та высшая инстанция, к которой обращается человек за окончательным решением по поводу всех своих действий и поступков. Сформировать разум в таком направлении, с малых лет обеспечить ему условия для подобного развития — вот та задача, которая, по мнению Локка, стоит в центре нравственного воспитания.

Трудность решения этой проблемы, по мнению Локка, заключается в том, что дети при появлении на свет и в ранние годы их существования побуждаются к тем или иным поступкам не сознанием, а произвольными инстинктами. Родители же, не понимая психологии детских требований, стремятся выполнить все их желания и капризы, забавляясь детской непосредственностью и милой шаловливостью. Следуя по такому пути, родители совершают, по мнению Локка, огромную и чреватую большими последствиями ошибку. Ребенок, не получающий отказа в удовлетворении своих инстинктивных, неразумных желаний, приобретает дурную привычку рассматривать их конечной инстанцией и основным стимулом поведения человека.

«Так родители, поощряя капризы детей и балуя их, когда они малы, портят их природные задатки, а потом удивляются, что вода, источник который они отравили сами, имеет горький вкус» («Мысли»).

Анализируя характерные черты психики ребенка на ранних ступенях его развития, Локк приходит к выводу о преобладании в ней инстинктивного и эмоционального содержания. По его мнению, ребенку этого возраста чужды идеи, понятия, продуманность и сознательность. Но сенсуалистическая теория Локка о происхождении всего нашего знания из опыта и через чувство подсказывает ему сугубо осторожное отношение к тем привычкам, которые ребенок приобретает в детстве. Все, что он накапливает в процессе личного чувственного опыта в раннем детстве, влияет на поведение и взрослого человека, — так думает Локк.

...«если ребенок привык во всем проявлять свою волю, пока он носил детскую рубашонку, то почему мы должны считать странным, когда, надевши уже штаны, он стремится к тому же и претендует на то же самое» («Мысли»).

Таким образом, осложнения следуют одно за другим.

Требуется, чтобы ребенок с малых лет привык подчинять свои импульсивные и бессознательные желания контролю рассудка, в противном случае он вырастет безвольным существом, но ребенок не обладает разумом и волей, следовательно, собственная инстанция, которая должна руководить мотивами поведения ребенка, у него отсутствует. Как же быть?

«Чем дети моложе, тем менее, я думаю, следует удовлетворять их несдержанные и беспорядочные влечения; и чем слабее их соб-

ственный разум, тем более их следует подчинять абсолютной власти со стороны тех, на чьем попечении они находятся» («Мысли»). Поскольку дети не обладают разумом в таком размере, чтобы с его помощью руководить собственным поведением, и поскольку, вместе с тем, разумно организованное воспитание, в интересах будущности детей, не может позволить им проявлять действия, в которых нет сознательности, — на место неразумности ребенка должна стать, как высшая инстанция, разумность и авторитетность воспитателей.

Для того чтобы понять дальнейший ход рассуждений Локка и логическое течение его мыслей, следует несколько остановиться на его психологических воззрениях о развитии духовной жизни ребенка, вплоть до юношеского возраста, а также на разъяснении его терминологии.

Прежде всего следует отметить, что Локк в своей теории нравственного воспитания исходит из противопоставления характера интеллекту, причем все, что относится к области нравственности, развивается, по его мнению, в человеке с раннего детства, все же, что составляет психическую совокупность интеллекта, развивается к наступлению юности.

Следует указать также и на то, что психологическая терминология Локка очень нечетка. Так, постоянно употребляемое им в разделе об образовании характера понятие «разум» имеет самое различное психологическое толкование. Не анализируя всех этих значений, употребляемых Локком, укажем на два, чаще всего применяемых как в «Мыслях о воспитании», так и в трактате «О воспитании разума». Во-первых, этим термином Локк обозначает сознательную волю, а во-вторых — мышление. В «Мыслях о воспитании» слово «разум» употребляется главным образом в первом значении и очень часто должно пониматься как обозначение воли, в трактате о воспитании разума выступает только второе значение. Понимание и усвоение высказываний Локка затрудняется также и тем, что если он, в общем достаточно отчетливо, насколько это требуется педагогикой, представляет себе психологию интеллекта и его проявления, то в его взгляде на проявления и действия воли такой ясности нет.

Критикуя же по существу представление Локка о взаимоотношении воли и интеллекта, следует сказать, что как бы ни была сложна психическая структура воли, такое отделение ее от интеллекта абсолютно неправомерно.

Но для Локка характерно не только это противопоставление характера и интеллекта, — не менее сильно разграничены в его психологическом учении о душевной жизни человека области сознательного и инстинктивного. Когда Локк говорит о том, что ребенок не может руководить своими поступками, так как он лишен разума, то здесь он хочет сказать только то, что собственная имеющаяся у ребенка волевая способность абсолютно лишена самого высокого своего свойства — умения регулировать и задерживать все психические акты. Какую бы детскую психическую способность и силу Локк ни рассматривал, везде он подчеркивает преобладание в ней элементов

непроизвольного и отсутствие сознательного, на всех ступенях развития детей, вплоть до наступления юношеского возраста.

А если это так, рассуждает Локк, то следует считать все действия ребенка продиктованными инстинктивным началом, требующими для себя железного разумного контроля. Так устанавливается Локком система воспитания, где твердая воля воспитателей господствует над слабой волей ребенка до тех пор, пока он не стал юношей. Локк думает, что ребенок, привыкнув в детстве подчиняться разуму других, став взрослым, легко подчиняется собственному разуму.

Нельзя не обратить внимания на механическое отождествление Локком процессов, происходящих в психике человека в момент, когда он, не рассуждая, подчиняется извне полученному приказу, и в период собственного осмысливания того, что от него требуется; Локк мало доверяет сознанию ребенка и вследствие этого заставляет его почти всегда руководиться чужой логикой.

Встает совершенно справедливый, недоуменный вопрос о том, как же при такой системе воспитания будут развиваться мышление и воля самого ребенка по управлению своими чувствами? Ведь во всех рассуждениях Локка о контроле родителей речь идет только о слепом подчинении детей чужой воле. Ведь собственная сознательность ребенка, во весь период его существования, пассивна, мало тренируется, почти не развивается, а существует на всем протяжении детского возраста как постоянный, неизменный фактор. И становится непонятным, как отсутствие разума у ребенка в детстве сменяется его наличием в юношеские годы.

Философия диалектического материализма и марксистская педагогика не могут принять такого решения вопроса о замене собственного, сознательного элемента в поведении ребенка разумностью взрослых. Мы согласны с Локком в том, что санкцией поведения, как взрослого человека, так и ребенка, не может быть одно «хочу». Всякие действия должны быть обусловлены не только субъективным желанием, но и объективной возможностью.

Но наше «могу» складывается из иных, чем у Локка, моментов.

Мотивом поведения у Локка является все же личный интерес даже тогда, когда он рекомендует считаться с другими. Это нужно для того, чтобы общество не отвернулось от тебя и ты не стал через это несчастным.

Не таким утилитарным подходом к коллективу руководствуется член социалистического общества, осознающий себя органической частью целого. Мы должны воспитать у ребенка стремление к тем или иным действиям не только в интересах личного блага, не только потому, что это разрешено, но и потому, что так должно в интересах всего общества. Поэтому для нас важно не только единство «хочу» и «могу», как того добивается Локк, но и «должно».

То, что *должен* сделать во имя общественных интересов, *хочется* сделать, ибо личное и общественное находятся в единстве, и *можно* сделать, ибо социалистическое общество представляет в распоряжение каждого своего члена массу материальных и культурных возможностей. Оно только требует, чтобы все эти блага использовались для высоких целей служения всем и тем самым самому себе.

Нам важно не столько подчинение детей разумной воле старших, как это часто получается у Локка, но и то, в какой мере ребенок осознанно подчиняется приказу старших, в какой мере ребенок понял, что ему надо было поступить так, как от него этого потребовали, и не механически подчинился, а эмоционально пережил свой поступок, как свое внутреннее решение.

У Локка же чаще всего речь идет о слепом подчинении детей чужой воле.

Принципиальные основы нашего строя отвергают возможность таких взаимоотношений взрослых и детей. Это не значит, что воспитатель никогда не имеет права приказывать и требовать подчинения.

Авторитет разумных воспитателей должен быть высоким. Там, где ребенок способен осмыслить требуемое от него, там авторитет воспитателей должен быть использован в целях укрепления воли ребенка. В данном случае авторитет воспитателя является опорой воли ребенка в борьбе с соблазнами и собственной слабостью. Воспитатель никогда не должен упускать из виду конечную задачу воспитания — чувство органической связанности каждого с коллективом и развитие собственной воли ребенка. А это возможно только при систематическом и повседневном стремлении педагогов помогать ребенку в его поведении.

Теоретическая ошибка Локка заключается в том, что он разорвал на резко враждующие между собой части единый процесс развития сознания ребенка. Между инстинктом и чувством — всей бессознательной сферой детской психики, с одной стороны, и сознательной сферой — с другой, у Локка лежит непроходимая пропасть. Все чувственное в его учении совершенно лишено элементов сознательности и, наоборот, все сознательное лишено моментов эмоциональности. Механистичность, которая имела место в теории познания Локка при решении им вопроса о переходе конкретного в абстрактное, частного в общее, эмпирического в логическое, выступила и сейчас в вопросе о развитии сознания ребенка. Оказалось, что разум, как высший элемент психики, возникает вне связи с развитием низших психических функций.

Таким образом, неправильное решение Локком в его философии вопроса о развитии процесса познания привело его и к ненаучной трактовке проблемы развития сознания и воли ребенка. Механистичность — основной порок всей науки в XVII в. — довлеет и над локковскими психологическими суждениями. Локк, резко бичующий в своей критике недостатки средневековой теории воспитания, подчеркивающий как отрицательный момент этой теории ее стремление лишить человека собственной разумности и слепо подчинить авторитету, сам утвердил в системе нравственного воспитания принцип авторитарности. Его критика и положительная программа в этой части не согласованы между собой, больше того, — Локк протянул руку той самой абсолютной и поглощающей самостоятельности ребенка авторитарности, которую он так резко критиковал. В решении основной задачи нравственного воспитания система Локка выглядит компромиссной и половинчатой.

6. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ.

Как указывалось выше, родители выступают в системе Локка в роли единственного разумного начала воспитания, на них ложится серьезная и ответственная задача быть постоянными свидетелями и руководителями детских поступков. Характер взаимоотношений родителей с детьми служит последним постоянным примером того, как подчинять свои желания контролю разума. Локк уделяет огромное внимание вопросу обращения с детьми, стремясь найти такие его формы, которые помогали бы решению основной задачи нравственного воспитания. Как же рекомендует Локк наладить правильные отношения детей и родителей?

«Чем меньше дети, тем большее место в воспитании их занимает почтительный страх и суровая дисциплина»...

«Чем слабее их собственный разум, тем более их следует подчинять абсолютной власти и ограничениям со стороны тех, на чьем попечении они находятся»...

...«те, которые хотят всегда управлять своими детьми, должны начинать это, пока те еще очень малы, и следить за тем, чтобы они полностью подчинялись воле своих родителей. Вы хотите, чтобы ваш сын, выйдя из детских лет, вас слушался! В таком случае вы непременно должны установить свой отцовский авторитет возможно раньше, а именно — как только он становится способным подчиняться и понимать, в чьей власти он находится» («Мысли»).

Таким образом, родители должны подчинить себе ребенка при помощи почтительного страха, путем сурового и властного обращения. Родители не должны фамильярничать с детьми и быть с ними нежными, наоборот: требуется держать их на некотором расстоянии от себя, иначе они выйдут из повиновения. Только по мере подрастания детей страх и повиновение должны заменяться любовью и дружественными отношениями.

«Страх и почтительность должны дать вам первую власть над их душами, а любовь и дружба должны закрепить ее» («Мысли»).

Вера Локка в правоту и необходимость строгого и сурового обращения с малолетними детьми сильно напоминает евангельские изречения в защиту розги. Умеренность общей политической программы английской буржуазии, усвоенная Локком в молодости, пуританская постановка вопроса о взаимоотношении родителей и детей, неумение понять, что и маленький разум ребенка есть его развивающееся сознание, — все это слилось воедино в системе Локка и привело к антипедагогическому требованию: установить с детьми суровое и властное обращение, ни на минуту не доверяя их порывам и склонностям. И с тех пор, как этот вывод сформулирован, проблема развития и укрепления детских способностей, составляющая существенную задачу воспитания, по прежним суждениям Локка окажется замененной проблемой слепого подчинения детей авторитарному воздействию родителей. В системе нравственного воспитания джентльмена, развитой и защищаемой Локком, содержится глубокое противоречие. С одной стороны, Локк все время требует такой постановки воспитания, которая бы содержала в себе предпосылки для упраж-

нения и тренировки всех сил и способностей ребенка; с другой стороны, одна из важнейших способностей, именно воля ребенка, почти не раскрывается в процессе воспитания. Наоборот, признается как основной закон воспитания слепое подчинение воли ребенка воле взрослых. Неумение Локка взять в диалектическом единстве всю личность ребенка с его безвольным и инстинктивным началами, перерастающими в процессе развития и воспитания в сознательное, волевое начало, порождает много колебаний, неясностей и глубоких противоречий в его теории воспитания.

Так, настаивая на правильном положительном отношении взрослых к детским играм, Локк говорит: «я смотрю на них, как на детей, которые нуждаются в нежном обращении, в играх и игрушках» («Мысли»).

Он также говорит о том, что следует давать детям развлекаться, делая это так, как они сами того пожелают, лишь бы забавы были невинны и не грозили их здоровью. Предоставление ребенку возможности проявлять себя, говорит Локк, диктуется не только сегодняшними интересами ребенка, но и конечными целями воспитания. Идеал Локка — «свободный дух, владеющий собой и всеми своими действиями, не низменный и ограниченный, не высокомерный и не дерзкий, не запятнанный никакими серьезными недостатками» («Мысли»).

Но вряд ли можно сомневаться в том, что этот идеал может быть достигнут системой слепого подчинения и безрассудного повиновения, которую вводит Локк. И он сам чувствует, что вырастает опасность воспитать людей слабых духом и волей. Он отчетливо формулирует две возможных опасности на пути всякого нравственного воспитания:

1. Предоставление детям ничем не ограниченной свободы и отсутствие с их стороны подчинения своим воспитателям приведут к созданию развинченных, своенравных, недисциплинированных людей, действующих в силу мимолетных желаний и капризов.

2. Полнейшее и абсолютное подавление самостоятельности ребенка приведет к воспитанию безвольного существа, обладающего рабским характером.

Наметив эти две опасности (действительно, скажем мы, существующие в процессе воспитания), Локк начинает балансировать между ними, взывая к благоразумию и мудрости родителей, которые должны избегать обеих этих крайностей. Субъективно Локку хотелось бы воспитать джентльмена энергичным, храбрым и сильным. Он говорит даже о том, что в тех случаях, когда воспитатели впадают в одну из этих крайностей, последствия их ошибки неодинаковы. Так, из своенравного, не желающего никому подчиняться юноши, получившего эти качества в процессе неправильного воспитания, предпочитающего первую опасность второй, все же может со временем выйти дельный и полезный человек; юноша же забитый и безвольный, получивший эти качества системой воспитания, доведенного до абсолютного подчинения родительской воле, не способен ни на что.

Но сколько бы отчетливо ни вырисовывалась перед Локком опасность воспитания джентльмена, обладающего рабским характером,

он все же, в конечном счете, утверждает необходимость воспитания привычки к послушанию и уступчивости.

Психологические качества, которые, став господствующими в психике и подчиняющими себе все другие черты, делают ребенка, по мнению Локка, трусливым, рабским и безвольным существом, делают все же центром заботы родителей. Локк, начавший борьбу со схоластическим мировоззрением под знаком утверждения прав на счастливую жизнь свободной, инициативной и полнокровной личности, не нашел все же, при решении основной задачи нравственного воспитания, средств и приемов к реализации своего идеала.

7. ДОМАШНЕЕ И ШКОЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ.

Решая вопрос о воспитательной ценности школы, Локк говорит: «...подавляющее большинство человечества восприняло даже те свои взгляды и обряды, за которые оно готово положить свою жизнь, скорее из обычаев своих стран, из постоянной практики окружающих людей, чем из доводов своего разума. Я говорю это лишь с целью показать вам, какое большое значение имеет, по моему мнению, общество для вашего сына, во всех сторонах его жизни и как тщательно поэтому следует взвешивать и учитывать этот фактор, оказывающий на него более сильное влияние, чем все другое, что вы в состоянии сделать» («Мысли»). Среда — общество — обладает такой силой воздействия, которая не может сравниться ни с чем другим. При этом сила влияния общества и широта этого влияния тем больше, чем меньше ребенок, т. к. до определенного возраста он не в состоянии противопоставить этим влияниям своих мыслей и привычек. Вместе с тем влияние общества всегда двойко. Оно может усиливать в человеке его положительные стороны, его добродетельные качества, в такой же степени способно оно укреплять и развивать отрицательные черты. Отсюда задача воспитателей тщательно взвесить всю совокупность средовых влияний и каждый раз, на каждом конкретном этапе воспитания и в каждом единичном его акте, решать вопрос о допуске или задержке разнообразных влияний, в зависимости от природных индивидуальных особенностей данного ребенка. Но если это так, рассуждает Локк, то среда не должна влиять на ребенка вне контроля и вмешательства воспитателей. Вряд ли возможно это сделать, говорит он, в том случае, если ребенок будет воспитываться в школе, где невежественному учителю вверена одновременно судьба многих десятков детей. Невежественность учителя, непосильное обременение его большим количеством учащихся и общая некультурность школьной обстановки создают, по мнению Локка, такое положение, при котором детская школьная среда становится отрицательным фактором воспитания. Джейнтльмен, отданный в школу, вряд ли может там научиться чему-либо хорошему и добродетельному. Весь ход школьной жизни, ее стиль и традиции определяются не столько учителем, сколько коллективом учащихся, составленным из самых разнообразных социальных элементов. Дети, собранные в школе, по мнению Локка, дурно влияют друг

на друга, способствуют развитию и укреплению друг в друге только вредных, антиобщественных качеств.

«Но как может приобщение мальчика к разношерстной толпе недисциплинированных мальчишек и обучение ссорам при игре в трап или плутовству при игре в спон-фарсинг подготовить мальчика к светскому обращению или к общественным деловым отношениям, — этого я не понимаю» («Мысли»).

Напоминая о том, что «не шалости и плутни, практикующиеся среди школьников, не их грубое обращение друг с другом и не хитроумные обворовывания фруктового сада создают способного, настоящего человека, а принципы справедливости, великодушия и умеренности в сочетании с внимательностью и прилежанием» («Мысли»). Локк приходит к выводу о вреде школьного воспитания и о замене его домашним. В историю педагогики Локк вошел как защитник системы частного — семейного воспитания перед общественным и школьным. В той характеристике, которую он дает современной ему школе, доказывая преобладание в ней отрицательных сторон над положительными, ярко выступают как действительно присущие школе XVII в. недостатки, так и аристократичность самого Локка. Как известно, Жан-Жак Руссо был также сторонником семейного воспитания и настаивал на изоляции ребенка от людей и товарищей до определенного возраста. Но если в аргументации Локка перед нами аристократ, все время с раздражением указывающий на то, что в школе собраны дети разнообразных родителей и что простой народ наполнен всяческими пороками, то апология семейного воспитания со стороны Руссо проникнута демократизмом: противопоставлением неиспорченного народа развращенной и лживой аристократии. Аристократизм Локка и неумение заметить в поведении ребенка сознательный элемент приводят его к формулировке тезиса об абсолютном вреде школы и об абсолютной ценности семейного воспитания.

Такую постановку вопроса мы должны категорически отвергнуть. Мы ценим школу не только как учебное заведение, но и как основное орудие класса в деле воспитания полезных и нужных ему граждан. Наша советская школа, используя в своей деятельности все богатство средств и приемов, которые дает в ее распоряжение наука, успешно осуществляет задачи коммунистического воспитания подрастающего поколения.

8. ГЛАВНЫЕ КАЧЕСТВА И ПРИЕМЫ РАБОТЫ ВОСПИТАТЕЛЯ.

Отвергнув положительную ценность школы в деле воспитания подрастающего поколения, Локк ставит вопрос о воспитателе. «...ухаживать за детьми должны только благоразумные люди. Если в свете принято поступать иначе, я не могу этому помочь» («Мысли»), — говорит Локк, высказывая свои требования и осуждая действия людей, принадлежащих к высшему свету. Он осмеивает существующий в аристократических семьях обычай поручать детей заботам невежественных гувернеров и воспитателей, стремление от-

цов семейств, безрассудно тратящих большие средства на выполнение своих прихотей, становится расчетливей, как только дело дойдет до оплаты труда воспитателей. Желая изменить существующие положения в этом вопросе, Локк апеллирует к национальному самолюбию своих сограждан, подчеркивая, что дело воспитания детей не только семейная, но и общественная обязанность.

Но, не довольствуясь этими доказательствами и не надеясь на особую доходчивость до солидных джентльменов тезисов о долге, налагаемом на них историей и обществом, Локк, настаивающий на естественности личного, разумного эгоизма, как основного стимула поведения каждого человека, находит для почтенных отцов аристократических семей более понятные им аргументы от кошелька, стяжательства, накопления капиталов.

«Нет лучшего способа расходовать деньги, чем трата их на наших детей, и поэтому, если бы даже этот расход оказался выше обычного, он не должен почитаться через меру. Тот, кто какой бы то ни было ценой доставляет своему ребенку хорошую душу, вооруженную хорошими принципами, приспособленную к добродетельной и практической деятельности и украшенную вежливостью и благовоспитанностью, делает для него лучшее приобретение, чем если бы он израсходовал свои деньги на увеличение своего имени лишними акрами земли» («Мысли»).

Так обосновав необходимость внимательного отношения к вопросу о подборе воспитателей, Локк дает ряд практических советов о том, когда начинать хлопоты по подысканию их. Какими же качествами должен обладать человек, достойный стать воспитателем?

«Чтобы формировать молодого джентльмена, каким он должен быть, его воспитатель сам должен быть хорошо воспитан, — он должен знать правила обхождения и формы вежливости, применительно ко всему разнообразию лиц, времени и места» («Мысли»).

Прежде всего воспитатель должен обладать в полной мере всеми теми качествами, которые он хочет и должен привить своему воспитаннику.

«Помимо благовоспитанности, воспитатель должен обладать хорошим знанием света; знанием обычаев, нравов, причуд, плутней и недостатков своего времени, в особенности страны, в которой он живет. Он должен уметь показать их своему воспитаннику, поскольку находит его способным разобраться в них» («Мысли»).

Требования Локка к нравственным качествам воспитателя очень высоки. Он хотел бы, чтобы человек, приставленный к детям, был всегда для них образцом добродетели. Он требует от воспитателя наличия огромного жизненного опыта, большой вооруженности в знании всех обычаев и нравов современности.

Противопоставленные тогдашней практике воспитания, требования Локка были очень важны и полезны для своего времени. Постановка вопроса о необходимости приглашения к детям культурного и высоконравственного человека заставляла средние слои английского населения отбросить услуги невежественных гувернеров, которых в большинстве случаев приглашали к детям современники Локка.

Что касается образовательной, научной подготовки человека, которому можно доверить воспитание детей, то Локк гораздо менее требователен, чем этого можно было бы ожидать от человека, обладающего широкой эрудицией и жившего в блестящий век великих научных открытий. «Вовсе не требуется, чтобы он был глубоким ученым или в совершенстве знал все те науки, с которыми молодому джентльмену следует познакомиться лишь в объеме общего обзора и краткой системы. . . Ведь никто не ожидает, что под руководством воспитателя молодой джентльмен сделается заправским критиком, оратором или логиком, постигнет глубины метафизики, натуральной философии или математики, или в совершенстве овладеет историей или хронологией» («Мысли»).

И, развивая дальше свою мысль о том, что до юношеского возраста ребенок только получает интерес к науке, но не самые научные знания, овладевает методом науки, а не ее содержанием, Локк резко осуждает тех воспитателей, которые слишком удлиняют сроки пребывания своих питомцев в здании науки и слишком далеко заводят их в большинство этих наук в ущерб решению проблемы воспитания характера.

Неверие Локка в воспитательную ценность науки, постоянное подчеркивание безразличия и пассивности научного содержания в деле укрепления воли и характера, отмеченные нами раньше, ярко выступают и при решении им вопроса о качествах воспитателя. Во всех его высказываниях о достойном, идеальном воспитателе резко звучит и режет слух пренебрежительное отношение к широкому и к всестороннему образованию педагога, чего никак нельзя одобрить.

Конечно, Локк прав в том, что, помимо образования, воспитатель должен обладать определенными нравственными качествами, которые в совокупности приближают его к идеальному образу человека данной эпохи. Но идеальный педагог нашей современности должен быть глубоко и всесторонне образованным, должен владеть не только знанием своего предмета, но стоять на уровне научных завоеваний своего века.

С чего же, по мнению Локка, начинается деятельность воспитателя? Прежде всего с того же, с чего начали и родители. Становясь заместителем отца, облеченный всей полнотой его доверия, воспитатель обязан позаботиться о вселении в душу ребенка почтительного страха к себе. Родители должны помочь созданию авторитета воспитателя в глазах детей и никогда не высказывать при них неодобрения поступкам того, кого они наметили в качестве своего заместителя. Убедившись в том, что он получил полную власть над детскими стремлениями и помыслами, воспитатель приступает к выполнению всех задач и целей воспитания. Когда он подчинил себе волю ребенка, пора систематически и неуклонно наблюдать за своим воспитанником, с тем чтобы выявить его склонности, присущие его природе хорошие и дурные задатки. Проблема изживания содержащихся в детской психике дурных качеств и развития полезных решается на основании всестороннего индивидуального изучения детской природы («Мысли»).

Методы и приемы деятельности воспитателя намечаются только после того, как он проник в душу своего воспитанника, понял все ее

свойства и индивидуальные особенности, установил педагогическое наблюдение над эффективностью применяемых им средств педагогического воздействия. Так оформляется в теории Локка чрезвычайно важный, исторически очень ценный и сугубо значительный тезис научной педагогики о том, что все средства и приемы воспитания должны быть рассчитаны на психологические особенности ребенка. Именно такая постановка вопроса о методах воспитания и обучения выдвинула имя Локка в число новаторов воспитания, резко порывающих со старой педагогической теорией, «а priori» устанавливающей средства педагогического воздействия, в большинстве случаев противоречащие детским силам и возможностям. Сформулированное им в таких выражениях положение о постановке ребенка — с его запросами, интересами и качествами — в центре педагогического процесса было подхвачено Руссо и дальнейшими педагогами, стремящимися психологизировать процесс воспитания и обучения. Для того периода, когда жил Локк, оно было не только новым, оригинальным, но исключительно ценным, ибо требовало от педагогики формулировать свои законы и выводы не на основе интерпретации мыслей духовных и светских авторитетов, а на твердой базе явлений и фактов, имеющих место в действительно совершающемся процессе воспитания. Это положение открывало путь для проникновения в науку о воспитании эмпирического метода, прогрессивного для своего времени, обеспечивающего естественным и точным наукам расцвет и подлинно научное развитие. Но следует подчеркнуть, что новаторское требование Локка сдвинуто в его системе целым рядом положений, заимствованных из старой теории авторитарного воспитания. Локк стремится сочетать глубоко враждующие между собой основы средневековой теории воспитания, с одной стороны, и новой, буржуазной, педагогики, в той или иной мере пытающейся согласовать методы воспитания с психологией ребенка, — с другой. Ибо когда Локк говорит о повседневном сдерживании ребенка, строгом контроле за ним, постоянном недоверии к его желаниям, тогда процесс воспитания становится закаляющим, дисциплинарным, тогда внимание педагога направляется не столько в сторону развития ребенка, сколько по линии задерживания и тормоза этого развития. Система, требующая от педагога создания условий для полного выявления всех творческих сил и импульсов детской личности, перестает иметь твердое основание в тех случаях, когда отношение ребенка к воспитателю формируется главным образом под влиянием страха. Локк сам чувствует, что страх, хотя бы и почтительный, — плохой регулятор нормальных, открытых, основанных на взаимном доверии, отношений взрослых и детей. Так, давая советы о том, как бороться с детской ленью, Локк вынужден сказать своему воспитателю, что ребенок из страха перед ним вряд ли будет откровенным и непосредственным, наоборот: он постарается спрятать от воспитателя свои интересы и склонности («Мысли»).

Вряд ли такая система поведения взрослых и детей может быть названа нормальной, тем более, что речь идет здесь не о скрытии какого-либо антиобщественного порока, в котором ребенок стыдится признаться, а всего только о равнодушии его к тому виду занятия.

которым педагог не сумел заинтересовать воспитанника. Такая ненормальность в поведении ребенка могла появиться потому, что его превратили в механизм, автоматически выполняющий все предписания взрослых. Ребенок поставлен в такие условия, когда он вынужден подавлять в себе всякое стремление к высказыванию личного мнения и выявлению собственного настроения. Но в не менее антипедагогические условия попадают и взрослые в теории Локка. С одной стороны, им предъявлены требования повседневно и систематически изучать индивидуальные наклонности детей и формировать свои методы в зависимости от данных такого изучения, а с другой стороны, воспитатели заранее уверены в том, что дети из страха перед ними не будут откровенны, искренни и непосредственны во всех действиях, совершаемых ими на глазах у своих руководителей. Локк, чувствуя это противоречие в своей системе воспитания, старается обойти его рядом советов, продиктованных здравым смыслом эмпирика и сводящихся к требованию не особенно запугивать детей, смягчать суровость нежностью, давать им возможность чувствовать себя свободно и непринужденно. Но все эти благие пожелания не становятся принципом воспитательной системы и не сглаживают противоречия этой системы, явившегося результатом механического склеивания в ней основ старого и нового педагогических учений. У Локка, произведшего такое соединение, отдельные части теории резко враждуют друг с другом. В разбираемом нами разделе мыслей о воспитании основы теории авторитарного воспитания выступают очень отчетливо. Элементы же новой теории, требующей раскрытия всех творческих задатков детства, становятся заметными в высказываниях Локка, относящихся к проблеме обучения. Конечно, читатели — поклонники и враги Локка — не брали его высказывания в их целом. В XVIII в., в период подготовки и совершения буржуазной революции, в период замены старых философских политических и педагогических учений новыми, идеологи восходящего класса брали главным образом революционные прогрессивные стороны Локка. Педагогическая мысль подхватила его идею о создании такой науки о воспитании, в которой бы методы опирались на данные детской психологии и физиологии. Теоретики педагогики, стремясь создать такую систему, брали у Локка те тезисы, которые помогали осознать, раскрыть эту главную мысль нового педагогического учения и отбросить все то, что мешало оформлению этой идеи в более или менее целостную систему. Руссо, формировавшийся под сильнейшим влиянием Локка, не только освободился от всякого преклонения перед теорией авторитарного воспитания, но и неправомерно отрицал необходимость всяких авторитетов вообще. Французские материалисты извлекли из учения Локка те мысли, которые помогали развиваться и укрепляться новому мировоззрению о полной самостоятельности и могуществе человеческого разума, не затемненного предрассудками и не преклоняющегося перед авторитетами церкви и светской власти. В целом высказывания Локка о качестве воспитателя и о его подходе к детям были глубоко интересными и прогрессивными, ибо требовали от воспитателя изучать детские склонности и совершенствовать методы на основе этого изучения.

9. ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ.

а) Обучение правилам и образование привычек.

Память и размышление, — говорит Локк, — есть спутники благо-разумия и зрелого возраста, а не детства. Ребенок не обладает способностью осилить длинные дедукции, он может только уразуметь то, что ощутительно, конкретно и ясно без доказательств. Поэтому совершенно неправильно поступают, по мнению Локка, те родители, которые обременяют детскую память всевозможными правилами и законами. Родители, часто занимающиеся с детьми поучениями и наказывающие их за невыполнение правил, совершенно превратно представляют себе детскую природу. Чаще всего дети нарушают предписания взрослых вследствие того, что они далеко не всегда понимают требования взрослых. Детей превращают в взрослых, строго требуя выполнять все то, что в словесной форме поучений было им сообщено. При этом совершенно не учитывают, что детям чуждо сознательное воспоминание и сознательный контроль за своими поступками. Ребенок плохо усваивает те нравственные правила и законы, которые не вытекают из его личного опыта и не выступили перед ним как результат какого-нибудь совершающегося на его глазах действия. Поэтому следует упорядочить и поставить на соответствующее педагогическое основание, говорит Локк, чтение проповедей ребенку и его знакомство с правилами поведения. «...пусть этих правил, которые вы даете вашему сыну, будет возможно меньше, лучше пусть их будет меньше, а не больше того, что кажется абсолютно необходимым» («Мысли»).

«Доводы, которые на них действуют, должны быть очевидными и соответствовать уровню их мышления, они должны быть, так сказать, ощутительными и осязательными» («Мысли»).

Не наказывать детей за всякое невыполнение ими уже известного правила, а подумать о недостатке их возраста и о том, не слишком ли перегружены они поучениями, советует Локк.

Освободив воспитателя от необходимости постоянно поучать детей, Локк переносит центр тяжести его внимания на образование привычек. Всегда, когда требуется приучить ребенка к тем или иным хорошим поступкам и отвратить от дурных, следует работать над образованием соответствующих привычек («Мысли»).

Воспитание соответствующих привычек, образовавшихся вследствие некоторого напряжения сил вначале и действующих бессознательно, автоматически в последующем, Локк считает наиболее целесообразным путем воспитания как нравственного, так и физического. Больше того, он находит, что и развитие ума требует не только обогащения его знаниями, но и выработки определенного привычного навыка умственной работы. Образование привычек, являющихся результатом личного упражнения, важная задача воспитания. Локк неоднократно высказывается в том смысле, что только то укоренилось прочно и будет проявляться в нужном направлении, что превратилось в привычку.

«Заставляйте усваивать их все, что по вашему мнению они должны уметь делать, путем необходимой практики, приурочивая эту практику к каждому подходящему случаю, и, если возможно, сами создавайте эти случаи. Это будет порождать у них привычки, которые, раз установившись, будут действовать сами собой, легко и естественно, без помощи со стороны памяти» («Мысли»). Образование привычки всегда требует личного действия, т. е. воспитатель может удовлетворить детскую склонность к активности и движению. Действие помогает готовому образцу стать наглядным, — рассуждение и поучение не обладают этой возможностью. Но преимущества привычки выступают отчетливо, по мнению Локка, и тогда, когда учитываются будущие интересы воспитанника. Любовь к своей репутации, желание быть для всех приятным, стремление к добру, получившее характер привычки, становятся в его последующей жизни нравственной потребностью. Если же ребенок не привык к известным нравственным действиям, то все предъявляемые к нему обществом требования в этом направлении всегда будут порождать у него неприятное ощущение неудовольствия. Человек, говорит Локк, получает удовольствие только от тех действий, которые согласуются с ранее выработанной привычкой. Человек не должен хотеть делать того, что не принято в обществе.

Утвердив значимость и роль привычки в деле воспитания нравственных качеств, Локк дает целый ряд методических советов о том, каким путем лучше всего образовать привычку.

К исполнению того, что хотят превратить в привычку, нельзя принуждать грубыми выкриками и взысканиями, а следует быть ласковыми и кроткими. Нельзя вкоренить сразу несколько привычек: разнообразие может сбить детей с толку. Только привив одну привычку, переходите к образованию другой. *(La scala)*

Локк, исходя из своего представления об идеальном джентльмене, указывает также на то, какие именно качества и каким путем должны получить характер навыка. Сюда относятся: хорошие манеры, мужество, правдивость и доброта, мудрость, благовоспитанность и целый ряд других качеств, одобряемых светом. В противовес этому трусость, лживость, жестокость, своеволие и упрямство не должны превратиться в привычки, иначе они будут приносить человеку моральное неудовольствие, как результат разлада его привычного желания с тем, что позволено и ценится в обществе. Пример взрослых, опирающийся на склонность детей к подражанию, должен помочь им приобрести только хорошие привычки. Выполнение всех задач, стоящих перед каждым человеком, требует от него большого напряжения всех его духовных сил, и способность превращать все старое, известное в автоматические акты, совершающиеся без помощи сознания или с малой долей его, — полезная и нужная способность. Но механизация действий человека не есть цель, а только средство к развитию всех заложенных в нем способностей и к предоставлению ему возможностей выполнить в мире все то, на что он способен. Высшей инстанцией поведения человека является его сознание, а не привычка. Не привычка направляет сознательную деятельность человека, а наоборот, он должен сознательно пользоваться образо-

вавшимися привычками и навыками. Человек не только приспосабливается к окружающим условиям, но и изменяет их. Локк боится, что возбуждение в воспитаннике лучших чувств и стремлений, не опирающееся на выработанный навык осуществлять эти идеалы в определенном направлении, сформирует человека, наполненного высокими побуждениями, но неспособного претворять их в действие. Такой человек, по его мнению, не будет счастлив, поскольку ему придется все время испытывать разлад между желанием и волей, между собой и окружающими. Но Локк мало подчеркивает другую, не менее сильную, опасность, которая вырастает, как только все внимание педагога переключается на образование механизированных навыков за счет развития воли и сознания. В этом случае ребенок может превратиться в формалиста, чопорного консерватора, который продолжает следовать привычке даже в том случае, когда ситуация изменилась и требует новых реакций. Если мы считаем привычку одним из многих воспитательных средств, то для Локка она иногда становится почти единственным. Но мы расходимся с Локком не только в вопросе о месте и роли привычки в системе поведения человека, но и по вопросу о путях ее образования. Локк использует чаще пример, произвольное подражание и крутую, основанную на принуждении, дисциплину. Но есть еще один путь образования привычек — личное желание ребенка, его активное стремление к приобретению того или иного навыка с помощью взрослых. Локк, отметив этот путь и подробно останавливаясь на внешнем для ребенка пути формирования привычки, мало раскрывает отмеченный им второй, внутренний путь. Мы же считаем, что в школьном возрасте педагог должен иметь в виду и этот активный, внутренний путь образования нужных привычек при участии сознания и воли самого ребенка. Так поставленное воспитание привычки будет способствовать развитию сознательности в ребенке. Это решение вопроса заставляет нас по-иному, чем Локк, взглянуть на роль и значимость поучений и рассуждений с детьми. В отрицательном отношении к этим видам воспитательного воздействия у Локка много здравого и справедливого. Что собственный, действенный опыт часто убеждает лучше всяких слов, это совершенно справедливо. Что дети не любят и не поймут отвлеченных философствований о нравственности, против этого трудно что-нибудь возразить. Указание Локка на бесполезность длинных поучений, не согласованных с возрастом детей правил, высказанное в период, когда в семье и в школе критикуемые Локком приемы были в большом ходу, делает честь его знанию особенностей детского возраста. Но нельзя не признать, что в отношении Локка к беседам с детьми младшего возраста сказывается отчасти и присущее ему недоверие к детскому сознанию.

6) Пример взрослых как средство педагогического воздействия.

«Мы все, в некотором роде, хамелеоны, которые всегда принимают окраску окружающих предметов; и нечего удивляться этому в детях, которые лучше понимают то, что видят, чем то, что слышат» («Мысли»).

Ребенок, говорит Локк, постоянно подражает взрослым и перенимает их привычки, обычаи и воззрения. Хотят или нет того взрослые, дети постоянно инстинктивно или сознательно наблюдают за ними и берут для себя их поступки, как готовый образец. Локк считает пример не только естественным, неизбежным, но и чрезвычайно эффективным средством образования привычек. «...самый простой и легкий и вместе с тем эффективный способ воспитания детей и формирования их внешнего поведения заключается в том, чтобы показывать им на наглядных примерах, как следует им поступать» («Мысли»).

В соответствии с основной посылкой своей философской теории о приобретении знаний из опыта, через чувство, Локк выдвигает пример в первую шеренгу педагогических средств по воспитанию характера. Сила и быстрота влияния примера не могут ни в какой степени быть сравниваемыми с поучением и принуждением. Ребенок скорее усваивает и перенимает то, что видит, чем то, что слышит. Обаяние примера в глазах детей усиливается и тем, что они заимствуют для себя готовую форму поведения не из слов, а из действий взрослых. Ребенок, говорит Локк, есть деятель по своей природе, и на него сильнее влияет все то, что действует, все то, что находится в движении. Но если ребенок усваивает нравственные нормы и правила раньше всего и прежде всего из примеров взрослых, то последние обязаны поставить перед глазами детей все то, что стимулирует их к добродетельному поведению, и отстранить все то, что способствует их порче. Детская склонность к подражанию налагает на родителей очень серьезную обязанность быть в глазах детей примером честности, благовоспитанности, порядочности, — иначе взрослые потеряют свой авторитет.

«Если вы наказываете его (ребенка — М. Ш.) за то, что сами делаете на его глазах, он не поверит, что ваша строгость проистекает из добрых чувств к нему и что именно поэтому вы озабочены исправлением его недостатка» («Мысли»). Так вырисовываются перед воспитателями две задачи, правильное решение которых, усиливая воспитательную силу примера, помогает сформировать добродетельного джентльмена.

1. Воспитатель обязан следить за всем, что он делает, ибо его поведение определяет не только его собственную жизнь, но и служит примером для подражания со стороны воспитанников.

2. Воспитатель обязан во всей своей деятельности, направленной к привитию детям хороших, полезных качеств, использовать примеры из поведения окружающих, авторитетных в глазах ребенка, лиц.

Стремление Локка указать взрослым на необходимость использования детской подражательности в целях нравственного воспитания следует считать ценным и интересным. Локк абсолютно прав, когда он требует от взрослых обдумывания всех тех действий, которые они совершают на глазах детей, поскольку их поведение всегда может стать для детей образцом подражания. Очень интересно также указание Локка на необходимость такой организации дела воспитания, которое бы использовало окружающую обстановку в целях отыскания хороших примеров и соответствующей интерпретации

дурных. Указание Локка на существование в детях склонности к подражанию и на обязанность педагогов правильно использовать эту склонность принадлежит к числу интересных страниц его книги. Но при решении вопроса о направлении детской подражательности в надлежащее русло Локк, как и в деле отыскания путей образования привычек, больше акцентирует на пассивной подражательности. Чаще всего он говорит о механическом движении, совершаемом ребенком в ответ на те или иные сильные впечатления и вслед за ними.

Советская педагогика — за использование в педагогических целях детской подражательности. Но всякий раз, указывая детям на образец, поставив перед их глазами пример, педагог должен стремиться вызвать сильное желание к подражанию, акцентировать на сознательном выборе и усилиях, ибо воля ребенка в сильнейшей степени создается на основании преднамеренного подражания.

в) Поощрения, награды и наказания в воспитании.

Установив с самых ранних лет правильные взаимоотношения с детьми, вселив в их душу почтительный страх, утвердив в их глазах свой авторитет и позаботившись о том, чтобы дети имели постоянно перед глазами примеры добродетельного поведения, взрослые могут надеяться на то, что они ввели воспитание в надлежащие рамки — создали такие условия, при которых могут решаться конечные идеалы воспитания. Но одного страха недостаточно для побуждения детей к совершению одних поступков и запрещению им делать другие.

По мере подрастания детей вступают в действие другие средства, то-есть награды и наказания, опирающиеся на надежду и страх.

«Устраните надежду и страх, и тогда исчезнет всякая дисциплина. Я согласен, что добро и зло, награды и наказания — единственные мотивы для разумного существа; это шпоры и возжи, которыми побуждается к работе и направляется все человечество. И потому они должны применяться и к детям» («Мысли»). Но, считая возможным и необходимым применение этих вспомогательных к действию авторитета средств, Локк вместе с тем не соглашается с установившимся в практике употреблением таких наград и наказаний, которые действуют главным образом на физическую сторону организма ребенка.

Стремясь к разумной педагогизации всех средств воспитания, Локк указывает на тот вред, который приносят награды, связанные с использованием стремлений ребенка к физическим удовольствиям.

«Чтобы сделать из него хорошего, разумного и добродетельного человека, нужно научить его противостоять своим влечениям и отказываться в удовлетворении своему вкусу, щегольству, лакомству и т. д., когда разум ему советует, а долг от него требует противоположного» («Мысли»).

Локк указывает на то, что награды, рассчитанные на доставление ребенку приятных физических ощущений, часто либо не достигают своей цели, либо портят наклонности ребенка. Привыкнув по-

лучать награду за свои действия, ребенок совершает тот или иной поступок не ради результата, вытекающего из самого поступка, а ради выгоды, эгоистического расчета на получение удовольствия. Система воспитания, опирающаяся в принципе на расточительное использование наград, в целях стимуляции ребенка к тем или иным поступкам, способствует, по мнению Локка, воспитанию эгоиста, действующего не во имя своего дела и общественной его ценности, а во имя выгоды и пользы для себя. Вместе с тем излишества и неправильная система применения наград способствуют, говорит Локк, воспитанию в ребенке притворства и неискренности. Ребенок постоянно думает о том, как бы понравиться взрослым, дабы быть награжденным ими, и старается казаться таким, каким его хотят видеть родители, являясь на самом деле совсем иным. Постоянная забота ребенка о получении награды способствует также развитию в нем честолюбия. Поэтому Локк решительно отвергает приверженность родителей к награждению детей лакомствами, игрушками, различными развлечениями, т. е. всем тем, что приносит физическое удовлетворение, и настаивает на моральных наградах.

«Награды и наказания, посредством которых мы должны держать детей в порядке, совсем другого рода, и они обладают такой силой, что раз нам удалось добиться их действия, — дело по-моему уже сделано и трудность преодолена» («Мысли»).

К числу этих сильных наград и наказаний относятся, по мнению Локка, прежде всего честь и позор, являющиеся могущественными стимулами детского поведения. Моральные наказания и награды в виде порицания и одобрения лишены тех отрицательных свойств, которые присущи наградам физического порядка. Правда, говорит Локк, они могут действовать только на таких детей, у которых развито стремление беречь свою репутацию и чувствительность к одобряющим оценкам взрослых; правда, говорит Локк, эти качества довольно трудно воспитать в детях, но следует делать пробу и достигать возможного. Дети, по мнению Локка, очень чувствительны к похвале и одобрению, и это свойство их психики должно быть использовано и наполнено определенным содержанием, стимулирующим ребенка к добродетельным поступкам и отвращающим от дурных. Родители постоянно должны менять свое отношение к детям, награждая лаской тех, кто заслужил одобрение, и холодностью и пренебрежением тех, кто поступал дурно. При этом важно, чтобы все окружающие ребенка люди одинаково реагировали на его поступки. Локк настаивает на том, что развивающаяся после него немецкая педагогика назвала согласованностью авторитетов. В этом случае ребенок поймет связь между его поступками и отношением окружающих и сделает вывод о том, что всегда и везде «любимы и уважаемы те, которые выполняют предписания окружающих».

Правильно действующая система наград, говорит Локк, освободит педагога от необходимости постоянно прибегать к наказаниям, но обойтись без них при решении проблемы нравственного воспитания невозможно. Верный своему методу формулировать правила воспитания на основе анализа установившейся его практики, Локк выражает свое недовольство тем увлечением побоями и розгой, кото-

рому были подвержены все воспитатели его времени. Критикуя это увлечение, Локк останавливается на педагогической нецелесообразности телесных наказаний. Локк называет способ сечь за каждый маленький проступок самым ленивым и недостигающим своей прямой цели. Больше того, по мнению Локка, побои приносят огромный вред воспитанию. Педагог, борющийся с той или иной порочной склонностью ребенка, побоями не устраняет, а наоборот усиливает ее. Заставляя ребенка, из страха быть высеченным, подавлять в себе эту склонность, педагог создает предпосылки к ее усилению и бурному проявлению тогда, когда висящий над ребенком страх розги отдаляется или исчезает. В тех же случаях, когда педагог настойчиво и требовательно применяет розгу до тех пор, пока не убедится в искоренении детского порока, он на место одного зла насаждает другое. Ребенок становится пришибленным, робким и трусливым. И поэтому Локк категорически заявляет:

«Такой род рабской дисциплины создает рабский характер» («Мысли»).

Но категоричность этого вывода не приводит, с логической последовательностью, к требованию изъять розгу из воспитания. Нет, программа Локка куда умереннее.

«Побой и все прочие виды унижающих телесных наказаний не являются подходящими мерами дисциплины при воспитании детей, которых мы хотим сделать разумными, талантливymi, добрыми людьми; эти меры следует поэтому применять очень редко и притом только по серьезным основаниям и в случаях крайности» (там же).

Таким образом, указывая на то, что розга никогда не достигает своей педагогической цели, настаивая на необходимости замены этого средства другими приемами, Локк все же не решается выбросить его, а только рекомендует ограничить сферу применения наказаний и рассматривать их как самое крайнее и последнее средство. Большую надежду он возлагает на создание такой обстановки, которая предохраняла бы от необходимости наказывать, ибо частые наказания — признак неправильно организованного воспитания. Локк советует педагогу наладить правильное воспитание ребенка с первых шагов его жизни с тем, чтобы позже не пришлось его наказывать за все те пороки и недостатки, которые он приобрел при неумелом воспитателе. Он говорит о необходимости привести в действие все те средства и приемы, которые уже были указаны, как-то: почтительный страх, непоколебимость авторитета взрослых, хороший пример, моральные награды. Кроме этого следует, говорит Локк, всякий раз иметь в виду, что целый ряд недостатков детей есть недостатки их возраста, которые не могут быть устранены в детстве, а исчезнут к зрелым годам. Так как детям свойственны дурачество, живость, постоянная активность, то надо дать возможность всем этим качествам проявиться, а не подавлять их, как результат дурного начала. Если все это не помогает, можно употреблять моральные наказания. К ним Локк относит выговоры и порицания, давая методические советы педагогу по вопросу об их применении. Понуждая ребенка к тем или иным действиям с помощью выговора, педагог прежде всего должен дать почувствовать детям, что им руково-

дят не произвол и прихоть, а истинное разумное доброжелательство о будущем ребенка. Совершенно недопустимы наказания, которые содержат в себе элемент мстительности и раздражительности. Воспитатель должен считаться с тем чувством стыда, который присущ детям, и не разрушать его постоянной бранью, сыплющейся на ребенка в присутствии других. Надо помогать детям беречь свою репутацию, поэтому не следует выговаривать им при открытых дверях. Другое дело — объявление награды и похвалы.

«Наоборот, похвалу, если дети ее заслужили, они должны получать в присутствии посторонних. Похвала, когда она высказывается гласно, становится двойной похвалой...» («Мысли»).

Такова совокупность средств, которые помогут воспитателю избежать физических наказаний. Однако, проблема поддержания дисциплины предполагает необходимость не только моральных, но и физических наказаний.

Много детей, мудро и разумно руководимых взрослыми, избегают несчастья быть сеченными. «Но упрямство и упорное неповиновение должны подавляться силой и побоями, ибо против них нет другого лекарства. И... раз дело доходит до состязания, до спора между вами и ребенком за власть, а это собственно имеет место, когда вы приказываете, а он не слушается, вы должны непременно добиться своего, скольких бы это ударов ни стоило, раз словами или жестом вам не удалось победить» («Мысли»).

Свойственная всей системе взглядов Локка противоречивость видна и в этом вопросе: если можно найти утверждение Локка, что выбивание палкой любой склонности, свойственной природе ребенка, не приносит хороших результатов, то есть и обратное, — что по отношению к упрямым и своевольным детям розга должна применяться. Если до сих пор во всех своих советах Локк исходил из желания смягчить родительскую строгость и предоставить детям возможность чувствовать себя детьми, то теперь он становится жестоким и суровым.

Побой и сечения, по его мнению, должны иметь в виду «подавление воли», «согбение духа», — они преследуют цель добиваться самого беспрекословного повиновения авторитету. В тех случаях, когда ребенок в своих действиях руководится собственной волей, говорит Локк, конечная цель нравственного воспитания, формирование джентльмена, привыкшего подчинять свои желания разумному началу, — не будет выполнено. До тех пор пока ребенок не превратился в юношу, разумное начало в воспитании выступает только в образе взрослых; ребенок же, действующий с санкцией своей воли, руководится не разумом, а инстинктом; часто повторяемые им опыты такого содержания могут разрушить с таким трудом возведенное педагогом здание нравственного воспитания. Поэтому Локк считает себя вправе давать советы во что бы то ни стало подавить собственную волю ребенка. И если до сих пор он тщательно и добросовестно старался разрабатывать методы гуманного воспитания, то теперь он не менее скрупулезно останавливается на методике сечения, критикуя тех родителей, которые, жалея детей, перестают их бить, не сломив их

воли. Раньше Локк называл благоразумным воспитателем того, который избегал применять побой. В разделе, который назван «упорство» и в котором речь идет об обращении со своевольными детьми, идеалом Локка становится «добрая мать», восемь раз под ряд высекавшая своего ребенка, тотчас как он был возвращен ей кормилицей. Если принять во внимание, что хотя по установившемуся тогда обычаю дети возвращались от кормилицы позже, чем это представляется на первый взгляд, но все же еще далеко не достигшими школьного возраста, то жестокость и полная педагогическая несостоятельность такой меры становится очевидной. Для Локка же такая мать представляется образцом добродетели; он считает, что если бы она остановилась на седьмом сечении, то только бы укрепила упрямство девочки, но, «разумно настаивая, пока она не согнула ее духа и не сделала податливой ее волю, что и является единственной целью исправления и наказания, мать прочно установила свой авторитет в первом же случае» («Мысли»).

И продолжая убеждать родителей в правомерности такого наказания, Локк говорит, что вышеописанный случай избия маленькой девочки своей матерью имел место на его глазах и принес самые благоприятные результаты, поскольку позже мать всегда встречала со стороны своей дочери повиновение и послушание. Локк в данном случае не исследует конечного влияния данного действия на характер ребенка — он не говорит о том, какими свойствами обладала ставшая взрослой девочка, выросшая в семье, где детям строго запрещалось самостоятельно совершать свои поступки. Его интересует только одна сторона характера детей — покорность и податливость, которые должны быть привиты любыми средствами. И Локк формулирует свое требование к правильному, с его точки зрения, употреблению розги.

«Боль от розги, раз уже пришлось применить эту меру, нужно продолжать усиливать до тех пор, пока она не одержит верха, не сломит в самом начале упорство ребенка и не установит родительского авторитета» («Мысли»).

Высказывания Локка, содержащиеся в таких разделах его работы, как «требовательность», «о детском плаче и реве», «о своеволии детей», могли бы полностью удовлетворить всех, кто считал систему воспитания, изложенную в священном писании и в «мудрых» советах отцов святой церкви о пользе для души частого битья и страха, — наилучшей.

Дальше, говоря о строжайшем, бдительном контроле за желаниями и высказываниями ребенка, Локк, настаивая на том, чтобы никогда не удовлетворять детских потребностей, выраженных в требовательной форме, также смыкается со сторонниками теории авторитарного воспитания («Мысли»).

Высшая мудрость воспитания, по Локку, заключается в заботе о том, чтобы дети как можно меньше заявляли о своих нуждах и потребностях и ждали, когда родители сами найдут нужным одарить их подарками, приобрести им ту или иную вещь. Почему же нужно такое неестественное обращение с детьми? В интересах их будущего, — отвечает Локк.

«Ведь давая волю своим желаньям, мы придаем им жизнь и силу. Уметь останавливать свои желанья и принуждать их к молчанию — большой шаг вперед к господству над ними» («Мысли»).

Следует отметить, что Локк противоречит сам себе. Когда он критиковал воспитателей, борющихся со всеми недостатками детей розгой, то он говорил, что страх побоев не искореняет детских пороков, а только загоняет их вглубь и тем самым усиливает. Но когда он говорит о необходимости подавлять все желанья ребенка, то он уже не учитывает того психологического закона, который руководил им выше.

Мы не стоим на той точке зрения, что надо удовлетворять все требования ребенка, — но для нас совершенно очевидно, что Локк мало доверяет природе и сознанию ребенка и все свое упование возлагает на жесткую, часто террористическую дисциплину, господствующую в его системе нравственного воспитания. Эта дисциплина в теории Локка устанавливается без обращения к сознанию ребенка. Та самая террористическая система воспитания, которую критиковал Локк и которая имела целью подавить все склонности и запросы детского возраста, видевшая в розге единственное средство для достижения этой цели, бросила на теорию Локка с ее новыми задачами и идеалами сильнейшую тень.

Можно уверенно сказать, что Локк, отчетливо сформулировавший новую цель воспитания, а именно, развитие всех творческих сил личности, утверждение ее прав на счастливую полнокровную жизнь, не нашел эффективных средств для решения этой цели.

Все течение английской общественной и культурной жизни XVII в. с господством в ней компромиссной идеологии того класса, к которому принадлежал и Локк, личная жизнь Локка, его теснейшая связь с руководителями и политиками класса, написавшего на своем знамени, как высшую мудрость — умеренность, — все это задерживало возможность полного разрыва новой педагогической теории со старой.

Нужна была революционность французской буржуазии, выросшей в иных условиях, прошедшей иную школу борьбы за свои идеалы, чтобы новая цель воспитания, четко сформулированная представителем английских средних классов, блокирующихся с земельной аристократией, обросла большим арсеналом средств к ее реализации.

Но и позднейшая буржуазная педагогика, даже в моменты своей наивысшей прогрессивности, не разрешила и не могла разрешить полностью этой задачи.

Только марксистская педагогика, в тесной связи с задачей всего передового человечества — утверждения коммунистического общества, ставит по-настоящему проблему раскрытия всех творческих задатков каждого индивидуума и, в условиях диктатуры пролетариата, впервые находит действительные и всеобъемлющие средства к ее решению.

УЧЕНИЕ.

1. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ОБУЧЕНИЯ.

Я вовсе не отрицаю, что обучение наукам очень способствует развитию добродетели и мудрости в людях с хорошими духовными задатками; но необходимо также согласиться с тем, что в других людях, не имеющих таких задатков, оно ведет лишь к тому, что они становятся еще более глупыми и дурными людьми», — говорит Локк в начале того раздела его книги, который посвящен проблеме обучения.

Поскольку учение для джентльмена необходимо, но стоит на втором плане, Локк считает, что к осуществлению его можно приступить тогда, когда обеспечено развитие характера, когда ребенку привили основы нравственности и морали, когда развили его добрые начала и искоренили в нем дурные задатки.

Какие же цели преследует обучение?

Занимая подчиненное место в системе воспитания джентльмена, не являясь конечной целью этого воспитания, обучение есть средство для достижения цели, лежащей вне его и стоящей над ним. Идеал воспитания не образовательный, а моральный — создание и укрепление такого характера, который помог бы джентльмену счастливо и разумно провести свою жизнь, требует от обучения наполнить джентльмена истинными знаниями, полезными в будущей практической жизни. Повседневная жизнь, к которой готовится молодой человек, понимается Локком исходя из личных интересов каждого джентри, каждого купца.

Вопрос «чему учить» он предоставляет «решать родителям и воспитателям, которым полезно при этом помнить, что, о какой бы части воспитания ни шла речь, наибольшее количество времени и прилежания должно быть посвящено тому, что будет по всей вероятности иметь наибольшее значение и наиболее частое применение в обычном течении и обстоятельствах той жизни, для которой предназначается молодой человек» («Мысли»).

Такой утилитарный подход к проблеме образования джентльмена приводит Локка к тому, что каждый учебный предмет он ценит только за те полезные в житейской практике сведения, которые содержатся в нем. Стоит внимательно взглянуть на рассуждения Локка о необходимости изучения счетоводства, рисования, арифметики и

всех прочих наук и предметов, чтобы понять, каким критерием пользуется Локк при отборе учебного материала в программу образования джентльмена.

Знание бухгалтерии, хоть и не поможет джентльмену нажить состояние, но даст возможность не допустить его до расстройств. Рисование очень важный предмет, так как дает возможность быстро перенести на бумагу то, что произвело впечатление во время деловой поездки. Указав, что арифметика — самый ранний вид абстрактного рассуждения, Локк подчеркивает, что ценит ее не столько за данное свойство, сколько потому, что «она так общепотребительна при всех обстоятельствах обычной и деловой жизни» («Мысли»).

Цель обучения — расширить объем сведений джентльмена, с тем, чтобы он оказался подготовленным к управлению имением, к ведению торговых операций, к деловым путешествиям и ко всем тем общественным обязанностям, отправление которых сопряжено с его званием.

Подход Локка к подбору учебного курса очень интересен прежде всего тем, что не предполагает какого-нибудь единого круга общеобразовательных знаний. Задачи образования в такой интерпретации рассматриваются сквозь призму личных интересов каждого отдельного буржуа. Каждый отец должен, по мнению Локка, обучать своего сына наукам, но программа этого обучения индивидуальна: она вполне соответствует жизненному призванию и общественному положению данного ученика.

Состав учебного курса для каждого джентльмена подбирается из всех наук, сложившихся в данный период; но обязательными для него являются только те, которые тесно связаны с его будущей деятельностью.

Нельзя не отметить, что такой индивидуализм не дает возможности четко разграничить общее и профессиональное образование, и если сам Локк, рекомендуя те или иные предметы для изучения, в некоторой степени грешит соединением общеобразовательных и полупрофессиональных знаний (бухгалтерия, стенография), то в позднейшем развитии педагогической мысли утилитаризм приводил его защитников к пренебрежению задачами общего образования в угоду специальному.

Утилитаризм же Локка направлен прежде всего против такого обучения, которое ни в какой мере не было связано с жизнью. И средневековая школа «семи свободных искусств», и пришедшая ей на смену грамматическая школа игнорировали задачу вооружения учащихся научными сведениями, помогающими человеку в выполнении его повседневных дел и обязанностей. Первая, пренебрегая земным существованием, готовила человека к уразумению словес бога, его пророков и церковных авторитетов, вторая готовила умы к теоретическим операциям, к чтению литературных и исторических трудов авторов классической древности.

Локк, отвергая и ту и другую трактовку задач образования, стремится ответить задачам своего времени: вооружить человечество теми достижениями из различных областей научного знания, кото-

рыми так богаты XVII и XVIII вв. истории Западной Европы и особенно Англии.

Но Локк считает также необходимым соотносить содержание той или иной науки с задачами укрепления нравственности. В этом плане любопытны его высказывания о значении натурфилософии для образования джентльмена.

Восхищаясь трудами таких ученых, как Бейль или «несравненный мистер Ньютон», Локк все же рекомендует предварить доктринами священного писания изучение их систем, т. к. материя, с которой постоянно имеют дело наши органы чувств, способна сильно овладеть душой и изгнать всякое представление о нематериальных существах, т. е. о боге и ангелах. Человек, не оставивший в своем мировоззрении места для бога, аттестуется Локком как безнравственный субъект.

Поэтому он рекомендует сначала возбудить в детях любовь к высшему существу, а затем уж разрешить им увлекаться системами философов и ученых. Но и защита необходимости некоторого религиозного образования построена у Локка на иных началах в сравнении с его предшественниками.

Если для последних земное существование только краткий эпизод, готовящий к другой, идеальной и более длительной жизни, то для Локка земная жизнь интересна, важна и значительна сама по себе.

Человек живет не для страданий, а для разумного счастья. Счастливым же только добродетельный, т. е. почитающий божество человек. Таким образом, решая вопрос о задачах образования, Локк продолжает переключать внимание человечества с потусторонних облачных проблем на радости и факты земного существования.

Для нас ясна положительная роль Локка в деле защиты такой школы, такого образования, которое ставит своей задачей дать учащемуся положительные реальные сведения из различных областей наук.

Но эта задача, как бы она ни выглядела привлекательной во времена Локка, все же составляет только одну из частей более широкой проблемы образования.

Уже со времени гуманистов теория воспитания поставила своей задачей развивать, в процессе образования, умственные способности учащихся. Эта задача воспитания нашла свою реализацию в учебном курсе немецких протестантских гимназий и английских grammar schools, где программа и весь строй обучения преследовали задачу тренировки и развития мыслительных способностей детей на отвлеченно-логическом материале.

Узко-классические вышеназванные школы, как известно, очень уродливо решали поставленную перед ними задачу формального образования, но это обстоятельство никак не должно компрометировать стремление педагогики и педагогов готовить умы учащихся не только к будущей практической, но и теоретической деятельности. Поэтому правомерно спросить, как же думает Локк по этому вопросу, имеет ли он в виду обеспечить такой подбор учебных предметов, который бы гарантировал учителю возможность развития мышления

учащихся, и выдвигает ли Локк такую задачу перед образованием?

Ответ на этот вопрос, в косвенной форме, имеется в целом ряде высказываний Локка, содержащихся в разделе «об учении» разбираемой нами книги.

Возьмем к примеру его мысли об изучении грамматики, — того самого предмета, который сторонники формального образования ценили прежде всего как средство умственного развития.

Локк отвергает необходимость изучения грамматики и не только иностранного, но и своего родного языка, на том основании, что языки создавались не по каким-нибудь правилам, а практикой народа.

С его точки зрения, грамматику должны изучать только те, деятельность которых совершается с помощью их перьев и языков, т. е. только словесники-профессионалы. Всем остальным, если и следует изучать грамматику, то только разве для того, чтобы над их неправильными оборотами не смеялись в свете.

Внимательный просмотр высказываний Локка об изучении грамматики показывает, что он совершенно не касается вопроса о влиянии этого предмета на развитие умственных способностей учащихся.

Можно ли считать, что Локк стоит за целевую направленность реальных «бюргерских» школ, противопоставлявших себя грамматическим школам и сосредоточивших свое внимание на материальной стороне образования? Как известно, некоторые реальные школы пренебрегали задачей умственного развития учащихся. Совокупность всех трудов Локка не дает нам возможности причислить его к сторонникам такого реального образования. Его второй педагогический трактат, помещенный здесь и названный «О воспитании разума», самым решительным образом защищает необходимость подготовки человеческого ума к теоретическим операциям. В этом труде, поставив первым вопросом вопрос о том, что значит развить разум человека, Локк отвечает в духе тех теоретиков, которые обосновали грамматическую школу.

Он говорит здесь, что развивать и совершенствовать разум следует не обильным и разнообразным овладением содержания науки, а усилением деятельности умственных способностей.

Читатель сразу почувствует противопоставление Локком содержания науки ее формам. Больше того, он также заметит противоречивость Локка и несовпадение его позиций при сопоставлении мыслей, высказанных в первой книге, с теми умозаключениями, которые содержатся во втором трактате.

2. СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ.

В книге «Мысли о воспитании» Локк выражает недовольство учебными планами современных ему схоластических грамматических школ, где «все общественное внимание сосредотачивается вокруг латыни и учености и главный упор делается на то, чтобы мальчик преуспевал в предметах, значительная часть которых не имеет ника-

кого отношения к жизненному призванию джентльмена, которое предполагает знания делового человека и подобающее его общественному рангу поведение и сводится к тому, чтобы он стал заметным и полезным человеком в своей стране сообразно своему положению» («Мысли»).

Свое недовольство Локк заканчивает выводом о необходимости реформировать существующую программу образования применительно к тем будущим жизненным задачам, которые станут перед молодым человеком, когда он превратится во взрослого. Пользуясь при отборе образовательного материала критерием полезности в будущей жизни, как основным, Локк заменяет тогдашнее, — узко-классическое — образование науками, дающими реальные, практические сведения. Остановливаясь на предметах, занимавших главное место в учебном плане латинских школ, Локк совершенно изгоняет из обучения греческий язык на том основании, что надо готовить не профессионального ученого, а джентльмена, для которого при нынешних условиях достаточно знания латинского и французского языков.

Изучение ~~же~~ языков, которыми джентльмен не будет пользоваться в предстоящей жизни, говорит Локк, есть бесполезная трата труда и времени. Просматривая дальше традиционный курс обучения, Локк выступает также против риторики и логики, ибо, говорит он, «правильное рассуждение покоится не на предикаментах и предикабиях, а на чем-то другом, и заключается вовсе не в том, чтобы уметь говорить по модусам и фигурам» («Мысли»).

Внимательно просмотрев все, что в старой системе образования могло быть полезным его воспитаннику, Локк на основе вдумчивой критики этого учебного материала строит свою образовательную программу.

Помимо чтения, письма и рисования, он рекомендует изучать географию, так как ребенок с удовольствием будет заниматься этим предметом.

Локк стоит за изучение арифметики, астрономии, геометрии, хронологии и истории, а также гражданского права и законов своей страны, ибо английский джентльмен должен быть знакомым с законами своей родины.

В соответствии со своими убеждениями в том, что основой добродетели является бог, Локк дает также программу религиозного образования.

Так сочетаются в программе обучения, намеченной Локком, светское и религиозное образование. Здесь Локк, сделав, как и его предшественники — идеологи эпохи возрождения, большой шаг вперед к светской школе от школы семи свободных искусств средневековья, видит свою реформаторскую роль не в том, чтобы ограничить еще больше религиозное образование, а в том, чтобы изменить его методы применительно к силам и возможностям детского мышления.

Но этим не исчерпывается программа обучения джентльмена. Локк рекомендует также, вопреки установившемуся обычаю, обучать его какому-нибудь полезному ремеслу. Насколько включение ремесла

в образовательную программу противоречило господствующему убеждению, можно судить по оговоркам Локка. Он замечает, что при первом же упоминании о ремесле он боится навлечь на себя подозрение в забвении того, что он пишет о воспитании не какого-либо простолюдина, а джентльмена.

Желая побороть существующий предрассудок, сводящийся к признанию несовместимости занятия ручным трудом со знатностью и богатством, Локк указывает на пример великих людей древности, умевших соединять ручной труд с государственными делами и видевшими в них отдых от умственных занятий. Обосновывая необходимость знания ремесел, Локк руководствуется опять тем же принципом полезности. Физическим трудом надо заниматься в интересах пользы для своего здоровья, делая его средством отдыха от умственных занятий («Мысли»).

Несколько расширяя значение физического труда, Локк рекомендует его как незаменимое средство для воспитания любви к деятельному образу жизни в детях, склонных к лени.

В качестве ремесел, возможных к изучению, Локк рекомендует «садоводство, сельское хозяйство, работы по дереву, как — плотничья, столярная, токарная.

«К вышеупомянутым ремеслам можно прибавить еще изготовление духов, лакирование, гравирование и некоторые виды работ по железу, меди и серебру» («Мысли»).

Из всего этого разнообразного ассортимента ремесленных занятий отец и воспитатель выбирают одно или два ремесла и обучают им джентльмена в соответствии с его будущими обязанностями.

Но Локк, имевший смелость настаивать на совместимости физического труда со знатностью и богатством, подходит к этому вопросу односторонне.

Для Локка физический труд важен прежде всего по соображениям медицинского и общежитейского характера, как средство отдыха от умственной работы, как средство приобретения навыка, облегчающего джентльмену возможность правильно, мудро и расчетливо управлять своим имением, и привычки, дающей возможность не скучать, а с пользой для дела употреблять свое время.

Коснувшись вопроса об эстетическом воспитании, Локк останавливает свое внимание на всех тех занятиях, которые способны придать внешности человека изящество и грацию, которые развивают его «внешние таланты».

Значение танцев, музыки, живописи, стихосложения, фехтования и верховой езды для воспитания джентльмена Локк оценивает все с тех же утилитарных позиций.

Он ставит музыку «среди всех прочих талантов» на последнее место на том основании, что знание музыки требует большой затраты времени; ничего не прибавляя к хорошей репутации джентльмена, оно может его вовлечь в дурную компанию.

Он также осторожно относится и к живописи, ибо это интересное само по себе занятие не только не приносит никакой пользы здоровью джентльмена, но и отвлекает его от более важных и серьезных обязанностей.

Наоборот, танцы пользуются у Локка большим признанием; он дает советы начинать изучение их как можно раньше, ибо они сообщают молодому человеку не только изящество и грацию, но и уверенность в себе.

Усиленно рекомендует Локк также и верховую езду, ибо это занятие «дает человеку твердую и грациозную посадку в седле и делает его способным приучить своего коня сразу останавливаться, быстро поворачиваться и становиться на дыбы; она полезна для джентльмена и в мирное время, и на войне» («Мысли»).

«Последнюю часть воспитания, — пишет Локк, — обыкновенно составляет путешествие, в котором обычно видят завершение дела, то, что заканчивает формирование джентльмена» («Мысли»).

Локк одобряет установившийся в дворянских семьях обычай заканчивать образование путешествием, но считает необходимым пересмотреть вопрос о возрасте путешествующих. По мнению Локка, образовательное содержание путешествий, сводящееся к приобретению навыков в иностранных языках, к расширению знаний по истории, географии и естествознанию, к ознакомлению с политическим устройством других государств, сильно увеличится или уменьшится, в зависимости от возраста джентльмена. Да и задача укрепления нравственности воспитанника требует правильного решения того же вопроса о возрасте воспитанников, покидающих родной дом. Подросток должен поехать, говорит Локк, не в семнадцать или восемнадцать лет, как это принято в свете, а либо раньше — в пятнадцать-шестнадцать лет, когда он еще подчинен чужой воле, либо позже — в двадцать один — двадцать два года, когда он стал достаточно самостоятельным.

Вышеизложенные мысли Локка очень интересны для уяснения не только одного частного вывода о возрасте путешествующего, но и всей педагогической концепции английского философа. В них содержится четкое решение вопроса о времени превращения воспитанника, в силу своих психологических особенностей подчиненного чужой воле, в самостоятельную личность, руководимую собственной волей. Как видно, этот этап в жизни человека наступает очень поздно, только к 21—22 годам. Только с этого времени можно доверить человека, фигурально выражаясь, самому себе, тогда как до этого рубежа его должен вести воспитатель, мало доверяющий собственному разуму воспитанника.

Остановимся теперь на оценке всей совокупности мыслей Локка о программе образования.

Как легко заметить, Локк выступает перед нами сторонником так называемого реального образования.

Какой бы области обучения он ни касался, везде его интересует, по сути говоря, одна и та же вещь. И в сфере изучения наук, и в сфере приобретения трудовых навыков, и в путешествиях учитель должен думать о наполнении учащегося реальными, полезными сведениями в большом объеме и широких границах.

На страницах работы «Мысли о воспитании» Локк ценит все умственные и физические занятия, предлагаемые ребенку, за то что

ложительное содержание, которое заключено в них. И это сильно отличает Локка от современных ему представителей официальной педагогики. Защитники программы грамматических школ настаивали на том, что задачей учения является интеллектуальная подготовка ко всем высшим ученым и государственным должностям в обществе. Наилучшим типом образования для достижения этой цели считали они лингвистическое, дающее якобы возможность развить умственные способности учащихся, но не заключающее в себе никаких положительных сведений об окружающем.

Споря с этими теоретиками, Локк заявляет, что образование нужно не для того, чтобы сделаться ученым человеком, наполненным книжными знаниями, а для того, чтобы счастливо, благоразумно и деловито провести свою жизнь. Поэтому центром обучения, по его мнению, являются не те науки, которые тренируют и упражняют мыслительные способности в отвлеченной умственной деятельности, а те положительные научные сведения, которые помогают человеку разумно управлять своим имением, правильно вести торговые дела, мудро отправлять приличные для джентльмена общественные обязанности.

Мы в праве говорить о том, что двуединую задачу образования: приобретение учащимися научных знаний и развитие их нравственных и умственных сил — Локк неправомерно разорвал на две обособленные друг от друга части. Это станет особенно ясным, когда мы обратимся ко второму труду Локка, где он останавливает свое внимание на проблеме развития мышления человека.

До сих пор в историко-педагогической литературе не было обращено достаточного внимания на явную противоречивость последнего раздела «Мыслей о воспитании» и упомянутого трактата «О воспитании разума». В тех же случаях, когда исследователи фиксировали внимание читателей не только на первой, но и на второй книге, они не шли дальше констатации того факта, что точки зрения Локка в том и другом месте не всегда совпадают.

А между тем приходится говорить о полнейшей несогласованности взглядов Локка на цели, содержание и методы образования, применительно к разным периодам человеческой жизни, применительно к двум задачам образования.

Локк, сторонник реального образования ребенка в возрасте 12—15 лет, превращается в защитника формального образования в том периоде жизни человека, когда он занимается умственной деятельностью самостоятельно, т. е. в 21—22 года.

Позиция Локка в последней книге содержит в себе возвращение к опровергнутому тезису о правомерности и целесообразности формального образования и вступает в противоречие с тем исходным положением, которое было занято английским философом в третьем разделе первой книги.

Следует разобраться в этой коллизии с тем, чтобы представить себе учение Локка по всей его полноте и всесторонности. Следует вскрыть генетические корни такой раздвоенности, следуя за логикой мысли самого разбираемого нами автора.

Выше уже говорилось о том, что во втором трактате Локк считает единственной задачей образования развитие мощного, сильного человеческого разума,двигающегося к познанию истины. Какую же программу предлагает Локк для решения этой цели?

«Если вы хотите, — пишет он, — чтобы человек хорошо рассуждал, вы должны приучить его к этому с ранних лет, упражнять его ум в анализе связи идей и в прослеживании их последовательности. Ничто не способствует этому в большей степени, чем математика, которой поэтому следует, по моему мнению, учить всех, кто имеет время и возможность, не столько для того, чтобы сделать их математиками, сколько для того, чтобы сделать их разумными созданиями» («Воспитание разума»).

Поставив задачей тренировку разума в формально-логических операциях, «в наблюдении связи идей и прослеживании их последовательности», Локк уже ценит каждую науку не за ее положительное содержание, а как «способ укоренить в душе привычку рассуждать точно и последовательно». Материал науки и формы науки противопоставлены друг другу: первый отбрасывается, вторые становятся объектом ознакомления и подражания. Критерием ценности науки для образования джентльмена становится иной, чем тот, который защищался раньше. Полезны, важны и обязательны те науки, которые по своему методу являются наиболее типичными, наиболее систематизированными и абстрактными. Правда, Локк и здесь говорит о необходимости некоторого энциклопедизма, но все в тех же формальных целях.

«Цель и значение известного ознакомления с теми отраслями знания, которые не имеют отношения к вашей непосредственной профессии, заключаются в том, что оно осваивает наш ум со всякого рода идеями и с надлежащими методами исследования их обычных связей и отношений. Это сообщает уму свободу, а упражнение разума в различных методах исследования и рассуждения, применявшихся наиболее сведущими людьми, учит ум пронизательности и осмотрительности и сообщает ему гибкость, необходимую для того, чтобы он мог во всех своих исследованиях более внимательно и искусно следовать за изгибами и поворотами в изучаемом предмете» («Воспитание разума»).

Трактат о воспитании разума может, с полным правом, считаться сводом правил и советов о развитии абстрактного, дисциплинированного мышления, работающего строго по правилам и доказательствам. Беда не в том, что Локк считает необходимым развивать таковое по определенной программе и методике, а в том, что он резко противопоставил содержание и формы учебного предмета содержанию и формам мышления человека. Получилось, что в детском возрасте следует усваивать содержание науки в интересах расширения объема мышления, на второй стадии следует обращать внимание исключительно на метод в интересах развития форм мышления.

Было бы неправильно говорить, что Локк окончательно покинул позиции реального образования и превратился в защитника теории формальной дисциплины ума. Нет, то и другое решение сохраняют свою обязательность применительно к различным ступеням обучения.

Такая несогласованность в решении вопроса о программе и, как мы увидим дальше, в методах образования не является случайной и связана с общими философскими взглядами Локка.

Защита реального направления в образовании вытекает из отправного философского тезиса Локка, гласящего: процесс познания и развития разума начинается с момента соприкосновения с реальным миром; простые идеи, порожденные этим соприкосновением, являются материалом, обеспечивающим деятельность мышления. Отсюда и материалистическая постановка вопроса о необходимости ввести в сознание ребенка как можно больше конкретных, фактических сведений о действительности.

Защита формального направления в образовании вытекает из тех заключительных философских тезисов, где утверждается истинность знания на основе сопоставления идей между собой и в отрыве от закономерности самой природы. Отсюда требование во время учебы обращать внимание на метод, на форму науки, дабы вооружить человека умением проводить свою мысль по логическим ступеням.

Непонимание того, что истинность знания заключается в его соответствии объективной закономерности, лежит тяжелым грузом на педагогических воззрениях Локка. Этот груз увеличивается вследствие механического разрыва единого процесса познания на две обособленные, несвязанные между собой ступени.

Задача правильного решения проблемы умственного образования становится для Локка непосильной, хотя он глубже, чем кто-нибудь, почувствовал слабые места как теоретиков формального, так и реального образования. Обвиняя в невежестве защитников латыни, логики и риторики, Локк правильно говорит, что не в этих науках заключаются начало и причина мышления. Понимая ограниченность реалистов, Локк столь же справедливо призывает не останавливаться на расширении объема сведений ребенка, а систематически и планомерно работать над развитием его мышления. Но, пытаясь дать программу, обслуживающую всю совокупность задач умственного образования, Локк разрывает единый процесс образования на две обособленные части, каждая из которых содержит в себе свою цель, свое содержание, свою методику.

Противопоставление задач практического и теоретического образования, материального и формального, доведено Локком до абсолютного разрыва. Вот почему его теория образования использовалась в истории развития педагогической мысли сторонниками самых крайних направлений.

3. МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ.

Решая вопрос о содержании образования, Локк, как мы видели выше, соединил в своих высказываниях две противоречивые концепции: реального и формального образования, что стало возможным вследствие противоречивых толкований, содержащихся в его гносеологии. Но сцепление в механическое единство двух разноречивых теорий детерминировало в свою очередь и раздвоенную постановку

вопроса о методах обучения, применительно к двум задачам образования.

Если программа обучения определялась соображениями социального и философского характера, то методическая проблема аргументируется главным образом доводами от психологии.

Учитель должен учитывать специфические данные детской психологии и отстраиваться от них — вот основной закон методики обучения.

Арсенал методических средств и приемов учителя должен быть приспособлен к индивидуальным особенностям каждого ребенка — вот второе краеугольное положение методики обучения.

Бряд ли найдутся, говорит Локк, двое детей, которых можно вести совершенно по одной и той же методе.

Локк отчетливо видит, что методы, применяемые в современных ему школах, абсолютно противоречат выдвинутому им психологическим требованиям, и он отыскивает наиболее слабое место своих противников с тем, чтобы опровергнуть их методическую теорию. Искусственность и антинаучность традиционной методики Локк видит прежде всего в неправильном разрешении вопроса о стимулах обучения. Процесс обучения основывается главным образом на принуждении ребенка к учебным занятиям с помощью жестоких и суровых средств. Но это, говорит Локк, противоречит естественным детским склонностям. Ребенок постоянно стремится к приобретению знаний.

«Ибо знание, — пишет Локк, — так же приятно для разума, как свет для глаз; дети радуются и увлекаются им чрезвычайно» («Мысли»).

Только излишняя вера в правомерность и силу принуждения глушит в детях естественный и постоянно горящий интерес к познанию нового.

«Но в отношении тех предметов, изучение которых мы считаем необходимым, важным и единственным расхолаживающим фактором является, по моим наблюдениям, то именно обстоятельство, что от них это требуют, что это становится их обязанностью, что из-за этого их бранят и мучают, что они это делают с дрожью и страхом, или, если они приступают к этим занятиям с охотой, их задерживают на них слишком долго, до крайнего утомления» («Мысли»).

Снимая с детей часто адресуемые им обвинения в нежелании учиться и в лени и отвергая голое принуждение, Локк переключает центр тяжести учителя на умение вызвать и поддержать интерес ученика.

«Великое искусство учителя заключается в умении захватить и удержать внимание ученика».

«Правильный способ обучения этим вещам заключается в умении возбудить в учениках охоту и склонность к тому, что вы предлагаете им изучить».

Локк, развивая свое представление о процессе обучения, в котором главным движущим стимулом является естественный интерес ребенка, настаивает на том, что ни один предмет, который дети должны изучать, не может быть навязан им как обязательная ра-

бота. Нельзя допустить, говорит он, чтобы дети скучали во время учебных занятий, — скука глушит и убивает умственный интерес.

Даже такие вещи, к которым дети уже приохотились, не стоит предлагать им в такое время, когда их ум увлечен чем-нибудь другим.

Так подтверждает Локк мысль Коменского о необходимости подготовить умы учащихся к данному уроку созданием интереса к данной теме и отвлечением мыслей ученика от всего, к ней не относящегося.

Задача эффективного усвоения может быть решена только в том случае, если ребенок благоприятно настроен к учению. Тогда он сделает вдвое и втрое больше, чем если он делает то же самое неохотно и по принуждению.

Развивая свое представление о первых шагах обучения, Локк говорит, что в самом раннем возрасте учеба должна быть не столько серьезной работой, сколько игрой и забавой. Так поставленное обучение приобретает в глазах детей полнейшее признание, они сами будут просить воспитателя поучить их, как просят своих товарищей поиграть с ними.

Начав с удовольствием трудный процесс обучения, дети легко могут выучиться читать, если воспитатель использует для этого различные детские игры.

Локк рекомендует употреблять шары из слоновой кости и другие игрушки с наклеенными на них буквами, как средство легкого и интересного обучения грамоте.

Продолжая свою мысль о создании естественной методики обучения языку, Локк дает развивать и поддерживать в детях интерес к чтению с помощью доступных и интересных для них книжек. Обычно, говорит он, пренебрегают этими приманками, и в результате дети видят в книгах модное развлечение или несносную докучу.

Отмечая некоторую односторонность Локка в вопросе о формах стимуляции к обучению, мы вместе с тем не считаем Локка защитником той теории, которая ориентирует учителя исключительно на сегодняшние интересы ученика. Учение Локка формировалось в тот момент, когда в теории образования господствовала точка зрения немецких протестантских педагогов, возводивших усилие, употребляемое ребенком для овладения древними языками, в единственную и высшую педагогическую мудрость. Это направление в педагогике, ставшее официальным, распространенным и главенствующим, совершенно пренебрегало внутренним миром ребенка, его личным опытом, его повседневными интересами. Именно с этим направлением в педагогике боролся Локк, формулируя свои дидактические принципы, основанные на фактах и явлениях детской психологии. Именно это течение поколебал он силой своего авторитета и обширностью своей эрудиции, указав, что оно не может создать научной методики, так как не понимает различий психологий детского и взрослого возраста. То обстоятельство, что сам Локк верно схватил общие контуры этого различия, помогло ему наметить правильные исходные дидактические положения; но неумение Локка (обусловленное уровнем научной мысли того времени) понять эти различия как постоянно

изменяющиеся и превращающиеся в процессе роста и развития в нечто новое, обусловленное состоянием научной мысли его времени, привело его к односторонней трактовке вопроса о сущности и качествах детского интереса.

К вопросам методики обучения Локк подошел, как и ко всем другим, как идеолог XVII в., как сын «классового компромисса», и это предопределило некоторые ошибки его теории при несомненном общем продвижении вперед.

Правильная и прогрессивная постановка вопроса характеризует и воззрения Локка на вопрос установления дисциплины в процессе обучения. Он прежде всего ищет причин нарушения детьми дисциплины в искусственности школьной обстановки. Правильное и должное отношение детей к образованию он отыскивает в изменении организации, содержания и методики образования.

Образовательный материал, говорит совершенно правильно Локк, должен быть приспособлен к умственным возможностям ученика и преподнесен ему в доступной, увлекательной и интересной форме, и тогда моменты нарушения детьми дисциплины уменьшатся. Если этого недостаточно, то можно применять награды и поощрения, как средства, удовлетворяющие инстинктивному стремлению ребенка к удовольствиям.

Решив вопрос о создании такой системы обучения, которая в основном строилась бы на осознании учеником личной пользы, на удовлетворении его эгоистического стремления к получению удовольствия, Локк очень много говорит о вреде вербализма и о необходимости изучать сущность предметов, вещей и явлений, как они даны самой природой. Настаивая на том, что обучение должно совершаться при помощи органов чувств, Локк резко критикует тогдашнее увлечение словесным методом.

Всякое слово, говорит он, есть понятие, охватывающее сущность той или иной вещи, и нужно, чтобы дети знали и поняли самую вещь, а уже потом усваивали слова.

Кто желает подвинуться в знании, а не начинать себя пустословием, должен поставить себе основным правилом не принимать слов за вещи, а создавать ясные и отчетливые идеи о самих вещах.

Высказывания Локка о вреде вербализма сильно роднят его с Коменским, настаивающим на том, чтобы обучение вещам предшествовало обучению словам. Локк, в отличие от Коменского, не формулирует принципа наглядности, но все его толкование процесса обучения есть защита этого принципа. Руссо, расширительно трактующий принцип наглядности, сказавший, что обучать ребенка следует только тому, что он может видеть и наблюдать в природе, в этом вопросе, как и в целом ряде других, формировался под влиянием Локка.

Выступая против механического заучивания без понимания и осмысливания, Локк очень осторожно относится к чтению классиков. Эффективность такого чтения, говорит Локк, зависит не от того, сколько прочтено, а как осознаны мысли автора. Обычное предположение, будто благодаря чтению познания автора сообщаются читателю, глубоко ошибочны. Надо не просто читать, а понимать прочитанное.

Здесь Локк перекликается с Монтанем, который едко высмеивал начетчество и пустозвонство, основанное на бессмысленном запоминании сказанного другим. Скептицизм Локка по отношению к книжной внешней учености становится очень понятным и действенным, если мы учтем, что в его время перед человечеством стояла задача собирания фактов, осознания их и создания новых естественных наук.

Локк дает также целый ряд указаний о постепенности и последовательности обучения, выдвигаясь в шеренгу педагогов, борющихся за новые, рациональные способы построения педагогического процесса. Но, ставя ряд важных, кардинальных вопросов методики обучения, опирающейся на психологию ребенка, Локк акцентирует во всех изложенных выше мыслях только на усвоении изучаемого. Как содействуют эти методы умственному развитию и приобретению навыков к научным занятиям, — эти вопросы занимают Локка почти исключительно в трактате «О воспитании разума».

Решая там проблему надлежащего развития разума в направлении к самостоятельному отысканию истины, Локк дает очень много интересных, здравых советов о том, как дисциплинировать и отшлифовать мышление.

Основная направленность его советов имеет в виду опровержение старых авторитетов, критику средневековой схоластики, воспевание могучего человеческого разума, не нуждающегося в опеке со стороны церкви. В этом отношении данный трактат входит составной частью в программу деятельности Локка по разрушению религиозного феодального мировоззрения.

Критикуя современное ему схоластическое знание, Локк употребляет всю силу своей аргументации на борьбу с традицией и заблуждениями, которые породило схоластическое оперирование голыми абстрактными понятиями. «Тот, кто желает познать истину вещей, должен отказаться от избитых истин, на которых постоянно толкутся рабы души».

«Кто склонен верить, тот наполовину согласился».

Локк требует самостоятельности и свободы мышления. Проблема развития ума, с тем, чтобы он, не веря измышлениям церкви, самостоятельно двигался в поисках за истиной, выдвигается Локком на первоочередное место. Но решается она только в возрасте, когда человек стал зрелым и взрослым, и сугубо идеалистическими методами.

Путь развития умственных способностей рисуется Локком в отрыве от содержания науки, в отрыве от задачи расширения объема мышления.

Вследствие этого все его советы о том, как научить самостоятельно добывать истину, как вооружить методом, довольно тщательно продуманные, сводятся к формулировке ни к чему не обязывающих тезисов, построенных на шаткой идеалистической основе.

Сильной стороной методических указаний Локка, везде, где он говорит об эффективном, прочном и осознанном усвоении изучаемых предметов, является постоянная забота о согласовании предлагаемого с особенностями детской психологии.

Сильной стороной методических указаний Локка, относящихся к развитию мышления, является стремление способствовать движению мысли по логическим ступеням. Это, безусловно, воспитывает умение понять ход доказательств и метод науки. Эта система дисциплинирует и шлифует мысль учащегося.

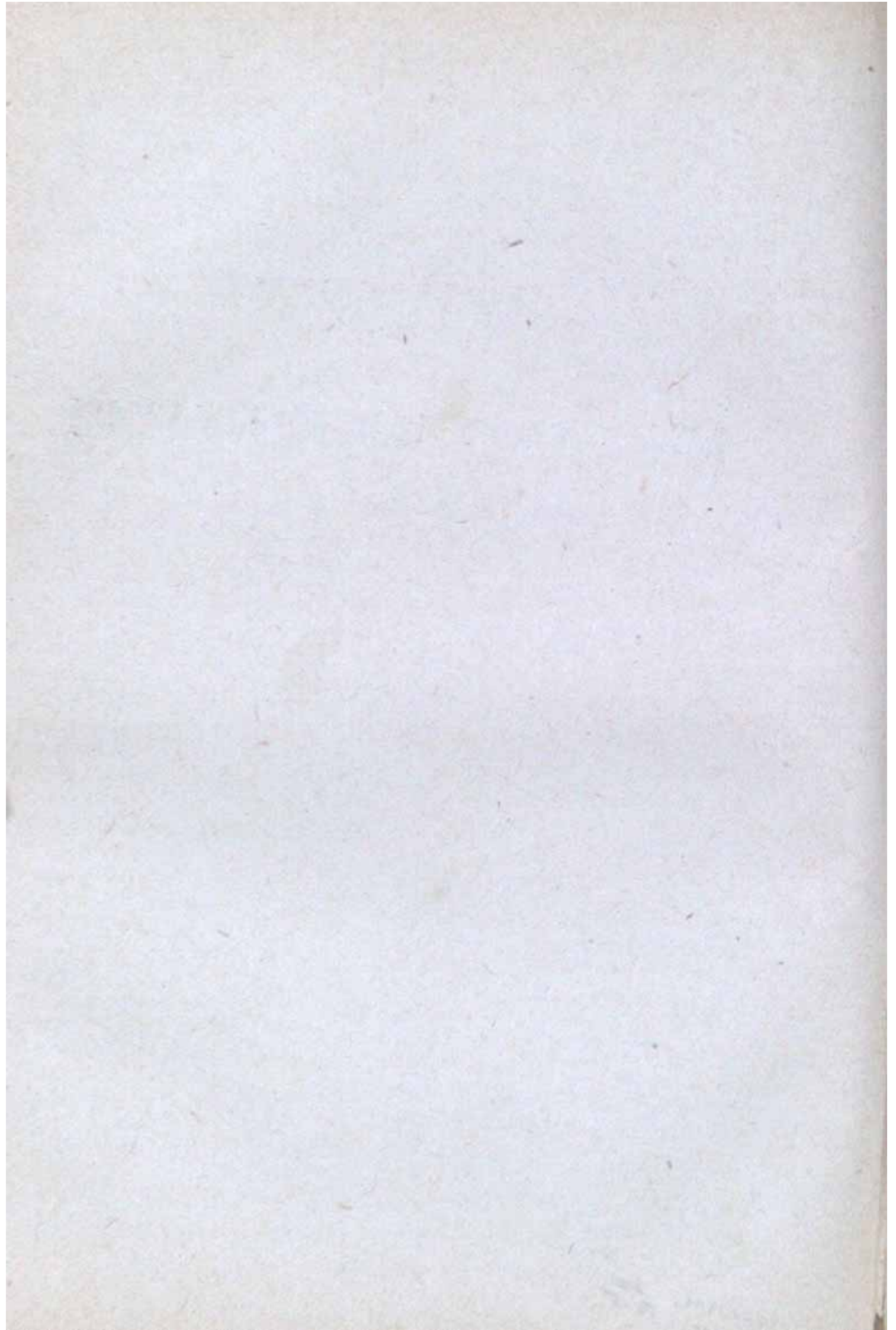
Но методы обучения, имеющие в виду ту и другую задачу, применяются изолированно друг от друга.

Ошибки и противоречия материального и формального образования, ярко представленные в теории Локка, преодолевает только марксистская теория умственного образования.

М. Шабеева.

ДЖОН ЛОКК

МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ

Эдварду Кларку из Чипли, эсквайру

Сэр.

Эти мысли о воспитании, выходящие сейчас в свет, по праву принадлежат вам, так как они были написаны несколько лет тому назад для вас и представляют собою лишь то, что вы уже имеете у себя в виде моих писем. Я так мало изменил что-либо, кроме порядка, в котором они посылались вам в разное время и по разным случаям, что читатель легко убедится, по интимности стиля и его манере, что это скорее частная беседа двух друзей, чем трактат, предназначенный для широкой публики.

Настояния друзей — обычное оправдание публикаций, авторы которых боятся, чтобы в них не увидели намеренного выступления. Но я, как вы знаете, могу по совести сказать, что если бы некоторые лица, слышавшие об этих моих записках, не выразили настойчивого желания увидеть их напечатанными, они бы продолжали покониться среди частной переписки, для которой они предназначались. Но высказав убеждение, что этот мой сырой набросок, если сделать его достоянием публики, может принести некоторую пользу, люди, мнение которых я высоко ценю, затронули то, что всегда будет для меня иметь преобладающее значение: ибо я считаю неременным долгом каждого человека служить своей стране в полной мере его возможностей, и я не вижу, какую разницу полагает между собою и животным тот человек, который думает иначе. Данная тема представляет столь большой интерес, и правильный метод воспитания является столь универсально полезной вещью, что если бы я находил, что мои способности соответствуют моим желаниям, я бы не нуждался в увещаниях и настояниях других. Впрочем незначительность этих заметок и мое справедливое в них сомнение не помешают мне из чувства стыда за столь малый вклад внести свою малую лепту, коль скоро от меня требуют только одного — чтобы я отдал это на суд публики. Если

найдутся еще люди того же калибра и тех же взглядов, которым мои записки настолько понравятся, что они сочтут их достойными печати, то я могу льстить себя надеждой, что чтение их ни для кого не останется потерянным трудом.

Ко мне самому обращалось в последнее время за советом столько лиц, признающих в своем недоумении, как воспитывать своих детей, и ранняя испорченность молодежи настолько сделалась в наше время предметом общих жалоб, что нельзя счесть за назойливого человека того, кто выступает публично с обсуждением этого вопроса и предлагает что-либо, хотя бы только с целью поощрить других или ускорить дело исправления; ибо ошибки в воспитании менее терпимы, чем что-либо другое. Подобно неправильностям, допущенным в первой стадии пищеварения, которые никогда не исправляются во второй или третьей, они несут с собою непоправимый ущерб, остающийся на все периоды и моменты жизни.

Я так далек от того, чтобы преувеличенно оценивать то, что я здесь предложил, что нисколько не буду огорчен, имея в виду именно вашу пользу, если кто-либо другой, более способный и подходящий для выполнения такой задачи, в настоящем трактате, приноровленном к нашему английскому джентри, исправил бы ошибки, которые сделал я в предлагаемой работе; для меня гораздо желательнее, чтобы воспитание и образование молодого джентльмена (то, что должно заботить каждого) было поставлено на правильный путь, чем чтобы было принято мое мнение об этом. Впрочем вы не откажетесь засвидетельствовать, что метод, который я предлагаю здесь, дал необычайный эффект в применении к сыну одного джентльмена, для которого он не предназначался. Я не стану отрицать, что хороший природный склад ребенка сильно тому способствовал; однако я думаю, что как вы, так и родители убедились, что противоположные приемы, соответствующие обычной муштровке детей, не улучшили бы этот характер, не внушили бы ему любви к своему учебнику, не научили бы находить удовольствие в учении и не внушили бы желания, которое у него сейчас есть, научиться большему, чем воспитатели считали нужным его научить.

Но моя задача сейчас не в том, чтобы рекомендовать этот трактат ни вам, чье мнение о нем я уже знаю, ни свету, опираясь на ваше мнение или покровительства.

Хорошее воспитание детей настолько является долгом и интересом родителей и благополучие нации настолько зависит от него, что каждому бы следовало серьезно принимать его к сердцу и, тщательно исследовав и разобрав, что советуют в данном случае каприз, обычай или разум, содействовать со своей стороны повсеместному осуществлению того способа воспитания молодежи с учетом различных условий их жизни, который всего легче, быстрее и вернее способен создать добродетельных, дельных и способных людей в границах их различ-

ных призваний; хотя всего важнее учитывать призвание джентльмена. Ибо если люди этого ранга однажды поставлены воспитанием на верный путь, они быстро приведут в порядок все остальное.

Не знаю, достиг ли я в этом кратком рассуждении чего-либо большего, чем выражение моих добрых желаний в этом направлении; такое, какое оно есть, оно находится сейчас в руках публики, и если в нем есть что-нибудь, достойное ее внимания, она обязана этим вам. Моя привязанность к вам послужила первым толчком к нему, и я испытываю удовольствие от того, что могу оставить потомству этот знак дружбы, которая нас связывала. Ибо я не знаю большего удовольствия в этой жизни, ни лучшего воспоминания, которое можно оставить после себя, чем длительная дружба с честным, дельным и достойным человеком, любящим свою страну.

Остаюсь, сэр,
ваш покорнейший
и преданный слуга
Джон Локк.

Март 7. 1690.

МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ¹.

§ 1. Здоровый дух в здоровом теле — вот краткое, но полное описание счастливого состояния в этом мире. Кто обладает и тем и другим, тому остается желать немногого; а кто лишен хотя бы одного, того лишь мало может компенсировать что бы то ни было иное. Счастье или несчастье человека, большей частью, является делом его собственных рук. Тот, чей дух — неразумный руководитель, никогда не найдет правильного пути; а тот, у кого тело нездоровое и слабое, никогда не будет в состоянии продвигаться вперед по этому пути. Правда, есть люди, обладающие столь крепкой и столь хорошо от природы слаженной конституцией — как физической так и духовной, — что они нуждаются лишь в небольшой помощи со стороны других, что одна только сила их природной одаренности, от самой колыбели, влечет их к прекрасному, что благодаря преимуществу их счастливой природной организации они способны делать чудеса. Но примеры такого рода немногочисленны, и можно, мне думается, сказать, что девять десятых тех людей, с которыми мы встречаемся, являются тем, что они есть — добрыми или злыми, полезными или бесполезными — благодаря своему воспитанию. Именно оно и создает большие различия между людьми. Незначительные или почти незаметные впечатления, производимые на нашу нежную организацию в детстве, имеют очень важные и длительные последствия: здесь имеет место то самое, что у истоков некоторых рек, где небольшое усилие может отвести податливые воды в русла, которые заставят их течь почти в противоположных направлениях; благодаря этому слабому воздействию, которое оказано на них у самых истоков, движение вод получает различные направления, и они, в конце концов, достигают весьма отдаленных и далеко отстоящих друг от друга мест.

**Физическое
здоровье.**

§ 2. Я думаю, что детскую душу так же легко направить по тому или иному пути, как и речную воду; но хотя в этом и заключается основная задача воспитания и наша забота должна быть уделена главным образом внутренней стороне человека, однако не следует оставлять без внимания и брентную оболочку (Clay-cottage²). С последней я поэтому начну и прежде всего рассмотрю вопросы, касающиеся здоровья тела: этого вы, пожалуй, скорее всего и ожидаете от меня, имея

в виду ту ученую специальность, в которой меня считают более подготовленным. К тому же с этими вопросами можно скорее покончить, так как, если я не ошибаюсь, круг этих вопросов весьма невелик.

§ 3. Насколько здоровье необходимо нам для профессиональной деятельности и счастья и насколько каждому, кто желает играть какую-либо роль в мире, нужна крепкая конституция, способная переносить лишения и усталость, — слишком ясно, чтобы требовались какие-либо доказательства.

§ 4. Мои дальнейшие рассуждения о здоровье относятся не к тому, что должен врач делать с больным и хилым ребенком, а к тому, что должны делать родители, не обращаясь к помощи медицины, для оберегания и для укрепления здоровой или, по меньшей мере, неболезненной конституции своих детей. А это можно, пожалуй, выразить в следующем коротком правиле: джентльмены³ должны закалять своих детей так же, как это делают честные фермеры и зажиточные иомены. Но матери, может быть, сочтут это правило слишком суровым, а отцы найдут его слишком кратким; поэтому я объясню свою мысль более подробно. При этом я буду исходить из того общего, достоверного и заслуживающего внимания женщины наблюдения, что природа большинства детей портится или по меньшей мере терпит ущерб от баловства и изнеживания.

Тепло.

§ 5. Первое, о чем следует заботиться, — это чтобы дети, ни зимою, ни летом, не одевались и не прикрывались слишком тепло. Когда мы появляемся на свет, наше лицо не менее чувствительно, чем любая другая часть тела. Только привычка закаляет тело и делает его более выносливым к холоду. По этому поводу скифский⁴ философ дал очень выразительный ответ афинянину, который удивлялся, как тот может ходить голым в мороз и снег. «Как ты можешь выносить, — сказал скиф, — чтобы твое лицо подверглось действию холодного зимнего воздуха?» — «Но мое лицо приучено к этому», — ответил афинянин. — «Вообрази же себе, что я весь лицо», — возразил скиф. Наше тело будет переносить все, к чему оно приучено с самого начала.

Прекрасный пример, относящийся к занимающей нас сейчас задаче, показать, что может сделать привычка (пример, правда, обратного характера, — он относится к случаю чрезмерной жары), я нашел в одном новейшем и интересном описании путешествия и приведу его словами самого автора: «На Мальте, — говорит он, — жара сильнее, чем в какой бы то ни было части Европы, сильнее даже, чем в Риме, и притом чрезвычайно удушлива, особенно в связи с тем, что там редко дуют освежающие ветры. По этой причине простой народ там черен, как цыганы. Однако крестьяне там не боятся солнца: они работают в самое жаркое время дня без перерывов, и не укрываясь от его палящих лучей. Это убедило меня в том, что сама природа может приводить ко многим таким явлениям, которые кажутся невозможными, лишь бы мы приучались к ним с самого детства. Так именно поступают мальтийцы⁵, которые закаляют тела своих детей и приучают их к жаре, заставляя их, начиная с колыбели и до десяти-

летнего возраста, ходить нагишом — без рубашек, без панталон и с обнаженными головами».

Поэтому позвольте мне посоветовать вам не защищаться слишком усердно от холода нашего климата. В Англии есть люди, которые носят одну и ту же одежду и зимою и летом без всяких дурных последствий, и не ощущая холода в большей мере, чем другие. Но если в отношении мороза или снега приходится делать уступку матери из-за того, что она боится вреда, а отцу из-за того, что он боится осуждения, то пусть по крайней мере зимнее платье мальчика не будет слишком теплым. И вы должны, между прочим, помнить, что если природа так хорошо прикрыла его голову волосами и настолько укрепила их за первые год-два его жизни, что он в состоянии почти целый день бегать с открытой головой, то лучше всего и на ночь оставлять его голову неприкрытой; ведь ничто так не предрасполагает к головным болям, к простуде, катаррам, кашлю и разным другим заболеваниям, как привычка держать голову в тепле.

§ 6. Высказывая изложенное, я имел в виду мальчика, потому что главная цель моего рассуждения заключается в выяснении надлежащих методов воспитания молодого джентльмена, начиная с детских лет. Эти методы не могут во всем подходить к воспитанию дочерей; однако нетрудно будет разобрать, в чем различие пола требует применения различных приемов воспитания.

§ 7. Я советовал бы также обмывать ему ежедневно ноги холодной водой, а обувь делать настолько тонкой, чтобы она промокала и пропускала воду, когда ему случится ступить в нее. Боюсь, что против меня ополчатся матери и служанки. Первые найдут, что это слишком грязно, а вторые, вероятно, решат, что им придется слишком много трудиться над чисткой его чулок. Но ведь поистине здоровье дороже (во много раз дороже) всех этих соображений. Всякий, кто подумает о том, как вредно и опасно промачивать ноги нежно воспитанным молодым людям, пожалеет, что он не ходил босиком, подобно детям бедных родителей, которые благодаря этому, в силу привычки, настолько легко переносят сырость в ногах, что они не больше от нее простужаются и не больше терпят вреда, чем от сырости в руках. И что, — спрошу я вас, — если не привычка, создает для других людей такую большую разницу между руками и ногами? Я не сомневаюсь, что если бы человек привыкал с детства ходить всегда босиком, а руки держать закутанными в теплые рукавицы с надетыми поверх их «ручными башмаками» («handshoes»), как называются перчатки у голландцев, то промачивание рук было бы для него столь же опасным, как опасно теперь для весьма многих людей промачивать ноги. Для предотвращения этой опасности нужно обувь мальчиков делать так, чтобы она пропускала воду, а также ежедневно мыть им ноги в холодной воде. Это можно рекомендовать и по соображениям чистоты; но здесь я имею в виду интересы здоровья и поэтому не приурочиваю обмывание ног к точно определенному времени дня. Мне известен случай, когда это делалось с хорошим результатом каждый вечер, всю зиму без перерывов, причем употреблялась самая холодная вода. Ребенок обмывал свои ноги по колено водой, которая была покрыта толстой пленкой льда, хотя

он был в столь малом возрасте, что не был еще способен сам растирать и вытирать себе ноги; а начали его приучать к этому, когда он был совсем мал и очень нежен. Важна самая цель — закаливание этих частей тела путем частого и вошедшего в привычку обмывания холодной водой и предупреждение таким способом такого вреда, который причиняется случайным промачиванием ног людям иначе воспитанным; поэтому выбор времени — дня или вечера — можно, мне думается, предоставить благоразумию и удобствам родителей. Время, по моему мнению, безразлично, лишь бы успешно осуществлять самый прием: приобретенные в результате этого здоровье и закалка стоили бы и более дорогой цены. К тому же указанный прием предохраняет и от мозолей, что для некоторых явится очень ценным вознаграждением. Только начинайте это делать весною, с тепловатой водой, и переходя постепенно ко все более холодной, пока через несколько дней не перейдете к совершенно холодной; затем уже продолжайте так и зимой и летом. Здесь, как и в других случаях отступлений от обычного образа жизни, необходимо следить за тем, чтобы перемена достигалась мягкими и нечувствительными переходами: таким путем мы можем приучить свое тело ко всему, не испытывая страданий и не подвергая себя опасности.

Не трудно предвидеть, как склонны будут принять эту теорию любящие матери. Подвергать такому обращению их нежных малюток — разве это не значит, самое меньшее, убивать их? Как! Погружать их ноги в холодную воду в зимнее время, когда и без того не удастся достаточно их согреть? Чтобы несколько рассеять их страх, приведу примеры, без которых редко выслушиваются даже самые очевидные доводы. Сенека⁶ рассказывает нам о себе, что он имел привычку купаться в середине зимы в холодной ключевой воде. Если бы он не считал это не только выносимым, но и полезным для здоровья, он вряд ли стал бы это делать, так как его огромное богатство позволяло ему тратиться на теплые ванны; а в его возрасте (он был тогда уже стар) были простительны и большие поблажки. Кто-нибудь, может быть, подумает, что к этому суровому приему побуждали его стоические принципы. Пусть так: допустим, что учение секты заставляло его переносить и холодную воду. Но что делало это полезным для его здоровья? Ведь здоровье его не страдало от этой суровой привычки. А что нам сказать о Горации⁷, который не согревал себя славой какой-либо секты и менее всего сочувствовал строгостям стоического учения. Между тем и он уверяет нас, что у него была привычка купаться зимою в холодной воде. Некоторые при этом, может быть, подумают: в Италии значительно теплее, чем в Англии, и температура воды там очень отличается от зимней температуры наших вод. Но если реки Италии теплее, то реки Германии и Польши значительно холоднее, чем у нас; однако там евреи — как мужчины, так и женщины — купаются, не делая перерывов, во все времена года, и притом без всякого вреда для здоровья. Не всякий также склонен видеть чудо или какие-то особенные достоинства источника св. Винфреда⁸ в том, что холодные воды этого знаменитого источника не причиняют вреда нежным телам купающихся в нем людей. Всем известны теперь многочисленные случаи, когда холодные

купания производят чудеса над больной и слабой конституцией людей, возвращая им здоровье и силу; они не могут поэтому быть бесполезны или непереносимы, когда речь идет о физическом укреплении и закаливании тех, кто обладает лучшей конституцией.

Если эти примеры взрослых людей сочтут неподходящими для детей, потому-де, что организм детей еще слишком нежен и не способен переносить такие эксперименты, то пусть думающие так посмотрят, как поступали со своими детьми германцы и как поступают современные ирландцы, и они убедятся, что также и дети, какими бы нежными их ни считали, могут переносить без всякой опасности для себя обмывание холодной водой не только ног, но и всего тела. В горной части Шотландии и теперь еще некоторые женщины применяют этот режим к своим детям в середине зимы и находят, что холодная вода не причиняет им никакого вреда, даже если в ней плавают лед.

Плавание.

§ 8. Мне нет надобности говорить здесь о плавании в том возрасте, когда мальчик уже способен учиться плавать и если есть кому его учить. Умение плавать многим спасает жизнь, и римляне считали его настолько необходимым, что ставили на одну доску с грамотой, и о человеке плохо воспитанном и ни к чему негодном у них существовала поговорка: «он не научился ни грамоте, ни плаванию» («*nes literas didicit, nes natare*»). Но помимо того, что мальчику полезно усвоить это искусство, которое может пригодиться ему в нужную минуту, польза, которая получается при этом для здоровья от частого купанья в холодной воде в период летней жары, настолько многообразна, что здесь, мне думается, нет надобности что-либо говорить о поощрении к этому занятию; необходимо только, чтобы соблюдалась следующая предосторожность: ребенок не должен входить в воду, пока он разгорячен физическим упражнением, взволновавшим его кровь или пульс.

Воздух.

§ 9. Очень полезно также для всякого, и особенно для детей, проводить много времени на открытом воздухе, но при этом возможно меньше бывать возле огня, даже зимою. Этим путем мальчик также привыкнет к жаре и холоду, к солнцу и дождю; все эти вещи, если тело человека не в состоянии будет их переносить, мало пользы принесут ему на этом свете, а взрослому человеку слишком поздно начинать привыкать к ним. Привыкать надо с ранних лет и притом постепенно: таким путем можно сделать тело выносливым — почти ко всему. Если я посоветую предоставлять ребенку бегать на ветру и на солнце без шапки, то навряд ли мой совет будет принят. Он вызвал бы тысячу возражений, которые по существу сводились бы к одному лишь соображению, а именно — что ребенок загорит на солнце. Но держать юного джентльмена всегда в тени, никогда не выпуская его на солнце и ветер из опасения за цвет его лица, — это, может быть, хороший способ сделать из него красавчика, но не человека дела. И хотя красота дочерей требует еще большей заботы, однако я возьму на себя смелость сказать, что чем больше они будут находиться на воздухе, тем они будут и сильнее и здоровее; и чем ближе их воспитание будет по суровости подходить к воспитанию их братьев, тем это полезнее будет для всей их дальнейшей жизни.

§ 10. Игра на открытом воздухе, насколько мне известно, скрывает в себе только одну опасность: она заключается в том, что дети, разгоряченные бегом, садятся или ложатся на холодную землю. Эту опасность я признаю; также и холодное питье, когда человек разгорячен работой или физическим упражнением, уносит в могилу или близко подводит к ней, причиняя лихорадку или другие болезни, большее количество людей, чем какая-либо другая известная мне причина. Эти вредные последствия легко предупреждать, когда ребенок мал, так как в этом возрасте он редко остается без присмотра. И если в детские годы ему будут постоянно и строго запрещать садиться на землю и пить холодную жидкость, то правило предосторожности, превратившись в привычку, сильно поможет ему оберечь себя, когда он выйдет из-под надзора своей няни или воспитателя. Это все, что можно, как я думаю, сделать в данном отношении: ведь когда мальчик подрастет, он должен будет получить свободу и во многих вещах необходимо будет предоставить ему самостоятельность, ибо нельзя же вечно держать его под надзором. Самым лучшим и надежным контролем явятся тогда те хорошие принципы, которые вы внушили ему, и те привычки, которые вы ему привили: поэтому им-то и следует уделять самое большое внимание. А от предостережений и правил, как бы часто их ни повторяли, вы в данном случае, как и в других, можете ожидать эффекта лишь в той мере, в какой практика будет превращать эти правила в привычки.

Одежда. § 11. Упоминание о девочках заставляет меня вспомнить одну вещь, о которой не следует забывать, именно — что платье вашего ребенка не должно делаться слишком тесным, особенно в груди. Предоставим природе возможность формировать тело, как она считает лучшим: предоставленная самой себе, природа работает гораздо лучше и точнее, чем если бы следовала нашим указаниям. И если бы женщинам приходилось самим формировать тела своих детей в своих утробах, как они часто пытаются исправлять их формы уже после рождения, мы наверное имели бы так же мало детей, хорошо сложенных от рождения, как мало встречаем таких детей среди тех, которые подвергаются тесной шнуровке или другим искусственным воздействиям. Я думаю, что эти соображения должны были бы удерживать серьезных людей (я не говорю о невежественных нянях и корсетных мастерах) от вмешательства в дело, которого они не понимают; они бы должны были остерегаться отклонять природу от ее путей в формировании членов тела, раз они не знают, как устроен хотя бы самый незначительный и наименее важный из них. Между тем я видел так много детей, страдающих от тесной шнуровки, что остается сделать следующий вывод: кроме обезьян, есть, повидимому, и другие создания, которые, будучи немного разумнее обезьян, губят своих детей бессмысленной нежностью и чрезмерными объятиями.

§ 12. Узкая грудь, короткое и неприятно пахнущее дыхание, больные легкие и искривление позвоночника — вот естественные и почти постоянные результаты ношения жесткого корсета и тесного платья. Этот способ создавать тонкую талию и красивую фигуру приводит только к большему их уродованию. Ведь на самом деле

ничего другого, кроме непропорциональности частей тела, не может получиться, когда пища, вырабатываемая в нескольких органах тела, не может распределиться так, как указывает природа. Что же в таком случае удивительного в том, если она, отлагаясь там, где не встречается препятствий, где какая-либо часть тела не так крепко затянута, делает одно плечо или бедро выше или толще, чем это требуется правильной пропорцией? Всем известно, что у китайнок очень маленькие ноги (в которых они почему-то находят что-то красивое) получаются оттого, что они с детства их туго затягивают и завязывают. Я видел недавно пару китайских башмаков, которые, как мне сказали, предназначались для взрослых женщин; эти башмаки очень мало подходили к ногам наших женщин того же возраста и по своим размерам едва ли оказались бы пригодны для какой-либо из наших маленьких девочек. Кроме того замечено, что китайские женщины очень малы ростом и живут недолго, в то время как их мужчины имеют рост, обычный для других мужчин, и доживают до соответствующего возраста. Эти дефекты китайских женщин некоторыми приписываются неразумному затягиванию ног, так как этим затрудняется циркуляция крови и от этого страдают рост и здоровье всего тела. А как часто мы видим, что при повреждении маленькой части ступни от вывиха или ушиба, вся нога (или бедро) теряет свою силу и питание и отсыхает? Насколько же худших последствий можно ожидать, если грудная клетка, в которой помещаются сердце и седалище жизни, неестественно сдавливается, и нормальному развитию ее ставятся преграды?

Пища.

§ 13. Что касается пищи, то она должна быть совсем обыкновенной и простой; и я бы советовал, пока ребенок ходит в детском платье, или, по крайней мере, до двух- или трехлетнего возраста, вовсе не давать ему мяса. Но как это ни полезно для его здоровья или силы в настоящем или в будущем, я боюсь, что родители с этим не сгласятся, так как они сбиты с толку собственной привычкой есть слишком много мяса: они готовы думать, что их дети, как и они сами, если они не будут иметь мяса по крайней мере два раза в день, будут подвергаться опасности умереть с голода. Я уверен, что зубы у детей прорезывались бы с гораздо меньшей опасностью для них, что они гораздо менее были бы подвержены болезням в младенческом возрасте и у них закладывалась бы более надежная основа здорового и сильного организма, если бы нежные матери и неразумная прислуга их не закармливали так и в первые три или четыре года совсем не давали бы им мяса.

Но если мой юный джентльмен уже обязательно должен получать мясо, то пусть он получает его только раз в день и притом в один раз только одного сорта. Обыкновенная говядина, баранина и телятина и т. д. без всякой другой приправы, кроме голода, — лучше всего; и нужно прилагать большую заботу о том, чтобы он ел много хлеба, одного хлеба или с чем-либо другим, и чтобы хорошо пережевывал какую бы то ни было твердую пищу. Мы, англичане, часто относимся к этому с пренебрежением, а отсюда происходят всякие расстройства желудка и другие очень вредные последствия.

§ 14. На завтрак и ужин очень полезно давать детям молоко, молочный суп, кашу на воде, овсянку и целый ряд блюд, которые принято готовить в Англии; нужно только заботиться о том, чтобы все эти блюда были просты, без обильных примесей и очень мало приправлены сахаром, а еще лучше совсем без него. Особенно же тщательно следует избегать всяких пряностей и других вещей, которые могут горячить кровь. Следует также умеренно солить их пищу и не приучать их к сильно приправленным блюдам. Наш орган вкуса именно благодаря привычке получает пристрастие к приправам и ко всякой изысканной пище; а чрезмерное употребление соли не только вызывает жажду и заставляет пить больше, чем следует, но и в других отношениях вредно действует на тело. Я думаю, что ломоть хорошо замешанного и хорошо пропеченного полубелого хлеба, иногда с маслом или сыром, а иногда и без того, мог бы часто быть лучшим завтраком для моего юного джентльмена. Я уверен, что этот здоровый завтрак сделает его столь же сильным человеком, как и более тонкие блюда; да если приучить его к такому завтраку, он и нравиться ему будет не меньше. Если мальчик просит дать ему есть не в установленное время, не давайте ему ничего другого, кроме сухого хлеба. Если он голоден, а не капризничает только, он удовлетворится одним хлебом; если же он не голоден, то ему вовсе не следует есть. Этим вы достигнете двух хороших результатов. Во-первых, привычка заставит его полюбить хлеб, ибо, как я сказал, наш вкус и желудок находят удовольствие в том, к чему мы их приучили. Другая польза, достигаемая этим, заключается в том, что вы не приучите его есть больше и чаще, чем требует природа. Я не думаю, что все люди обладают одинаковым аппетитом: у одних желудки от природы крепче, у других слабее. Но я думаю, что многие люди становятся гурманами и обжорами в силу привычки, не будучи таковыми от природы; и я вижу в разных странах, что люди, которые едят только два раза в день, так же сильны и бодры, как те, которые постоянным упражнением приучили свои желудки напоминать о себе четыре или пять раз. Римляне ничего не ели до ужина; это была единственная настоящая еда даже у тех, которые ели более одного раза в день, и те, кто имел привычку завтракать — одни в восемь часов, другие в девять, третьи в двенадцать и несколько позже, — никогда не ели мяса и не заставляли для себя готовить что-либо другое. Август⁹, будучи уже величайшим монархом на земле, рассказывает нам, что он брал с собою в экипаж кусок хлеба. А Сенека, сообщая в своем 83-м письме, какой режим он установил для себя, уже будучи стариком, когда возраст допускал послабления, говорит, что он имел привычку съесть за обедом один лишь кусок сухого хлеба и даже не садился за стол, хотя его состояние позволяло бы ему (если бы этого требовало его здоровье) тратить не на худший обед, чем любой обед, принятый в Англии, и притом даже в два раза больший. Повелители мира росли на этой скудной пище; и молодые джентльмены в Риме не чувствовали недостатка силы, физической или духовной, из-за того, что они ели лишь один раз в день. Если же случалось, что кто-либо не был в состоянии поститься до ужина, который был

единственной установленной едой, то он брал только кусок сухого хлеба или — самое большое — несколько изюминок, чтобы заморить червячка.

Это правило умеренности считалось настолько необходимым для здоровья и работы, что обычай садиться за стол один раз в день устоял против напыла роскоши, которая была занесена в среду римлян их завоеваниями и грабежами на Востоке; и те, которые отказались от старинной умеренности в еде и стали задавать пиры, не начинали их раньше вечера. Садиться за стол больше одного раза в день считалось столь чудовищным, что времен Цезаря¹⁰ римляне находили предосудительным устраивать пир или садиться за стол до захода солнца. Поэтому, если в том не усмотрят чрезмерной суровости, я считал бы самым подходящим давать моему юному джентльмену также и к завтраку только хлеб. Вы не можете себе представить, какую силу имеет привычка; и я приписываю большую часть наших болезней в Англии тому, что мы едим слишком много мяса и слишком мало хлеба.

§ 15. Что касается времени еды, то я считал бы **Время еды.** самым лучшим, насколько это возможно без каких-либо неудобств, не приурочивать еды к какому-либо определенному часу: ибо, если еда, по установившейся привычке, будет приурочиваться к определенным промежуткам времени, желудок ребенка будет требовать пищи к привычному часу и будет испытывать раздражение, если этот час пропущен; в результате — или раздражение приведет к вредному излишеству, или же желудок ослабеет до потери аппетита. Поэтому я бы не устанавливал раз навсегда одного определенного времени для завтрака, обеда и ужина, а скорее менял бы часы почти каждый день. Если же в промежутках между тем, что я называю установленной едой (meals), ребенок захочет есть, то давайте ему, всякий раз, когда он попросит, хороший кусок сухого хлеба. Если кто-либо счел бы такой режим питания слишком суровым и скудным для ребенка, то пусть он знает, что ребенок никогда не будет голодать или чахнуть от недостатка пищи, если он, кроме мяса к обеду и похлебки или чего-либо в этом роде к ужину, будет еще получать хороший кусок хлеба и пиво всякий раз, когда он захочет есть: такой режим я, по зрелом размышлении, считаю наилучшим для детей. Утро обыкновенно предназначается для учения, к которому полный желудок является плохой подготовкой. Сухой хлеб, будучи самой лучшей пищей, в то же время создает меньше всего соблазна; и кто заботливо относится к физическому и духовному развитию ребенка и не желает из него сделать тупого и нездорового человека, не станет его пичкать за завтраком. И пусть не думают, что такой режим не подходит для человека с состоянием и высокого положения. Джентльмен должен воспитываться так, чтобы во все времена быть в состоянии носить оружие и стать солдатом. А кто в наше время так воспитывает своего сына, как будто предназначает его к тому, чтобы проспять всю жизнь в изобилии и довольстве крупного богатства, которое он собирает ему оставить, тот мало принимает в соображение примеры, которые он видел, и время, в которое он живет.

Питье.

§ 16. Питьем ребенка должно быть только легкое пиво; да и его не следует никогда давать пить в промежутках между едой, а лишь после того, как тот съест кусок хлеба. Говорю это по следующим соображениям.

§ 17. 1. Питье в разгоряченном состоянии порождает больше лихорадок и желудочных расстройств, чем какая-либо другая известная мне причина. Если мальчик разгорячился от игры и испытывает жажду, хлеб не пойдет ему в рот; поэтому, если ему разрешается пить только под этим условием, он вынужден будет воздерживаться, ибо, пока он сильно разгорячен, он ни в коем случае не должен пить; он должен будет раньше по крайней мере съесть добрый кусок хлеба, и таким образом будет выиграно время для того, чтобы подогреть пиво до температуры крови, и тогда уже можно его пить безопасно. Если у него сильная жажда, он охотно выпьет его нагретым до указанной температуры и лучше утолит свою жажду. Если же он не захочет его пить в таком нагретом виде, то от воздержания никакой беды не будет! Таким путем он приучится также к воздержанию, а это — привычка весьма полезная как для физического, так и для душевного здоровья.

§ 18. 2. Запрещение пить без еды должно предупредить привычку часто подносить ко рту кружку; это опасное начало и подготовка к веселой компании. Путем привычки люди часто прививают себе чувство голода и жажды. И если вы захотите сделать этот опыт, вам удастся мальчику, однажды отученному от этой привычки, снова привить такую сильную потребность пить ночью, что он не в состоянии будет без этого заснуть. Кормилицы пользуются этим средством для убаюкивания плачущих детей, и я думаю, что матери обычно испытывают некоторые трудности, когда хотят отучить своих детей, только что взятых домой, от привычки пить ночью. Поверьте, власть привычки одинаково проявляется как днем, так и ночью, и вы всякого можете, если захотите, приучить к тому, чтобы он испытывал жажду каждый час.

Я одно время жил в доме, где, чтобы успокоить капризного ребенка, всякий раз, когда он плакал, давали ему пить, так что он то и дело прихлебывал; не умея еще говорить, он выпивал в течение суток больше моего. Попробуйте, если хотите, и вы увидите, что употреблением как слабого, так и крепкого пива можно приучить себя чувствовать постоянную жажду. Главное, о чем следует помнить в деле воспитания, это — какие привычки вы желаете вкоренить; поэтому, в данном отношении, как и во всех других случаях, вы с самого начала не должны обращать в привычку то, что вы не думаете дальше продолжать и усиливать в ребенке. Для сохранения здоровья и трезвости не следует пить больше, чем этого требует естественная жажда; а тот, кто не ест соленого мяса и не пьет крепких напитков, будет редко испытывать жажду в промежутках между едой, разве только если он был приучен к такому несвоевременному питью.

Крепкие напитки.

§ 19. Прежде всего необходимо особо тщательно следить, чтобы мальчик, если он изредка пьет вина и крепкие напитки, пил их возможно реже. В Ан-

гнали ни один обычай не имеет такого распространения, как обычай давать детям вино; а между тем ничто так разрушительно не действует на них. Дети не должны никогда пить никаких крепких напитков, разве только в тех случаях, когда это требуется как лекарство для укрепления сердца, и притом лишь по предписанию врача. Но и в этих случаях нужно с особой строгостью следить за слугами и самым строгим образом ставить им на вид, если они нарушают предписания. Эта дурная порода людей, которая видит большую долю своего счастья в употреблении крепких напитков, всегда стремится угодить молодому барчуку, предлагая ему то, что больше всего нравится им самим. Находя, что им становится веселее от вина, они по глупости думают, что оно не причинит вреда и ребенку. За этим вы должны следить весьма тщательно и бороться против этого со всем умением и энергией, на которую вы способны; ибо ничто не закладывает столь прочного фундамента порчи физической и нравственной, как привычка детей к крепким напиткам, особенно, если они пьют втихомолку в обществе слуг.

Фрукты. § 20. Вопрос о фруктах — это один из самых трудных вопросов в деле ухода за здоровьем, особенно за здоровьем детей. Из-за них наши прародители рискнули раем, и неудивительно, что наши дети не могут устоять против соблазна, хотя бы это стоило им здоровья. На этот счет нельзя установить какого-либо общего правила; ибо я отнюдь не разделяю мнения тех, которые хотели бы почти совсем не давать детям фруктов, как чего-то безусловно вредного для их здоровья. Такая строгость только возбуждает в них сильнейшую жадность к фруктам и приводит к тому, что они едят их, как только им удастся их раздобыть, будь это хорошие или дурные, зрелые или незрелые. Я думаю, что детям вовсе не следует давать дынь, персиков, затем слив большинства сортов и всех произрастающих в Англии сортов винограда, так как, обладая очень соблазнительным вкусом, они содержат очень нездоровый сок. Но клубнику, вишни, крыжовник и смородину, если они совершенно зрелые, можно, я думаю, разрешать им есть почти без всякого опасения и притом в довольно большом количестве, с тем, однако, условием, чтобы при этом соблюдались следующие предосторожности: 1) не есть их, как мы обыкновенно это делаем, после другой еды, когда желудок уже переполнен другой пищей: я думаю, что лучше их есть перед установленной едой или в промежутках между едой, а также давать детям на завтрак; 2) есть их с хлебом; 3) есть их совершенно спелыми. Я думаю, что, если есть фрукты с указанными предосторожностями, они будут скорее полезны, чем вредны для здоровья. Летние фрукты, соответствующие жаркому времени, в которое они появляются, освежают желудок, томящийся и изнемогающий от жары. Поэтому я бы совершенно не проявлял в этом отношении, по примеру многих других, строгости к детям; ибо, если в этом их сильно ограничивать, они, вместо того чтобы довольствоваться умеренными количествами разрешенных им отборных фруктов, удовлетворяют свое желание всякой попавшейся дрянью, как только останутся без надзора, или подговорят слугу достать им их, и наедаются до пресыщения.

Яблоки и груши, если они совершенно спелые и выдержаны в течение некоторого времени, им также, я думаю, можно есть безопасно и во всякое время и притом в довольно большом количестве; особенно яблоки, которые, насколько мне известно, никогда не причиняют вреда здоровью после октября. Сушеные, не подсахаренные фрукты я также считаю полезными для здоровья. Но следует избегать всякого рода сластей; трудно сказать, кому они причиняют больше вреда — тому ли, кто их делает, или тому, кто их ест. Я уверен, что это один из наименее подходящих способов тратить деньги, какие только могло придумать тщеславие: поэтому я предоставляю его дамам.

Сон. § 21. Из всего того, что похоже на баловство и изнеженность, ничего другого нельзя разрешать детям с большей снисходительностью, чем сон. Только в этом нужно полностью удовлетворять их желание: ничто в такой мере не способствует росту и здоровью детей, как сон. Все, что нужно здесь регулировать, сводится к вопросу, какое время должно отводиться детскому сну. Этот вопрос легко разрешается, если мы только скажем, что очень полезно приучать детей вставать рано утром. Это самое лучшее с точки зрения здоровья; и тот, для которого вставать рано, благодаря укоренившейся привычке, сделалось легким и привычным делом с самого детства, не станет, уже будучи взрослым, тратить лучшую и полезнейшую часть своей жизни в ленивой дремоте, валяясь в постели. Если, поэтому, будить детей надо рано утром, то отсюда следует, конечно, что они должны ложиться спать рано; тем самым они приучаются избегать нездоровой и вредной *гульбы* в вечерние часы; тот, кто соблюдает установленные часы сна, редко позволит себе большие отступления от нормального образа жизни. Я не хочу этим сказать, что ваш сын, выросши, никогда не засидится в компании позже восьми часов или не заболтается за стаканом вина до полуночи. Но пока что вы должны, прививая ему соответствующие привычки с ранних лет, развить в нем, насколько возможно, нелюбовь к такой беспорядочности; и не малой выгодой будет то, что, вследствие привычки к противоположному образу жизни, ему неприятно будет засиживаться поздно, что он будет этого избегать и очень редко устраивать ночные пирушки. Но если этого и не удастся достигнуть и мода и товарищи одержат верх и заставят его жить так, как живут другие в возрасте около двадцати лет, все-таки стоит приучить его рано вставать и рано ложиться ради улучшения пока что его здоровья и ради других выгод.

Хотя я сказал, что детям, пока они малы, нужно давать большую свободу в отношении сна и даже предоставлять им спать, сколько они хотят, однако я не думаю этим, что такая снисходительность к ним должна одинаково продолжаться на все будущее время и что, когда они подрастут, нужно также предоставлять им лениво валяться в постели. Когда именно нужно начать их ограничивать, — в возрасте ли семи или десяти лет, или в каком-нибудь другом возрасте, — точно установить невозможно: необходимо принимать в соображение их темпераменты, силу и конституцию. Но в возрасте между семью и четырнадцатью годами, если они оказываются слишком

большими любителями постели, своевременно, мне думается, начать их постепенно ограничивать приблизительно восьмью часами сна, которые, как общее правило, достаточны для здоровых взрослых людей. Если вы приучили ребенка, как и следовало, всегда вставать ранним утром, эта вредная склонность слишком долго оставаться в постели легко будет устранена, и большинство детей будет достаточно склонно по собственному побуждению поменьше засиживаться в обществе поздними вечерами; правда, если за ними не следить, они склонны будут возмещать себе эти часы утренним лежанием, но этого ни в коем случае не следует допускать. Надо всегда будить и поднимать их в установленный для них ранний час; но нужно очень остерегаться будить их слишком быстро, громким или резким голосом или каким-либо другим внезапным и сильным шумом. Это часто пугает детей и причиняет им большой вред; такое нарушение здорового сна внезапной тревогой способно расстроить всякого. Когда нужно детей разбудить, непременно начинайте тихим зовом или каким-либо другим легким движением и таким путем постепенно выводите их из сонного состояния, применяя только ласковые слова и приемы до тех пор, пока они окончательно не придут в себя и не приведут себя в порядок и пока вы не будете уверены, что они совсем проснулись. Принудительное пробуждение от сна, какими бы ласковыми приемами вы его ни вызывали, достаточно неприятно для них само по себе, и надо стараться не прибавлять еще других неприятностей, в особенности не делать ничего такого, что может испугать их.

Постель.

§ 22. Постель ребенка должна быть жесткой, и стеганое одеяло лучше перины; жесткое ложе укрепляет члены, в то время как зарывание каждую ночь в перины изнеживает и расслабляет тело и часто является причиной слабости и предтечей ранней могилы. В значительной мере спаньем на перине вызываются, помимо каменной болезни, которая часто возникает от теплого укутывания поясницы, некоторые другие заболевания, а также та нежная и слабая конституция, которая является корнем всех болезней. Далее, тот, кто привык спать дома на жестком ложе, не будет страдать бессоницей во время своих путешествий (когда сон особенно необходим) из-за отсутствия привычной мягкой постели или из-за того, что подушки положены не в том порядке. Мне думается поэтому, что постель ребенка следует устраивать различным образом, так, чтобы его голова лежала иногда выше, иногда ниже и чтобы он мог стать нечувствительным ко всяким маленьким переменам, с которыми наверно будет сталкиваться всякий, кому не предназначено всю жизнь спать в удобной домашней постели и всегда иметь около себя горничную, которая бы тщательно за всем смотрела и тепло его укутывала. Сон — великое укрепляющее средство, данное природой. Тот, кто лишается его, очень страдает от этого; и очень несчастен тот человек, который может принимать это лекарство только из позолоченного кубка своей матери, а не из деревянной чашки. Тот, кто может спать крепко, принимает это лекарство, и совершенно неважно, спит ли он на мягкой постели или на жестких досках. Единственное, что необходимо — это сон сам по себе.

§ 23. Есть еще одна вещь, которая имеет большое влияние на здоровье, именно — регулярный стул: люди с очень слабым желудком редко обладают сильным умом или крепким организмом. Но так как эта болезнь значительно легче исцеляется при помощи диеты и лекарств, чем противоположная болезнь, то о ней нет необходимости много распространяться: ибо, если она принимает угрожающий характер, сделавшись чересчур сильной или затяжной, она заставит довольно скоро, иногда даже слишком скоро послать за врачом; если же она не приняла значительного размера и не затянулась, то обычно лучше всего предоставить исцеление природе. С другой стороны, запор также имеет свои дурные последствия, а справиться с ним при помощи медицины значительно труднее: слабительные средства, которые по внешнему впечатлению приносят облегчение, на деле однако скорее усиливают, чем устраняют эту болезнь.

§ 24. Так как у меня были особые причины, чтобы заняться исследованием этой болезни, а в книгах я не находил указаний, как лечить ее, я принялся размышлять о ней, исходя из предположения, что можно вызывать в нашем теле и более значительные изменения, если найти правильный путь и правильно по этому пути идти.

1. Я принял в соображение, что отправление стула является результатом известных движений тела и главным образом перистальтического движения кишек.

2. Я принял в соображение также то обстоятельство, что различные движения, не являющиеся вполне произвольными, могут, однако, благодаря практике и постоянным упражнениям, превращаться в привычные, если стараться, непрерывно в том практикуясь, совершать их в определенное время.

3. Я наблюдал людей, которые, выкурив после ужина трубку табака, всегда имеют правильный стул, и у меня явилась мысль, не привычка ли, в большей мере, чем табак, доставляет им это благодеяние природы; или, по крайней мере, если этот эффект вызывается табаком, то не скорее ли через возбуждение сильных движений кишек, чем благодаря его слабительным свойствам, так как во втором случае эффект был бы другой.

Раз я пришел таким образом к предположению, что это отправление можно превратить в привычку, то ближайшая задача заключалась в том, чтобы рассмотреть, каким путем и какими средствами можно вернее всего достигнуть этого результата.

4. Тогда я предположил, что если кто-либо, после утреннего завтрака, немедленно стал бы возбуждать природный процесс и пробовать, нельзя ли заставить себя иметь стул, то со временем он мог бы постоянным применением этого приема превратить это в привычку.

§ 25. Причины, которые заставили меня избрать это время, были следующие:

1. Так как желудок в это время бывает пуст, то, приняв приятную для него пищу (ибо я никогда, за исключением случаев необходимости, не заставлял бы никого есть то, что ему не по вкусу и когда у него нет аппетита), он в состоянии, благодаря сжатию его

мышц, плотно охватить пищу; я сделал предположение, что это сжатие может, по всей вероятности, распространиться далее на кишки и таким образом усилить их перистальтическое движение, как мы видим аналогичное в обратном случае движения при коликах, когда движение, начавшись где-нибудь внизу, продолжается по всей длине и заставляет даже желудок участвовать в этом ненормальном движении.

2. Во время еды у людей обычно ослабляется напряжение их мыслей, и духи [Spirits]¹¹, освобожденные от других функций, с большей энергией распределяются в нижней части живота, способствуя, таким образом, тому же эффекту.

3. Если у людей бывает досуг для еды, то у них должно найтись и время, чтобы поухаживать за мадам Клоациной в той мере, в какой это необходимо для нашей настоящей цели; иначе — ввиду разнообразия человеческих дел и всяких случайностей — было бы невозможно приурочивать это действие к какому-либо определенному часу, и привычка тем самым была бы нарушена. Так как редко случается, чтобы здоровые люди не ели хотя бы раз в день, пусть даже меняя час еды, то привычка может быть сохранена.

§ 26. На основании этих соображений стали производить опыты, и я не знаю человека, который, неуклонно проводя подобные опыты и не упуская систематически ходить в нужное место после первой еды — в какой бы час она ни происходила и независимо от того, есть ли позыв или нет — и там побуждая природу исполнить ее долг, не достиг бы в течение нескольких месяцев желанных результатов и не развил бы у себя настолько регулярной привычки, что ему уже редко случалось оставаться без стула после первой еды, разве только по собственной небрежности: был ли у него позыв или нет, но если только он отправлялся в нужное место и делал необходимое с своей стороны, он может быть уверен, что природа окажется очень послушной.

§ 27. Поэтому я бы советовал применять этот прием и к ребенку, ежедневно, сейчас же после того, как позавтракает. Заставляйте его садиться на судно, как будто бы опорожнение желудка было бы так же в его власти, как и наполнение его. Пусть только он и его няня не думают иначе, а только так; если заставлять его это делать и не позволять ему играть или есть второй раз раньше, чем он не добился стула или, по крайней мере, не приложил к тому всех стараний, то я не сомневаюсь, что в короткое время это станет для него естественным. Ибо есть основание думать, что дети, будучи поглощены игрою и не обращая никакого внимания на все остальное, часто пропускают без внимания естественные позывы, когда они их только слабо беспокоят; и таким образом они, пренебрегая своевременным призывом, постепенно доводят себя до постоянных запоров. То, что указанным способом можно предупредить запоры, является не только моим предположением: я знаю случай, когда благодаря непрерывной практике в течение некоторого времени добились того, чтобы ребенок имел регулярный стул каждое утро после завтрака.

§ 28. Найдет ли кто-либо из взрослых нужным проделать такой опыт — предоставим им самим решить; я же могу только сказать,

что когда я размышляю о многочисленных вредных последствиях, причиняемых отсутствием этого необходимого естественного облегчения, то я не нахожу способа, который бы лучше помогал сохранению здоровья, чем указанный мной. Одного раза в сутки, я думаю, достаточно, и никто, надо думать, не сочтет, что это слишком много. А добиться этого мы можем указанным способом, не прибегая к помощи лекарств, которые при лечении упорного хронического запора обычно оказываются весьма мало эффективными.

Медицина. § 29. Вот все, что я хотел вам сказать относительно ухода за ребенком при нормальном состоянии его здоровья. Может быть, от меня ждут, чтобы я дал некоторые медицинские указания относительно предупреждения болезни. В этом отношении следует, по-моему, лишь строго соблюдать следующее правило: никогда не давать детям никакого лекарства в целях предупреждения болезни. Я думаю, что соблюдение правил, указанных мною выше, лучше приведет нас к этой цели, чем желудочные средства наших барынь или аптечные снадобья. Эти средства вы должны применять весьма осторожно, иначе вы, вместо того чтобы предупредить болезни, только вызовете их. Точно так же не следует при всяком недомогании давать детям лекарства или звать врача, особенно если это человек достаточно ревностный, чтобы немедленно уставить окна склянками и наполнить желудки детей микстурами. Предоставлять детей целиком природе безопаснее, чем отдавать их в руки врача, всегда склонного к активному вмешательству и считающего, что и при обычных недомоганиях детей нужно лечить какими-то другими средствами, помимо диеты или близкого к ней метода. Мой разум и опыт одинаково говорят мне, что к нежным детским организмам следует подпускать таких врачей возможно реже и то только в случаях абсолютной необходимости. Немного свежее-перегнанной воды с настоем красного мака — этой настоящей желудочной воды — в сочетании с покоем и воздержанием часто в самом начале кладут конец разным расстройствам, которые при слишком усердном применении лекарств могут превратиться в тяжелые заболевания. Если же такие мягкие меры не остановят развития болезни и не помешают ей превратиться в настоящую болезнь, то только тогда и будет своевременно обратиться за советом к разумному и осторожному врачу. В этом, я надеюсь, мне легко поверят: никто не может усомниться в серьезности совета со стороны человека, который, затратив известное время на изучение медицины, рекомендует вам не слишком торопиться обращаться к медицине и врачам.

§ 30. Этим я заканчиваю свои соображения относительно тела и здоровья. Сказанное мною сводится к следующим немногим и легко выполнимым правилам: обилие свежего воздуха, упражнения, сон, простая пища; никаких вин или крепких напитков; очень мало лекарств, не слишком теплая и не слишком тесная одежда; приучать голову и ноги к холоду, часто обмывать ноги холодной водой и приучать их к сырости.

Душа. § 31. Коль скоро мы установили надлежащий режим для поддержания в теле той силы и бодрости, при которых оно было бы способно подчиняться и следовать указа-

ниям разума, то ближайшая и основная задача заключается в правильной организации самого разума, с тем, чтобы он во всех случаях был склонен принимать лишь то, что соответствует достоинству и превосходству разумного создания.

§ 32. Если верно то, что я сказал в начале своего труда (а я в этом не сомневаюсь), — именно, что различия, наблюдаемые в нравах и способностях людей, зависят от воспитания в большей мере, чем от чего бы то ни было другого, то мы вправе сделать вывод, что в деле формирования детской души необходимо проявлять большую заботливость и что даже в ранние годы нужно давать ей такое направление, влияние которого сказывалось бы во всей жизни наших питомцев, ибо если они будут поступать хорошо или дурно, похвала или порицание будут относиться именно к этой подготовке, и, в случае совершения ими какой-либо неловкости, общий голос решит, что виновато здесь их воспитание.

§ 33. Как сила тела заключается главным образом в способности переносить лишения, точно так же обстоит и с душой. Великий принцип и основа всякой добродетели и достоинства заключаются в том, чтобы человек был способен отказываться от своих желаний, поступать вопреки своим наклонностям и следовать исключительно тому, что указывает разум как самое лучшее, хотя бы непосредственное желание влекло его в другую сторону.

Ранний
возраст.

§ 34. Большая ошибка, которую я наблюдал в деле воспитания детей, заключается в том, что родители редко уделяют достаточное внимание тому, чтобы сделать душу ребенка послушной дисциплине и разуму и в тот наиболее подходящий для этого период, когда юная душа наиболее нежна и легче всего подвержена воздействию. Родители, которым природа мудро внушила любовь к детям, очень склонны, если разум не контролирует этой естественной привязанности со всей бдительностью, очень склонны — скажу я — позволять ей переходить в слепую влюбленность. Родители любят своих малюток, и это их долг; но часто они любят в своих детях также их недостатки. Нельзя — видите ли — ни в чем перечить детям; надо во всем предоставить им поступать по своей воле; а так как дети в свои детские годы неспособны к большим порокам, то родители думают, что можно без риска проявлять снисходительность к маленьким отступлениям от правильного поведения, что можно забавляться их милой шаловливостью, которая, по их родительскому мнению, вполне подходит к этому невинному возрасту. Но уже Солон¹² очень хорошо ответил одному такому нежному родителю, который не хотел наказать ребенка за одну скверную выходку, извиняя ее тем, что это неважная вещь: да, сказал он, но привычка важная вещь.

§ 35. Любимчик должен научиться драться и дразнить других; он должен получать все, чего потребует, и делать то, что ему нравится. Так родители, поощряя капризы детей и балуя их, когда они малы, портят в них природные задатки, а потом удивляются, что вода, источник которой они сами отравили, имеет горький вкус. Ибо когда дети вырастают, вместе с ними вырастают также и их дурные привычки; когда же они станут совсем взрослыми, слишком взрос-

дыми, чтобы можно было с ними нянчиться, и их родители уже не могут больше забавляться ими как игрушками, тогда родители начинают жаловаться, что мальчишки-де непослушны и испорчены; тогда им уже неприятно видеть их своеволие, и их уже смущают дурные наклонности детей, которые они сами посеяли и поощряли в них; тогда — быть может, уже слишком поздно — они были бы рады вырвать те сорные травы, которые они засеяли собственными руками и которые теперь пустили слишком глубокие корни, чтобы их можно было вырвать. Ибо если ребенок привык во всем проявлять свою волю, пока он носил детскую рубашонку, то почему мы должны считать странным, когда, надевши уже штаны, он стремится к тому же и претендует на то же самое? Конечно, с возрастом и его недостатки обнаруживаются сильнее; и мало есть родителей настолько слепых, чтобы они не видели этих недостатков, и настолько нечувствительных, чтобы они не чувствовали плохих результатов своей собственной снижательности. Ребенок командовал своей няней до того, как научился говорить или ходить; он командовал своими родителями с тех пор, как научился лепетать. Почему же теперь, когда он вырос, когда он стал сильнее и умнее, чем был тогда, он должен стать сдержанным и покорным? Почему в возрасте семи, четырнадцати или двадцати лет он должен потерять ту привилегию, которую родительская снижательность широко предоставляла ему до сих пор? Сделайте опыт над собакой или лошадей или над каким-либо другим животным и посмотрите, легко ли, когда они уже стали большими, исправить те дурные привычки и то своеобразие, к которым они были приучены, когда были молоды. Между тем ни одно из этих животных и наполовину не наделено тем своеволием и тем самомнением, ни одно из них и наполовину не проникнуто тем желанием быть хозяином над собою и властвовать над другими, как человек.

§ 36. Как правило, мы обладаем достаточным благоразумием, чтобы начинать уход за упомянутыми другими созданиями с очень ранних лет и чтобы своевременно их дисциплинировать, если только мы хотим их сделать полезными и на что-либо годными. Только в отношении собственных детей мы здесь проявляем небрежность; и, сделав их дурными детьми, мы неразумно надеемся, что из них выйдут хорошие люди. Ибо если лучше ребенку дать виноград или леденец, когда ему это захочется, чем дать бедному дитяти расплакаться или огорчить его, то почему, когда он станет взрослым, не следует удовлетворять его желания, которые тянут его к вину или к женщинам? Ведь эти предметы в такой же мере соответствуют желаниям взрослого, в какой отвечали детским склонностям те предметы, из-за которых он плакал, когда был мал. Порок заключается не в том, чтобы иметь желания, соответствующие этим различным возрастам, а в неумении подчинять их правилам и ограничениям разума; разница заключается не в том, испытываете ли вы или не испытываете самых влечений, а в способности управлять ими и отказываться от них. Тот, кто не привык подчинять свои желания разуму других, когда он молод, вряд ли будет вслушиваться и подчиняться голосу своего собственного разума, достигши того возраста,

когда он способен им пользоваться. И нетрудно предвидеть, какого рода человек, по всей вероятности, выйдет из такого субъекта.

§ 37. Таковы промахи, обычно совершаемые людьми, которые, видимо, с величайшей заботливостью относятся к делу воспитания своих детей. Но если мы посмотрим на обычное обхождение с детьми, мы получим основание удивляться тому, что среди великой распушенности нравов, на которую жалуются все, вообще остались еще кое-какие следы добродетели. Я хотел бы знать, можно ли назвать какой-либо порок, которому родители и те, кто имеет непосредственный надзор за детьми, не научили бы последних, порок, семена которого не были бы посеяны ими в детях, как только последние стали способны их воспринимать. Говоря это, я не имею в виду те примеры, которые родители и воспитатели сами дают детям, те образцы поведения, которые они выставляют перед ними напоказ и которые уже сами по себе служат достаточным поощрением: я хочу здесь обратить внимание на прямое обучение пороку, на активное сведение детей с пути добродетели. Еще прежде чем те научились ходить, им внушают правила насилия, мести и жестокости. «Ударь меня, а я его люблю» — вот урок, который дети слышат каждый день; и на это смотрят как на пустяк, потому-де, что их руки еще не обладают достаточной силой, чтобы причинить какое-либо зло. Но я вас спрошу — разве это не развращает душу ребенка? Разве это не значит выводить детей на путь насилия и грубости? И если их с малых лет научили бить и обижать других чужими руками, и забавляться обидой, нанесенной другому, и смотреть на чужие страдания, то разве этим они не готовят к тому, чтобы делать то же самое, когда они станут достаточно сильными и будут в состоянии давать чувствовать свою силу и бить других уже с какой-либо целью?

Одежду, которой мы прикрываем наши тела из скромности и в целях согревания и защиты, родители — вследствие своего безрассудства или порочности — рекомендуют своим детям для иного применения. Она стала предметом тщеславия и соперничества. Ребенку внушается желание нового костюма ради его нарядности; а когда маленькая девочка нарядится в свое новое платье и в новую шапочку, может ли ее мамаша, называющая дочку своей королевой, своей принцессой, не научить ее — самое меньшее — любоваться собой? Таким путем маленькие дети приучаются гордиться своим платьем еще раньше, чем научились сами надевать его. А если родители их этому научили в столь раннем возрасте, то почему же им не продолжать в дальнейшем ценить себя за внешнее изящество изделий портного или модистки?

Ложь и увертки, извинения, мало чем отличающиеся от лжи, влагаются в уста малолетних и поощряются в учениках и детях, когда это выгодно учителям и родителям. Можно ли в таком случае рассчитывать, что ребенок, который видит, что уклонение от истины, когда оно направлено к выгоде его почтенного наставника, не только прощается ему, но даже одобряется, не станет пользоваться этой привилегией уже в своих интересах, когда это уклонение от истины сможет принести ему пользу?

Людям низших сословий недостаток средств не позволяет поощрять в своих детях неумеренность возбуждением соблазна изысканной пищей или упрашиванием есть и пить больше, чем нужно; но дурные примеры, которые они подают своим детям в такие моменты, когда и на их долю выпадает изобилие, показывают, что их удерживает от излишеств не отвращение к пьянству и обжорству, а лишь недостаток средств. Но заглянем в дома тех, кому живется немного лучше: здесь еда и питье превратились в столь важное дело и в этом настолько видят счастье жизни, что если дети не получают своей доли, в этом видят пренебрежительное к ним отношение. Соусы, и рагу, и всякая пища, которой придается специфический вкус с помощью всевозможных ухищрений кулинарного искусства, должны раздражить их аппетит в такой момент, когда их желудок и без того наполнен; а потом опасение, как бы желудок не оказался перегруженным, становится предлогом дать лишний стакан вина, чтобы помочь пищеварению, хотя этим пресыщение лишь усиливается. Если мой барчук немного не в духе, первым делом его спрашивают: не хочешь ли, дорогой, покушать? что тебе дать? И немедленно заставляют его есть и пить, причем пускается в ход вся человеческая изобретательность, чтобы придумать что-нибудь достаточно вкусное и изысканное, что могло бы пересилить отсутствие аппетита, которое природа мудро установила в качестве симптома начинающегося расстройства и защиты против его усиления, — с той целью, чтобы вместо обычной работы переваривания новой пищи, загружившей желудок, заняться исправлением и преодолением испорченных соков.

Но и в тех случаях, когда на долю детей выпало счастье такого родительского ухода, при котором благоразумие родителей удерживает их от излишеств стола и приучает их к разумно простой и незысканной пище, дети едва ли могут быть охранены от заразы, отравляющей их душу: их здоровье, может быть, и достаточно хорошо оберегается благоразумным уходом, пока они находятся под опекой; однако их желания неизбежно следуют урокам, которые преподносятся им со всех сторон в этой области эпикурейства. То признание, которым везде пользуется хорошая еда, не преминет с успехом подстрекнуть естественный аппетит и быстро возбудит в них страсть к изысканному столу и склонность тратить на него. Ведь все, даже обличители порока, называют это «хорошо жить». А что сумрачный разум решится противопоставить общественному мнению? И может ли он рассчитывать, что к его голосу прислушаются, если он назовет излишеством то, что так хорошо ценится и всюду практикуется среди людей высшего круга?

В настоящее время этот порок принял столь крупные размеры и встречает столь сильную поддержку, что я уже не знаю, не претендует ли он на то, чтобы называться добродетелью. И не сочтут ли за безумие или за незнание света, если кто-либо станет высказываться против него? Право, я готов был бы допустить, что сказанное мною будет осуждено как маленькая сатира, здесь неуместная; но я затронул этот вопрос в надежде, что этим пробужу в родителях бдительность и внимание к вопросам воспитания их детей, что им станет ясно, насколько последние окружены со всех сторон не только со-

блазнами, но даже учителями порока и, может быть, даже в лице тех людей, которые считаются абсолютно надежными.

Я не буду долгие останавливаться на этом предмете и еще менее склонен вдаваться во все подробности, которые показали бы, как много прилагается усилий к тому, чтобы совращать детей и каплю за каплей внедрять в них порок. Но я желал бы, чтобы родители трезво поразмыслили над тем, каким нарушениям и порокам незаметно обучаются их дети и не заключаются ли их долг и мудрость в том, чтобы обеспечить детей воспитательными воздействиями другого рода.

Капризы. § 38. Мне кажется ясным, что основа всякой добродетели и всякого превосходства заключается в способности человека отказываться от удовлетворения своих желаний, когда разум не одобряет их. Эту способность надо приобретать и совершенствовать посредством привычки, которая становится легкой и естественной, если упражняться в ней с ранних лет. Поэтому, если бы я мог рассчитывать, что меня послушают, то я бы посоветовал — в противоположность тому, что обычно делают — приучать детей с самой колыбели подавлять свои желания и не руководствоваться своими влечениями. Первое, чему они должны научиться — это понимать, что они получают ту или иную вещь не потому, что она им понравилась, а только потому, что она была признана подходящей для них. Если бы им давали только то, что им действительно необходимо, и всегда отказывали бы им в том, чего они требуют с плачем, они научились бы обходиться без желаемого и никогда не настаивали бы на своем с плачем и капризами; они бы и наполовину не были столь несносными для себя и для других, какими становятся обычно, если их с самого начала не воспитывают, как я предлагаю. Если никогда не допускать исполнения их желаний только из-за выражаемого ими нетерпения, они так же мало будут плакать из-за отказа в чем-либо другом, как мало плачут из-за того, что им не дают луны с неба.

§ 39. Я не хочу этим сказать, что детям ни в чем не нужно давать поблажки или что я рассчитываю на то, чтобы они, не бросивши еще детского платья, могли обладать разумом и тактом мужей совета. Я смотрю на них как на детей, которые нуждаются в нежном обращении, для которых игры и игрушки являются действительной потребностью. Моя мысль сводится лишь к тому, что когда дети хотят получить или сделать что-либо им ненужное, не следует им давать или разрешать это только потому, что они маленькие и им этого захотелось: напротив, у них должна быть уверенность, что если они будут приставать с каким-либо требованием, то именно поэтому им будет отказано. Я видал детей, которые, сидя за столом, ничего не просили из того, что подавалось, а удовлетворялись тем, что им давали. Но я видал также других детей, которые с криком требовали, чтобы им давали все, что находится перед их глазами; они хотели, чтобы им давали от каждого блюда, и притом раньше, чем всем остальным. Разве эта разница не была создана тем, что вторые привыкли получить то, чего они просили или требовали с криком, а первые были приучены оставаться без удовлетворения. Чем дети моложе, тем менее, я думаю, следует удовлетворять их недисциплинированные

и беспорядочные желания; и чем слабее их собственный разум, тем сильнее необходимость подчинять их абсолютной власти и ограничениям со стороны тех, на чьем попечении они находятся. Отсюда, я соглашусь, будет вытекать тот вывод, что ухаживать за детьми должны только благоразумные люди. Если в свете принято иное, я ничего не могу сделать. Я говорю лишь, как, по моему мнению, следует поступать, и если бы это уже вошло в обычай, мне бы не было нужды утруждать общественное внимание рассуждениями на эту тему. Но я не сомневаюсь, что и другие, поразмыслив об этом, согласятся со мною в том, что чем раньше начать применять к детям указанный метод, тем легче пойдет дело как для детей, так и для воспитателей, и что следует установить нерушимое правило: раз детям в чем-либо отказано, они не должны рассчитывать на то, что добьются этого криком и приставанием; иначе вы как бы задаетесь специальной целью приучать их к нетерпению и назойливости, награждая их за эти качества.

§ 40. Итак, кто ставит своею целью всегда управлять своими детьми, тот должен начинать это, пока те еще очень малы, и следить за тем, чтобы они полностью подчинялись воле своих родителей. Вы хотите, чтобы ваш сын, выйдя из детских лет, вас слушался? В таком случае вы непременно должны установить свой отцовский авторитет возможно раньше, а именно — как только он стал способен подчиняться и понимать, в чьей власти он находится. Если вы хотите, чтобы ваш сын питал к вам почтительный страх, запечатлейте в нем это чувство уже в детстве; а по мере того как он будет становиться старше, позволяйте ему сближаться с вами; при этом условии вы будете иметь в нем послушного подданного (как оно и должно быть) в детстве и преданного вам друга, когда он вырастет. По моему мнению, очень неправильно понимают должное обращение с детьми те, которые проявляют по отношению к ним снисходительность и фамильярность, пока они малы, и становятся суровыми к ним и держат их на известном расстоянии от себя, когда они выросли; ибо свобода и потворство не приносят пользы детям, а недостаток рассудительности создает необходимость для них ограничений и дисциплины, и наоборот: властное и строгое отношение — плохой способ обращения с людьми, уже обладающими собственным разумом, чтобы им руководствоваться, если только вы не хотите стать в тягость своим детям, когда они вырастут, и не хотите, чтобы они втайне говорили про себя: «когда ты, наконец, умрешь, отец?»

§ 41. Я полагаю, что всякий признает разумным, чтобы его дети, пока они малы, смотрели на родителей как на своих господ, как на облеченных полнотою власти руководителей, по отношению к которым проявляли бы почтительный страх; а впоследствии, когда они подрастут, чтобы они видели в родителях самых лучших и единственно надежных друзей и, как таковых, любили бы и уважали их. Указанный мною путь является, если я не ошибаюсь, единственным, который может обеспечить достижение таких результатов. Когда дети подрастут, мы должны смотреть на них, как на равных нам, как на людей с такими же страстями, с такими же желаниями, как наши страсти и желания. Мы желаем, чтобы в нас признавали разумные

создания, мы стремимся к свободе: мы не любим, если нам надоедают постоянными выговорами и окриками, и не миримся с тем, чтобы люди, с которыми мы сталкиваемся, проявляли к нам суровое отношение или держали нас на почтительном расстоянии. Тот, кто, будучи взрослым, встречает подобное отношение к себе, будет искать другого общества, других друзей, других собеседников, с которыми он мог бы чувствовать себя легко. Поэтому, если детей держать в строгости с самого начала, то, пока они дети, они будут послушны и спокойно подчиняться строгостям, как будто никогда не знали другого обращения. И если по мере того как они будут подрастать и подрастут настолько, чтобы руководствоваться своим разумом, строгость управления будет мало-помалу (в той мере, в какой они будут заслуживать) смягчаться и обращение отца будет становиться все более мягким, и расстояние между ним и детьми уменьшится, то его прежняя строгость только усилит их любовь, так как дети поймут, что это было лишь проявлением доброты к ним и желания сделать их способными заслужить любовь родителей и уважение всех и каждого.

§ 42. В этом заключается общее правило для установления вашего авторитета над вашими детьми. Страх и почтительность должны дать вам первую власть над их душами, а любовь и дружба должны закрепить ее: ибо должно притти время, когда они перерастут розгу и исправительные меры воздействия, и тогда — я вас спрошу, — если любовь к вам не сделает их послушными и не внушит им чувства долга, если любовь к добродетели и желание поддержать свою репутацию не будет их удерживать на достойном пути, — какое у вас будет в отношении их средство повернуть их на этот путь? Конечно, страх оказаться при маленькой доле наследства, из-за того, что стали бы вас огорчать, может их сделать рабами вашего богатства, но внутренне они, несмотря на то, будут оставаться дурными и испорченными. Но эта сдержка ведь не останется навсегда. Всякий человек должен рано или поздно быть предоставлен самому себе, своему собственному руководству, и хороший, добродетельный и способный человек должен быть воспитан таковым внутренне. Поэтому все, что он должен получить от воспитания, то, что должно повлиять на его жизнь, должно быть своевременно вложено в его душу, а именно: привычки, крепко переплетенные с самыми основами его природы, а не притворное поведение и лицемерная личина, надетая лишь из страха и с единственной целью избежать в данное время гнева отца, который может лишить его наследства.

§ 43. После того как мы установили общее направление, которого следует держаться, уместно будет приступить к несколько более детальному рассмотрению некоторых элементов необходимой дисциплины. Я так много говорил о проведении строгого режима по отношению к детям, что меня, быть может, заподозрят в том, что я недостаточно учитываю требования, которые предъявляются нежным возрастом детей и нежной детской конституцией. Но это подозрение рассеется, если вы послушаете, что я скажу дальше: ибо я весьма склонен думать, что очень строгие наказания приносят в воспитании очень мало добра.

напротив — они причиняют большой вред, и можно, мне думается, установить, что, при прочих равных условиях, те дети, которые особенно часто подвергались наказаниям, редко выходят хорошими людьми. Все, на чем я до сих пор настаивал, сводится лишь к тому, что строгость, поскольку она необходима, тем уместнее, чем дети моложе, и что, если она, при правильном применении, произвела свой эффект, ее следует ослабить и заменить более мягким способом обращения.

Почтительный страх. § 44. Послушание и уступчивость, внушенные детям настойчивостью родителей в столь раннем возрасте, что дети не могут помнить, как эти качества у них появились, будут казаться детям естественными и в дальнейшем будут проявлять свое действие с силой природных качеств, предупреждая всякое сопротивление и недовольство. Нужно лишь позаботиться об одном: начать применение этого метода рано, а затем неуклонно его держаться, до тех пор, пока почтительный страх и уважение к родителям не войдут у детей в привычку, пока не исчезнут малейшие проявления непокорности с их стороны и они не проникнутся готовностью слушаться. Именно эта почтительность, если только удалось укрепить ее в детях (а этого следует добиться в раннем возрасте, ибо иначе эта почтительность может быть достигнута лишь ценою усилий и побоев, которых потребуются тем больше, чем позже приступить к воспитанию), в сочетании с такой мерой снисходительности, которая не позволила бы детям использовать ее во зло, должна явиться в будущем, после того как дети подрастут и сделаются разумнее, средством воздействия на них; а не побой, брань или другие унижительные наказания.

Отказ от желаний.

§ 45. Что это так, всякий легко согласится, если только подумает над тем, в чем заключается цель разумного воспитания и чем оно определяется.

1. Кто не имеет власти над своими наклонностями, кто не в состоянии устоять против импульса удовольствия или страдания данной минуты и следовать голосу разума, указывающего, как нужно поступить, тот не обладает истинными принципами добродетели и деятельности и рискует оказаться ни на что негодным человеком. Эта быдержка, которая является противоположностью природной стихийности, должна приобретаться своевременно; привычка к ней, как истинная основа будущей жизнеспособности и счастья, должна внедряться в душу как можно раньше, уже с первых проблесков сознательности и понимания у детей, и тот, кто следит за их воспитанием, должен ее укреплять в них со всей тщательностью и всеми возможными средствами.

Приниженность.

§ 46. 2. С другой стороны, если душа ребенка слишком придавлена и принижена, если его ум пришиблен и сломлен слишком строгим обращением, он теряет всю свою силу и энергию и оказывается еще в худшем состоянии, чем в первом случае. Ибо своенравные юноши, отличающиеся живостью и умом, выходят иногда на правильную дорогу и таким образом становятся дельными и крупными людьми; но пришибленные, робкие и вялые души и духовно неразвитые люди вряд

ли в состоянии когда-либо подняться и очень редко чего-либо достигают. Избегнуть той и другой опасности — большое искусство, и тот, кто нашел способ сохранить душу ребенка непринужденной, деятельной и свободной и в то же время — удерживать ребенка от многих вещей, к которым его влечет, и направлять его к тому, что ему совсем нравится, тот — скажу я — постиг, как примирить эти кажущиеся противоречия, тот, по моему мнению, овладел действительным секретом воспитания.

Побой.

§ 47. Обычный метод воздействия наказанием и розгой, который не требует ни усилий, ни много времени, этот единственный метод поддержания дисциплины, который широко признан и доступен пониманию воспитателей, является наименее пригодным из всех мыслимых приемов воспитания, так как он приводит к обоим упомянутым вредным последствиям; а они, как мы показали, представляют собой Сциллу и Харибду¹³, которые, с той ли или другой стороны, губят всякого, кто сворачивает с правильного пути.

§ 48. 1. Этот вид наказания совсем не способствует преодолению нашей естественной склонности предаваться физическим и мимолетным удовольствиям и всячески избегать страданий, а скорее поощряет эту склонность и тем самым укрепляет в нас то, что является корнем всех порочных поступков и отступлений от правильной жизни. В самом деле, какой другой мотив, кроме чувственного удовольствия или страдания, руководит ребенком, который только из страха быть высеченным корпит над книгой вопреки своей склонности или воздерживается есть нездоровый плод, в котором находит удовольствие? В данном случае он только отдает предпочтение большему физическому удовольствию или избегает большего физического страдания. И что собственно значит — регулировать его поступки и направлять его поведение, используя подобные мотивы? Разве это не значит — спрошу я вас — поощрять в нем то самое начало, искоренение и уничтожение которого является нашей задачей? Я не могу поэтому признать полезным для ребенка какое бы то ни было наказание, при котором стыд пострадать за совершенный проступок не действует на него сильнее, чем само страдание.

§ 49. 2. Этот метод исправления естественно порождает в ребенке отвращение к тому, что воспитатель должен заставить его полюбить. Как легко наблюдать такое явление, что дети, которым раньше нравились те или другие вещи, начинают их ненавидеть, видя, что из-за этих вещей они подвергаются побоям, брани и мучениям! И в этом нет ничего удивительного, так как и взрослых людей нельзя подобными приемами заставить полюбить что-нибудь. В самом деле, какой человек не проникся бы отвращением к самому невинному развлечению, хотя бы само по себе оно было для него безразличным, если бы его вздумали побоями и бранью заставлять развлекаться или подвергать его такому же обращению за некоторые особенности в его манере развлекаться? Это было бы вполне естественно. Неприятная обстановка обычно отравляет самые невинные вещи, которые с нею связаны: один только вид чашки, из которой вы обычно принимаете отвратительное лекарство, вызывает у вас тошноту, и ничего из этой

чашки уже не покажется вам приятным, хотя бы она была исключительно чиста и красива и сделана из дорогого материала.

§ 50. 3. Такой род рабской дисциплины создает рабский характер. Ребенок подчиняется и притворяется послушным, пока над ним висит страх розги; но как только этот страх отпал и ребенок, в отсутствии наблюдающего глаза, может рассчитывать на безнаказанность, он дает еще больший простор своей естественной наклонности, которая, таким образом, нисколько не изменяется, а, напротив, лишь становится в нем значительно сильнее и обычно после такой насильственной сдержки прорывается еще с большей силой.

§ 51. 4. Или же — если строгость, доведенная до крайней степени, берет верх и приводит к исцелению от ранее прорывавшейся скверной наклонности, то этот результат часто достигается за счет насаждения другого, еще худшего и более опасного недуга — душевной пришибленности, и тогда вместо беспорядочного юноши вы будете иметь слабоумное и жалкое существо, которое, правда, нравится глупым людям своей противоестественной скромностью, так как оно не шумит и не причиняет беспокойства, но в конце концов, вероятно, окажется неприятным для своих друзей и на всю жизнь останется бесполезным и для себя и для других.

Награды.

§ 52. Побои и все прочие виды унижающих телесных наказаний не являются подходящими мерами дисциплины при воспитании детей, которых мы хотим сделать разумными, добрыми и талантливыми людьми; эти меры следует поэтому применять очень редко и притом только по серьезным основаниям и лишь в крайних случаях. С другой стороны, нужно тщательно избегать поощрения детей посредством награждения их вещами, которые им нравятся. Кто дает своему сыну яблоко или пряник или какой-либо другой в этом роде предмет из наиболее любимых им с целью заставить его сидеть за книгой, тот только поощряет его любовь к удовольствиям и потворствует этой опасной склонности, которую надлежало бы всеми средствами обуздывать и подавлять в нем. Вы никогда не можете рассчитывать научить его управлять своим влечением, если, ставя ему преграды в одном случае, вы компенсируете это разрешением удовлетворить то же влечение в другом случае. Чтобы сделать из него хорошего, разумного и добродетельного человека, нужно научить его противостоять своим влечениям и отказываться в удовлетворении своему вкусу к богатству, щегольству, лакомству и пр., когда разум ему советует, а долг от него требует противоположного. Но когда вы побуждаете его делать что-нибудь полезное, даря ему деньги, или награждаете его за утомительное сидение за книгой удовольствием от лакомого кусочка; когда вы обещаете ему кружевной галстук или изящный костюм за исполнение какой-либо из его мелких обязанностей, то разве, предлагая ему все это в виде награды, вы не допускаете только, чтобы эти хорошие вещи стали его целью, и разве тем самым вы не поощряете его страсть к этим вещам, не приучаете его видеть в них свое счастье? Так люди неправильно пользуются наградами и наказаниями, чтобы заставить детей проявить усердие к грамматике, к танцам и к некоторым другим подобным предметам, не имеющим большого значения для их счастья

или полезности в их жизни, и тем самым жертвуют их добродетелью, извращают правила их воспитания и приучают детей к роскоши, чванливости, жадности и т. п. Ибо, потворствуя таким образом этим дурным наклонностям, которые они должны были бы ограничивать и подавлять, они закладывают основу будущих пороков, которых можно избежать, лишь подавляя наши желания и с ранних лет приучая их подчиняться разуму.

§ 53. Я не хочу этим сказать, что нужно лишать детей тех удобств и удовольствий жизни, которые не причиняют вреда их здоровью или добродетели. Напротив, я желал бы, чтобы их жизнь стала насколько возможно приятной и веселой для них и чтобы они в полной мере пользовались всем, что может доставить им невинные удовольствия, однако с тем условием, чтобы они получали эти удовольствия только как результат построенных на взаимном уважении и признании их отношений с родителями и воспитателями, но никогда не следует ни предлагать, ни доставлять им эти удовольствия в виде награды за выполнение той или другой обязанности, к которой они питают отвращение и которой они бы не исполняли добровольно без этого соблазна.

§ 54. Но вы скажете: «Если с одной стороны устранить розгу, а с другой — эти маленькие поощрения, которыми можно их привлечь, то как же тогда управлять детьми?» Устраните надежду и страх, и тогда исчезнет всякая дисциплина. Я согласен, что добро и зло, награда и наказание — единственные мотивы для разумного существа: это — шпоры и вожжи, которыми побуждается к работе и направляется все человечество, и поэтому они должны применяться также к детям. Ибо я советую родителям и воспитателям всегда помнить, что с детьми следует обращаться, как с разумными существами.

§ 55. Я признаю, что, если мы хотим влиять на детей, нужно обещать им награды и предупреждать их о наказании. Ошибка, по моему, заключается в том, что применяемые обычно награды и наказания плохо выбираются. Я полагаю, что телесные страдания и телесные удовольствия, когда они превращаются в награды или наказания, которыми рассчитывают воздействовать на детей, дают дурные результаты; ибо, как я уже сказал выше, они только усиливают и укрепляют те наклонности, подчинение и подавление которых является нашей задачей. Какое начало добродетели вы закладываете в ребенке, если отказ в удовлетворении его желания вы искупаете тем, что предлагаете ему взамен этого другое удовольствие? Это значит лишь расширять круг его желаний и приучать его перебрасываться с одного предмета на другой. Если ребенок требует с плачем, чтобы ему дали какой-либо вредный и опасный плод, вы покупаете его спокойствие тем, что даете ему менее вредное лакомство. Этим вы, может быть, сохраняете ему здоровье, но портите душу и расстраиваете ее еще больше. Ибо вы меняете здесь только объект, но продолжаете потворствовать его аппетиту и соглашаетесь, что он должен быть удовлетворен; а в этом именно, как я уже показал, лежит корень зла, и пока вы не добьетесь того, чтобы он был способен отказываться от этого удовлетворения, ребенок может в данную минуту оставаться спокойным и вести себя, как следует, но самая болезнь не исцелена.

Поступая таким образом, вы поощряете и культивируете в нем то, что является источником всего зла, который при ближайшем же случае — это можно сказать с уверенностью — прорвется еще более бурно, возбудит в нем еще более сильные желания, а вам причинит еще большее беспокойство.

Добрая репутация

§ 56. Те награды и наказания, посредством которых мы должны держать детей в порядке, совсем другого рода, и они-то обладают такой силой, что раз нам удалось добиться эффекта от них — дело, по моему мнению, уже сделано, и трудность преодолена. Честь и позор являются самыми могущественными стимулами души, когда она уже способна ценить их. Если вам удалось научить детей дорожить доброй репутацией и страшиться стыда и позора, вы вложили в них правильное начало, которое будет всегда проявлять свое действие и склонять их к добру. Но меня спросят: как же это сделать? Сознаюсь, что на первый взгляд это не лишено некоторой трудности; но я считаю, что эта задача заслуживает того, чтобы поискать путей ее осуществления и, найдя эти пути, по ним следовать, ибо в ней я вижу великий секрет воспитания. *(no advice however)*

§ 57. Во-первых, дети (быть может раньше, чем мы думаем) очень чувствительны к похвале и одобрению. Им доставляет удовольствие, если их уважают и ценят, особенно родители и те, от кого они зависят. Поэтому, если отец их ласкает и хвалит, когда они ведут себя хорошо, и показывает внешнюю холодность и пренебрежение к ним, когда они ведут себя дурно, и если одновременно подобным же образом проявляют себя по отношению к ним матери и прочие окружающие, то потребуется немного времени, чтобы сделать детей чувствительными к этой разнице; и я не сомневаюсь, что этот метод обращения с детьми, если его держаться неуклонно, будет сам по себе оказывать большее действие, чем угрозы и побои, которые теряют свою силу, когда они становятся привычными, и неприменимы, когда они не сопровождаются чувством стыда; поэтому они должны быть исключены из обихода и применяться лишь в одном, указанном ниже, случае, когда дело дошло до крайности.

§ 58. Но, во-вторых, чтобы глубже внедрить в сознание детей понятия чести и позора и чтобы придать последним больше веса, необходимо, чтобы эти отличные друг от друга состояния всегда сопровождались приятными или неприятными вещами — не в качестве специальных наград или наказаний за тот или другой поступок, а как обязательно причитающимися и всегда выпадающими на долю тех, кто своим поведением поставил себя в положение человека одобряемого или не одобряемого. Такой способ обращения с детьми может в максимально мыслимой степени привести детей к убеждению, что человек, которого хвалят и отличают за хорошее поведение, обязательно встретит и любовь и ласку со стороны каждого, а в результате этого он будет иметь и всякие другие хорошие вещи; и, наоборот, кто своим дурным поведением вызывает неуважение к себе и не заботится о сохранении хорошей репутации, неизбежно станет предметом равнодушия и презрения, а следствием такого положения явится отсутствие всего, что могло бы доставить ему удовлетворение

или удовольствие. Таким образом, объекты желаний превращаются в фактор, способствующий добродетели, поскольку твердый опыт учит детей с самого начала, что предметы, доставляющие удовольствие, принадлежат и достаются лишь тем, кто пользуется хорошей репутацией. Если вам удастся таким путем заставить их из чувства стыда освобождаться от своих недостатков (а я бы охотно ограничил этим все наказания) и находить удовольствие в том, что о них хорошо думают, то вы будете в состоянии делать с ними, что хотите, и они полюбят все пути добродетели.

§ 59. Большая трудность заключается здесь, по моему мнению, в глупости и испорченности слуг, которым трудно помешать действовать в этих случаях в разрез с намерениями отца или матери. Дети, которым родители выразили неодобрение по поводу какого-либо проступка, обычно находят приют и ласку у этих глупых льстецов, которые, таким образом, разрушают все то, что родители стремятся создать. Когда отец или мать, видимо, сердиты на ребенка, все прочие должны проявлять к нему ту же холодность, и никто не должен ободрять его до тех пор, пока он не попросит прощения и исправлением своих вины не вернется на правильный путь и не восстановит своей прежней репутации. Если бы это правило неуклонно соблюдалось, в побоях и брани была бы, я думаю, малая надобность: выпадающие на долю детей хорошее самочувствие и удовлетворение быстро приучали бы их добиваться похвалы и избегать всяких поступков, которые, как они убедились, осуждаются всеми и обязательно должны причинить им страдание, даже в том случае, если их не будут ни бить за это, ни бранить. Это научит их скромности и чувству стыда, и они скоро начнут испытывать естественное отвращение ко всему тому, что, по их личному опыту, вызывало со стороны каждого неодобрение и пренебрежение к ним. Но как устранить этот вред, причиняемый слугами, — об этом пусть подумают и позаботятся родители. Я же придаю этому вопросу большое значение и считаю поистине счастливыми тех, кто в состоянии достать разумных людей для ухода за их детьми.

§ 60. Итак, следует всячески избегать частых побоев или брани, ибо этот способ исправления дает хорошие результаты лишь постольку, поскольку он вызывает у детей чувство стыда и отвращения к проступку, навлекшему на них наказание. И если главным элементом в их неприятном самочувствии не является сознание, что они совершили дурной поступок, и опасение, что они вызвали по отношению к себе неудовольствие своих лучших друзей, то боль от физического наказания будет действовать как несовершенное лекарство. Она только на время затянёт рану, наложит на нее пластырь, но не затронет самого корня болезни; единственная действительная сдержка заключается в искреннем стыде, в боязни вызвать неудовольствие. Только эти чувства должны управлять ребенком и удерживать его на правильном пути; телесные же наказания, при частом их повторении, утрачивают свою силу и вытравляют чувство стыда. Со стыдом у детей обстоит так же, как со скромностью у женщин, которая не может сохраниться, если часто нарушается. Что же касается боязни вызвать неудовольствие роди-

телей, то она становится очень мало важным фактором, если внешние признаки этого неудовольствия быстро исчезают и если несколькими ударами исчерпывается все искупление. Родителям следует хорошенько подумать о том, какие недостатки в их детях достаточно значительны, чтобы вызвать проявление их гнева. Но если их неудовольствие уже появилось и притом в такой степени, что влечет за собой какое-либо наказание, то не следует быстро менять гнев на милость, нужно возвращать детям прежнюю ласку не сразу и полное примирение откладывать до тех пор, пока их покорность и исключительно хорошее поведение не докажут их исправление. Если же не поступать так, то наказание, вследствие привычки, станет заурядным делом и потеряет всю свою эффективность: совершить проступок, подвергнуться наказанию и затем получить прощение — будет считаться столь же естественным и неизбежным, как чередование дня, ночи и утра.

Репутация.

§ 61. Относительно хорошей репутации я сделаю лишь еще одно следующее замечание: хотя не в ней заключается истинное начало и мерило добродетели (ибо добродетель — это сознание своего человеческого долга, а выполнение последнего заключается в повиновении творцу, в следовании указаниям того света, который бог даровал человеку, с надеждой на благоволение и воздаяние), однако это есть нечто весьма близкое к добродетели: поскольку хорошая репутация выражает собою то признание и одобрение, которое разум других людей дает, как бы по общему согласию, добродетельным и добропорядочным поступкам, постольку она служит подходящим руководством и поощрением для детей, пока последние не подрастут настолько, чтобы быть способными судить самостоятельно и собственным разумом находить то, что правильно.

§ 62. Это соображение может явиться для родителей указанием, как им вести себя в отношении порицания или одобрения своих детей. Выговоры и упреки, без которых иногда вряд ли бывает возможно пройти мимо проступков детей, следует делать не только в спокойном, серьезном и бесстрастном тоне, но лучше также наедине, в отсутствии посторонних; наоборот, похвалу, если дети ее заслужили, они должны получать в присутствии посторонних. Похвала, когда она высказывается гласно, становится двойной похвалой; наоборот, когда родители показывают, что они не желают оглашать проступки своих детей, это заставляет последних больше дорожить своей репутацией и приучает их больше заботиться о сохранении хорошего мнения других людей, пока они думают, что пользуются им. Когда же их срамят при посторонних и тем оглашают их проступки, они считают свою репутацию погибшей и вместе с тем исчезает то, что их сдерживало: ибо чем больше они будут думать, что их доброе имя запятнано, тем меньше они будут заботиться о его сохранении.

Ребячества.

§ 63. Однако при правильном методе обращения с детьми вовсе не должна возникать столь большая потребность в применении обычных наград и наказаний, как мы думаем и как это установлено общей практикой. Ибо дети должны в своих невинных дурачествах, играх и детских выходках пользоваться полной свободой; их не следует в этом стеснять, пока эти проявления

совместимы с подобающим уважением к присутствующим: в этих случаях следует относиться к ним с величайшей снисходительностью. Если исправление этих недостатков — недостатков не столько самих детей, сколько их возраста — предоставлялось бы действию времени, подражания и более зрелого возраста, как это и надлежит делать, то дети были бы избавлены от многих дурно применяемых и бесполезных мер наказания. Ведь эти наказания или неспособны одолеть данной естественной склонности детского возраста, что (поскольку они делаются привычными, оставаясь в то же время бесплодными) уменьшает их пользу в других, серьезных случаях; или же эти наказания и проявляют достаточную силу, чтобы сдерживать естественную резвость этого возраста, и тогда они только калечат и тело и душу.

Если шум и суматоха их игр в данный момент неуместны или не соответствуют месту или обществу, в котором они находятся (а это может иметь место только там, где с ними родители), то достаточно одного взгляда или слова отца или матери, если только они добились должного авторитета, для того, чтобы на это время удалить детей или успокоить их. Но это веселое настроение, которым природа мудро наделила детский возраст и характер, скорее следует поощрять для поддержания в них бодрости, для развития их сил и улучшения здоровья, чем подавлять и стеснять; да главное искусство именно и заключается в том, чтобы сделать все, чем дети должны заниматься, игрой и развлечением.

Правила. § 64. Здесь позвольте мне обратить внимание на одну вещь, которую я считаю ошибкой обычного метода воспитания: она заключается в обременении детской памяти всевозможными правилами и предписаниями, которые часто бывают недоступны их пониманию и всегда детьми забываются сейчас же, как только они их получили. Если вы желаете, чтобы дети выполнили какое-либо действие или сделали это иначе, когда они забывают или делают это неудачно, заставляйте их много раз переделывать, пока они не достигнут совершенства. Этим вы добьетесь двух полезных результатов. Во-первых, вы увидите, способны ли они выполнить данную работу и можно ли рассчитывать, что они ее выполнят: ведь от детей иногда требуют таких вещей, которых, как мы убеждаемся уже на опыте, они не умеют делать, и раньше, чем требовать от них выполнения, следовало бы их поучить и поупражнять. Но воспитателю гораздо легче приказывать, чем учить. Другая польза, которая получается от этого, заключается в том, что если дети будут многократно проделывать одно и то же действие до тех пор, пока оно не станет для них привычным, выполнение уже не будет зависеть от памяти или размышления, свойственных не детству, а зрелому возрасту, но станет у них чем-то естественным.

Так, например, для хорошо воспитанного человека кланяться джентльмену, когда тот его приветствует, и смотреть ему в лицо, когда тот говорит с ним, становится, благодаря постоянной практике, столь же естественным, что и дышать: для этого не требуется ни думать, ни рассуждать. Если вы таким путем излечили вашего ребенка от какого-либо недостатка, вы его излечили навсегда; и таким же

способом вы можете искоренить в детях один за другим все недостатки и привить им какие угодно привычки.

§ 65. Я видел родителей, которые наваливали на своих детей такую кучу правил, что бедным малышам невозможно было запомнить и десятую их часть, и еще менее они могли их выполнять. И, несмотря на то, за нарушение этих многочисленных и часто совершенно нецелесообразных предписаний дети подвергались брани и побоям. Естественным результатом этого было то, что они не обращали внимания на указания, которые им давались, так как для них было очевидно, что всего внимания, на которое они способны, недостаточно, чтобы предохранить их от нарушений и последующих наказаний. Поэтому пусть этих правил, которые вы даете своему сыну, будет возможно меньше; лучше пусть их будет меньше, а не больше того, что кажется абсолютно необходимым. Ибо если вы обремените его многочисленными правилами, то в результате неизбежно получится одно из двух: или вам придется своего сына очень часто наказывать, что будет иметь дурные последствия, так как наказание будет слишком частым и сделается привычным, или же вы будете вынуждены оставлять нарушение некоторых ваших правил безнаказанным, что, конечно, вызовет пренебрежительное отношение к ним и подорвет ваш авторитет в глазах сына. Создавайте лишь немного законов, но следите за тем, чтобы они, будучи раз созданы, соблюдались. Для малолетних детей требуется немного законов, и лишь по мере того как они становятся старше и какое-либо правило в результате практики прочно утвердилось, вы можете прибавить новое правило.

§ 66. Но прошу вас помнить, что детей не следует учить при помощи правил, которые всегда будут ускользать из их памяти. Заставляйте их все, что, по вашему мнению, они должны уметь делать, усваивать путем необходимой практики, приурочивая эту практику к каждому подходящему случаю, а если возможно, сами создавайте эти случаи. Это будет порождать у них привычки, которые, раз установившись, будут действовать сами собой, легко и естественно, без помощи со стороны памяти. Но здесь позвольте мне сделать следующие два предупреждения. 1. Когда вы заставляете их упражняться в том, что вы хотели бы превратить у них в привычку, применяйте ласковые слова и мягкие уговоры, лучше — в форме как бы напоминания о том, что они позабыли, чем в форме резких замечаний или брани за умышленный будто бы проступок. 2. Второе, что вам следует соблюдать, заключается в том, чтобы не стараться укоренять в них слишком много привычек зараз, иначе вы разнообразием собьете их с толку и основательно не разовьете в них ни одной привычки. Когда постоянная практика превратила какое-либо действие в нечто легкое для них и естественное и они его выполняют не раздумывая, вы можете перейти к другому.

Практика. Этот метод обучения детей путем повторной практики, путем многократного выполнения, под наблюдением и руководством воспитателя, одного и того же действия до тех пор, пока дети не привыкнут делать это хорошо, с какой бы стороны мы ни рассматривали его, имеет столько преимуществ перед методом, рассчитанным на правила, которые дети должны усвоить с по-

мощью памяти, что я могу только удивляться (если можно вообще удивляться дурным обычаям), как он мог оставаться в столь большом пренебрежении. Укажу здесь еще на одно преимущество. Пользуясь этим методом, мы можем видеть, соответствуют ли требования, предъявляемые к ребенку, его способностям и подходит ли тот или другой прием к природным дарованиям и конституции ребенка: это ведь также должно приниматься в соображение при правильном воспитании. Мы не должны рассчитывать на то, чтобы полностью изменить их прирожденные характеры, чтобы сделать веселого человека задумчивым и серьезным, а меланхолика веселым человеком, не портя их. Бог наложил определенную печать на душу каждого человека, которая, подобно его внешнему облику, может быть немного исправлена, но вряд ли можно ее целиком изменить и превратить в противоположное.

Поэтому тот, кто имеет дело с детьми, должен основательно изучить их натуры и способности и при помощи частых испытаний следить за тем, в какую сторону они легко уклоняются и что к ним подходит, каковы их природные задатки, как можно их усовершенствовать и на что они могут пригодиться. Он должен подумать над тем, чего им недостает и могут ли они это приобрести с помощью прилежания и усвоить путем практики, и стоит ли об этом стараться. Ибо во многих случаях все, что мы можем сделать и к чему мы должны стремиться, это использовать наилучшим образом то, что дала природа, предупредить те пороки и недостатки, к которым наиболее предрасположена данная конституция. Природные дарования каждого должны быть развиваемы до возможных пределов; но попытка привить ребенку что-либо другое будет только бесплодным трудом, и то, что таким образом будет на нем наклепано, в лучшем случае окажется не к лицу и всегда будет производить неприятное впечатление принужденности и манерности.

Манерность. Манерность, конечно, не является ранним недостатком детства или продуктом невоспитанной природы. Она принадлежит к той разновидности сорных трав, которая вырастает не на диком невозделанном пустыре, а в саду, в случае небрежного или неумелого ухода садовника. Требуется наличие умения и выучки, а также некоторое сознание необходимости хорошего воспитания, чтобы сделать человека склонным к манерности, которой он старается исправить природные недостатки и всегда ставит себе похвальную цель нравиться, хотя никогда этой цели не достигает; и чем больше он старается создать видимость привлекательности, тем менее это удается ему. Ввиду этого необходимо тщательно следить за этим недостатком, ибо он является, собственно говоря, недостатком воспитания, правда, извращенного воспитания, которое, однако, выпадает часто на долю молодежи или вследствие ее собственного заблуждения, или вследствие дурного руководства ее воспитателей.

Если кто-либо станет разбирать, в чем заключается приятность обращения, которая всегда нравится, то он убедится, что она истекает от естественного согласия между действием и тем внутренним настроением, которое бесспорно соответствует данному стечению

обстоятельств. Нам не может не нравиться гуманный, доброжелательный и деликатный характер, где бы мы с ним не сталкивались. Свободный дух, владеющий собою и всеми своими действиями, не низменный и не ограниченный, не высокомерный и не дерзкий, не запятанный никакими серьезными пороками, — вот что пленяет каждого. Поступки, которые естественно исходят от такой благородной души, также нам нравятся, как ее подлинные внешние проявления, и, поскольку они являются как бы естественными эманациями духа и внутренней настроенности, они могут быть лишь свободными и непринужденными. В этом, мне кажется, заключается та красота, которая светится сквозь поступки некоторых людей, украшает все, что они делают, и пленяет всех, кто с ними соприкасается: постоянной практикой они придали своему поведению его форму, и мелкие выражения вежливости и уважения, которые установлены в человеческих взаимоотношениях природой или обычаем, они сделали в себе настолько непринужденными, что они кажутся не искусственными или заученными, а естественно вытекающими из душевной мягкости и благожелательной настроенности.

Напротив, манерность есть неловкое и искусственное подражание тому, что должно быть непосредственным и непринужденным, и поэтому лишена той красоты, которая свойственна только естественному; ибо здесь между внешним действием и внутренним душевным настроением всегда существует разлад, обнаруживающийся в одной из следующих двух форм:

1. Или человек стремится надеть внешнюю личину такого душевного настроения, которого в действительности у него нет, и старается показать его с помощью искусственных приемов, но делает это так, что насилие, производимое им над самим собою, обнаруживается непосредственно. Так, люди стараются иногда казаться грустными, веселыми, любезными, не будучи таковыми.

2. Или же человек, вовсе не пытаясь симулировать несвойственное ему настроение, стремится лишь свое действительное настроение выразить в несоответствующем поведении: таковы в общежитии всякие искусственные движения и такого же рода действия, слова, взгляды, должествующие выразить любезность и уважение к собеседникам или выразить удовлетворение и удовольствие от их общества, и которые, однако, не являются естественным и искренним выражением ни того ни другого, а скорее свидетельствуют о каком-то внутреннем дефекте или заблуждении. В этих случаях часто большую роль играет подражание другим, причем человек не разобрался, что собственно привлекательно в них и что является только особенностью характера. Но всякое притворство, откуда бы оно ни происходило, всегда неприятно; ибо мы естественно ненавидим все поддельное и осуждаем тех, кто ничем лучшим не может себя зарекомендовать.

Простая и безыскусственная натура, предоставленная самой себе, гораздо лучше искусственной неприятной манеры и подобных заученных приемов плохой светскости. Отсутствие какого-либо светского качества или изъян в наших манерах, не отвечающий требованиям идеального изящества, часто не замечаются и не вызывают осуждения. Но всякая неестественность нашего поведения бросает только

свет на наши недостатки и всегда привлекает чужое внимание, отмечающее в нас отсутствие здравого смысла или искренности. Воспитатели должны следить за этим с тем большей тщательностью, что, как я уже отметил выше, эта некрасивая черта бывает благоприобретенной: она создается неправильным воспитанием и свойственна людям, которые претендуют на хорошую воспитанность и не желают, чтобы их принимали за людей, не знакомых с правилами хорошего тона и приличия, принятыми в обществе. Этот недостаток создается, если я не ошибаюсь, манерой праздных увещаний тех воспитателей, которые сообщают детям правила и указывают примеры, не сочетая свои наставления с практикой, не заставляя своих воспитанников повторять данные действия в их присутствии. — с целью исправить то, что в них есть неуместного или принужденного, — пока они не станут вполне привычными и непринужденными.

Манеры.

§ 67. Так называемым манерам, из-за которых детям так часто достается и по поводу которых им приходится выслушивать столько благих увещаний со стороны мудрых нянек и гувернанток, по моему мнению, лучше обучать путем примера, а не путем правил; в этом случае дети, если отстранить от них дурную компанию, будут гордиться тем, что они умеют держаться так же хорошо, как и другие, видя при том, что их за это хвалят и одобряют. Если же мальчик, вследствие некоторой небрежности в этом отношении, не умеет достаточно изящно снять шляпу или расшаркаться, то учитель танцев исправит этот недостаток и сотрет с него ту природную простоту, которую люди, во всем следующие моде, называют неотесанностью.

Танцы.

Танцы, мне кажется, больше чем что бы ни было, сообщают детям пристойную уверенность и умение держаться и, таким образом, готовят к обществу старших; поэтому я считаю, что танцам их следует обучить возможно раньше, лишь только они становятся к этому способными. Ибо, хотя это искусство заключается в одной лишь внешней грации движений, оно, больше чем что-либо другое, сообщает — не знаю каким образом — детям мужественные привычки и повадки. Но не следует, по моему мнению, мучить маленьких детей всякими другими мелочами и тонкостями светского этикета.

Пусть вас не беспокоят эти недостатки в детях, которые, как вам известно, исправит возраст. Поэтому, пока дети малы, отсутствие в них светской учтивости в обращении, если только им свойственна внутренняя деликатность (а ее вы должны стараться привить возможно рано), должно меньше всего заботить родителей. Если их нежная душа исполнена чувством почтения к родителям и учителям, которое заключается в любви и уважении и в боязни оскорбить их, если она исполнена чувствами почтения и доброжелательства ко всем людям, это почтение само заставит их усвоить способы выражения, которые, по их наблюдению, больше всего нравятся. Обязательно поддерживайте в ребенке начала доброжелательства и приветливости, старайтесь, насколько можете, похвалами и поощрением и пользуясь тем приятным состоянием, которые ими вызываются, обратить эти начала в привычку; когда же они пустили корни в его душе и

закрепились постоянной практикой, вам уже нечего бояться: изящество в обращении и внешность утонченных манер явятся в свое время, если дети, выйдя из-под попечения няни, будут переданы в руки благовоспитанного человека — своего будущего гувернера.

Пока дети очень малы, нужно относиться снисходительно к некоторой небрежности с их стороны, если только она не сопровождается проявлениями гордости или дурного нрава; но эти черты следует исправлять немедленно, как только они проявились в каком-либо поступке, пользуясь теми способами, на которые я указывал выше. Я бы не хотел, чтобы сказанное мною относительно манер было понято в том смысле, что люди достаточно разумные, чтобы действовать указанным образом, не должны, по моему мнению, мягкими приемами воспитывать движения и манеры детей в самом раннем возрасте. Это было бы очень полезно, если только те, которые ухаживают за детьми с того момента, когда последние научились ходить, умели бы и хотели бы правильно это делать. Я осуждаю лишь неправильные приемы, которые обыкновенно применяются в этом отношении. Детей, которым еще не давали никакого понятия о том, что значит хорошо себя держать, часто (особенно в присутствии посторонних) бранят за тот или другой промах с точки зрения хороших манер; их осыпают упреками и наставлениями относительно того, как снимать шляпу, расшаркиваться и т. д. Хотя люди, о которых мы сейчас говорим, делают вид, будто они хотят исправить ребенка, однако в действительности они в большинстве случаев стремятся лишь прикрыть свой собственный стыд: они перелагают порицание на бедных малышей, иногда в достаточно страстной форме, с целью отвратить его от себя, опасаясь, как бы присутствующие не приписали дурное поведение детей недостатку умения и внимания со стороны родителей.

Ибо, что касается самих детей, то их никогда ни на иоту не исправляют подобные случайные уроки. Указывать им, что они должны делать, нужно в другое время; нужно заблаговременно воспитывать их практикой надлежащего и пристойного поведения, заставляя их многократно повторять известные действия, а не наставлениями и угрозами немедленно сделать то, к чему их никогда не приучали и чего они не умеют как следует делать. Нагонять на них страх и бранить их, таким образом, на каждом шагу — это значит не учить их, а бесцельно терзать и мучить. Уж лучше оставить их в покое, чем бранить за проступок, в котором они не виноваты и исправить который они не в силах. Гораздо лучше предоставить возрасту исцелить их от естественной детской небрежности и простоты, чем заставлять их многократно выслушивать неуместные выговоры, которые не создают и не могут создать хороших манер. При хорошей натуре, проникнутой внутренней деликатностью, время и наблюдения сотрут большую часть внешней грубости, обусловленной недостаточным воспитанием, к тому моменту, когда они подрастут, при том условии, если они воспитываются в хорошей среде. Если же они воспитываются в дурной среде, никакие правила в мире и никакие мыслимые меры исправления не в состоянии будут их отшлифовать. Ибо вы должны признать за несомненную истину, что какие бы наставления

вы ни давали и какие уроки благовоспитанности вы бы ни вдабливали в них каждый день, самое большое влияние на их поведение будет оказывать общество, в котором они вращаются, и поведение тех людей, которые за ними смотрят. Дети (да и взрослые люди), в большинстве случаев руководятся в своих поступках примером. Мы все, в некотором роде, хамелеоны, которые всегда принимают окраску окружающих предметов; и нечего удивляться этому в детях, которые лучше понимают то, что видят, чем то, что слышат.

Общество. § 68. Я уже упоминал о том большом вреде, который причиняют детям слуги, своею лестью приглушающие остроту и силу родительских выговоров и тем самым подрывающие авторитет родителей. С этой стороны детям угрожает и другое крупное зло, заключающееся в тех дурных примерах, которые они могут встретить среди низших слуг.

Если возможно, следует полностью устранить общение детей с ними, ибо зараза этих дурных примеров в отношении как благовоспитанности, так и добродетели страшно портит детей, если они попадут под ее влияние. Дети очень часто научаются у невоспитанных и развращенных слуг таким выражениям, непристойным шалостям и порокам, о которых они другим путем, может быть, не узнали бы за всю свою жизнь.

§ 69. Трудно вполне предупредить это зло. Для вас будет большим счастьем, если вы никогда не будете иметь грубого или порочного слуги и ваши дети ничем не заразятся от него. Во всяком случае необходимо делать все возможное для предупреждения этого и держать детей возможно дольше в обществе их родителей* и тех, кому вверен уход за ними. Для этого нужно, чтобы дети чувствовали себя в их присутствии непринужденно; нужно предоставлять им всю свободу, которая подходит к их возрасту, и не следует подвергать их ненужным стеснениям, пока они находятся на виду у их родителей или воспитателей. Если общество последних превращается для них в тюрьму, не приходится удивляться, что оно им не нравится. Не нужно мешать им быть детьми, играть или поступать по-детски, нужно только удерживать их от дурных поступков, а во всем остальном предоставлять им свободу. Далее, чтобы заставить их полюбить общество своих родителей, нужно, чтобы здесь же из родительских рук они получали все приятные для них вещи. Не следует допускать, чтобы слуги угождали детям, давая им крепкие напитки, вино, фрукты, игрушки и другие подобные вещи, которые могут сделать их общество приятным для детей.

§ 70. Заговорив об обществе, я почти готов бросить перо и не беспокоить вас больше этой темой; ведь поскольку общество имеет больше значения, чем все предписания, правила и наставления, то, мне думается, почти совершенно бесполезно распространяться о других вещах и толковать об этом почти бесцельно. Ведь вы готовы задать мне вопрос: что же мне делать с моим сыном? Если я стану держать его всегда дома, я рискую тем, что он будет надо мной

* До какой степени римляне считали воспитание детей лежащим на самих родителях, можно видеть у Светония Августа § 64, Плутарха «О жизни Катона-цензора», Диодора Сицилийского, 1, 2 гл. 3.

командовать; если же я буду держать его у чужих людей, то как можно будет уберечь его от заразы грубости и порока, которые повсюду так распространены? Дома он, может быть, сохранит больше невинности, но в то же время будет меньше знать жизнь: оставаясь всегда в одном и том же обществе и имея всегда дело с одними и теми же лицами, он, выйдя в свет, окажется ограниченным существом или чудаком.

Я признаю, что каждый из этих двух путей имеет свои отрицательные стороны. Пребывание вне дома, правда, делает мальчика более смелым и более способным к тому, чтобы возиться и тягаться со своими сверстниками; кроме того, соревнование со школьными товарищами часто развивает в мальчиках живость и энергию. Но пока вы не найдете такой школы, в которой учитель способен следить за поведением школьников и показывать столь же значительные успехи в деле внедрения добродетели в их душу и благовоспитанности в их поведение, как в обучении их классическим языкам, вы должны признать, что приписываете странную ценность словам, если, ставя языки древних греков и римлян выше того, что делало последних доблестными людьми, вы думаете, что стоит рисковать невинностью и добродетелью вашего сына ради небольшого знания латыни и греческого. Ведь эта смелость и живость, которую подростки приобретают в среде своих школьных товарищей, обычно представляют такую смесь грубости и дурно направленной самоуверенности, что им приходится отучиваться от этих непристойных и неблагородных способов пробиваться в жизни и смывать с себя всю приобретенную окраску, чтобы очистить место для более высоких принципов и таких методов поведения, которые делают человека действительно достойным. Кто примет в соображение, насколько противоположны друг другу умение жить добропорядочно и вести свои дела, как подобает человеку, с одной стороны, и та дерзость, плутовство и насилие, которым научает школьная среда, — с другой, тот согласится, что недостатки домашнего воспитания бесконечно предпочтительнее подобным достижениям, и постарается обещать у себя дома невинность и скромность своего ребенка — качества более родственные тем качествам, которые создают полезного и способного человека, и легче к ним приводящие. Никто также не найдет и даже не предположит, чтобы уединение и стыдливость, в которой воспитываются его дочери, делало из них менее знающих и менее способных женщин. Когда они вступят в свет, общение с людьми сообщит им приличную уверенность в себе; а грубость и развязность, которые присоединяются к этому качеству, не нужны и мужчинам, ибо мужество и настойчивость, как я их понимаю, заключаются не в грубости и не в невоспитанности.

Добродетель труднее приобрести, чем знание света, и, однажды утраченная молодым человеком, она редко приобретается снова. Застенчивость и незнание света — недостатки, приписываемые домашнему воспитанию, не являются необходимыми последствиями этого воспитания; но если бы даже было так, то эти недостатки вовсе не являются непоправимым злом. Порок более упорное и вместе с тем более опасное зло по сравнению с указанными двумя недостатками.

Поэтому против него и следует бороться в первую очередь. Если нужно тщательно предотвращать ту застенчивую мягкость, которая часто обессиливает детей, избалованных в условиях домашнего воспитания, то главным образом ради добродетели и из опасения, чтобы податливый характер не оказался восприимчивым к порочным впечатлениям и не подвергся слишком легко опасности развращения. Чтобы оберечь его добродетели, необходимо, прежде чем молодой человек покинет родительский дом и уйдет из-под надзора воспитателя, укрепить его решительностью и ознакомить его с людьми; иначе он легко может быть увлечен на гибельный путь или в роковую пропасть раньше, чем достаточно ознакомится с опасностями общения с людьми и приобретет достаточную твердость, чтобы не поддаваться всякому искушению. Если не ради этого, застенчивость молодого человека и его незнание света не нуждались бы столько в ранних заботах. Общение с людьми может в значительной степени исцелить его от этих недостатков; а если оно не даст этого результата достаточно рано, это может служить лишь более серьезным основанием к тому, чтобы иметь дома хорошего воспитателя. Ведь если нужно стараться о том, чтобы своевременно сообщить молодому человеку мужественность и уверенность в себе, то главным образом ради охраны его добродетели после того, как он выступит в свет и будет предоставлен самому себе.

Итак, если главное назначение решительности и самостоятельности для молодого человека заключается только в обеспечении его добродетели, то ради того, чтобы он приобрел уверенность в себе и известное умение постоять за себя среди людей, неразумно жертвовать его невинностью, которая может пострадать от общения с дурно воспитанными и порочными мальчиками. Ведь если самоуверенность и ловкость соединятся в нем с пороком и будут поощрять его к дурным поступкам, он тем вернее погибнет; и вам придется снова уничтожать и искоренять в нем то, что он приобрел от своих товарищей, или же предоставить ему погибнуть. Мальчики неизбежно приобретут уверенность через общение со взрослыми, когда их будут вводить в общество последних; и это будет достаточно своевременно. А до того скромность и подчинение делают их более подходящими объектами для воспитания, и поэтому вовсе нет надобности вселять в них уверенность раньше времени. Внедрение в них начал добродетели и благовоспитанности и практическое их усвоение — вот что потребует больше всего времени, трудов и настойчивости. Это та привада, которой они должны быть сдобрены и притом так, чтобы не было бы ее вытравить. Ею следует зарядить их заблаговременно и основательно; ибо общение с людьми после того, как они вступят в свет, увеличит их знания и придаст им больше уверенности, но слишком легко может нанести кое-какой ущерб их добродетели; поэтому они должны получать большой запас ее и быть ею глубоко пропитанными.

Как подготовить детей к общению с людьми и как вводить их в свет, когда они для этого созрели, мы рассмотрим в другом месте. Но как может приобщение мальчика к разношерстной толпе недисциплинированных мальчиков и обучение ссорам при игре в трап или

плутовству при игре в спонфартинг подготовить мальчика к светскому обращению или к деловым отношениям, — этого я не понимаю. Трудно также разгадать, какие это столь желательные отцу качества можно приобрести в той толпе товарищей, которую школа обычно собирает от родителей всякого сорта. Я убежден, что тот, кто может нести расходы на содержание домашнего воспитателя, получает у себя дома возможность сообщить своему сыну более изящные манеры, более мужественные мысли, лучшее понимание того, что достойно и прилично, вдобавок и более основательные знания, а также возможность скорее сделать его зрелым человеком, чем это в состоянии сделать любая школа. Я отнюдь не осуждаю за это школьного учителя и не думаю, что это должно быть поставлено ему в вину. Большая разница иметь двух или трех учеников в одном доме или шестьдесят-восемьдесят мальчиков, проживающих в разных местах; ибо, как бы ни было велико усердие и искусство учителя, он в состоянии наблюдать за пятьюдесятью или ста учениками лишь в течение того времени, пока он находится вместе с ними в школе; нельзя также ожидать, что он сможет успешно учить их чему-либо, кроме того, что содержится в их учебниках; формирование души и манер требует постоянного внимания и специального приспособления к каждому отдельному мальчику, а это невозможно в условиях большого количества и должно остаться бесплодным трудом (даже тогда, когда учитель располагает достаточным временем, чтобы изучать и исправлять специфические недостатки и дурные наклонности каждого), поскольку подросток большую часть суток предоставлен самому себе или главным образом влиянию своих товарищей.

Но отцы, наблюдая, что часто наибольшей удачей в жизни пользуются смелые и пронырливые люди, радуются, когда видят в своих сыновьях ранние проявления бойкости и ловкости; они принимают это за доброе предзнаменование их будущих жизненных успехов; в тех трюках, которые их сыновья выкидывают по отношению к своим товарищам, или которым они научаются у них, они видят овладение искусством жить и прокладывать себе дорогу в свет. Но я позволю себе сказать, что единственно надежную и правильную линию намечает тот, кто основу жизненных успехов своего сына полагает в добродетели и благовоспитанности. И не проказы и плутни, практикующиеся среди школьников, не их грубое обращение друг с другом и не хитроумные планы обворовывания фруктового сада создают способного человека, а принципы справедливости, великодушия и умеренности в сочетании с внимательностью и прилежанием, т. е. те качества, которым школьники, как я думаю, мало научаются друг у друга. И если джентльмен, воспитанный дома, не научился им больше, чем мог бы научиться в школе, это значит, что отец его очень неудачно выбрал гувернера. Возьмите какого-либо мальчика из лучших учеников филологической школы и его сверстника, получившего надлежащее воспитание в отцовской семье, приведите обоих в хорошее общество и посмотрите, кто из них будет в большей мере держать себя по-взрослому и обращаться к незнакомым людям с пристойной уверенностью. Я думаю, что самоуверенность школьника изменит ему или скомпрометирует его; если же она

годится ему только для общения с мальчиками, уж лучше ему совсем обойтись без нее.

Если верить общим жалобам, порок в наши дни так быстро созревает и так рано пускает корни среди молодежи, что подросток не будет застрахован от этой распространенной заразы, если вы решитесь выпустить его из дому в общую массу сверстников и в выборе школьных товарищей вы доверитесь случаю или его собственным склонностям. Какие роковые причины привели к столь пышному расцвету порока среди нас в последние годы и кто доставил ему такое неограниченное господство, — это я предоставляю другим исследовать. Я желал бы, чтобы те, кто жалуется на великий и повсеместный упадок христианского благочестия и христианской добродетели, образования и приобретенной культуры среди джентри нашего поколения, задумались над тем, как это скорее исправить. Я убежден, что если при разрешении этой задачи не положить в основу воспитания юношества внедрение в него добрых начал, то все остальные усилия останутся тщетными. И если не позаботиться о наслаждении и сохранении в подрастающем поколении невинности, умеренности и трудолюбия, то будет очень смешно рассчитывать, что те, которым предстоит в ближайшее время выступить на жизненной арене, будут обладать очень большой мерой той добродетели, способностей и образования, которые до недавнего времени обеспечивали Англии ее роль в мире. Я бы добавил: и мерой мужества, — хотя оно считается природным и наследственным качеством англичан. То, что говорили о недавних действиях на море, подобных которым наши предки не знали, дает мне повод сказать, что нравственная испорченность понижает в людях и чувство мужества, и когда распушенность разъедает чувство чести, мужество редко переживает его надолго. И я думаю, невозможно найти пример нации, которая, как бы она ни прославилась своим мужеством, сохранила бы славу своего оружия или стала бы грозной для своих соседей после того, как в нее проник разврат и разрушил узы дисциплины, после того, как порок настолько поднял голову, чтобы позволить себе выступать открыто, без всяких стеснений.

Добродетель. Итак, не скороспелая развязность или мелкие приемы житейской хитрости, а добродетель в прямом смысле является высокой и трудно достижимой целью воспитания. Всякие другие цели и достижения должны отступить перед нею на задний план. Это и есть то прочное и существенное благо, которое не должно быть только предметом наставлений и бесед воспитателя, но весь труд и все искусство воспитания должны быть направлены к тому, чтобы вооружить душу добродетелью, закрепить ее в ней, не прекращая этих усилий до тех пор, пока молодой человек органически не полюбит ее и не начнет видеть в ней свою силу, свою славу, свое удовольствие.

Чем быстрее будут наши успехи в этом отношении, тем легче будут даваться и все прочие достижения. Ибо тот, кого научили подчиняться добродетели, не будет противиться или упираться ни в чем другом, чего можно от него требовать. Поэтому я не могу не отдать предпочтения домашнему воспитанию юного джентльмена

под непосредственным наблюдением отца и руководством хорошего гувернера, когда оно возможно и может быть надлежащим образом организовано: ибо это самый лучший и самый безопасный путь к указанной великой и главной цели воспитания. Дома джентльменов редко обходятся без разнообразного общества, и они должны приучать своих сыновей ко всем посторонним лицам, которые у них бывают, втягивать их в общение с талантливыми и благовоспитанными людьми, лишь только они станут способны к такому общению. Не знаю также, почему бы тем, кто живет в деревне, не брать сыновей с собою, когда они делают светские визиты своим соседям. Я уверен, что отец, воспитывающий своего сына дома, имеет возможность больше держать его в своем обществе и поощрять его в том, что он считает полезным, и лучше оберечь его от дурного влияния слуг и людей низшего сорта, чем это возможно при воспитании вне дома. Но решение этого вопроса должно быть в значительной мере предоставлено родителям и определяться их условиями и соображениями удобства; я только думаю, что это самый плохой способ ведения своих домашних дел, если отец не уделяет некоторого труда воспитанию сына, этому наилучшему наследству, которое он может оставить ему, каково бы ни было его положение. Но если, в результате всех соображений, некоторые решат, что домашнее воспитание связано с недостатком общества, а общество, возможное в обычных школах, не подходит для юного джентльмена, то я думаю, что можно найти способы устранить отрицательные стороны того и другого вида воспитания.

§ 71. Учитывая, как велико влияние общества и как мы все, особенно дети, склонны к подражанию, я позволю себе обратить внимание родителей на следующую вещь: кто желает, чтобы его сын относился с уважением к нему и к его предписаниям, тот должен сам относиться с большим уважением к своему сыну. *Maxima debetur pueris reverentia*¹⁴. Вы ничего не должны делать в его присутствии такого, в чем вы бы не хотели, чтобы он подражал вам. Если вы позволите себе сделать что-либо такое, что ему поставили бы в вину, он обязательно прикроется вашим примером и притом так, что вам нелегко будет подступиться к нему, когда вы захотите надлежащим образом наказать его за то. Если вы наказываете его за то, что вы сами делаете на его глазах, он не поверит, что ваша строгость проистекает из добрых чувств к нему и что именно поэтому вы озабочены исправлением его недостатка, а склонен будет объяснить ее раздражительностью и деспотическим произволом отца, который без всякого основания отказывает сыну в той свободе и тех удовольствиях, которые он себе разрешает. Если же свободу, которую вы берете на себя, вы мотивируете как привилегию достаточно зрелого возраста, которой ребенок не должен добиваться, то этим самым вы придаете вашему примеру лишь новую силу и еще более убедительно рекомендуете ребенку данный поступок. Ибо вы должны всегда помнить, что у детей появляется желание казаться взрослыми раньше, чем это думают, и что брюки им нравятся не своим покроем или удобством, а потому, что ношение их является знаком зрелого возраста или приближения к нему. Сказанное мною отно-

нительно поведения отца в присутствии своих детей должно быть распространено на всех, кто пользуется каким-либо авторитетом в их глазах, и на тех, к кому отец желал бы внушить им уважение.

Наказание. § 72. Но вернемся к вопросу о наградах и наказаниях. Поскольку, как я уже говорил, дисциплину

розги не следует применять для борьбы со всякими детскими выходками, с неприличным поведением и всем прочим, что непременно исцеляет время и возраст, то вовсе нет надобности так часто бить детей, как это обычно практикуется. Если сюда присоединить обучение чтению, письму, танцам, иностранным языкам и тому подобные занятия, которые должны пользоваться той же привилегией, то при умелом воспитании очень редко представится повод для применения побоев или насилия. Правильный метод обучения этим вещам заключается в том, чтобы внушить детям любовь и склонность к тому, что вы предлагаете им изучить и что потребует от них усердия и прилежания. Сделать это, по моему мнению, нетрудно, если руководить детьми надлежащим образом и осторожно применять указанные выше награды и наказания, соблюдая вместе с тем в методе обучения следующие немногие правила.

Обязательные задания.

§ 73. I. Ни один предмет, который они должны изучить, не следует превращать в бремя для них или навязывать им как нечто обязательное. Все, что предлагается в такой форме, немедленно становится скучным; душа проникается отвращением к этому, даже в том случае, если оно раньше было для нее приятно или безразлично. Заставьте ребенка ежедневно известное время гонять свой волчок, хочется ли ему это делать или нет; требуйте этого от него как обязанности, которой он должен уделить столько-то часов утром и после полудня, — и вы увидите, как скоро ему надоеет при таких условиях любая игра. А разве не то же самое бывает и со взрослыми людьми? Разве то, что они с удовольствием делают по своей воле, не становится сразу же для них тягостным и невыносимым, как только они увидят, что это вменяется им в обязанность? Думайте о детях, как вам угодно, но им также хочется показать, что они свободны, что их хорошие поступки исходят от них самих, что они самостоятельны и независимы, — как это хочется самому гордому из вас, взрослых людей.

§ 74. Поэтому даже такие вещи, к которым вам удалось их приохотить, возможно реже заставляйте их делать в такое время, когда у них нет охоты и расположения к этому. Человек может любить читать, писать, заниматься музыкой и т. п., однако бывают у него моменты, когда эти занятия не доставляют ему никакого удовольствия, и, если в такие моменты он заставит себя заниматься ими, он будет лишь суетиться и мучиться без всякого толка. То же бывает и с детьми. За этими переменами настроения нужно следить внимательно и неукоснительно пользоваться теми благоприятными периодами, когда у них бывает готовность и расположение. А если дети недостаточно часто сами проявляют готовность, следует внушать им благоприятное расположение, беседуя с ними, прежде чем посадить их за какую-нибудь работу. Я думаю, что это дело не-

трудное для благоразумного воспитателя, который изучил характер своего ученика и не затрудняется наполнить голову его подходящими идеями, способными возбудить в нем охоту к предстоящим занятиям. Таким способом можно сберечь много времени и усилий, так как ребенок усвоит в три раза больше, когда он настроен благоприятно, чем при затрате двойного количества времени и усилий, если он это делает неохотно или по принуждению. Если бы на это обращали должное внимание, можно было бы предоставлять детям играть до изнеможения и все-таки они имели еще достаточно времени для изучения того, что соответствует способностям каждого возраста. Но ничто подобное не учитывается и не может в должной мере учитываться при обычном способе воспитания. Грубая дисциплина розги основана на других принципах, лишена всякой привлекательности, не обращает внимания на настроение детей и не следит за моментами благоприятного настроения. Да и в самом деле, смешно было бы, внушив ребенку принуждением и побоями отвращение к занятиям, ожидать, что он свободно, по своему побуждению бросит игру и с удовольствием воспользуется случаем поучиться. Между тем при правильной организации дела занятие каким-либо предметом учебной программы можно было бы превращать в такой же отдых от игры, каким игра является после учения. Труд одинаков в том и в другом случае. Да и не он отталкивает детей; ибо они любят быть занятыми, а перемены и разнообразие естественно увлекают их. Единственная разница в том, что при так называемой игре они действуют по своему усмотрению и свободно прилагают свой труд (которого, как вы можете заметить, они никогда не шадят), а к учению их принуждают: их зовут, сажают насильно, подгоняют. Это-то их сразу отталкивает и охлаждает: они чувствуют утрату свободы. Добейтесь того, чтобы не воспитателю приходилось звать учиться, а чтобы они сами просили его поучить их, как они просят товарищей поиграть с ними; и тогда удовлетворенные тем, что и здесь они действуют так же свободно, как и в других случаях, они и за учение будут приниматься с таким же удовольствием, и оно не будет отличаться от других их развлечений и игр. Тщательно придерживаясь этих приемов, можно возбудить в ребенке желание научиться всему, чему бы вы хотели его научить. Я признаю, что труднее всего справиться с первым или самым старшим, но раз вы его поставили на правильный путь, уже нетрудно с его помощью вести остальных, куда вы захотите.

§ 75. Хотя и не подлежит сомнению, что наиболее подходящим временем для учебных занятий детей является то, когда они настроены и расположены к учению, когда ни душевная вялость, ни сосредоточение на каких-либо других мыслях не делают ученья слишком трудным и противным для них, однако следует иметь в виду две вещи: 1) если за такими моментами недостаточно тщательно следят и недостаточно пользуются ими всякий раз, когда они наступают, или если такие моменты наступают не так часто, как следовало бы, то нельзя пассивно допускать, чтобы из-за этого страдали успехи ребенка: нельзя давать ребенку привыкать к лени и этому нерасположению к учению в нем укрепляться; 2) хотя

инные вещи плохо усваиваются, когда душа к ним не расположена или занята чем-либо другим, однако очень важно и стоит затрачивать усилия на то, чтобы приучить душу господствовать над собой и быть способной, по собственному выбору, освобождаться от увлечения одним предметом, обращаться легко и с удовольствием к другому, или в любой момент стряхивать с себя вялость и энергично приниматься за то, что указывает разум или совет другого. Этого нужно добиваться в детях, изредка делая над ними опыты в такие моменты, когда они не склонны заниматься из-за лени или будучи отвлечены чем-либо другим, и заставляя их энергично заняться указываемым им предметом. Если удастся таким способом приучить их душу господствовать над собою, отвлекаться, когда этого требуют обстоятельства, от одних мыслей и дел, чтобы заняться другим, менее привлекательным делом, это явится более полезным приобретением, чем знание латыни или логики и большей части тех предметов, которым обычно детей заставляют учиться.

§ 76. Так как дети в эту пору жизни более **Принуждение.** подвижны и деятельны, чем в какую бы то ни было другую, и так как им безразлично, чем заниматься, лишь бы быть чем-либо занятыми, то для них, при равенстве условий поощряющих и отталкивающих, все равно — танцевать ли, или играть в *Scotch-hoppers*¹⁵. Но в отношении тех предметов, изучение которых мы считаем для них необходимым, — единственным и важным расхолаживающим фактором является, по моим наблюдениям, именно то обстоятельство, что от них этого требуют, что это становится их обязанностью, что из-за этого их бранят и мучают, что они это делают с дрожью и страхом; или, если они приступают к этим занятиям с охотой, их задерживают на них слишком долго, до крайнего утомления. Все это слишком урезывает их естественную свободу, которой они так сильно дорожат. Между тем только эта свобода сообщает подлинную прелесть и привлекательность их играм. Измените положение, и вы увидите, что они быстро переменяют объекты приложения своих сил; особенно, если они будут видеть перед собой примеры других, кого они уважают и ставят выше себя. А если устраивать так, чтобы то, чем занимаются на их глазах другие, прельщало их как привилегия более зрелого возраста или более высокого положения, то честолюбие и желание подвинуться вперед, подняться выше, желание стать похожими на людей, которые стоят выше их, заставят их приняться за работу и продолжать ее с усердием и удовольствием, — удовольствием, находимым в том, что они начали ее делать по собственному желанию; и немалым поощрением явится для них в этих условиях наслаждение столь дорогой им свободой. Если ко всему этому присоединить удовлетворение, которое доставят им похвала и хорошая репутация, то я готов думать, что не понадобится никаких других мер поощрения, чтобы возбудить в них прилежание и усердие в той мере, какая необходима. Конечно, чтобы добиться этого результата, потребуются вначале и терпение, и искусство, мягкость и внимание, а также разумное руководство. Но к чему вам нужны были бы воспитатели, если бы здесь не требовалось никакого труда. Зато, раз

удалось этого добиться, все остальное придет само собою, гораздо легче, чем в условиях какой-либо более суровой и деспотической дисциплины. Я думаю, что достигнуть этого совершенно нетрудно. Я уверен, что никаких трудностей не должно быть там, где дети не видят перед собой дурных примеров. Поэтому серьезная опасность, по моему мнению, угрожает единственно со стороны прислуги и других, плохо воспитанных, детей или тех порочных людей, которые портят детей примером своего собственного дурного поведения, и доставляя детям две вещи, которых последние никогда не должны были бы получать, — я имею в виду порочные удовольствия и их поощрение.

Брань. § 77. Как побои должны очень редко применяться для исправления детей, так и частая, в особенности страстная, брань ведет, по моему мнению, к тем же дурным последствиям. Она умаляет авторитет родителей и уменьшает почтительность в ребенке; ибо вам всегда следует помнить, что дети рано научаются отличать разум от страсти; если они с уважением относятся к тому, что исходит от первого, то у них скоро развивается чувство презрения к проявлениям второй; если эти проявления в первый момент вызывают у них испуг, то он быстро, однако, проходит, и их естественное влечение легко привыкает пренебрегать подобными пугалами, которые создают большой шум, но не одушевлены разумом. Так как родители должны удерживать детей только от порочных поступков (которые в их нежные годы бывают малочисленны), то одного взгляда или жеста должно оказаться достаточно для их исправления, когда они в чем-либо провинятся; если же иногда нужно реагировать словами, то слова должны быть серьезными, ласковыми и сдержанными и скорее иметь характер объяснения дурных и неприличных сторон поступка, чем сердитой головомойки, учиняемой ребенку, который не в состоянии достаточно разобраться, относится ли ваше неудовольствие к нему лично, или к его поступку. Страстная брань обычно сопровождается грубыми и скверными словами и поэтому имеет еще то дурное последствие, что научает им детей и служит для них оправданием, когда они их применяют: дети не постесняются применить к другим те эпитеты, которыми их наделяют их родители или наставники, раз они видят перед собой столь авторитетное их применение.

Упорство. § 78. Я предвижу, что мне здесь возразят: так что же — вы никогда не станете бить или ругать детей за какой бы то ни было проступок? Значит, нужно предоставить волю всякой распушенности? Это не так страшно, как представляют себе, если в деле формирования детской души и внедрения в нее почтения к родителям, о котором говорилось выше, с самого начала взят правильный курс. Ведь побои, как мы это постоянно видим, приносят мало добра, если болью, ими причиняемой, исчерпывается все, что ощущается и пугает в наказании: ибо действие наказания быстро исчезает вместе с воспоминанием об этой боли. Однако есть один проступок, и только один, за который, по моему мнению, следует подвергать детей физическому наказанию,

именно — упорство и открытое неповиновение. Но и в этом случае, я думаю, наказание должно по возможности проводиться так, чтобы главное в наказании заключалось в стыде, испытываемом от сечения, а не в боли. Только стыд, внушаемый самым поступком и заслуженным наказанием, является единственной действительной сдержкой, которая совместима с добродетелью. Боль от розги, если она не сопровождается стыдом, быстро исчезает и забывается и быстро же, благодаря привычке, теряет свою устрашающую силу. Я знал детей одной почтенной особы, которых угроза снять башмаки держала в таком же послушании, какое другим детям внушалось страхом угрожавшей им розги. Такое наказание я предпочитаю побоям: ибо, если вы хотите, чтобы ваши дети отличались истинно благородным характером, лучше, если им страшен стыд проступка и навлекаемый им позор, а не боль. Но упрямство и упорное неповиновение должны подавляться силой и побоями: ибо против них нет другого лекарства. Вы должны быть уверены в том, что любое ваше предписание и любое запрещение встретит со стороны ребенка повиновение; здесь не должно быть никакого снисхождения, никакого сопротивления. Ибо раз дело доходит до состязания, до спора между вами и ребенком за власть, — а это собственно имеет место, когда вы приказываете, а он не слушается, — вы должны непременно добиться своего, скольких бы ударов это ни стоило, раз словами или жестом вам не удалось победить; иначе вы рискуете на всю жизнь остаться в подчинении у своего сына. Одна из моих знакомых, разумная и добрая мать, принуждена была в подобном случае свою маленькую дочь, только что взятую от кормилицы, высечь восемь раз подряд в одно и то же утро, пока ей удалось преодолеть ее упрямство и добиться повиновения в одной, собственно говоря, пустой и безразличной вещи. И если бы она бросила дело раньше и остановилась на седьмом сечении, дитя было бы испорчено навсегда и безуспешные побои только укрепили бы ее упрямство, которое впоследствии было бы весьма трудно исправить. Но, разумно настаивая, пока она не согнула ее духа и не сделала податливой ее волю, что является единственной целью исправления и наказания, мать прочно утвердила свой авторитет при первом же случае и впоследствии встречала со стороны дочери полное послушание и повиновение во всем; так что, если это был первый случай, когда она ее побила, то, мне думается, он же был и последним.

Боль от розги, раз уже пришлось применить эту меру, нужно продолжать усиливать до тех пор, пока она не одержит верх; она должна прежде всего сломить упорство ребенка и установить родительский авторитет, а затем уже серьезность, соединенная с лаской, должна закрепить его навсегда.

Это соображение, если бы мы лучше в него вдумались, должно было бы заставить нас быть более сдержанными в пользовании розгой и палкой и разрушить взгляд на побои, как на какое-то универсальное средство, которое можно применять наобум во всех случаях. Несомненно, однако, одно: если побои не приносят пользы, то они причиняют большой вред; если они не доходят до души и не

делают податливой волю, они ожесточают нарушителя; и какое бы страдание ему ни пришлось перенести за свою вину, от этого столь милое ему упорство станет ему еще милее, так как, доставив ему раз победу, оно вооружает его для борьбы и поддерживает надежду на победу в будущем. Поэтому я не сомневаюсь, что плохо применяемые наказания сделали упрямыми и непокорными многих таких детей, которые при иных условиях были бы очень податливыми и послушными. Ибо какое действие это может оказать на его душу, которая главным образом и подлежит исцелению, если вы наказываете ребенка так, как будто вы только мстите за прошлый проступок, возбудивший ваш гнев? Если бы к его проступку не примешалось упрямства и своеволия, в нем не было бы ничего такого, что бы требовало столь суровой меры, как побои. Достаточно ласкового или серьезного увещания, чтобы исправить промахи слабости, забывчивости или рассеянности; а это все, чего они требуют. Но если здесь проявилась порочная воля, если это было нарочитым и упорным неповиновением, то наказание должно соразмеряться не с важностью или неважностью содеянного самого по себе, а с тем, насколько поступок противоречит требованию должного уважения и подчинения приказаниям отца, и в этом случае наказание должно выполняться со всею строгостью и бить нужно с перерывами до тех пор, пока это не дойдет до души, пока вы не заметите признаков истинного сожаления, стыда и готовности к повиновению.

Для этого, разумеется, требуется нечто большее, чем усадить детей за работу, и, если они не выполнили ее или выполнили ее не так, как мы хотели, только и делать, что сечь их. Требуется осторожность, внимание, наблюдение, тонкое изучение детского характера и тщательная оценка проступков ребенка, прежде чем прибегать к этому роду наказания. Но разве это не лучше, чем вечно держать в руке розгу, как единственное орудие дисциплины, и, применяя ее то и дело во всевозможных случаях, извратить и лишить это крайнее и полезное средство всякой эффективности для тех случаев, когда в нем есть действительная надобность? А разве можно ожидать чего-либо другого, если пользоваться им без разбора при всяком незначительном промахе ребенка. Если ошибка в грамматическом согласовании или неправильная постановка ударения в стихе должны навлекать суровое наказание плеткой на благонаправленного и прилежного мальчика так же неизбежно, как и злостный проступок на упрямого и испорченного ослушника, то как можно от такого метода исправления ожидать положительного действия на душу? А ведь к этому только и нужно стремиться, и если эта цель достигнута, то вместе с этим придет само собою все остальное, чего только вы можете пожелать.

§ 79. Где нет дурного направления воли, которое требует исправления, там не может быть надобности в побоях. Всякие другие проступки, при которых душа правильно настроена и не отказывается подчиняться руководству и авторитету отца или воспитателя, представляют собой только ошибки, на которые часто можно смотреть сквозь пальцы; если же они требуют внимания, то здесь достаточно мягкие способы воздействия вроде совета, наставления

или упрека, пока повторное и умышленное пренебрежение этими указаниями не покажет вам, что недостаток коренится в умонастроении ребенка и что в основе этого неповиновения лежит явная порочность воли. Но там, где обнаружилось упорство, то-есть открытый вызов, его нельзя спускать или игнорировать, а следует при первом же случае подавить и обуздать; нужно только тщательно избегать ошибок: должна быть уверенность, что это действительно упрямство, а не что-либо другое.

§ 80. Но так как поводов к наказанию и в особенности к побоям следует всячески избегать, то я не думаю, чтобы пришлось часто прибегать к этому средству. Если удалось внушить ребенку тот почтительный страх, о котором я уже говорил, то в большинстве случаев достаточно бывает простого взгляда. В самом деле, нельзя же ожидать со стороны маленьких детей такого же поведения, той же серьезности и прилежания, которых мы требуем от людей более зрелых. Детские шалости и дурачества, свойственные их возрасту, надо, как я говорил, разрешать им и не обращать на это внимания. Небрежность, беззаботность и веселье лежат в природе их возраста, и строгость, о которой я говорил, не следует доводить до неуместного стеснения их в подобных случаях. Помимо того, не следует чересчур поспешно объяснять упрямством и своеволием то, что является естественным продуктом их возраста или темперамента. В подобных случаях дурного поведения следует приходить к ним на помощь и таким же образом помогать их исправлению, как мы это делаем по отношению к больным в случаях естественного недомогания: ведь если даже больного предупреждали, нельзя ему вменять в вину каждый рецидив, относя его за счет полной небрежности больного и трактуя последнего, как упряма. К промахам легкомыслия нельзя, правда, относиться с пренебрежением и оставлять их без всяких замечаний; однако, если в этих промахах не участвует сознательная воля, нужно не преувеличивать их значение и не строго за них взыскивать, а исправлять их мягкими мерами, насколько это допускают время и возраст. Благодаря этому дети начнут замечать, что в данном проступке наиболее предосудительно, и научатся избегать этого. Это будет поощрять их направлять свою волю к добру, что станет для них главной задачей, когда они убедятся, что это предохраняет их от проявлений сильного неудовольствия и что при всяких других их промахах они встречают со стороны воспитателя и родителей ласковое участие и помощь, а не гнев и сердитые упреки.

Удерживайте детей от порока и порочных склонностей, и тогда на каждой ступени возраста их поведение, как правило, будет принимать форму, соответствующую этому возрасту и обществу, в котором они обычно вращаются; а с возрастом будут возрастать их внимание и прилежание. Но для того чтобы ваши слова могли всегда иметь вес и авторитет в их глазах, когда это понадобится, вы должны — даже в тех случаях, когда вы предлагаете ребенку бросить какую-нибудь детскую выходку — быть уверенными в том, что добьетесь своего, вы не должны давать ему власти. Но вместе с тем повторяю — я предпочел бы, чтобы отец в подобных случаях воз-

можно реже вмешивался со своим авторитетом и приказаниями, да и во всех других случаях, в которых не проявляется склонность к порочным привычкам. Я полагаю, что есть лучшие способы справиться с детьми: мягкое урезонивание в форме рассуждения с ними (если только вы добились исходного пункта — подчинения вашей воле), может в большинстве случаев давать гораздо лучшие результаты.

§ 81. Может быть, покажется странным, что я **Рассуждение.** говорю о рассуждении с детьми; тем не менее я вижу в этом наиболее правильный способ обращения с детьми. Дети понимают рассуждения уже с того раннего возраста, когда начинают говорить; и если мои наблюдения меня не обманывают, им раньше начинает нравиться, когда с ними обращаются, как с разумными существами, чем обычно думают. Это чувство гордости следует в них поддерживать и, в меру возможности, использовать в качестве главного орудия их воспитания. Но, говоря о рассуждениях, я имею в виду лишь такие, которые подходят к детским способностям и уровню понимания. Никто не станет думать, что с мальчиком трех или семи лет можно рассуждать, как со взрослым человеком. Длинные речи и философские рассуждения в лучшем случае приводят детей в изумление и смущение, но несколько не учат их. Поэтому, когда я говорю, что с ними нужно обращаться, как с разумными существами, я имею в виду, что вы должны мягкостью своего обращения и сдержанностью даже в мерах воздействия на них научить их понимать, что то, что вы делаете, исходит от вашего разума (диктуется вашим разумом) и полезно и необходимо для них, что если вы что-нибудь приказываете или запрещаете им, то это не вытекает из каприза, страсти или фантазии. Это они способны понимать; я думаю, что они способны воспринимать доводы касательно любого добродетельного чувства, которое нужно в них возбудить, и любого проступка, от которого их следует удерживать; при этом нужно только пользоваться такими доводами, которые доступны их возрасту и уровню понимания, и выражать их совершенно краткими и простыми словами. Основания, на которых базируются некоторые обязанности и те источники добра и зла, из которых последние вытекают, может быть, нелегко уяснить и взрослым людям, не привыкшим отвлекаться в своих мыслях от общепринятых мнений. Дети еще менее способны исходить в своих рассуждениях из отдаленных принципов. Они не в состоянии освоить убедительность длинных дедукций. Доводы, которые на них действуют, должны быть очевидными и соответствовать уровню их мышления; они должны быть, так сказать, осязаемыми, осязательными. Тем не менее, если мы будем учитывать их возраст, характер и наклонности, у нас никогда не будет недостатка в доводах достаточно для них убедительных. И если не найдется другого, более специального довода, им всегда будет понятен и для них всегда будет достаточно убедителен, чтобы отвлечь от проступка, могущего обратить на себя внимание, тот довод, что этот проступок доставит им позор и порицание и возбудит ваше неудовольствие.

Примеры.

§ 82. Однако самый простой и легкий и вместе с тем самый эффективный способ воспитания детей и формирования их внешнего поведения заключается в том, чтобы показывать им на наглядных примерах, как им следует поступать и чего они должны избегать. Если фиксировать их внимание на таких примерах из поступков знакомых им людей и сопровождать это отзовами о достоинстве или неприличии данного поступка, — это будет сильнее толкать или удерживать их от подражания, чем какие бы то ни было отвлеченные рассуждения, обращенные к ним. Никакие слова не могут сделать столь ясными для их понимания добродетели и пороки, как поступки других людей, если вы при этом руководите их наблюдением и фиксируете их внимание на той или иной хорошей или дурной черте в поведении этих людей. И положительные или отрицательные стороны многих вещей, при хорошем ли воспитании или дурном, будут лучше познаваться и глубже запечатлеваться из примеров других людей, чем из тех правил и наставлений, которые могут им даваться по этому поводу.

Этот метод следует применять не только пока дети еще малы, но и в течение всего последующего времени, пока они находятся на чьем-либо попечении или под чьим-либо руководством. Более того: может быть, это наилучший метод, которым отец может пользоваться так долго, как он сочтет нужным, и в любом случае, когда он желает в чем-либо исправить сына. Ибо ничто не проникает так незаметно и так глубоко в душу человека, как пример: какую бы дурную черту люди ни проглядели в себе и ни прощали себе самим, она может внушать им только отвращение и стыд, когда она выступает перед ними в других людях.

Сечение.

§ 83. Относительно сечения, когда оно становится необходимым как крайнее средство, могут возникнуть сомнения, когда и кто должен производить его: немедленно ли после совершения проступка, пока еще свежо и сильно впечатление от него, и должны ли сами родители сечь своих детей? По первому вопросу я полагаю, что не следует наказывать немедленно, чтобы не вносить в наказание элемент возбуждения; хотя в этом случае справедливая мера наказания превышает, оно теряет, однако, свой должный вес: ибо даже дети в состоянии разобрат, когда мы действуем в состоянии возбуждения. Но, как я уже говорил выше, только то получает в глазах детей наибольший вес, что представляется им спокойным проявлением родительского разума; а они умеют замечать эту разницу. Затем, если у вас есть подходящий для этого разумный слуга, участвующий в воспитании вашего ребенка (если у вас есть специальный воспитатель, сомнений здесь не возникает), то мне думается, что самое лучшее будет, если боль будет причинена ребенку рукой чужого человека, хотя бы по распоряжению отца, который должен следить за исполнением наказания; здесь предпочтительнее сохранить авторитет отца, а озлобление ребенка, вызванное испытываемой им болью, лучше направить против лица, который непосредственно наносит удары. Я бы вообще предпочитал, чтобы отец возможно реже бил своего ребенка, разве только в случае крайней необходимости и в качестве последнего средства; и

в этом случае, может быть, полезно будет это делать так, чтобы ребенок не скоро забыл о наказании.

§ 84. Но, как я говорил выше, побои — это самая худшая, а потому самая крайняя из исправительных мер, которые можно применять к детям. Поэтому применять побои следует лишь в случаях крайней необходимости, когда все более мягкие меры испробованы и остались безуспешными; если строго придерживаться этого правила, необходимость в побоях будет возникать очень редко. Ибо нельзя себе представить, чтобы ребенок часто оспаривал (если случается, чтобы он вообще оспаривал) приказание отца в каком-либо конкретном случае; и если отец не станет вмешиваться со своей абсолютной властью, в форме непререкаемых правил, в сферу детских или безразличных поступков своего сына, в которой тот должен пользоваться свободой, или в сферу его учебных или других полезных для него занятий, в которой не должно применяться никакого принуждения, — тогда разве только при запрещении некоторых порочных действий ребенок может проявить упорство и, следовательно, заслужить побои; таким образом, тот отец, который правильно соображает и ведет воспитание ребенка, как следует его вести, будет иметь очень мало поводов для применения этого наказания. В самом деле, в каких пороках может повиниться ребенок в течение первых семи лет своей жизни, кроме лжи и некоторых скверных шалостей, повторение которых после прямого запрещения со стороны отца должно повлечь за собой обвинение его в упорстве и наказание розгой? Если всякая порочная тенденция, при первом же ее обнаружении и проявлении в поступках, будет встречена должным образом — сначала недоумением, а потом, в случае повторения, неудовольствием, выраженным в строгом взгляде отца, воспитателя и всех окружающих, и внешним обращением, которое явилось бы выражением осуждения, и если такое обращение будет продолжаться до тех пор, пока он не почувствует этого и не устыдится своего проступка, тогда, я думаю, не будет надобности в каком-либо другом наказании и не будет никакого основания для применения побоев. Необходимость такого наказания обычно является только следствием проявленных ранее снисходительности и небрежности: если бы мы следили за порочными склонностями с самого начала и исправляли первые же отклонения, ими вызванные, указанными выше более мягкими приемами, нам редко приходилось бы иметь дело более чем с одним ненормальным проявлением зараз; его легко было бы исправить без всякого шума, и для этого не требовались бы такие суровые меры, как побои. Так можно было бы искоренить один недостаток за другим, по мере их проявления, не оставляя ни следа, ни воспоминания, что они были когда-то. Но мы предоставляем этим недостаткам развиваться (проявляя снисходительность и оказывая потворство нашим малюткам), и только тогда, когда они стали упорными и многочисленными и их безобразие уже причиняет нам стыд и беспокойство, мы готовы взяться за плуг и борону, за лопату и мотыгу, которыми приходится рыть уже до самых корней, и тогда все наши силы, все умение и усердие, на которое мы способны, едва ли окажутся достаточными, чтобы очистить запущенную гряду, поросшую

сорняком, и чтобы восстановить наши надежды на плоды, которые в свое время должны вознаградить нас за наш труд.

§ 85. Эта система, если она будет соблюдаться, избавит отца и ребенка от неприятности повторных приказаний и многочисленных правил о том, что следует делать и чего нельзя делать. Я с своей стороны держусь того мнения, что ни одно из тех действий, в которых проявляется склонность к порочным привычкам (а только такие действия и должны вызывать вмешательство отца с его авторитетом и приказаниями), не должно запрещаться детям раньше, чем они провинились в нем. Ибо, поскольку подобные запрещения предполагают, что дети способны совершить проступки, против которых неведение может быть было лучшей гарантией, постольку они действуют, по меньшей мере, в смысле обучения и поощрения таких поступков, если не приводят к еще худшим результатам. И наилучшее средство остановить их заключается, как я уже говорил, в том, чтобы по поводу каждого подобного поступка, в котором проявляется порочная наклонность, выражать глубокое изумление в первый же раз, лишь только ребенок будет замечен в нем. Например, если он впервые уличен во лжи или в какой-либо дурной шалости, первое, что нужно сделать, это поговорить с ним о ней, как о такой поразительной, чудовищной вещи, которой нельзя было от него ожидать, и таким образом пристыдить его.

§ 86. На это мне, вероятно, возразят, что я могу воображать что угодно относительно сговорчивости детей и преимущества указываемых мною более мягких приемов пристыжения и поощрения, — однако много есть таких детей, которые никогда по своей воле не станут братья за книги и за необходимую учебу, пока их не принудят к этому розгами. Но я боюсь, что это только отговорки обычных школ и рутины, которая никогда не допускала надлежащего испытания других приемов там, где это заслуживало бы внимания. Например, почему обучение латинскому или греческому языкам требует применения розги, а обучение французскому или итальянскому не требует? Дети учатся танцевать и фехтовать без воздействия розги; и даже более — они охотно и достаточно хорошо занимаются арифметикой, рисованием и др., не нуждаясь для этого в побоях. Это должно вызвать подозрение, нет ли чего чуждого, неестественного и непривлекательного для этого возраста в предметах, требуемых в грамматических школах, или в тех методах, которые там применяются, если заставить детей ими заниматься можно только жестокой поркой, да и то с большим трудом; или же — что мнение, будто нельзя обучать детей названным языкам без побоев, ошибочно.

§ 87. Но допустим, что некоторые дети настолько нерадивы и ленивы, что их нельзя заставить учиться теми мягкими средствами, которые я предлагаю. Конечно, необходимо согласиться, что среди детей встречаются всякие характеры. Отсюда, однако, не следует, что суровая дисциплина палки должна применяться ко всем; в отношении любого ребенка нельзя заключать о неприменимости к нему более мягких методов воспитания, пока эти методы не испытаны над ними со всею тщательностью. И лишь после того, как они ока-

зались бессильными заставить его проявить все усердие и сделать все, что он в силах сделать, мы не находим извинения для его упорства.

Для таких детей побои являются подходящим средством исправления; но побои должны применяться иначе, чем это делается обыкновенно. Того, кто умышленно пренебрегает учением и упорно отказывается делать то, что ему по силам и чего требует от него отец, выражающий свое требование в форме положительного и серьезного приказанья, не следует наказывать двумя или тремя сердитыми ударами за невыполненный урок, повторяя наказание снова и снова после каждого подобного поступка. Нет, если уже дошло до того, что своеволие становится очевидным и вызывает необходимость побоев, то, я думаю, наказание должно быть несколько серьезнее и строже, и сечение (в перемежку с увещанием) должно продолжаться до тех пор, когда впечатление, произведенное им на душу ребенка, можно прочесть на его лице, в голосе его, в покорности ребенка, обнаруживающего чувствительность не столько к боли, сколько к совершенному проступку, и смягчившегося в искреннем сожалении о нем. Если же подобное наказание, испытанное несколько раз, через надлежащие промежутки времени, осуществляемое с крайней строгостью и сопровождаемое все время выражением неудовольствия со стороны отца, не окажет действия, не исправит души и не побудит к послушанию в дальнейшем, то чего можно ожидать от побоев и ради какой цели применять их дальше? Побои, если вы не можете ожидать от них ничего хорошего, скорее будут походить на бешенство разъяренного врага, чем на доброжелательство сострадательного друга; а такое наказание только подстрекает к дальнейшим проступкам и не дает надежды на исправление. Если на долю отца выпало несчастье иметь такого испорченного и неукротимого сына, то я уж не знаю, что остается ему еще делать — разве только молиться за своего сына. Но я думаю, что если держаться правильного метода по отношению к детям с самого начала, то лишь очень немногие из них окажутся такими. А если подобные случаи и бывают, то не ими, однако, должны определяться правила воспитания тех детей, которые обладают лучшей натурой и могут быть руководимы при помощи лучших приемов.

§ 88. Если можно найти воспитателя, который, считая себя заместителем отца, принявшим на себя его заботы, и разделяя вышеизложенные идеи, будет стараться с самого начала осуществить их на практике, то в дальнейшем он убедится, что работа уже совсем легка, и ваш сын, мне думается, сделает такие успехи в учении и в благовоспитанности, каких вы, может быть, не представляете себе. Только никоим образом не разрешайте воспитателю, когда бы то ни было, бить мальчика без вашего согласия и распоряжения, по крайней мере — до тех пор, пока вы на опыте не убедились в его рассудительности и сдержанности. Но вместе с тем, для того чтобы поднять его авторитет в глазах воспитанника, вы должны скрыть от последнего, что его воспитатель не властен применять розги; кроме того, вы обязательно должны и сами оказывать воспитателю большое почтение и заставлять точно

как же относиться к нему всю вашу семью. Ибо вы не можете рассчитывать, что ваш сын будет относиться с уважением к человеку, к которому его отец и мать, по его наблюдениям, относятся пренебрежительно. Если вы находите, что воспитатель достоин презрения, вы сделали плохой выбор; но если вы обнаруживаете свое презрение к нему, ваш сын навряд ли будет относиться к нему иначе. А коль скоро это случится, то каким бы достойным человеком воспитатель ни был сам по себе и какими бы он ни обладал способностями к своему делу, — все это пропадет для вашего сына и уже никогда не может быть сделано полезным для него.

§ 89. Как пример отца должен учить ребенка уважению к своему воспитателю, так пример воспитателя должен побуждать ребенка к тем действиям, которых он требует от последнего. Его собственное поведение ни в коем случае не должно расходиться с его предписаниями, если только он не желает испортить ребенка. Бесцельно со стороны воспитателя говорить об обуздании страстей, если он дает волю какой-либо собственной страсти; и бесплодными будут его старания искоренить в своем воспитаннике порок или непристойную черту, которые он допускает в себе самом. Дурные примеры, несомненно, действуют сильнее хороших правил, и поэтому он должен всегда тщательно оберегать своего воспитанника от влияния дурных примеров, в особенности наиболее опасных — примеров прислуги: от этого общества следует держать мальчика подальше, притом не путем запрещений, которые только подстрекнут его к такому общению, а другими средствами, на которые я указывал.

Гувернер. § 90. Во всем деле воспитания нет другой задачи, которой, видимо, уделялось бы так мало внимания и которая в то же время была бы столь трудно осуществимой, как та, о которой я собираюсь сейчас говорить. Я имею в виду задачу приставить к детям, лишь только они начинают говорить, рассудительного, трезвого, мало того — мудрого человека, на котором бы лежала забота вести их правильно и оберегать от всего дурного, особенно от заразного влияния дурного общества. Я считаю, что это требует большой трезвости, сдержанности, нежности, усердия и осторожности — качеств, которые вряд ли могут сочетаться в одном лице среди тех людей, которых можно иметь за обычное вознаграждение; да и вообще их нелегко найти. Что же касается необходимых для этого расходов, то я думаю, что нет лучшего способа расходовать деньги, чем трата их на наших детей, и поэтому, если бы даже этот расход оказался выше обычного, он не должен почитаться чрезмерным. Тот, кто какой бы то ни было ценой доставляет своему ребенку хорошую душу, вооруженную хорошими принципами, приспособленную к добродетельной жизни и к практической деятельности и украшенную вежливостью и благовоспитанностью, делает для него лучшее приобретение, чем если бы он израсходовал свои деньги на увеличение своего имени лишними акрами земли. Экономьте, сколько вам угодно, на игрушках и забавах, на шелках и лентах, на кружевах и других бесполезных расходах, но не скупитесь в таком необходимом деле, как это. Создавать ребенку денежное богатство и делать его убогим душой — это не значит разумно хозяйничать.

Мне часто приходилось с удивлением наблюдать, как люди щедро тратят деньги на то, чтобы наряжать своих детей в красивые костюмы, обставлять их роскошной квартирой, богатым столом и чрезмерным количеством ненужной прислуги, и в то же время они обрекают их на духовный голод, не прилагая достаточных стараний, чтобы прикрыть ту наготу, которая является самой постыдной, т. е. их прирожденные дурные наклонности и невежество. По-моему это значит лишь приносить детей в жертву собственному тщеславию, так как в этом больше обнаруживается тщеславие людей, чем действительная забота о благе своих детей. Все, что вы сделаете ради духовного развития вашего сына, покажет вашу истинную привязанность к нему, хотя бы это было связано с уменьшением его денежного состояния. Мудрый и добрый человек вряд ли может не считаться большим и счастливым человеком или быть им в действительности; но человек глупый или порочный не может быть ни большим человеком, ни счастливым, какое бы состояние вы ни оставили ему. И я вас спрошу — не предпочтете ли вы, чтобы ваш сын был таким, как некоторые люди с доходом в 500 фунтов в год, чем похожим на известных вам людей, имеющих доход в 5000 фунтов?

§ 91. Поэтому соображение о расходах не должно было бы останавливать тех, кто в состоянии их делать. Большая трудность будет в том, где найти подходящего человека; ибо люди молодые, мало способные и мало добродетельные, не пригодны для этого дела, а те, которые обладают этими качествами в большей степени, навряд ли согласятся взять на себя такие обязанности. Поэтому вы должны начать поиски заблаговременно и повсюду расспрашивать, ибо на свете есть люди всякого рода. Я вспоминаю, как Монтень¹⁶ в одном из своих «Отзывов» рассказывает, что ученый Кастальон¹⁷, чтобы не умереть с голоду, был вынужден заниматься изготовлением кухонных досок, в то время как отец Монтеня дал бы сколько угодно денег за такого воспитателя для своего сына, а Кастальон охотно бы взял на себя эти обязанности на весьма умеренных условиях; но это вышло так потому, что они не знали друг о друге.

§ 92. Если для вас окажется трудным найти воспитателя, какого вы хотите иметь, вы не должны удивляться этому. Я могу лишь одно сказать: не жалейте ни хлопот, ни расходов, чтобы найти такого. Таким путем можно все достать, и смею вас уверить, что если вам удастся получить хорошего воспитателя, вы никогда не пожалуете о сделанных расходах; напротив, вы всегда будете чувствовать удовлетворение от сознания, что эти деньги нашли себе наилучшее применение. Но ни в коем случае не берите никого по совету друзей, или из сострадания, или из-за громких рекомендаций. Мало того: если вы хотите, сделать, как должно, то одной репутации рассудительного человека с большим запасом учености — чего обычно только и требуют от воспитателя — будет недостаточно, чтобы дать то, что вам нужно. Выбирая воспитателя, вы должны быть так же разборчивы, как и при выборе жены для сына: ибо вам не следует думать об одной только пробе или рассчитывать на возможность последующей замены: это причинит вам большое неудобство, а вашему сыну еще большее. Когда я думаю о той разборчивости и предосто-

рожностях, которую я вам рекомендую, то мне кажется, что я советую вам нечто такое, что можно предложить, но практически нельзя выполнить. Но тот, кто учтет, как сильно правильно поставленная работа воспитателя отличается от обычных методов воспитания и как далеко не похожа она на то, что думают многие, даже те, которые избирают для себя эту профессию, тот, быть может, согласится со мной, что человека, способного воспитать и формировать душу молодого джентльмена, не повсюду найдешь и что при подборе такого человека необходимо проявить больше энергии, чем обычно принято — иначе вы можете не достигнуть цели.

§ 93. Качества рассудительного и ученого человека — вот чего всякий, как я выше заметил, требует от воспитателя. Это вообще считается достаточным и только этого обычно ищут родители. Но когда такой человек вытряхнет из себя всю латынь и логику, которые он вынес из университета, и напичкает ими своего ученика, то разве последний благодаря этим аксессуарам сделается утонченным джентльменом? И можно ли ожидать, что он окажется более проникнутым началами и основами истинной добродетели и благородства, чем его юный воспитатель?

Чтобы формировать молодого джентльмена, каким он должен быть, его воспитатель сам должен быть хорошо воспитан, — он должен знать правила обхождения и формы вежливости применительно ко всему разнообразию лиц, времени и места и заставлять своего воспитанника всегда соблюдать их в той мере, в какой этого требует его возраст. Этому искусству нельзя ни обучить, ни научиться по книгам. Оно дается лишь сочетанием хорошего общества и наблюдательности. Портной может ему сшить платье по моде, учитель танцев может придать грацию его движениям; но это хотя и украшает человека, однако не создает еще благовоспитанного джентльмена, даже в том случае, если к этому присоединяется ученость, которая, когда она дурно направлена, делает его более нахальным и невыносимым в обществе. Только благовоспитанность сообщает блеск и всем остальным его хорошим качествам и делает их полезными для него, доставляя ему уважение и расположение всех, с кем он сталкивается. При отсутствии благовоспитанности остальные его достоинства создают ему лишь репутацию гордого, самодовольного, тщеславного или глупого человека.

В дурно воспитанном человеке смелость принимает вид грубости и так именно воспринимается общественным мнением; ученость становится в нем педантизмом, остроумие — шутовством, простота — неотесанностью, добродушие — льстивостью. В таком человеке не может быть ни одного хорошего качества, которого недостаток воспитания не исказил бы, не обезобразил бы, к невыгоде его обладателя. Даже добродетели и таланты, хотя бы они и получили должное признание, недостаточны, чтобы обеспечить человеку хороший прием и сделать его желанным гостем повсюду, где он появляется. Никто не удовлетворяется неотделанными алмазами и не станет их носить в таком виде, если желает производить приятное впечатление. Они блещут лишь тогда, когда отшлифованы и вделаны в оправу. Хорошие качества составляют существенное богатство души, но только благо-

воспитанность служит для них оправой; и тот, кто хочет быть приятным, должен придавать своим поступкам не только силу, но и красоту. Солидности и даже практических талантов недостаточно. Изящная манера и форма во всем — вот что украшает человека и делает его привлекательным. В большинстве случаев манера действовать имеет большее значение, чем самое действие, и от нее зависит вызываемое последним удовольствие или неудовольствие. Манера, о которой мы говорим, заключается не в искусстве снимать шляпу или говорить комплименты, а в надлежащей и свободной непринужденности языка, взглядов, движений, жестов, позы и др., соответствующих лицам и обстоятельствам, и может быть усвоена лишь путем привычки и практики. Поэтому, хотя все это не по силам детям и не следует ради этого мучить малышей, однако молодой джентльмен должен начать усваивать это и в значительной мере усвоить, пока он находится под руководством наставника, раньше, чем он выйдет в свет и станет держаться на собственных ногах: ибо тогда бывает обыкновенно уже поздно рассчитывать на исправление некоторых некрасивых манер, вошедших в привычку и проявляющихся в мелочах. Ибо манера держать себя еще не такова, какую она должна быть, пока она не сделалась естественной во всех подробностях, давая, подобно пальцам искусного музыканта, гармонические аккорды без усилий и без обдумывания. Если душа человека, находящегося в обществе, поглощена тем, что беспокойно следит за каждой подробностью его поведения, то вместо того, чтобы благотворно действовать на его душу, поведение его становится лишь принужденным, неловким, лишенным всякой грации.

Помимо того, необходимо эту сторону воспитания поручать заботам воспитателя — и по следующим соображениям. Промахи в отношении правил благовоспитанности, хотя и замечаются посторонними раньше, чем всякие другие, однако указываются человеку позже всего. И не потому, чтобы светское злословие не было склонно к пересудам, а потому, что этими пересудами всегда занимаются за спиной того, кто должен был бы извлечь из этих отзывов пользу для себя и исправиться благодаря этой критике.

И в самом деле, это настолько щекотливый пункт, не допускающий чужого вмешательства, что даже друзья, которые бы желали исправления данного недостатка, с трудом решаются когда-либо заговорить о нем и указать человеку, которого они любят, что он проявил в том или другом случае неблаговоспитанность. На промахи в других вещах позволительно изредка указывать другому человеку в вежливой форме, и исправление других его ошибок не считается нарушением хороших манер или дружбы. Но благовоспитанность именно и не позволяет касаться такой темы, она именно и не позволяет намекнуть другому человеку, что он проявил недостаток воспитанности. Такие указания могут исходить только от тех, кто пользуется авторитетом над ним; но даже с их стороны они могут показаться очень неприятными и грубыми взрослому человеку и, хотя бы выраженные в мягкой форме, будут болезненно восприняты тем, кто уже пожил среди людей. Поэтому необходимо, чтобы эта часть воспитания была главной заботой воспитателя, с тем, чтобы при-

вычное изящество и вежливость обхождения укрепились в его питомце раньше, чем он выйдет из-под его руководства, и чтобы он не нуждался в советах на этот счет впоследствии, когда у него не будет ни времени, ни охоты принимать их, да и не будет при нем человека, который бы давал их. Поэтому сам воспитатель должен быть прежде всего благовоспитанным человеком, и молодой джентльмен, который усвоит от своего воспитателя хотя бы одно это качество, выйдет в свет, обладая большим преимуществом; он убедится, что одно это достоинство шире откроет ему дорогу, доставит ему больше друзей и обеспечит ему больший успех в свете, чем всякие ученые слова или реальное знание, которые он усвоил из свободных искусств или ученой энциклопедии своего воспитателя. Это не значит, что последними нужно пренебрегать, но ни в коем случае не следует оказывать им предпочтение или допускать, чтобы они приобретались за счет указанного достоинства.

§ 94. Помимо благовоспитанности, воспитатель должен обладать хорошим знанием света, знанием обычаев, нравов, причуд, плутней и недостатков своего времени, в особенности страны, в которой он живет. Он должен уметь показать их своему воспитаннику, поскольку он находит его способным разобраться в них; должен научить его разбираться в людях и в их манерах, срывать маски, накладываемые на них профессией и притворством, различать то подлинное, что лежит в глубине под такой внешностью, для того, чтобы тот, как это бывает с неопытными молодыми людьми, не получившими надлежащего предостережения, не принимал одной вещи за другую, не судил по внешности, не поддавался впечатлению внешнего блеска, не обольщался хорошим обхождением или любезной услужливостью. Воспитатель должен учить своего воспитанника угадывать намерения людей, с которыми он имеет дело, и остерегаться их, не относиться к ним ни с чрезмерной подозрительностью, ни с чрезмерной доверчивостью, а так как молодой человек по своей природе в высшей степени склонен к одной из этих крайностей, то следует поправлять его и отклонять его в другую сторону. Он должен приучать своего воспитанника составлять себе, насколько это возможно, правильное суждение о людях на основании тех признаков, которые лучше всего показывают, что те представляют собой в действительности, и проникать своим взглядом в их внутреннее существо, которое часто обнаруживается в мелочах, в особенности когда эти люди находятся не в парадной обстановке и не на-чеку. Он должен ознакомить его с истинным положением вещей и внушить ему привычку не считать человека ни лучшим, ни худшим, ни более умным, ни более глупым, чем он есть в действительности. Так, с безопасной и нечувствительной постепенностью, мальчик превратится во взрослого человека; это самый критический переход во всей жизни. Поэтому необходимо следить со всей тщательностью за этим переломным периодом и провести через него молодого человека с величайшей осторожностью, а не выпускать его, как это обычно делается, сразу из-под руководства воспитателя в свет вполне самостоятельным человеком, при явном риске немедленной порчи. В самом деле, ведь нет более частого явле-

ния, чем примеры крайней распущенности, безрассудства и разврата, которым предаются молодые люди, как только они избавятся от режима сурового и строгого воспитания, что, по моему мнению, следует приписать неправильному методу воспитания, особенно в данном отношении. Ибо, будучи воспитаны в полном неведении того, что такое свет в действительности, и найдя в нем совсем не то, чему их учили и что они себе представляли, они легко дают другого сорта воспитателям, которых они обязательно встретят на своем пути, убедить себя, что тяготевшая над ними дисциплина и читавшиеся им лекции — только формальности воспитания и что свобода, принадлежащая взрослым, заключается в широком и неограниченном пользовании тем, что раньше им запрещалось. Они показывают юному новичку свет, переполненный модными и блестящими образцами этого пользования, которые сразу его ослепляют. Мой юный джентльмен непрочь показать себя таким же взрослым человеком, как и любой из его блестящих сверстников, и он отдается всем эксцессам, которые наблюдает у самых развратных; так, он старается завоевать себе репутацию и приобрести облик мужественности, отбрасывая скромность и умеренность, которые ему до сих пор внушались, и считает молодечеством ознаменовать свои первые шаги в свете нарушением всех правил добродетели, проповедовавшихся ему его воспитателем.

По моему мнению, одно из лучших средств предупредить это зло — показать ему свет, каков он есть на деле, прежде чем он окончательно вступит в него. Надо постепенно осведомлять его о модных пороках и предостеречь против приемов и намерений тех людей, которые поставят своей задачей развратить его. Надо сказать ему об ухищрениях, к которым те прибегают, и о сетях, которые они составляют, а время от времени следует выводить перед его глазами трагические и смешные примеры тех людей, которые погибают или погибли на этом пути; наше время не являет недостатка в подобных примерах, и их нужно превратить в охраняющие его вехи с тем, чтобы страдания, болезни, нищета и позор многообещавших юношей, доведенных таким образом до гибели, могли служить для него предостережением и показывали бы ему, как те самые люди, которые под личиной дружбы и уважения вели тех к гибели и помогали грабить их, пока они разорялись, потом с презрением от них отворачиваются. Он увидит это прежде, чем узнает ценою слишком дорогого опыта, что те, которые убеждают его не следовать разумным советам, полученным от своего воспитателя, и указаниям своего собственного разума (что, по их словам, означает быть на поводу у других), делают это только для того, чтобы иметь возможность самим руководить им, и уверяют его, будто он действует как самостоятельный человек, по собственному усмотрению и ради собственного удовольствия, когда на деле он, как малый ребенок, увлекается ими в пороки, которые лучше всего служат их целям. Вот знание, которое воспитатель должен стараться внушить ему при каждом удобном случае, добиваясь всеми способами, чтобы он его основательно понял и усвоил.

Я знаю, часто говорят, что открывать молодому человеку пороки века значит обучать его этим порокам. Конечно, в этом есть значительная доля правды; однако все зависит от того, как это де-

лать. Именно поэтому и нужен для этого человек рассудительный и способный, который знает свет и умеет судить о характере, наклонностях и слабых сторонах своего воспитанника. Кроме того надо помнить, что теперь невозможно (как было, может быть, возможно раньше) удерживать молодого джентльмена от порока, оставляя его в полном неведении о нем, если только вы не намерены продержатъ его всю жизнь взаперти и никогда не пускать его в общество. Чем больше его будут держать таким образом с завязанными глазами, тем меньше он будет видеть, когда он выйдет из дома на вольный свет, и тем больше он будет подвержен опасности стать добычей самого себя или других. Такой взрослый птенец, лишь только он появится со всей степенностью, вынесенной из родного гнезда, непременно привлечет к себе взоры и крики всего городского птичника, где найдется и немало хищных птиц, готовых немедленно броситься в погоню за ним.

Единственная защита от света заключается в основательном знании его, которое нужно сообщать молодому человеку постепенно, в той мере, в какой он может его усваивать, и чем раньше, тем лучше, раз он находится в надежных и искусных руках. Занавес нужно приоткрывать понемногу и вводить его нужно шаг за шагом, указывая опасности, ожидающие его со стороны некоторых званий, характеров, намерений и кружков. Следует подготовить его к тому, что одни будут его задирать, другие ласкать; предупредить его, кто, по всей вероятности, будет враждовать с ним, кто — направлять на ложный путь, кто — подкапываться под него и кто — оказывать услуги. Следует научить его, как распознавать и различать их, в каких случаях он должен давать им понять, что он видит их, их цели и махинации, и когда он должен это скрывать. Если же он будет чересчур склонен полагаться на свою силу и умение, то досада и неприятность от могущей временами случиться неудачи, если только она не причиняет ущерба его невинности, здоровью или репутации, могут послужить недурным средством научить его быть более осторожным.

Я должен сказать, что указанные соображения, касающиеся существенных элементов мудрости, представляют собою не продукт нескольких поверхностных мыслей или большой начитанности, а являются результатом опыта и наблюдений человека, жившего в свете с открытыми глазами и общавшегося с людьми разного сорта; поэтому я и считаю весьма важным внушать эти мысли молодому человеку при каждом подходящем случае для того, чтобы он, когда ему придется самостоятельно пуститься в житейское море, не оказался в положении моряка, плывущего без направления, без компаса или морской карты; для того, чтобы он заранее ознакомился с подводными камнями и мелями, с течениями и движущимися песками, умел бы хоть немного править рулем и не утонул бы до того, как приобретет опыт. Тот, кто не считает это более важным для своего сына и более требующим воспитателя, чем языки и науки, забывает, насколько умение правильно судить о людях и разумно вести с ними дела полезнее, чем уметь говорить по-гречески и по-латыни, или вести аргументацию при помощи модусов и фигур¹⁸, или наполнить

голову абстрактными спекуляциями натуральной философии и метафизикой; насколько оно полезнее даже основательного знакомства с греческими и римскими писателями, хотя последнее для джентльмена немного важнее, чем быть хорошим перипатетиком или картезианцем¹⁹, так как эти писатели древности умели наблюдать и изображать мир человека и пролили много света на эту область знания. Кто отправится в восточные части Азии, тот найдет там способных и достойных людей, не имеющих обо всем этом никакого понятия; но нигде нельзя найти вполне культурного и достойного человека, не обладающего добродетелью, знанием света и вежливостью.

Джентльмен в значительной мере может обойтись, не рискуя большим умалением своей личности или ущербом для своих дел, и без большей части тех знаний, которые обыкновенно преподаются в современных европейских школах и обычно включаются в программу воспитания. Но благоразумие и благовоспитанность необходимы во всех положениях и при всяких обстоятельствах жизни. Между тем большинство молодых людей страдают недостатком этих качеств и вступают в жизнь менее отшлифованными и менее поворотливыми, чем следовало бы. Причина этого заключается именно в том, что эти качества, которые всего необходимее воспитать в них, и воспитание которых более всего требует участия и помощи воспитателя, как правило остаются в пренебрежении: считается, что это вовсе не входит в круг обязанностей воспитателя или является лишь маловажной их частью. Все общественное внимание сосредоточивается вокруг латыни и обучения наукам; и главный упор делается на то, чтобы мальчик преуспевал в предметах, значительная часть которых не имеет никакого отношения к жизненному призванию джентльмена, которое предполагает знания делового человека и подобающее его общественному рангу поведение и сводится к тому, чтобы он стал заметным и полезным человеком в своей стране сообразно своему положению. Если часы досуга или желание усовершенствоваться в каких-либо отраслях знания, в которые воспитатель только ввел его, побудят его сесть за учение, то усвоенные им ранее начатки знания в достаточной мере укажут ему путь, чтобы он мог при помощи собственного усердия пойти так далеко, как ему подскажет желание и позволят его способности.

Если же он решит, что руководство преподавателя поможет ему преодолеть некоторые трудности с меньшей затратой времени и сил, то он сможет взять себе человека, основательно знающего данный предмет, или такого, который, по его мнению, лучше всего подойдет для его целей. Но для того чтобы ознакомить питомца с какой-либо отраслью знания в том объеме, какой необходим молодому человеку при обычном ходе его занятий, достаточно обладать обыкновенными познаниями воспитателя. Вовсе не требуется, чтобы он был глубоким ученым или в совершенстве знал все те науки, с которыми молодому джентльмену следует познакомиться лишь в объеме общего обзора или краткой системы. Джентльмен, который пожелал бы иметь более глубокие познания, должен этого добиться уже потом, собственными дарованиями или усердием; ибо никто еще не достигал больших успехов в области знания и не становился выдающимся знатоком

в какой-либо науке благодаря дисциплине и принуждению со стороны наставника.

Великая задача воспитателя заключается в том, чтобы формировать поведение и душу своего воспитанника, чтобы привить ему хорошие привычки, заложить в нем основы добродетели и мудрости, учить его постепенно знанию людей, внушить любовь и стремление подражать всему, что прекрасно и достойно похвалы, и вооружать его силой, энергией и усердием в стремлении к этим целям. Занятия, которых воспитатель требует от него, служат, так сказать, лишь для упражнения его способностей и заполнения его времени, для того, чтобы оберечь его от шалопайства и лени, научить его прилежанию, приучить его делать усилия и дать ему небольшое представление о том, в чем он должен совершенствоваться уже при помощи самостоятельности. Ибо кто может ожидать, что под руководством воспитателя молодой джентльмен сделается законченным критиком, оратором или логиком? Что он постигнет глубины метафизики, натуральной философии или математики, овладеет в совершенстве историей или хронологией? Правда, кое-какие сведения по всем этим наукам следует ему сообщить, но лишь с тем, чтобы приоткрылась дверь и он мог бы заглянуть в нее и, так сказать, получил первую ориентировку, однако не засиживаясь там надолго. И заслуживал бы строгого порицания тот воспитатель, который стал бы задерживать своего воспитанника слишком долго и слишком далеко заводил бы его в большинстве этих наук. Но благовоспитанность, знание света, добродетель, прилежание и бережное отношение к доброму имени никогда не могут оказаться в избытке. И тот, кто обладает ими, не будет долго испытывать недостатка во всем остальном, что ему необходимо или желательно.

Так как нельзя надеяться, что он будет иметь достаточно времени и сил, чтобы научиться всему, то наибольшие усилия надлежит приложить к тому, что необходимее всего, и обращать главное внимание на то, что более всего и чаще всего пригодится ему в свете.

Сенека²⁰ жалуется на противоположную практику, господствовавшую в его время; между тем Бургерсдициусы и Шейблеры²¹ еще не развелись в те дни в таком обилии, как в наше время. Что бы он подумал, если бы он жил теперь, когда воспитатели считают своей главной обязанностью перегружать занятия и головы своих питомцев подобными авторами? Он имел бы гораздо больше оснований сказать: «мы учимся не для жизни, а для диспутов» («*Non vitae, sed scholae discimus*»), и наше воспитание подготавливает нас скорее для университета, чем для жизни. Неудивительно, если те, кто создает моду, приспособляют ее к тому, чем они сами обладают, а не к тому, что нужно их питомцам. Но раз мода установилась, то нет ничего удивительного в том, что она преобладает в этом, как и во всех других делах, и что большинство из тех, кто находит для себя выгодным подчиниться ей, готово кричать о ереси, когда кто-либо отступает от нее. Но в то же время нельзя не удивляться тому, что люди выдающиеся и талантливые способны так сильно заблуждаться, следуя обычаю и слепой вере. Если бы они советовались со своим разумом, он указал бы им, что время их детей должно тратиться на

усвоение того, что может оказаться для них полезным, когда они будут взрослыми, а не на то, чтобы забивать головы массой хлама, большей части которого они не будут вспоминать в течение всей своей жизни (и наверно никогда им и не понадобится вспоминать, а то, что останется у них в памяти, послужит им только во вред). Это настолько хорошо известно, что мне остается только спросить родителей, которые затратили средства на обучение своих юных наследников: разве не смешно будет, если их сыновья вступят в свет с налетом учености подобного сорта, и разве какое-либо проявление ее не умалит их и не сделает их неприятными в обществе? Действительно замечательное приобретение, достойное стать одной из задач воспитания, если оно ставит их в конфузное положение как раз там, где они наиболее заинтересованы обнаружить свои таланты и воспитание!

Есть еще одно соображение, в силу которого нужно главное внимание обращать на учтивость манер и знание света. Оно заключается в том, что способный человек зрелого возраста может сообщить молодому человеку достаточные сведения из любой из упомянутых наук, хотя бы он сам и не обладал в них глубокими познаниями: он сможет почерпнуть их из соответствующих книг, которые доставят ему достаточные знания и превосходство, необходимые для того, чтобы указывать дорогу своему юному ученику. Но тот, кто сам мало знает свет и, в особенности, мало воспитан, тот никогда не будет в состоянии правильно поставить другого в том и другом отношении.

Этим знанием он должен обладать, — знанием, которое вошло бы в его натуру благодаря практике и общению с людьми и продолжительному культивированию в себе того, что, по его наблюдениям, практикуется и допускается в лучшем обществе. Если он этим знанием не обладает, ему неоткуда будет заимствовать его для пользы его воспитанника: если даже он мог бы найти подходящие трактаты по этому предмету в книгах, в которых затрагиваются все частности поведения английского джентльмена, то примеры его собственной неблагоприятности, если он сам не воспитан хорошо, сводили бы на-нет все его уроки, так как невозможно, чтобы кто-либо вышел вполне воспитанным из грубой, невоспитанной компании.

Этим я вовсе не думаю сказать, что подобного воспитателя можно встретить каждый день или что можно получить его за обычное вознаграждение. Я считаю лишь, что те, кто в состоянии это делать, не должны жалеть ни поисков, ни расходов в столь важном деле, а те родители, которым их положение не позволяет пойти на большое вознаграждение, должны во всяком случае помнить, на что им следует главным образом обращать внимание при выборе человека, которому они доверят воспитание своих детей, а когда дети находятся на их собственном попечении или всякий раз, когда они находятся на глазах у детей, то на какую сторону своего собственного поведения они должны обращать главное внимание: они не должны думать, что все заключается в латыни и французском языке или в каких-то сухих системах логики и философии.

§ 95. Но вернемся к нашему методу. Хотя я и говорил, что суровый вид отца и внушенный детям в детстве почтительный страх

послужат главным инструментом, с помощью которого должно направляться их воспитание, однако я далек от мысли, что этого метода следует придерживаться в течение всего времени, пока дети находятся под режимом дисциплины и опеки. Я думаю, что этот режим должен ослабляться по мере того, как это будут допускать возраст, благоразумие и хорошее поведение. Я даже думаю, что отец хорошо сделает, если он доведет это ослабление режима до того, что будет дружески беседовать со своим сыном, когда тот подрастет и станет способен к этому; и еще лучше, если он будет спрашивать его мнение и советоваться с ним относительно таких вещей, в которых тот что-либо знает или что-нибудь понимает. Этим отец достигнет двух важных результатов. Во-первых, это скорее внесет в мысли сына серьезность, чем какие бы то ни было правила и советы, которые отец может ему давать. Чем раньше вы начнете с ним обращаться как со взрослым человеком, тем раньше он и станет таковым; и если вы будете временами допускать его до серьезных разговоров с вами, вы незаметным образом возвысите его ум над обычными забавами юности и над теми пустяковыми занятиями, на которые она обычно себя растрчивает. Ибо легко заметить, что многие молодые люди дольше остаются школьниками по манере мыслить и общаться, чем это могло бы быть при других условиях, и именно по той причине, что родители удерживают их на этом расстоянии и в этом низком положении всем своим обращением.

§ 96. Другим очень важным результатом, которого вы достигнете путем такого обращения с ребенком, будет его дружба. Многие отцы, щедро наделяя своих сыновей карманными деньгами соответственно их возрасту и положению, в то же время так тщательно скрывают от них свое состояние и свои дела, как будто бы оберегают государственную тайну от шпиона или врага. Если это даже не носит характера недоверия, то все же здесь нет признаков дружеской простоты, которую отец должен вносить в отношения с сыном; это отпугивает или подавляет ту живую сердечность, с которой сын должен обращаться и доверяться отцу. И я часто удивляюсь при виде отцов, которые, несмотря на всю свою большую любовь к сыновьям, своей постоянной холодностью, властным видом и неприступностью, сохраняемыми всю жизнь, создают такие отношения, как будто у них никогда не было желания иметь радость и утеху от тех, кого они любят больше всего на свете; и так вплоть до того самого момента, когда, переселяясь в другой мир, они расстаются с ними навсегда. Ничто так не утверждает и не скрепляет дружбы и расположения, как доверчивое ознакомление со своими заботами и делами. Без этого другие проявления расположения всегда оставляют некоторое сомнение; но если ваш сын видит, что вы открываете ему свою душу, если он убеждается, что вы хотите заинтересовать его своими делами, так как вы желаете, чтобы они со временем перешли в его руки, то он заинтересуется ими, как своими собственными, и будет терпеливо ждать своего времени, а до того будет вас любить за то, что вы не держите его на почтительном расстоянии, как чужого. Это покажет ему также, что состояние, которым вы обладаете, причиняет также некоторые заботы; и чем лучше, он будет это понимать, тем меньше

он будет завидовать вашему состоянию и тем более он будет считать себя счастливым под руководством такого любящего друга и заботливого отца. Наверяд ли найдется молодой человек, настолько скудомный и лишенный чувства, чтобы не радоваться, имея надежного друга, к которому он может обратиться за помощью и посоветоваться при случае. Сдержанность и неприступность, проявляемые отцами, часто лишают их сыновей этого прибежища, которое было бы для них полезнее сотни выговоров и головомоек. Если ваш сын примет участие в какой-либо шалости или позволит себе какую-либо выходку, то не лучше ли будет, если он это сделает с вашего ведома, чем без вашего ведома? Раз уж приходится делать уступки молодому человеку в подобных вещах, то чем больше вы будете в курсе его затей и планов, тем легче будет вам предотвращать большие беды; а указывая ему на вероятные последствия, вы обретете верное средство влиять на него в том направлении, чтобы он не делал и менее важных глупостей. Вы хотите, чтобы он открывал перед вами свое сердце и спрашивал вашего совета? В таком случае вы должны это сделать первым по отношению к нему и своим поведением приобрести его доверие.

§ 97. Но о чем бы он ни посоветовался с вами, если только это не грозит какой-нибудь роковой и непоправимой бедой, советуйте только, как более опытный друг; но не примешивайте к своему совету ничего похожего на приказание или властный тон. Не вносите сюда ничего такого, что было бы неуместно по отношению к постороннему человеку. Ибо это может навсегда отбить у него охоту обращаться к вам с вопросами или пользоваться вашими советами. Вы должны иметь в виду, что он молодой человек и что ему свойственны такие удовольствия и прихоти, которые для вас остались достоянием прошлого. Вы не должны ожидать, что его влечения будут точно такими, как ваши, или что в свои двадцать лет он будет думать точно так же, как вы в пятьдесят. Если юность должна пользоваться некоторой свободой также и в шалостях, то вам остается желать только одного, — чтобы это делалось с откровенностью²² сына и на глазах отца, и тогда большого вреда от этого не получится. А чтобы добиться этого, вам следует, как я уже говорил, беседовать с ним (насколько вы считаете его способным к этому) о ваших делах, ставить ему в дружеском тоне вопросы и спрашивать у него совета, а если он нашел правильное решение вопроса, принимать это решение как его совет; в случае же удачного результата, следует также похвалить его. Это несколько не умалит вашего авторитета, а только усилит его любовь и уважение к вам. Пока вы сохраняете свое состояние за собою, распоряжение будет оставаться в ваших руках; между тем ваш авторитет будет тем вернее, чем больше он будет укрепляться доверием и привязанностью.

Ибо, пока опасение обидеть друга еще не действует в нем сильнее, чем страх потерять какую-либо долю из своего наследства, нельзя еще сказать, что вы имеете над сыном ту власть, какую вы должны иметь.

§ 98. Если дружеские беседы уместны между отцом и сыном, то тем более может снисходить до этого воспитатель по отношению

к своему воспитаннику. Время, которое они проводят вместе, не должно уходить целиком на уроки и назидательные указания о том, что соблюдать и чему следовать. Выслушивая питомца в свою очередь и приучая его размышлять по поводу того, что ему предлагают делать, воспитатель облегчит ему понимание правил, будет содействовать более глубокому их усвоению и возбудит в нем вкус к занятиям и учению: он начнет ценить знание, видя, что оно научает его рассуждать, и находя для себя удовольствие и честь в том, что ему позволяют участвовать в беседе, что его доводы иногда одобряются и принимаются; в особенности следует его привлекать к обсуждению конкретных случаев из области морали, благоразумия и благовоспитанности, предлагая ему при этом высказывать свое мнение. Это лучше развивает ум, чем всякие формулы, как бы толково они ни излагались, и лучше закрепляет правила в памяти для практического применения. При таком методе вещи доходят до души и запечатлеваются в ней, сохраняя всю свою непосредственную убедительность, в то время как слова в лучшем случае являются лишь бледными представлениями: они лишь точные тени вещей и гораздо скорее забываются.

Высказывая свое мнение относительно тех случаев, на которых воспитатель остановил его внимание, и обсуждая совместно с ним подходящие примеры, мальчик гораздо лучше поймет основы и критерии пристойного и справедливого и будет получать более живые и более прочные представления о том, как ему должно поступать, чем при молчаливом, вялом и сонном выслушивании наставлений воспитателя; и гораздо лучше, чем из софистики²³ логических диспутов или составленных им самим декламаций на те или иные темы.

Диспуты не ведут мысль к истине, а лишь толкают ее на остроумничание и фальшивое фразерство; декламации же развивают лукавство, склонность к шумному спору и упорство. И диспуты и декламации разрушают способность суждения и сбивают человека с пути правильного и честного рассуждения; поэтому их должен избегать всякий, кто стремится к самоусовершенствованию и желает быть приятным другим. (сильное раздражение)

Почтитель-
ность.

§ 99. Теперь представим себе, что вы дали своему сыну понять, что он от вас зависит и находится в вашей власти, и тем установили ваш авторитет; что непреклонно суровым отношением к нему в тех случаях, когда он упорствует в какой-нибудь дурной, запрещенной вами шалости и особенно во лжи, вы внушили ему почтительный страх; что, с другой стороны, предоставляя ему полную свободу, подобающую его возрасту, и не подвергая его в своем присутствии никаким стеснениям в его детских проказах и забавах (которые в детстве ему так же необходимы, как пища и сон), вы сделали ваше общество для него приятным; что своей снисходительностью и нежностью и в особенности лаская его в каждом случае, когда он поступает хорошо, и показывая ему свою привязанность в разнообразнейших формах, отвечающих его возрасту, которым природа научает родителей лучше, чем я могу научить, вы убедили его в вашей заботливости и любви к нему, — вот в этом случае и можно сказать, что вы привели его в та-

кое состояние, какого могли бы желать: ибо вы взрастили в его душе чувство истинной почительности, которое вам надлежит и в дальнейшем тщательно поддерживать в обоих его элементах — любви и страхе; а это — два великих начала, которые дадут вам возможность всегда влиять на него и направлять его душу на пути добродетели.

Природный характер.

§ 100. Раз этот фундамент хорошо заложен и вы находите, что чувство почтения начинает в нем действовать, ближайшая задача заключается в том, чтобы тщательно разобраться в его характере, в особенностях его душевной конституции. Упрямство, лживость и злонаправленные поступки не должны (как уже было сказано) допускаться с самого начала, каковы бы ни были особенности его характера. Нельзя допускать, чтобы эти семена порока пустили какие бы то ни было корни; здесь должен выступить на сцену ваш авторитет: он должен действовать на его душу, как только в ней возникли малейшие проблески сознания, и с силой естественного закона, а именно так, чтобы ребенок не заметил, когда именно ваш авторитет начал действовать, чтобы он не мог представить себе, что когда-либо могло быть иначе. Если почтение, которое он должен питать к вам, установится таким образом рано, ваш авторитет будет всегда для него священен, и ребенку будет так же трудно противиться ему, как законам своей природы.

§ 101. Установив таким образом очень рано свой авторитет и приучая ребенка путем достаточно мягкого его применения стыдиться того, что ведет к безнравственным привычкам (ибо я отнюдь не желал бы, чтобы вы употребляли брань или побои, если только упорство и неисправимость не создают абсолютной необходимости применить эти меры), вы должны, как только вы начинаете замечать в нем такие проявления, разобраться в том, в какую сторону направляет его природный склад его души.

Одни люди, в силу неизменного склада своей конституции, смелы, другие робки, одни самоуверенны, другие скромны, люди бывают покладисты или упрямы, любознательны или беззаботны, подвижны или вялы. В лицах и внешних очертаниях тела людей наблюдается не больше различий, чем в строе и характере их души; разница здесь лишь в том, что характерные черты лица или линии тела со временем и с возрастом становятся яснее и отчетливее; в то время как особенности душевной физиономии наиболее различимы в детях, пока искусство и хитрость еще не научили их скрывать свои недостатки и прятать свои дурные наклонности под фальшивой внешностью.

§ 102. Поэтому начинайте внимательно наблюдать за характером вашего сына своевременно. В такие моменты, когда он совершенно непринужденно отдается своей игре и думает, что вы за ним не следите, присматривайтесь к тому, какие страсти и наклонности в нем преобладают: пылок ли он или кроток, дерзок или застенчив, сострадателен или жесток, откровенен или сдержан и т. д. Ибо сообразно различию этих качеств должны быть различны и ваши методы и различным же образом должен проявляться ваш авторитет. Эти природные наклонности, эти преобладающие особенности конституции не поддаются исправлению путем правил или прямого противодействия; особенно более изменные и дрянные из них, проистекаю-

щие из страха и малодушия, хотя, при умении, можно и их в значительной степени исправить и направить на хорошие цели. Но будьте уверены: если даже это удастся сделать, то все-таки отклоняющая сила всегда будет перевешивать в ту сторону, куда направила ее природа в самом начале. Поэтому если вы тщательно наблюдаете за свойствами его души, когда разворачиваются только первые сцены его жизни, то вы будете в состоянии судить о направлении его мыслей и стремлений также и впоследствии, когда драматическое действие будет становиться сложнее и ваш сын, разыгрывая его, будет менять свой внешний облик.

Власть.

§ 103. Я говорил вам раньше, что дети любят свободу и что поэтому нужно заставлять их делать то, что следует им делать, таким образом, чтобы они не чувствовали над собою никакого принуждения. Теперь же я вам скажу, что есть вещь, которую они любят еще больше: это — власть. Она именно и является первоисточником большинства порочных привычек, обычных и естественных. Эта любовь к власти и господству проявляется очень рано и в указываемых мною ниже двух формах.

§ 104. Мы видим, что дети почти с момента своего появления на свет (и уж наверное задолго до того, как научатся говорить) плачут, капризничают, сердятся и расстраиваются только ради того, чтобы добиться исполнения своего желания. Они хотят, чтобы другие подчинялись их желаниям; они требуют полной поправки от всех окружающих, особенно от тех, кто по возрасту или положению близок к ним или ниже, — лишь только они начинают замечать в других эти различия.

§ 105. Другое проявление их любви к господству — это желание присваивать себе вещи. Они стремятся к обладанию и к собственности; им нравится та власть, которую, как им кажется, доставляет собственность, то право распоряжаться вещами по своему усмотрению, которое они при этом получают. Кто не замечал в детях очень ранних проявлений этих двух наклонностей, тот плохо наблюдал за детским поведением; а кто не считает нужным уже в ранние годы уничтожать эти два источника всякой неправды и вражды, столь расстраивающих жизнь человечества, и заменять их противоположными привычками, тот упускает подходящий момент для закладки фундамента хорошего и достойного человека. Достижению этого могут, я думаю, в известной мере способствовать следующие вещи.

Требовательность.

§ 106. 1. Я уже говорил, что никогда не следует допускать, чтобы ребенок получал то, чего он требует, даже тогда, когда он просит обычным тоном, но в особенности, если его требование выражается криком. Боюсь, однако, что мои слова будут плохо поняты, и истолкованы в том смысле, что ребенок, по моему мнению, никогда ни о чем не должен просить своих родителей; а в этом усмотрят, вероятно, чрезмерное угнетение детской души, могущее пагубно отразиться на той любви и привязанности, которые должны существовать между детьми и родителями. Поэтому я должен объяснить свою мысль несколько подробнее. Дети должны пользоваться свободой заявлять своим родителям о своих нуждах, и эти заявления следует выслушивать и удовлетво-

рять со всей нежностью, по крайней мере, когда они еще в нежном возрасте. Но есть большая разница в том, когда говорят: «я голоден», или: «мне хочется жаркого». Когда дети заявляют о своих желаниях, о естественных желаниях, о страдании, причиняемом голодом, жаждой, холодом или неудовлетворением какой-либо другой естественной потребности, — долг их родителей и других, кто за ними ухаживает, облегчать эти страдания. Но дети должны предоставлять самим родителям выбирать и решать, что они считают нужным дать им и в каком количестве; нельзя разрешать им самим выбирать и выражать просьбу таким образом: «хочу вина», «хочу белого хлеба»; простое название ими предмета должно явиться причиной отказа.

§ 107. В данном случае родители должны отличать мнимые потребности от естественных, т. е. делать то, чему хорошо нас учит следующий стих Горация:

«*Queis humana sibi doleat natura negatis*»²⁴.

Истинно природными потребностями являются те, которых разум, один, без помощи чего-либо другого, не в состоянии устранить, — те потребности, которым он не может помешать тревожить нас. Страдания от болезни и ран, от голода, жажды и холода, от бессонницы, от отсутствия отдыха или облегчения утомленного трудом органа ощущаются каждым человеком. Таких страданий не могут не воспринимать болезненно даже люди с прекрасно организованной душой; поэтому они должны, при первом же появлении этих страданий, стремиться к их устранению подходящими способами, хотя и без нетерпения и чрезмерной торопливости, если только отсрочка не угрожает каким-либо непоправимым вредом. Страдания, которые происходят от естественных потребностей, служат для нас напоминанием, предназначение которого — обереечь нас от больших бед, предвестниками которых они являются. Поэтому к ним не следует относиться с пренебрежением и не следует доводить их до чрезмерного напряжения. Но чем больше дети будут приучаться, благодаря мудрым заботам об укреплении их тела и души, к лишениям этого рода, тем это будет для них лучше. Мне нет надобности предостерегать, что при закаливании их нужно держаться известных границ и что нужно заботиться о том, чтобы страдания, которым подвергают детей, не подавляли их духа и не причиняли вреда их здоровью: родители ведь сами слишком, в большей мере, чем следовало бы, склонны к более мягкому обращению.

Но если естественные потребности детей требуют удовлетворения, то никогда не следует удовлетворять их капризы; нельзя даже допускать, чтобы они заявляли о подобных желаниях. Самое высказывание такого желания должно вести к отказу. Им нужно давать одежду, в которой они нуждаются; но они должны твердо знать, что если будут требовать обязательно такой-то материи или такого-то цвета, то этого-то они не получат. Я не хочу этим сказать, что родители должны умышленно поступать наперекор желаниям детей, когда речь идет о вещах безразличных. Напротив: если они этого заслужили своим поведением и вы уверены, что это не испортит их, не разнежит их душу и не разовьет в них любовь к пустякам, то,

по моему мнению, нужно сделать все, что возможно, для их удовлетворения, с той именно целью, чтобы дети награждались удовольствием за свое хорошее поведение. Для детей самое лучшее, если они не находят удовольствия в подобных вещах и совсем не видят счастья в исполнении их прихотей, а относятся безразлично ко всему, что сама природа сделала для них безразличным. Этого главным образом должны добиваться их родители и воспитатели; но пока вы этого не добились, нельзя им предоставлять свободу требования, которая в отношении подобных капризов должна обуздываться постоянными отказами, неизменно следующими за капризным требованием.

Это может показаться чересчур строгим нежным родителям при их естественной снисходительности; однако это не более, как необходимость. Так как предлагаемый мною метод имеет целью изгнать розгу, то это обуздание детских языков окажется весьма полезным для внушения им того почтительного страха, о котором мы уже много говорили, и для поддержания в них должного уважения и почтения к родителям. Во-первых, это будет приучать их сдерживаться и, таким образом, управлять своими наклонностями. Этим путем вы их научите искусству подавлять свои желания при первом же их появлении, когда с ними легче всего справиться. Ведь давая волю своим желаниям, мы придаем им жизнь и силу; а тот, у кого хватает дерзости превращать свои желания в требования, будет очень недалек от мысли, что он должен добиться их осуществления. Я уверен, что всякому легче самому отказать себе в чем-либо, чем перенести отказ со стороны другого. Нужно поэтому с ранних лет приучать детей советоваться со своим разумом и пользоваться им раньше, чем давать волю своим наклонностям. Уметь останавливать свои желания и принуждать их к молчанию — это большой шаг вперед к господству над ними. Если дети усвоили привычку сдерживать порывы своих желаний и, раньше, чем их высказывать, разбираться в их разумности, то эта привычка принесет им немалую пользу и в более важных вещах во всей их дальнейшей жизни. Ибо об одном я не считаю лишним повторять неустанно: о каком бы случае ни шла речь — важном или маловажном, главное (я чуть не сказал — единственное), что следует учитывать в каждом поступке ребенка, это то, какое влияние он окажет на его душу; какую привычку этот поступок может породить и при известных условиях укоренить в нем; как это скажется в нем, когда он станет старше, и к чему — в случае поощрения — приведет его, когда он станет взрослым человеком.

Итак, я вовсе не думаю, что нужно умышленно причинять детям неприятности. Это слишком походило бы на бесчеловечность и бессердечие и могло бы заразить их теми же качествами. Нужно их приучать отказываться от своих влечений; их душу, как и тело, надо делать стойкой, свободной и сильной, прививая привычки обуздывать свои наклонности и закалять свое тело в лишениях. Но все это нужно делать, не давая им ни малейшего повода заподозрить дурное отношение к ним. Постоянный отказ в том, чего они требуют или хотят сами взять, должен научить их скромности, покорности и уменью сдерживаться; а награждение их за скромность и молчание теми самыми предметами, которые им хотелось получить, убедит их

также в любви тех, которые строго требовали от них этого послушания. То, что они сейчас примиряются с отсутствием желаемого, есть добродетель, за которую следует их в другое время вознаградить чем-либо таким, что для них полезно и приятно; нужно только, чтобы это доставалось им как естественный результат их хорошего поведения, а не как выторгованная плата. Но вы потеряете свой труд и, — что важнее, — их любовь и уважение, если они могут получать от других то, в чем вы им отказываете. Против этого нужно твердо бороться, за этим нужно тщательно следить. Здесь опять прислуга становится мне поперек дороги.

Любознательность. § 108. Если начать воспитание во-время, если с ранних лет приучать детей подавлять свои желания, эта полезная привычка сделает их дисциплинированными; по мере же того, как они становятся старше и рассудительнее, можно предоставлять им большую свободу в тех случаях, когда в них говорит разум, а не страсть; ибо к голосу разума всегда следует прислушиваться.

Но если никогда не следует слушать детей, когда они заводят речь об определенных вещах, которые им хотелось бы иметь (если только эти вещи не были раньше им обещаны), то наоборот, всегда следует их выслушивать и отвечать обстоятельно и ласково, когда они спрашивают о чем-либо, что их заинтересовало, и хотят услышать объяснение от других.

Любознательность в детях нужно так же заботливо поощрять, как другие желания подавлять. Но если капризы следует строго в них обуздывать, то есть все-таки одна сфера, в которой детской выдумке надо предоставить слово и прислушиваться к нему. Развлечения так же необходимы, как труд и пища. Но развлечения невозможны без удовольствий, которые не всегда зависят от разума, а чаще от воображения; поэтому надо позволять детям не только развлекаться, но и делать это так, как им нравится, если только это развлечения невинные и не могущие причинить вреда их здоровью. В этой сфере, когда они придумывают какой-либо способ развлечения, не следует их связывать запретами. Впрочем, я думаю, что, при хорошо поставленном воспитании, у детей редко будет возникать необходимость просить о подобной свободе. Нужно заботиться, чтобы они всегда делали с удовольствием то, что для них полезно. Пока же их еще не довели до той степени совершенства, когда какое-либо полезное занятие может стать для них развлечением, необходимо предоставлять им полную свободу в придумываемых ими детских играх; они отстанут от них, когда сами пресытятся ими. Полезные же занятия следует прерывать в такой момент, когда они еще занимаются с охотой, по крайней мере, раньше, чем они устанут или почувствуют полное отвращение к ним; нужно, чтобы дети могли возвращаться к полезным занятиям, как к ожидающему их удовольствию. Ибо вам нечего и думать, что дети правильно воспитаны, раз они еще не способны находить удовольствие в похвальных занятиях и чередование телесных и умственных упражнений еще не сделало для них жизнь и учение наслаждением, непрерывным потоком развлечений, в которых утомленный орган постоянно получает облегчение и

освежается. Возможно ли это при всяком характере ребенка и захотят ли воспитатели и родители взять на себя этот труд, хватит ли у последних благоразумия и терпения, чтобы добиться таких результатов, — я не знаю; но я не сомневаюсь в том, что это в отношении большинства детей достижимо, если только взять правильный курс на возбуждение в них желания похвалы, чести и доброго имени. А раз в них достаточно крепко заложены такие основы правильной жизни, с ними можно откровенно говорить о том, что им больше всего нравится, и направлять их или предоставлять им в этом отношении свободу, с тем, чтобы они почувствовали, что их любят и лелеют, что те, под чьей опекой они находятся, не враги их удовольствий. Такое обращение заставит их любить ту руку, которая их ведет, и ту добродетель, к которой она их ведет.

Предоставление детям свободы в их развлечениях полезно также в том отношении, что в условиях такой свободы раскрываются природные характеры детей, выявляются их наклонности и способности, и разумные родители могут в этом почерпнуть указания относительно выбора для них карьеры и профессии и в то же время относительно способов исправления любого недостатка, который по их наблюдениям грозит направить ребенка на дурной путь.

Жалоба. § 109. 2. Дети, живущие вместе, часто спорят из-за господства, из-за того, кому из них командовать над остальными. Кто бы ни начал этот спор, спор обязательно следует пресекать. Мало того: надо учить их относиться друг к другу с величайшей уступчивостью, снисхождением и корректностью. Если они будут видеть, что это доставляет им уважение, любовь и признание и что они не теряют при этом ни одного из своих преимуществ, они будут находить в этом больше удовольствия, чем в нахальном командовании, то-есть, очевидно, в противоположном складе отношений.

Взаимные обвинения детей, которые обычно выражаются только в криках гнева и мести, ищущих поддержки, не должны вызывать с вашей стороны ни участия, ни внимания. Проявлять терпимость к детским жалобам — это значит расслаблять и изнеживать их душу. А если они изредка переносят противоречия или обиды от других и им не разрешают видеть в этом что-либо необычайное и непереносимое, то от того, что они таким образом научатся терпеть и рано закаляться, никакого вреда для них не будет. Не откликаясь на жалобы обиженных, вы должны, однако, когда вы являетесь непосредственным свидетелем нанесенной обиды, побранить за нее в присутствии обиженного; если же жалоба действительно заслуживает вашего внимания, а также для предупреждения на будущее время, сделайте выговор обидчику наедине, в отсутствие жалобщика, и заставьте его пойти просить у последнего прощения и исправить свою вину: он и сам это сделает охотнее, если это выйдет так, как будто он действует по собственному побуждению; да и тот примет извинение более ласково, и, таким образом, дружба между ними укрепится; помимо того, ваши дети усвоят привычку к вежливости.

Щедрость. § 110. Что касается обладания и владения вещами, то учите детей легко и свободно делиться со своими друзьями тем, что у них есть, и заставьте их убедиться на опыте,

что самый щедрый человек всегда оказывается и самым богатым да вдобавок еще пользуется признанием и одобрением; и тогда они быстро научатся быть щедрыми на деле. Я полагаю, что таким путем вы сделаете братьев и сестер более ласковыми и вежливыми по отношению друг к другу, а следовательно, и к другим, чем десятками правил о хороших манерах, которыми обычно мучают и стесняют детей. Жадность и желание иметь в своем обладании и распоряжении больше, чем нам нужно, являются корнем всех зол, и эти качества следует поэтому искоренять с ранних лет и со всей тщательностью, а противоположную черту — готовность делиться с другими — всячески поощрять выражениями похвалы и одобрения, всегда при этом заботясь о том, чтобы ребенок ничего не терял из-за своей щедрости. Пусть всегда, во всех случаях проявления подобной щедрости, ребенок получает награду, и притом с процентами; и пусть он осязательно чувствует, что доброта, которую он проявляет по отношению к другим, небезвыгодна и для него самого, что она вызывает доброе отношение к нему со стороны как тех, которые воспользовались его добротой, так и тех, кто ее наблюдает со стороны. Делайте это предметом соревнования между детьми, чтобы они старались превзойти друг друга в этом отношении. Когда же, таким образом, благодаря постоянной практике, детям станет легко делиться тем, что они имеют, с другими, то добросердечие укоренится в них, как привычка, и они будут находить удовольствие и гордиться тем, что они добры, щедры и вежливы с другими.

Чувство справедливости. Если следует поощрять в детях щедрость, то уж, конечно, нужно очень внимательно следить за тем, чтобы они не нарушали правил справедливости: нужно всякий раз, когда дети так поступают, исправлять их, а когда есть для этого основание, и строго взыскивать.

Наши первые действия в большей мере направляются эгоизмом, чем разумом или размышлением; поэтому вовсе неудивительно, если поступки детей имеют сильную тенденцию отклоняться от истинных критериев справедливого и несправедливого, которые появляются в нашей душе, как продукт развитого разума и серьезного размышления. Чем более они склонны делать ошибки в этом отношении, тем тщательнее необходимо следить за ними: не пропускать малейшего отступления от этой великой социальной добродетели и исправлять ошибки; и даже в самых незначительных и маловажных случаях нужно просвещать их неведение и предупреждать дурные привычки; если предоставить последним развиваться свободно, то, начавшись с пустяковых объектов — с булавок и вишневых косточек, эти привычки перерастут в крупные плутни и могут в конечном результате превратиться в закоренелую нечестность.

При первом же проявлении у детей склонности к какой-либо недобросовестности родители и воспитатели должны подавлять ее выражением своего удивления и отвращения. Но так как дети не могут ясно понимать, что такое недобросовестность, раньше чем они поймут, что такое собственность и как она достается отдельным лицам, то самый надежный способ обеспечить честность — это заложить с ранних лет ее основы в форме щедрости и готовности делиться с

другими тем, что они имеют или любят. Этому рано можно их научить, еще до того, как они достаточно овладеют языком и мышлением, чтобы составить себе ясное понятие о собственности, чтобы понять, что принадлежит им на особом праве, исключаящем право других. И так как дети редко получают что-либо иначе как путем подарка и в большинстве случаев от своих родителей, то их можно сначала учить не брать и не удерживать у себя ничего, кроме того, что им дано лицами, имеющими, по их представлению, право распоряжаться данным предметом. По мере же их дальнейшего развития можно сообщать и внушать им другие правила и примеры добросовестности и права, относящиеся к «моему» и «твоему». Если же какой-либо недобросовестный поступок явно проистекает не от ошибки с их стороны, а от порочности воли и мягкие выговоры и стыд не в состоянии будут эту порочность и корыстную склонность исправить, то нужно применить более суровые средства исправления. Но отнимать у детей то, что они ценят и считают своею собственностью, должны только отец или воспитатель или же кто-либо другой по их поручению; на подобных примерах можно дать детям понять, как мало для них выгодно недобросовестно присваивать себе то, что принадлежит другому, раз есть на свете люди посильнее и постарше их. Если же постараться — что я считаю возможным — внушить им с ранних лет искреннее отвращение к этому постыдному пороку, то это будет верным и действительным способом его устранения: это лучше предохранит их от недобросовестности, чем все соображения, основанные на интересе. Ибо привычки действуют с большим постоянством и с большей легкостью, чем разум, к совету которого мы прибегаем редко и которому мы еще реже повинемся именно в те моменты, когда мы наиболее в нем нуждаемся.

Детский плач.

§ 111. Такой недостаток, как привычка плакать, не должен быть терпим в детях; и не только потому, что детский плач наполняет дом неприятным и неприличным шумом, а по более важным соображениям, которые относятся непосредственно к детям, т. е. затрагивают нашу главную цель в воспитании.

Плач детей бывает двоякого рода: упорный и властный или жалобный и ноющий плач.

1. Плач детей часто является притязанием на господство и открытым проявлением их дерзости и упорства; не будучи в силах добиться осуществления своего желания, они хотят криком и плачем утвердить свое притязание и право на его удовлетворение. Это есть открытое настаивание на своем требовании и своего рода протест против угнетения и несправедливости тех, кто отказывает им в их желании.

§ 112. 2. Иногда же детский плач вызывается подлинным страданием или искренним огорчением и является выражением жалости к себе по поводу этих страданий.

При внимательном наблюдении легко различить эти два рода плача по выражению лица, по взглядам, по действиям и особенно по тону самого плача; но ни того, ни другого не следует допускать и еще менее следует поощрять.

1. Упорный или капризный плач ни в коем случае не должен быть терпим, ибо это означало бы в другой форме потакать их желаниям и поощрять их страсти, обуздание которых является нашей главной задачей. А если, как это часто бывает, подобный плач следует за полученным наказанием, то он совершенно уничтожает все его полезное действие; ибо наказание, которое оставляет детей в состоянии открытой оппозиции, только способствует их порче. Всякие взыскания и наказания, налагаемые на детей, оказываются неудачными и бесплодными, если они не побеждают их волю и не научают их подавлять страсти, если они не делают их душу уступчивой и послушной указаниям родительского разума и этим не готовят их к тому, чтобы впоследствии следовать указаниям своего собственного разума. Но если вы позволяете им в каждом случае, когда не исполняется их желание, уходить с плачем, то в результате получается, что они только укрепляются в своем желании, поддерживают в себе злое настроение и вместе с тем заявляют о своем праве и решимости при первом удобном случае удовлетворить свою склонность. Это соображение является, следовательно, лишним аргументом против частого применения побоев; ибо всякий раз, когда вы прибегаете к этой крайней мере, не достаточно просто высечь или побить, но вы должны продолжать это наказание до тех пор, пока не убедитесь, что подчинили их душу, что они принимают наказание с покорностью и терпением; а обнаружить это вы лучше всего можете по их плачу и по тому, что они перестают плакать по вашему приказанию. Иначе телесное наказание детей превращается в бессмысленное мучительство: причинять детям телесную боль, не принося пользы их душе, — это чистая жестокость, а не способ исправления. Будучи доводом против частого применения телесных наказаний, указанный прием вместе с тем устраняет самую необходимость часто прибегать к ним. Ибо, если всякий раз, когда вы наказываете их, делать это бесстрастно, трезво и вместе с тем основательно, нанося удары и причиняя боль не с бешенством и не сразу, а размеренно, чередуя удары с увещаниями, наблюдая за их действием и прекращая наказание лишь тогда, когда оно сделало ребенка покорным и послушным и вызвало в нем раскаяние, — дети редко будут нуждаться в повторении наказания, так как будут стараться избегать самых проступков, заслуживающих наказания. Кроме того, если наказание при таком способе не может остаться бесплодным из-за того, что было слишком слабым и недействительным, то оно и не будет доводиться до преувеличенного размера, поскольку мы прекращаем его в тот момент, когда заметили, что оно дошло до души и исправило ее. Брань и побои должны всегда допускаться в возможно меньших дозах; но если это делается в пылу гнева, то необходимая мера редко соблюдается, а обыкновенно превышает, хотя и с эффектом менее чем достаточным.

§ 113. 2. Многие дети склонны плакать по поводу всякой незначительной испытываемой ими боли, и малейшая случившаяся с ними неприятность вызывает с их стороны жалобы и вопли. Немногие дети свободны от этого: это у них первый и естественный способ заявлять о своих страданиях и нуждах, пока они еще не научились

говорить; сострадание же, которое считается обязательным по отношению к этому нежному возрасту, безрассудно поощряет и удерживает в них эту привычку на долгое время уже после того, как они научились говорить. Я понимаю, что долг тех, кто смотрит за детьми, относиться к ним с сочувствием, когда последние испытывают какое-либо страдание; однако не следует выражать это соболезнованием. Помогайте им, облегчайте их как только можете, но ни в коем случае не сетуйте над ними. Это расслабляет их душу, и они начинают поддаваться малейшей боли, выпадающей на их долю; благодаря этому боль глубже проникает в ту часть тела, в которой она в данный момент сосредоточена, и вызывает в ней более тяжелые раны, чем вызвала бы сама по себе. Дети должны быть закалены против всяких страданий, особенно телесных; они должны обладать лишь той чувствительностью, которая вытекает из искреннего стыда и из живого чувства своего доброго имени. Многочисленные превратности, которым подвержена наша земная жизнь, требуют от нас, чтобы мы не были слишком чувствительны к любому незначительному страданию. То, чему не поддается наша душа, производит лишь слабое впечатление и не причиняет нам особенно большого вреда. Только душевное страдание причиняет боль и затягивает ее. Эта стойкость и нечувствительность души — лучшее оружие, какое только и может быть у нас против обычных бед и случайностей жизни. А так как такая закалка достигается упражнением и привычкой в большей мере, чем каким-либо иным путем, то соответствующую практику необходимо начать своевременно; и счастлив тот, кто рано приобрел ее. Изнеженность духа, которую следует предупредить и излечивать, ничем, насколько мне известно, не усиливается у детей в такой степени, как плачем; поэтому ничем другим нельзя в такой мере приостановить ее развитие и подавить ее, как запрещением такого рода жалоб. Когда они испытывают незначительную боль от ушиба или падения, следует не выражать свою жалость, а разрешить им повторить это. Этим вы не только прекратите их плач, вы также скорее вылечите их от неосторожности и предупредите дальнейшие падения, чем бранью или преувеличенными выражениями жалости. Но каковы бы ни были полученные ими ушибы, прекращайте их плач: это доставит им больше спокойствия и облегчения в данный момент и закалит их на будущее время.

§ 114. Первый род плача требует для своего прекращения строгости; и когда для этого недостаточно одного только взгляда или прямого приказания, нужно побить: поскольку причина его лежит в гордости, упорстве и строптивости, нужно сломить ту волю, в которой сидит порок, нужно покорить ее, применяя силу, достаточную для ее одоления. Второй же род плача называется обыкновенно душевной слабостью, т. е. причиной совершенно противоположной; поэтому к нему следует относиться с большей мягкостью. Уговоры, отвлечение мыслей в другую сторону, подтрунивание над хныканием могут оказаться на первый раз подходящими приемами; но при этом необходимо учитывать обстоятельства каждого случая и особенности характера ребенка; никаких определенных и неизменных правил здесь нельзя дать: дело должно быть предоставлено благоразумию роди-

телей и воспитателя. Можно, однако, как мне думается, высказать в качестве общего правила, что и на этот род плача нужно всегда реагировать выражением порицания: отец должен всегда, пользуясь своим авторитетом, прекращать его, с выражением большей или меньшей строгости в своих взглядах и словах, в зависимости от возраста и степени упорства ребенка; во всяком случае каждый раз следует проявлять достаточную суровость, чтобы прекратить хныкание и положить конец беспорядку.

§ 115. Трусость и храбрость так тесно связаны с упомянутыми чертами характера, что нельзя здесь не остановиться на них. Страх — это чувство, которое, если им надлежащим образом управлять, имеет свою полезную сторону. И хотя редко бывает, чтобы эгоизм не поддерживал в нас это чувство бдительным и на достаточной высоте, однако возможен и избыток отваги. Безрассудная смелость и нечувствительность к опасности так же мало разумны, как трепет и испуг в случае приближения малейшей беды. Страх дан нам как предостережение, побуждающее нас напрягать наши способности и остерегаться грядущего зла; поэтому не бояться вовсе наступающей беды, не пытаться точно оценить опасность, а бросаться в нее очертя голову, не думая, какая от этого будет польза или что из этого выйдет, — это не решительность разумного существа, а ярость зверя. Тем, чьи дети обнаруживают такой темперамент, остается только пробудить в них разум, к голосу которого быстро заставит их прислушаться чувство самосохранения, если только (как это обычно бывает) какая-либо другая страсть не заставит их действовать очертя голову, без смысла и без соображения. Нежелание испытать несчастье настолько естественно в человеке, что нет, я думаю, человека, который бы не боялся его. Ибо страх есть не что иное, как беспокойное состояние ожидания, что с нами случится что-то неприятное. Следовательно, если кто-либо идет навстречу опасности, мы можем сказать, что его толкает на это или незнание или веление какого-либо более властного чувства, ибо никто не враг себе настолько, чтобы идти на страдание добровольно и искать опасности ради опасности. Поэтому, если гордость, тщеславие или бешенство заглушают в ребенке страх или мешают ему последовать указанию этого чувства, нужно соответствующими мерами побороть указанные мотивы, чтобы небольшое рассуждение могло охладить его пыл и заставить его сообразить, стоит ли попытка риска. Но так как среди детей этот недостаток не так уже часто встречается, то я не буду подробно останавливаться на средствах его исправления. Гораздо более распространенным недостатком является малодушие, которое требует поэтому большего внимания.

Храбрость. Храбрость является стражем и опорой всех других добродетелей, и без мужества человек навряд ли будет тверд в исполнении своего долга и навряд ли проявит характер истинно достойного человека.

Мужество, помогающее нам бороться с опасностями, внушающими нам опасения, и с бедствиями, которые мы переживаем, очень полезно в том положении, которое мы занимаем в этой жизни: здесь на-

падения возможны со всех сторон. Поэтому весьма благоразумно снабжать детей указанным оружием возможно раньше. Правда, природный характер играет здесь большую роль; но даже в том случае, когда характер неполноценен и сердце само по себе слабо и робко, правильное воспитание может сделать его более решительным. Я уже указал, что нужно делать для того, чтобы предупредить расслабление детской души страхами, внедренными в нас с детства, или хныканием при каждом незначительном страдании. Теперь нам нужно рассмотреть, как закалить их характер и усилить в них мужество, когда мы обнаруживаем, что они слишком подвержены страху.

Истинное мужество человека заключается, по моему мнению, в спокойном самообладании и в невозмутимом выполнении своего долга, какие бы бедствия его ни постигали и какие бы опасности ни лежали на его пути. Людей, обладающих этим качеством, так мало среди взрослых, что мы не можем ожидать его от детей. Однако кое-что можно сделать: разумным руководством можно незаметными переходами привести их к гораздо большим достижениям, чем мы ожидаем.

Невнимание к этой важной задаче в период детства является, быть может, причиной того, что так мало людей обладает в полной мере этой добродетелью, уже будучи взрослыми. Я бы не сказал этого о нации, обладающей такой природной храбростью, как наша, если бы я считал, что истинное мужество требует лишь храбрости в бою и пренебрежения жизнью перед лицом врага. Конечно, эти качества являются немаловажными элементами мужества, и нельзя отрицать, что лавров и почестей достойны те доблестные люди, которые рискуют жизнью ради своего отечества. Однако это еще не все. Опасности угрожают нам и в других местах, не только на поле битвы: хотя смерть есть царь ужасов, однако страшные лики физического страдания, бесчестия и нищеты также способны расстроить большинство людей, на которых они грозят обрушиться; и есть люди, которые, не робея перед одними опасностями, испытывают смертельный ужас перед другими. Истинное мужество готово встретиться с любой опасностью и остается непоколебимым, какое бы бедствие ни угрожало. Я не хочу этим сказать, что оно недоступно никакому страху вообще. Где опасность налицо, там не может не возникнуть чувство страха, если только мы не имеем дела с человеком тупоумным: где есть опасность, должно быть и сознание опасности, а также такая мера страха, которая держала бы нас настороже и заставила бы нас напрячь внимание, активность и энергию, не нарушая в то же время нашей способности спокойно думать и не мешая нам следовать указаниям разума.

Трусость. Первый шаг к приобретению этой благородной и мужественной твердости заключается, как я уже упоминал, в том, чтобы тщательно оберегать детей, пока они малы, от всякого рода страхов. Не допускайте, чтобы детям рассказывали о разных ужасах и пугали их страшными предметами. Это часто настолько потрясает и расстраивает душу, что она уже никогда больше не может оправиться, и человек в течение всей своей жизни при первом намеке, при первом же возникновении какого-либо страшного

представления теряется и смущается: тело расслабляется, душа в смятении, человек перестает быть самим собою и теряет способность к спокойному и разумному действию. Вызывается ли это привычным движением животных духов, проникших в организм при первом сильном впечатлении, или каким-либо изменением конституции, которое произошло менее понятным путем, но факт остается верным сам по себе. Примеры людей, которые на всю жизнь сохранили в своей слабой и робкой душе впечатление ужаса, пережитого в детстве, мы можем встретить повсюду; поэтому подобные впечатления нужно всячески предупреждать.

Затем следует постепенно и осторожно приучать детей к тем предметам, в отношении которых у них существует преувеличенный страх. Но здесь требуется большая осмотрительность: не следует проявлять чрезмерную торопливость и начинать это лечение слишком рано; иначе вы можете усилить зло, вместо того чтобы его устранить. От маленьких детей, которых еще носят на руках, нетрудно устранять пугающие их предметы; а пока они еще не умеют говорить и не способны понимать то, что им говорят, они едва ли будут понимать рассуждения и доказательства, которыми приходится пользоваться, чтобы убедить их, что ничего опасного нет в тех страшных предметах, с которыми мы хотим их освоить, приводя их постепенно в более близкое соприкосновение с ними. Поэтому редко приходится по отношению к детям применять этот прием раньше, чем они научатся ходить и говорить. Но если бы случилось, что ребенок испугался какого-либо предмета, который нелегко устранить из его обстановки, и если каждый раз, когда этот предмет бросается ему в глаза, ребенок обнаруживает признаки испуга, то следует применять всяческие способы успокоения его страха, пока этот предмет не станет для него привычным и безобидным, отвлекая мысль ребенка к другому или соединяя с данным предметом какие-либо занимательные и приятные впечатления.

Нетрудно, мне думается, заметить, что дети в первое время после рождения реагируют одинаково на все предметы, попадающие в поле их зрения, если только последние не действуют болезненно на их зрение; что они не больше пугаются черного негра или льва, чем своей кормилицы или кошки. Что же в таком случае вызывает у них впоследствии чувство страха в известных сочетаниях форм и красок? Не что иное, как опасение вреда, ассоциирующегося с этими вещами. Я думаю, что если бы дитя каждый день сосало грудь другой кормилицы, оно бы в своем шестимесячном возрасте меньше пугалось от перемены лиц, чем люди в возрасте шестидесяти лет. Причина, по которой ребенок не идет к постороннему человеку, заключается в том, что, привыкши получать пищу и ласку от одного или двух лиц, постоянно находящихся при нем, ребенок боится, как бы, перейдя на руки к чужому человеку, он не лишился того, что ласкает и кормит его и постоянно удовлетворяет его нужды, столь часто испытываемые; отсюда-то тот страх, который овладевает ребенком, когда его кормилица куда-нибудь уходит.

Боязливость.

Единственно, что вызывает у нас естественный страх, это страдание или утрата удовольствия. И так как эти чувства не связаны с формой, светом или размером видимых предметов, то ни один предмет не возбуждает в нас страха до тех пор, пока он не причинил нам страдания или пока нам не указали, что он может причинить вред. Веселый блеск и яркость огня и пламени так привлекают детей, что в первое время они всегда стремятся схватить огонь руками; лишь после того, как постоянный опыт, сопровождающийся мучительной болью, покажет им, как огонь жесток и безжалостен, они боятся дотронуться до него и тщательно его избегают. Поскольку таков источник страха, нетрудно найти, откуда он возникает и как исцелить от него в тех случаях, когда страх, внушаемый предметом, основан на ошибке. Когда же душа окрепнет и научится владеть собою и преодолевать свои обычные страхи в маловажных случаях, она будет хорошо подготовлена к тому, чтобы встретиться с более реальными опасностями. Ваш ребенок поднимает крик и пускается бежать при виде лягушки: пусть другой поймает ее и положит на значительном расстоянии от него. Раньше всего приучайте его смотреть на эту лягушку, а когда он к этому приучится — подходить к ней ближе и спокойно смотреть на ее прыжки; затем слегка дотрагиваться до нее, когда другой крепко держит ее в руке, и так далее, пока ребенок не научится обращаться с ней так же доверчиво, как с бабочкой или воробьем. Таким же путем могут быть устранены и другие неосновательные страхи; нужно только стараться делать это не торопясь и не тянуть ребенка на следующую ступень уверенности, пока он крепко не утвердился на предыдущей. Так следует готовить юного воина к житейским битвам; при этом не следует рисовать опасность больше того, чем она встречается в действительности; и каждый раз, когда вы заметите в нем преувеличенный страх, следует вести его вперед нечувствительными переходами, пока, наконец, освободившись от своих страхов, он не справится с затруднением и не выйдет из него с честью. Если такие успехи будут повторяться часто, они заставят его убедиться в том, что опасности вовсе не всегда столь несомненны и велики, как рисуют нам наши страхи, и чтобы избежать их, вовсе не следует обращаться в бегство или поддаваться дезорганизующему, подавляющему и обессиливающему действию страха там, где наша честь или долг велят нам идти вперед.

Но поскольку главной основой страха у детей является боль, постольку можно закалывать и вооружать их против страха и опасности, приучая их переносить боль. Возможно, что нежные родители сочтут это противоестественным по отношению к своим детям; а большинство родителей признает неразумным пытаться примирить кого-либо с болью путем ее причинения. Скажут, что это может внушить ребенку отвращение к человеку, который причиняет ему страдание, но никогда не может сделать для него приемлемым самое страдание. Станный, скажут, метод! «Вы не хотите, чтобы детей секли и наказывали за проступки, и в то же время идете на то, чтобы мучить их, когда они ведут себя хорошо, ради самого мучения». Я не сомневаюсь, что

такие возражения мне будут сделаны и что меня признают непоследовательным или фантазером за это предложение. Я признаю, что проводить это следует с большой осторожностью, и поэтому совсем неплохо, если это будет принято и одобрено лишь теми, кто правильно мыслит и вникает в суть дела. Я не хочу, чтобы детей часто били за их проступки, так как не хочу, чтобы они считали телесную боль величайшим наказанием. Но на этом же основании я хотел бы, чтобы им иногда причиняли боль при хорошем поведении с их стороны, с той именно целью, чтобы они могли научиться переносить ее, не видя в боли величайшего из зол.

Насколько путем воспитания можно приучить молодежь переносить боль и страдания, достаточно показывает пример Спарты; и те, которые пришли к убеждению, что телесное страдание вовсе не самое большое зло и вовсе не то, чего нужно больше всего бояться, сделали немалый шаг на пути к добродетели. Я не настолько неразумен, чтобы предлагать спартанскую дисциплину в наш век и при нашей конституции. Тем не менее я утверждаю, что, осторожно приучая детей переносить, не морщась, известную меру боли, мы можем сообщить им твердость духа и заложить в них основу мужества и решительности на всю последующую жизнь.

Первый и необходимый шаг к этому — не хныкать над ними и не позволять им самим хныкать по поводу всякой незначительной боли, которую они испытывают. Но об этом я уже говорил в другом месте.

Кроме того, следует иногда умышленно причинять им боль: но делать это нужно в такое время, когда ребенок находится в хорошем настроении и уверен, что человек, причиняющий ему боль, именно в данный момент сердечно к нему расположен. Затем это не должно сопровождаться никакими проявлениями ни гнева или неудовольствия с одной стороны, ни сочувствия или раскаяния с другой; необходимо также, чтобы причиняемая боль не была больше той, которую ребенок способен вынести без ропота и не принимая это ошибочно за наказание. Я видел, как при таких обстоятельствах и при соблюдении указанной меры ребенок, получивши несколько крепких ударов по спине, убежал со смехом; между тем этот самый ребенок заплакал бы от одного неласкового слова и очень чувствительно реагировал бы на наказание со стороны того же человека, хотя бы оно выразилось только в суровом взгляде. Убедите ребенка постоянным проявлением вашей заботы и лаской в полной вашей любви к нему, и вы всегда сможете постепенно приучить его покорно и без жалоб переносить очень мучительное и суровое обращение с вашей стороны; аналогичное мы можем ежедневно наблюдать во взаимных отношениях детей при играх. Чем нежнее, по вашему мнению, ваш ребенок, тем больше вы должны искать подходящих возможностей закалить его. Главное искусство заключается здесь в том, чтобы начинать с самого незначительного страдания, постепенно и незаметно затем усиливая его, и притом делать это в такие моменты, когда вы играете и забавляетесь с ним или хвалите его. И если бы вы добились того, что в похвале, получаемой за мужество, он находит компенсацию за испытанное страдание, что он гордится этими проявлениями своего мужества, что он предпочитает пользоваться репутацией смелого и

стойкого юноши, чем уклоняться от маленькой боли или малодушно на нее реагировать, то вы можете надеяться, что со временем, и опираясь на поддержку со стороны его растущего разума, вы одолеете его робость и исправите слабость его конституции. Когда он подрастет, нужно подвигать его на более смелые действия, чем те, на которые он способен в силу своего природного характера; если вы видите, что он отступает перед чем-либо таким, с чем он, по вашему основательному предположению, вполне бы справился, если бы только имел смелость взяться за это, то сначала поддержите его, затем двигайте его постепенно вперед, действуя стыдом, пока, наконец, в процессе дела он не обретет уверенность в себе и вместе с нею власть над собою; в награду за свое достижение он должен получить похвалу и одобрение от других. Когда же он, таким образом, постепенно приобретет достаточную решительность, чтобы не уклоняться, из страха перед опасностью, от исполнения своего долга; когда страх не будет, в неожиданных или опасных случаях, расстраивать его душу и приводить в дрожь его тело, не будет лишать его способности к действию и побуждать уклониться от него, — тогда можно будет сказать, что он обладает мужеством разумного существа. Таковую именно закалку мы должны путем привычки и увражнений давать детям, используя для этой цели каждый подходящий случай.

Жестокость. § 116. Я часто наблюдал у детей следующую черту: когда им попадет в руки какое-нибудь беспомощное создание, они склонны дурно обходиться с ним: часто мучают и очень жестоко обращаются с маленькими птичками, бабочками и другими подобными беспомощными животными, оказавшимися в их власти; причем делают это с каким-то видимым наслаждением. Я считаю, что нужно за ними следить в этом отношении и, если у них проявляется склонность к такой жестокости, учить их противоположному обращению. Ибо под влиянием привычки мучить и убивать животных их душа будет постепенно грубеть также по отношению к людям; и те, которые находят удовольствие в причинении страданий и уничтожении низших существ, не будут особенно склонны проявлять сострадание и кроткое отношение к себе подобным. Наша практика учитывает это тем, что исключает мясников из состава присяжных, решающих вопросы жизни и смерти человека. Нужно с самого начала воспитывать в детях чувство отвращения к убийству или истязанию какого бы то ни было живого существа; нужно приучать их не портить и не уничтожать ни одной вещи, кроме тех случаев, когда это необходимо для сохранения или пользы чего-либо другого, более ценного. В самом деле, если бы каждый ставил своею целью — в той мере, в какой это от него зависит, — сохранение всего человечества, что действительно является долгом каждого, и если бы эта цель сделалась регулятивным принципом нашей религии, нашей политики и морали, то человечество пользовалось бы большим покоем и было бы нравственнее, чем теперь. Но вернемся к нашей теме. Я не могу не одобрить благоразумия и доброты одной матери, моей знакомой, которая всегда относилась снисходительно к желанию своих дочерей иметь собак, белок, птичек или тому подобных

животных, которыми маленькие девочки обыкновенно любят забавляться; но когда они получали этих животных, им вменялось в обязанность хорошо обращаться с ними и старательно заботиться, чтобы те ни в чем не нуждались и не подвергались дурному обращению. Если же они проявляли небрежность в уходе за ними, это считалось большим проступком, который часто влек за собою отобрание животного или по меньшей мере выговор. Таким образом, они с ранних лет приучались к заботливости и добросердечию. И, право, необходимо, как мне думается, приучать детей с самой колыбели мягко относиться ко всем чувствующим существам и ничего не портить и не уничтожать.

Это удовольствие, находимое ими в причинении зла, под которым я подразумеваю бесцельную порчу любой вещи, и в особенности удовольствие, которое они получают от причинения боли всему, что способно ее чувствовать, я могу себе объяснить только склонностью, внушенной им извне, привычкой, заимствованной из обычаев окружающей среды. Взрослые учат детей бить; взрослые смеются, когда дети причиняют боль другому, когда дети смотрят, как причиняется вред другому. Таким образом, примеры окружающих в большинстве случаев только укрепляют детей в этом чувстве. Все, чем их занимают и что им рассказывают из истории, сводится почти исключительно к войнам и убийствам; а почет и слава, окружающие завоевателей (которые в большинстве своем были только великими мясниками человечества), еще больше сводят с правильного пути подрастающую молодежь, которая, таким образом, начинает думать, что кровопролитие — дело, достойное человека, и самая героическая из добродетелей. Так постепенно внедряется в нас противоестественная жестокость; и то, от чего отвращается чувство человечности, санкционируется и рекомендуется нам обычаем, как путь к славе. Так, благодаря обычаю и общественному мнению становится удовольствием то, что само по себе таковым не является и быть не может. За этим нужно тщательно следить и с ранних лет принимать противоположные меры: насаждать и культивировать в детях противоположные, более естественные чувства доброты и сострадания, действуя при этом такими же осторожными методами, какие должны применяться по отношению к двум другим недостаткам, упомянутым выше. К этому, пожалуй, будет уместно присоединить только следующее предостережение: не следует вовсе взыскивать с детей или только очень мягко, когда они причиняют друг другу повреждения во время игры по неосторожности или неведению и не из желания причинить ущерб, а действуя безотчетно, хотя бы порою этот ущерб и был значителен. Ибо я не устану повторять, что в каком бы проступке ребенок ни провинился и каково бы ни было последствие этого проступка, при взыскании нужно обращать внимание только на его корни, нужно учитывать лишь то, к какой привычке он может привести: именно на это должны быть ориентированы меры исправления, и поэтому ребенка не следует подвергать никакому наказанию за вред, причиненный его игрою или неосторожностью. Исправительного воздействия требуют лишь те недостатки, которые коренятся в душе; а если они таковы, что будут исправлены временем и

не грозят породить никакой дурной привычки, то следует проходить мимо данного проступка и оставлять его без всякого взыскания, какими бы неприятными обстоятельствами он ни сопровождался.

§ 117. Другой способ внушать и поддерживать в молодежи чувства гуманности заключается в том, чтобы приучать ее к вежливости в разговоре и обращении с низшими и простонародьем, особенно с прислугой. Довольно часто приходится наблюдать, что дети в семьях джентльменов говорят с домашней прислугой языком господ, употребляют по отношению к ней пренебрежительные клички и властный тон, как будто это люди другой, низшей расы и низшей породы. Внушается ли это высокомерие дурным примером, преимуществом положения или природным тщеславием, это безразлично: его всегда следует предупреждать и искоренять и на его место внедрять мягкое, вежливое и приветливое обращение с людьми низшего ранга. Превосходство молодых джентльменов от этого нисколько не умаляется, их достоинство и авторитет только повысятся, если ко внешней почтительности ниже стоящих людей присоединяется еще чувство любви и если в подчинении последних будет играть известную роль также личное уважение к тем, кому они подчиняются; к тому же слуги будут нести свою службу с гораздо большей готовностью и охотой, когда увидят, что их не третируют из-за того, что судьба поставила их ниже других, поставила у ног их хозяина. Нельзя допускать, чтобы дети утрачивали уважение к человеку из-за случайностей внешнего положения. Нужно внушить им, что чем больше им дано, тем они должны быть добрее, сострадательнее и мягче к своим собратьям, стоящим ниже их и получившим более скудную долю в жизни. Если допускать, чтобы дети плохо обращались и грубо третировали людей на том основании, что, ввиду отцовского титула, приписывают себе некоторую власть над ними, то в лучшем случае это будет неблаговоспитанностью; а если не принять против этого мер, то гордость превратится в привычное презрение к людям низшего положения. А к чему другому это может, в конечном счете, привести, как не к угнетению и жестокости?

§ 118. Любопытство у детей (о котором я имел случай упомянуть в § 108) есть не что иное, как влечение к знанию; оно должно быть, поэтому, поощряемо не только как хороший симптом, но и как великое орудие, данное им природой для устранения невежества, с которым они родились, и которое, при отсутствии этой деятельной пытливости, сделало бы их тупыми и бесполезными созданиями. Средства для поощрения этого влечения и для сообщения ему активности и действительности заключаются, по моему мнению, в следующем:

1. С каким бы вопросом ребенок ни обратился, не следует обрывать или обескураживать его, как и допускать, чтобы над ним смеялись; а нужно отвечать на все его вопросы, объяснять ему все, что он желает знать, и делать это настолько понятным для него, насколько возможно при его возрасте и развитии. Но не сбивайте его с толка объяснениями или понятиями ему недоступными или разнообразием и обилием предметов, не относящихся непосредственно к предложенному им вопросу. Обращайте внимание на то, что в дан-

ном случае по существу интересуется ребенка, а не на слова, которыми он это выражает; и если вы будете удовлетворять его любознательность, вы будете видеть, как расширяются его мысли, вы убедитесь, насколько высоко можно, отвечая на его вопросы, поднять его, насколько выше, чем вы, может быть, воображаете. Ибо знание так же приятно для ума, как свет для глаз: дети радуются и увлекаются им чрезвычайно, в особенности когда они видят, что к их вопросам относятся внимательно и что желание знать встречает поощрение и одобрение. Я не сомневаюсь, что главная причина, заставляющая многих детей отдаваться целиком глупым играм и бессмысленно тратить все свое время на пустяки, заключается в том, что они убедились, что их любознательность уперлась в стену и к их вопросам относятся с пренебрежением. Но если бы к ним относились более ласково и с большим уважением и на вопросы детей давали бы надлежащие и удовлетворяющие ответы, то я не сомневаюсь, что они находили бы больше удовольствия в учении и увеличении своих знаний, всегда находя здесь занимающую их новизну и разнообразие, чем в постоянном возвращении к своим играм и игрушкам.

§ 119. 2. Помимо того что нужно давать детям серьезные ответы на вопросы и обогащать их ум сведениями, которые их в данный момент интересуют как что-то им действительно нужное, необходимо применять еще кое-какие специальные приемы поощрения. Говорите в присутствии детей другим людям, с мнением которых они считаются, что они знают такие-то и такие-то вещи: мы все, можно сказать, с колыбели — тщеславные и горделивые существа; так пусть же их тщеславие будет польщено такими вещами, которые послужат им в пользу; пусть гордость заставит их поработать над тем, что может пригодиться им. С этой точки зрения вы должны будете убедиться, что нельзя создать лучшего стимула, когда вы хотите заставить старшего брата учиться чему-нибудь, чем возложив на него обучение его младших братьев и сестер тому же предмету.

§ 120. 3. Если не следует с пренебрежением относиться к вопросам, задаваемым детьми, то следует в то же время тщательно заботиться о том, чтобы они никогда не получали неверных и уклончивых ответов. Дети легко замечают, когда к ним относятся пренебрежительно или обманывают их, и быстро научаются тем приемам пренебрежительного отношения, притворства и фальши, которые они наблюдают со стороны других. Мы не должны нарушать правду в общении с кем бы то ни было, но менее всего в общении с детьми; ибо если мы играем с ними в ложь, мы не только обманываем их ожидания и мешаем им получать знания, но развращаем их невинность и учим их самому худшему из пороков. Они ведь путешественники, недавно прибывшие в чужую страну, о которой ничего не знают: поэтому совесть обязывает нас не вводить их в заблуждение; пусть их вопросы иногда кажутся не очень серьезными — ответы нужно все-таки давать им серьезные; эти вопросы могут показаться праздными нам, давно знакомым с ними; но для тех, кто еще ничего не знает, они имеют значение. Дети в отношении всего, что нам уже известно, — это те же иностранцы: все вещи, с которыми они сталкиваются, вначале им так же неизвестны, как они были когда-то

неизвестны и нам. И счастливы дети, которые встречаются с предупредительными людьми, готовыми снисзойти к их невежеству и помочь им от него избавиться.

Если бы мы с вами в настоящий момент очутились в Японии со всей нашей мудростью и нашими познаниями, преувеличенная оценка которых, быть может, и является причиной нашего пренебрежительного отношения к мыслям и вопросам детей, и пожелали бы узнать все, что нужно знать в тамошних условиях, то я не сомневаюсь, что нам пришлось бы задать тысячу вопросов, которые какому-нибудь надменному или нерассудительному японцу показались бы весьма праздными и назойливыми, хотя для нас эти вопросы были бы весьма существенны и нам важно было бы получить на них ответы; и мы были бы рады найти человека достаточно снисходительного и любезного, который удовлетворил бы наши запросы и просветил бы наше невежество.

Когда дети сталкиваются с новым для них предметом, они обыкновенно задают обычный вопрос иностранца: что это такое? Под этим они обычно подразумевают одно только название; поэтому сказать им, как это называется, обычно и означает дать правильный ответ на их вопрос. За этим обыкновенно следует вопрос: а для чего это? И на этот вопрос надо ответить прямо и точно: сказать о назначении вещи и применительно к уровню их понимания объяснить, каким образом она служит своему назначению. Точно так же нужно реагировать на всякие другие вопросы с их стороны: не отсылать их, пока вы не удовлетворили их ответом, доступным их пониманию, и своими ответами наводить их на дальнейшие вопросы. А может быть, что подобный разговор окажется и для взрослого человека вовсе не таким праздным и маловажным, как мы склонны думать. Естественные и не внушенные догадки пытливых детей часто наводят на такие вещи, которые могут дать толчок мысли и разумного человека. И я думаю, что из неожиданных вопросов ребенка можно большему научиться, чем из разговоров со взрослыми людьми, высказывающими ходячие мысли, которые лишь отражают заимствованные понятия и предрассудки, привитые воспитанием.

§ 121. 4. Быть может, не мешает иногда возбуждать любопытство детей, нарочно сталкивая их с необычными и новыми для них предметами с целью подстрекнуть их пытливость и предоставить им случай получить сведения об этих предметах. Если же случится, что любопытство заставит их задать вопрос о том, чего они не должны знать, то гораздо лучше, чем отделываться от них ложью или каким-нибудь пустым ответом, прямо ответить им, что этого им еще не следует знать.

§ 122. Бойкость, проявляющаяся иногда так рано, вытекает из начала, которое редко сочетается с сильной телесной конституцией и редко развивается в интеллектуальную силу. Я думаю, что если захотеть сделать из ребенка более бойкого болтуна, то можно найти пути к этой цели; но я полагаю, что разумный отец предпочтет, чтобы его сын вышел способным и дельным человеком, когда вырастет, чем составил приятную компанию и доставлял развлечение другим в детские годы. Если же я должен и на этом остановиться, то

я сказал бы, что приятнее иметь ребенка, умеющего здраво рассуждать, чем ребенка, умеющего мило болтать. Поэтому поощряйте его любознательность, как только можете, удовлетворяя его запросы и обогащая его ум знаниями в пределах его способностей. Если рассуждения ребенка сколько-нибудь сносны, пусть он получает одобрение и похвалу; если же он совершенно запутался, нужно осторожно выводить его на правильный путь, а не смеяться над его ошибками; если он обнаруживает склонность рассуждать о вещах, с которыми он сталкивается, старайтесь, насколько можете, чтобы никто не подавлял в нем этой склонности и не давал ей дурного направления софистической и фальшивой манерой разговаривать с ним. Ибо, после всего прочего, воспитание этой высшей и важнейшей способности нашей души заслуживает величайшей заботы и внимания с нашей стороны: правильное усовершенствование и упражнение нашего разума есть высшее совершенство, которого человек может достигнуть в этой жизни.

§ 123. В противоположность этому деятельному и Шалопайство. пытливому темпераменту, у детей иногда наблюдается вялое равнодушие, отсутствие интереса к чему бы то ни было и какое-то игривое состояние даже во время занятий. Это шалопайское настроение я считаю одним из самых худших качеств, какие только могут проявиться у детей, и одним из тех качеств, которые труднее всего исцелить, если они свойственны ребенку от природы. Но так как в этом отношении возможны в некоторых случаях ошибки, то необходимо заботиться о правильной оценке этого несерьезного отношения детей к книге и к занятиям, на которое мы нередко слышим жалобы. При первом появлении у отца подозрения, что его сын имеет склонность к бездельничанию, он должен тщательно проследить, проявляется ли вялость и равнодушие во всех действиях его сына, или же он вял и медлителен лишь в некоторых вещах, а в других проявляет активность и живость. Ибо, хотя бы мы и заметили, что ребенок зеваает за книгой и большую часть времени, которое он проводит в своей комнате или в классе, бездельничает, нельзя, однако, сейчас же делать заключение, что это происходит от лени, лежащей в его характере. Может быть, это ребячество, а может быть, он предпочитает учению что-нибудь другое, что привлекает его мысли, и его нелюбовь к книге естественно вызвана тем, что книга навязывается ему, как обязательный урок. Чтобы вполне в этом разобраться, вы должны понаблюдать за ним во время игры, когда он находится за пределами классной комнаты и, в часы, свободные от учебных занятий, отдается своим склонностям, и посмотреть, не проявляет ли он подвижности и активности, не увлекается ли он той или другой целью, усердно и бодро добываясь ее, пока не достигнет того, к чему стремится, или же он проводит свое время в ленивой и вялой дремоте. Если эта вялость появляется у него только тогда, когда он сидит за своей книгой, я думаю, что от нее легко вылечить его. Если же она лежит в самом характере, то для ее устранения потребуется несколько больше труда и внимания.

§ 124. Если по серьезности, проявляемой им в игре или в чем-либо другом, что его занимает в промежутках между часами занятий, вы убедились, что по натуре своей он вовсе не склонен к лени и что только отсутствие интереса вызывает у него равнодушие и вялое отхождение к книжным занятиям, то сначала следует попытаться мягко поговорить с ним о неразумии и неправильности такого поведения, указывая, что оно приводит к значительной потере времени, которое он мог бы использовать для развлечения. Но обязательно говорите с ним в спокойном и ласковом тоне, вначале особенно не распространяясь, а ограничиваясь лишь этими краткими и простыми доводами. Если это привело к успеху, — вы достигли цели самым желательным путем: доводами и лаской. Если же этот более мягкий прием не имел успеха, тогда пытайтесь его пристыдить, посмеиваясь над ним, задавая ему каждый день за столом вопрос, — если только нет при этом посторонних людей, — много ли он занимался сегодня своими уроками, а если он не приготовил их, хотя времени было достаточно, чтобы справиться с ними, высмеивайте его. Однако не присоединяйте к этому брани; ограничивайтесь только холодным тоном разговора с ним и так держитесь по отношению к нему до тех пор, пока он не исправится. И пусть подобным же образом ведут себя по отношению к нему мать, и воспитатель, и все окружающие. Если и это не окажет желанного действия, то скажите ему, что больше не будете его принуждать заниматься с воспитателем, несущим заботы о его воспитании; что вы не намерены больше тратить денег на воспитателя ради того только, чтобы тот празднично проводил с ним время; что раз он предпочитает вместо книг заниматься тем-то и тем-то (смотря по тому, какой игрой он увлекается), то отныне только этим он должен будет заниматься; и посадите его всерьез за его любимые игры, делайте это настойчиво и серьезно, утром и после полудня, до тех пор, пока он не пресытится полностью и у него не явится желание во что бы то ни стало заменить это несколькими часами книжных занятий. Но если вы задали ему урок в виде игры, то или вы сами должны обязательно присмотреть за ним или же поручить кому-либо другому неуклонно следить за тем, чтобы он занимался, и не допускать, чтобы он и здесь проявлял свою лень. Я говорю: следите сами, ибо как бы отец ни был занят, исцеление сына от такого крупного порока, как нежелание заниматься, заслуживает того, чтобы отец посвятил своему сыну два-три дня.

§ 125. Такие меры я предлагаю для тех случаев, когда мы имеем дело не с ленью, коренящейся в характере мальчика, а с специфическим или приобретенным отвращением к учению; это вы должны тщательно исследовать и различать. Но, следя за ним и наблюдая, что он делает в те часы, которыми он располагает по своему усмотрению, вы, или кто-либо другой вместо вас, должны это делать незаметно для него; иначе ваше наблюдение будет мешать ему отдаваться своей склонности: будучи всецело ею поглощен, но не смея из страха, внушенного вами, добиваться того, к чему его влекут его мысли и сердце, он будет кое-как заниматься всем остальным, к чему у него нет влечения; и, таким образом, может показаться, что он ленив и вял, хотя в действительности он только проникнут сейчас же-

ланием делать другое и не решается на это из опасения, что вы увидите или узнаете об этом. Чтобы можно было в этом ясно разобраться, наблюдение должно производиться в вашем отсутствии, когда ребенка не связывает подозрение, что кто-то следит за ним. В эти часы полной свободы пусть кто-либо, на кого вы можете положиться, следит за тем, как он проводит время: не уходит ли оно у него в полном безделье именно тогда, когда он, ничем не сдерживаемый, предоставлен своей собственной склонности. Таким образом, по тому, чем он занимается в такие часы своей свободы, вы легко разберете, что именно заставляет его лениться в часы учения: вялость ли характера или отвращение к учебнику.

§ 126. Если какой-нибудь изъян конституции наложил печать на его душу и он вял и сонлив от природы, то справиться с этим мало обещающим предрасположением — очень нелегкое дело; ибо, сопровождаемое обыкновенно безразличным отношением к будущему, оно характеризуется отсутствием двух великих стимулов к действию: предусмотрительности и желания. Возникает вопрос: как же насадить и развить эти свойства в тех случаях, когда природа создала противоположный, холодный характер? Как только вы убедились, что перед вами такой случай, вы должны тщательно выяснить, не существует ли что-либо такое, что доставляет ему удовольствие: узнайте, что ему больше всего нравится и, если вы в состоянии открыть в его душе какое-либо определенное влечение, усиливайте это влечение, как только можете, и используйте это влечение, чтобы заставить его работать и возбудить его усердие. Если ему приятны похвала, игра или красивое платье и т. п. или, с другой стороны, он боится боли, позора или вашего недовольствия и т. п., — что бы он ни любил больше всего (исключая, разумеется, лень, ибо она никогда не заставит его работать), — используйте это для того, чтобы влить в него жизнь и расшевелить его. При подобном равнодушном темпераменте вам нечего опасаться (как во всех других случаях) чрезмерно усилить влечение своим поощрением. Именно это вам и нужно, и потому вы должны стараться возбуждать в нем и усиливать его желание: ибо там, где нет желания, не может быть никакого усердия.

§ 127. Если вам не удастся таким путем оказать на него достаточное влияние и возбудить в нем бодрость, вызвать в нем активность, то вы должны занять его постоянным физическим трудом: этим можно развить в нем привычку делать что-нибудь. Правда, лучший способ сообщить ему привычку упражнять и применять свой интеллект заключался бы в том, чтобы заставить его усердно изучать какой-либо предмет. Но так как здесь внимание невидимо для глаза, и никто не может сказать, ленится ли ребенок или нет, то вы должны найти для него физическую работу, которую он был бы обязан выполнять постоянно; и если такая работа немного тяжела и постыдна, то это не так уже плохо, ибо она тем скорее надоест ему и возбудит в нем желание вернуться к своему учебнику. Но если вы заменяете для него учебник другой работой, вы обязательно должны давать ему такое задание, чтобы это не давало ему возможности лениться. Только после того как вы таким способом заставите его быть более внимательным и прилежным за учебником, вы можете, в виде

награды за выполнение учебного задания в положенное время, давать ему некоторую передышку от этой другой работы и затем постепенно уменьшать ее по мере того, как вы замечаете, что его прилежание становится все более и более выдержанным, и совершенно освободить его от нее, когда он излечится от лентяйничанья за книгой.

Принуждение. § 128. Мы уже отметили выше, что дети любят разнообразие и свободу и что это именно делает для них игры привлекательными, и поэтому не следует им навязывать в виде обязанности ни учебник, ни что бы то ни было другое, чему они должны, по нашему мнению, учиться. Их родители, воспитатели и учителя склонны забывать это, и то нетерпение, которое они проявляют в своем желании засадить детей за полезную для них работу, мешает им втягивать последних в работу незаметным для них способом; а по частым понуканиям дети быстро распознают, чего от них требуют и чего не требуют. Если эта ошибочная тактика уже внушила ребенку антипатию к учебнику, то лечение нужно начать с другого конца. Но так как теперь уже слишком поздно пытаться превратить для него ученье в игру, то вы должны наметить обратный путь: вам нужно проследить, какой игрой он больше всего увлекается, и превратить ее в обязанность; заставляйте его каждый день определенное количество часов играть, и притом не в виде наказания, а в качестве занятия, которое вменяется ему в обязанность. При таких обстоятельствах, если я не ошибаюсь, самая любимая игра надоест ему в несколько дней настолько, что он предпочтет ей свой учебник или что-либо другое, особенно, если это избавит его хотя бы от части возложенного на него урока обязательной игры и ему позволят часть времени, предназначенного для указанного урока, уделить учебнику или какому-либо другому действительно полезному для него занятию. Я, по крайней мере, думаю, что это более действительное средство, чем прямое запрещение (которое обычно усиливает желание) или какое бы то ни было другое наказание, для исправления этого недостатка. Ибо если вы однажды пресытили его аппетит (что можно безопасно проделать во всем, только не в еде и питье), довели его до пресыщения тем именно, от чего вы желали его отучить, то этим самым вы внушили ему отвращение, и вам нечего уже бояться, что у него снова появится та же страсть.

§ 129. Мне представляется достаточно очевидным, что праздность дети, как правило, ненавидят. Поэтому вся наша забота должна быть направлена к тому, чтоб их деятельный дух был всегда занят чем-либо полезным для них; если вы хотите этого добиться, вы должны превращать для них необходимые, по вашему мнению, занятия в развлечение, а не делать из них обязательную работу. Как это сделать, чтобы дети в то же время не могли заметить умысла с вашей стороны, я здесь указал, а именно: предлагая или заставляя их под тем или иным предлогом заниматься до пресыщения тем, от чего вы хотите их отучить, и внушая им таким способом отвращение к этому делу. Например: ваш сын слишком увлекается игрой в кубарь. Заставляйте его играть по несколько часов в день и следите за тем, чтобы он это действительно делал: вы увидите, как быстро эта игра ему надоест и ему захочется бросить ее. Этим путем — превращая

развлечения, которые вам не нравятся, в обязательное для него занятие — вы добьетесь того, что он сам будет охотно браться за дело, которым вы бы хотели заставить его заниматься, особенно если это будет предлагаться ему в виде награды за выполнение урока предписанной ему игры. А разве вы не думаете, что если вы заставите его каждый день гонять кубарь до тех пор, пока это ему основательно не надоест, он охотно возьмется за учебник и даже будет жаждать его, если вы это предлагаете ему как награду за то, что усердно погонял кубарь все положенное время? Дети видят малую разницу в том, что они делают, если только данная работа соответствует их возрасту; предпочтение, оказываемое ими одной вещи перед другой, они заимствуют у других; и то, что окружающие их превращают в награду для них, становится для них действительной наградой. Поэтому от их гувернера будет зависеть — явится ли скоч-гоппер²⁵ для них наградой за танцы, или танцы наградой за скоч-гоппер и что им приятнее: игра ли в кубарь или чтение, игра ли в мяч или изучение глобуса? Все, что им хочется, — это быть занятыми и притом тем, что, как им кажется, избрано ими самими или разрешено им в знак расположения их родителями и другими лицами, к которым они питают почтение и с которыми они хотели бы быть в хороших отношениях. Я думаю, что группа детей, руководимая таким образом и охраняемая от влияния дурного примера других, вся до единого будет учиться читать и писать и всему другому, чего бы вы захотели, с таким же рвением и удовольствием, с каким другие дети отдаются своим обычным играм. Так вы втянете самого старшего из них, и этим будет задан тон жизни в доме; и тогда уже невозможно будет отрывать детей от учения, как их обычно невозможно оторвать от игр.

Игрушки. § 130. Я считаю, что дети должны иметь игрушки и притом игрушки разного рода; но эти игрушки должны храниться у их воспитателей или у кого-либо другого, ребенок же должен получать в свое распоряжение лишь одну игрушку зараз, и только когда он ее возвратит, получать другую. Это приучает с ранних лет остерегаться утраты или порчи вещей, находящихся в их обладании; обилие же и разнообразие игрушек, получаемых детьми в полное распоряжение, делает их легкомысленными и беспечными и с самого начала приучает быть мотами и расточителями. Я соглашусь, что это мелочи, которые могут показаться недостойными внимания воспитателя; но не следует упускать из виду и относиться с пренебрежением ни к чему, что формирует душу ребенка; все, что прививает детям привычки и навыки, заслуживает заботы и внимания со стороны воспитателя, и если смотреть на это с точки зрения последствий, вовсе не является мелочью.

Еще один момент в вопросе о детских игрушках заслуживает внимания родителей. Хотя мы согласились, что они должны быть разнообразными, однако, по моему мнению, ни одной игрушки не следует покупать для детей. Этим устранится то большое разнообразие, которое часто создает для них перегрузку и служит лишь к тому, что приучает их к постоянной погоне за переменной и изобилием, к беспокойству, к вечному желанию чего-то нового, к вечной неудовле-

творенности тем, что они имеют. Подарки, которые принято делать детям родителей с солидным общественным положением, в целях угождения, причиняют малюткам большой вред. Это развивает в последних гордость, тщеславие и жадность чуть ли не ранее, чем они научатся говорить. Я знал маленького ребенка, который был настолько поглощен обилием и разнообразием своих игрушек, что утомляя свою няню, ежедневно пересматривая их; ребенок так привык к этому изобилию, что никогда не считал его для себя достаточным и то и дело спрашивал: «А еще что, еще что? Что мне еще дадут?» Замечательное начало в ограничении желаний и замечательный путь к тому, чтобы сделать человека довольным и счастливым!

Но меня спросят: если никаких игрушек не следует покупать, то откуда они будут получать те игрушки, которые вы разрешаете им иметь? На это я отвечу: пусть они сами их делают, или, по крайней мере, стараются их делать, и пусть занимаются этим; а до того пусть они обходятся без игрушек, да у них и нужды не будет в особо хитрых игрушках. Гладкий камешек, кусок бумаги, связка ключей матери и любой предмет, которым они не могут поранить себя, — все это так же может развлекать маленьких детей, как и дорогие и затейливые игрушки из магазина, которые сейчас же портятся и ломаются. Дети никогда не скучают и не огорчаются из-за отсутствия таких игрушек, если только их не приучили к ним; когда они малы, игрушкой для них может явиться все, что попадает им в руки; когда же они становятся старше, они сами будут их делать, если только другие не будут бессмысленно тратиться на то, чтобы снабжать их. Конечно, когда они начнут что-либо изобретать сами, нужно учить их и помогать им; но пока они сидят празднично, в ожидании, что получат все из чужих рук, без всякого старания с своей стороны, не следует ничего им давать. А если вы помогаете им, когда они находятся в затруднении, вы будете им милее, чем если бы вы стали покупать им дорогие игрушки. Правда, такие игрушки, изготовление которых превышает их искусство и пользование которыми связано с затратой труда, как, например, кубарь, волчок или ракета и другие в этом роде, нужно доставлять им: они должны получать их не ради разнообразия, а для упражнения; но из этих игрушек также нужно давать им возможно простые. Если у них есть кубарь, то кнутик и ремень нужно предоставить им сделать и приладить самим. Если же они сидят, разинув рот, в ожидании, что эти вещи сами свалятся им в руки, то пусть они остаются без них. Это приучит их добиваться того, что им нужно, собственными силами и собственным трудом, а этим самым они будут приучаться к скромности в желаниях, к трудолюбию, усердию, размышлению, сметливости и расчетливости; эти качества будут им полезны, когда они станут взрослыми, и поэтому должны приобретаться возможно раньше и усваиваться возможно глубже. Все игры и развлечения детей должны быть направлены к развитию в них хороших и полезных привычек; иначе они будут приводить к дурным. Все, что они делают в этом нежном возрасте, оставляет известный отпечаток, и отсюда они получают склонность к добру или дурному; и ничего из того, что оказывает подобное влияние, не следует упускать из внимания

Ложь.

§ 131. Ложь — это такой подходящий и доступный покров для всякого рода дурного поступка и настолько распространена среди всякого рода людей, что ребенок вряд ли может не заметить, как ею пользуются во всех случаях; и только самой тщательной заботой можно сберечь его от опасности впасть в этот порок. Но это столь дурное качество и мать столь многих пороков, порождаемых и прикрываемых ложью, что необходимо внушать ребенку величайшее отвращение к ней. О ней следует всегда (если случайно, по какому-либо поводу, заходит о ней речь) говорить с величайшим негодованием, как о качестве, настолько несовместимом с именем и природой джентльмена, что ни один человек, пользующийся хоть каким-нибудь уважением, не может потерпеть, чтобы его обвинили во лжи; о ней нужно говорить, как о признаке крайней бесчестности, низводящей человека на крайнюю ступень постыдной низости и ставящей его на один уровень с самой презренной частью человечества и самыми отвратительными негодьями; как о чем-то, что не может быть терпимо ни в ком, кто желает иметь дело с порядочными людьми или пользоваться каким-либо уважением или доброй репутацией в свете. Когда ребенок в первый раз замечен во лжи, целесообразнее реагировать на это изумлением, как на неожиданно чудовищный поступок с его стороны, а не наказывать его, как за обыкновенный проступок. Если это не удержит его от повторения, то в следующий раз он должен получить строгий выговор и почувствовать большую немилость отца или матери и всех окружающих, знающих о его поступке. А если и этот способ не подействует, вы должны прибегнуть к побоям: ибо после таких предупреждений умышленная ложь должна всегда рассматриваться как упорство и никогда не должна оставаться безнаказанной.

§ 132. Дети, боясь, чтобы их проступки не обнаружились во всей своей наготе, склонны, подобно всем остальным сынам Адама, придумывать для себя оправдания. Это — недостаток, который обычно граничит с ложью или приводит к ней и потому не должен быть терпим в них; но устранять его нужно скорее пристыживанием, чем суровостью. Поэтому если ребенок, спрошенный о чем-нибудь, начинает с оправдания, то советуйте ему в серьезном тоне рассказать правду; если и после этого он упорно продолжает хитрить и лгать, его следует наказывать. Но если он сразу сознается, вы должны похвалить его за искренность и простить ему его проступок, каков бы он ни был, и простить так, чтобы никогда больше не попрекать им и не напоминать о нем. Ибо, если вы хотите, чтобы он любил быть чистосердечным, если вы хотите постоянной практикой привить ему привычку всегда быть чистосердечным, то вы должны заботиться о том, чтобы это никогда не причиняло ему ни малейшей неприятности. Напротив, откровенное признание с его стороны не только должно влечь за собой полную безнаказанность, но, помимо того, должно поощряться какими-нибудь знаками одобрения. Если его оправдание в каком-либо случае таково, что вы никак не можете установить в нем какую-либо ложь, то пусть оно сойдет за правду. И вы ни в коем случае не должны выказывать какое-либо подозрение. Пусть он ценит свое

доброе имя, которым пользуется в ваших глазах, возможно выше; ибо, если он однажды убедится, что он его потерял, вы тем самым утратите сильное и лучшее средство влиять на него. Поэтому до тех пор, пока вы можете так поступать, не поощряя в нем лживости, не давайте ему думать, что вы считаете его лжецом. Из этого соображения можно на маленькие отступления от истины смотреть сквозь пальцы. Но после того как он был однажды наказан за ложь, вы уж никогда ни в коем случае не должны прощать ее, раз только вы заметите, что он провинился в ней. Ибо, раз этот проступок был ему запрещен и он мог в дальнейшем его избежать, если бы не стремился к нему умышленно, повторение проступка свидетельствует о полной испорченности и должно повлечь за собой подобающее наказание.

§ 133. Таковы мои мысли относительно общего метода воспитания молодого джентльмена. Я склонен думать, что этот метод может оказать известное влияние на общий ход его воспитания; но я далек от мысли, что им охвачены и все частные моменты, которые могут быть выдвинуты возрастом или особенностями характера. Предпослав эти общие соображения, мы должны теперь перейти к более специальному рассмотрению некоторых частных вопросов воспитания джентльмена.

§ 134. Я полагаю, что каждый джентльмен, сколько-нибудь заботящийся о воспитании своего сына, стремится к тому, чтобы сын его, помимо того состояния, которое он ему оставит, обладал еще следующими четырьмя вещами: добродетелью, мудростью, благовоспитанностью и знанием. Я не буду сейчас заниматься разбором того, применяются ли иногда некоторые из указанных терминов для обозначения одного и того же и не покрывают ли они в действительности друг друга. Для моей цели достаточно применять эти слова в общепринятом их значении, достаточно, как мне думается, ясным, чтобы я мог быть понят; и я надеюсь, что мои мысли будут поняты без затруднения.

§ 135. Я считаю добродетель первым и самым необходимым из тех упомянутых качеств, которыми должен обладать человек или джентльмен, и вижу в ней абсолютное условие, при котором он только и может пользоваться признанием и любовью других и иметь цену и какое-либо значение в собственных глазах. Без нее, я думаю, он не будет счастлив ни в этом, ни в ином мире.

Бог. § 136. Как основу добродетели следует очень рано запечатлеть в душе ребенка истинное понятие о боге, как о независимом высшем существе, творце и создателе всех вещей, от которого мы получаем все наше достояние, который любит нас и дарует нам все. Поэтому вы должны поселить в ребенке любовь и почтение к этому высшему существу. Для начала этого достаточно, и в дальнейшие подробности этой темы не следует входить; ибо нужно опасаться, что если мы станем слишком рано рассказывать ребенку о духах и будем раньше времени пытаться сделать для него понятной непостижимую природу этого бесконечного существа, то мы только наполним голову ребенка ложными представлениями о нем или сообщем ребенку с толку непонятными идеями. Говорите ему только при

случае, что бог создал все вещи и управляет ими, что он все видит, и слышит и делает всяческое добро тем, кто его любит и повинуется ему. Вы убедитесь, что, слыша о таком боге, он довольно скоро додумается до других мыслей о нем, которые вам надлежит исправлять, как только вы обнаруживаете в них что-либо неправильное. И я думаю, что было бы лучше, если бы люди вообще оставались при такой идее о боге и не стремились слишком развить свои представления о существе, которое все должны признать непостижимым; в этом своем стремлении многие люди, не обладающие достаточной силой и ясностью мысли, чтобы установить границу между тем, что они могут понять, и тем, чего они не в состоянии понять, впадают в суеверие или атеизм; или создают бога по своему подобию, или (не будучи в состоянии представить себе что-либо другое) вовсе отрицают его существование. И я склонен думать, что, если заставлять детей постоянно, каждое утро и каждый вечер, обращаться к богу, как своему создателю, хранителю и благодетелю, с простой и короткой молитвой, соответствующей их возрасту и пониманию, то от этого получится гораздо большая польза для них с точки зрения усвоения религии, знания и добродетели, чем если занимать их мысли мудреными исследованиями его таинственной сущности и бытия.

Духи.

§ 137. Внедрив в его душу (постепенно и сообразуясь с уровнем его понимания) подобную идею о боге и научив его молиться богу и прославлять его как своего творца и создателя всех благ, которыми он наслаждается или может наслаждаться, — воздерживайтесь от всяких бесед с ребенком о других духах до тех пор, пока упоминание о них, с которым он встретится в случае, упоминаемом мною ниже, а также чтение библии, не наведут его на этот вопрос.

Привидения.

§ 138. Но даже тогда, и в во все время, пока он мал, непременно оберегайте его нежную душу от представлений и идей о духах и привидениях и от всяких страхов, связанных с темнотой.

Опасность в этом смысле угрожает со стороны неразумия слуг, имеющих привычку пугать детей и заставлять их слушать рассказы о «кровавой голове» и «окровавленных костях» («Rawhead», «Bloody bones») и другими подобными повествованиями, с которыми связываются представления о чем-то страшном и опасном, чего они имеют основание бояться, когда остаются одни, особенно в темноте. Против этого необходимо принимать самые тщательные меры: ибо хотя этим глупым приемом можно удержать детей от маловажных проступков, однако такое лекарство значительно хуже самой болезни: оно запечатлевает в воображении детей представления, которые потом преследуют их, наполняя страхом и ужасом. Подобные представления о пугающих призраках, однажды проникшие в нежные души детей и произведшие на них сильное впечатление, глубоко западают в них, поскольку с ними связано чувство ужаса; они так прочно фиксируются в детской душе, что нелегко, а иногда совершенно невозможно их оттуда изгнать; пока же они остаются в душе, они часто тревожат ее странными видениями, заставляя детей и впоследствии трусить, когда они остаются одни, и даже в течение всей жизни бояться собствен-

ной тени и темноты. На это мне жаловались уже взрослые люди, которые были таким образом напуганы в детстве; хотя разум исправил в них воспринятые ложные идеи и они убедились, что нет никакого основания больше бояться невидимых существ в темноте, чем при свете, однако эти представления были способны при случае снова возникать в их предрасположенной фантазии и освободиться от них им стоило немалого труда. А чтобы показать вам, насколько прочны и страшны образы, засевшие в душе в ранние годы, я расскажу вам довольно примечательную, но правдивую историю. В одном западном городе жил человек с расстроенным умом, которого мальчишки обыкновенно дразнили, когда он попадался им навстречу. Однажды этот человек, увидев на улице одного из мальчиков, постоянно его мучивших, забежал в ближайшую лавку ножевщика и, схватив обнаженную саблю, погнался за мальчиком. Последний, увидев его с этим оружием, бросился бежать, и, к счастью, у него хватило сил и проворства, чтобы добежать до отцовского дома раньше, чем сумасшедший мог его настигнуть. Дверь была только на щеколде; и когда он уже держал щеколду в своей руке, он повернул голову, чтобы посмотреть, как близко находится его преследователь; последний был уже у самого крыльца, держа поднятую саблю и готовый ударить его, и мальчик еле успел захлопнуть дверь, чтобы избежать удара, который, хотя и не коснулся его тела, но оказал действие на его душу. Этот страшный образ произвел на него столь глубокое впечатление, что оно сохранилось у него на многие годы, если не на всю жизнь. Ибо, передавая эту историю уже взрослым человеком, он говорил, что после этого случая он ни разу (насколько он помнит) не подходил к той двери без того, чтобы не оглянуться назад, чем бы ни были заняты его мысли и как ни далеки они были перед тем от этого сумасшедшего.

Если бы дети были предоставлены самим себе, они бы не больше боялись темноты, чем дневного, ясного солнечного света: они бы одинаково приветствовали темноту ради сна, как и свет ради своих игр. И не следует внушать это различие рассказами об опасности и страшных вещах, будто бы угрожающих им больше в темноте, чем при свете. А если глупость кого-либо из окружающих навязывает им идею, будто есть разница в том, находится ли в темноте или при свете, то вы должны возможно скорее вытравить ее из их сознания. Научите их, что бог, который создал все для их блага, создал ночь для того, чтобы они могли спать крепче и спокойнее, и что раз они находятся под его защитой, то и в темноте нет ничего такого, что могло бы им повредить. Дальнейшее просвещение их насчет бога и добрых духов нужно отложить до того момента, о котором будет речь ниже; что же касается злых духов, то будет хорошо, если вы сможете отстранить от них всякие ложные представления до тех пор, пока они не созреют для этого рода знаний.

§ 139. Если в ребенке уже заложены основания

Правдивость. добродетели в виде истинного понятия о боге, которому мудро учит нас исповедание веры, усвоенного в той мере, в какой позволяет ребенку возраст, а также в виде привычки молиться этому богу, то ближайшая задача заключается в том,

чтобы приучить его говорить безусловную правду и всеми мыслимыми способами развить в нем добрый характер. Ребенок должен знать, что ему скорее простятся двадцать других проступков, чем один случай уклонения от истины, имеющего целью прикрыть хотя бы один из них оправданием. Научить его своевременно любви и доброму отношению к другим людям — это значит уже с самого начала заложить истинную основу честного человека: ведь все несправедливости обыкновенно проистекают из нашей преувеличенной любви к себе и недостаточной любви к другим людям.

Это все, что я могу, в основном, сказать об этом предмете и что является достаточным, чтобы заложить в ребенке первый фундамент добродетели. По мере того как он становится старше, необходимо следить за направлением его природных склонностей. Если эти природные тенденции отклоняют его больше, чем следует, в ту или другую сторону от истинного пути добродетели, необходимо принимать надлежащие меры. Ибо немногие из сынов Адама настолько счастливы, чтобы не родиться с какими-либо уклонами природного характера, устранение или уравнивание которых составляют задачу воспитания. Но входить в подробности этого значило бы выйти из рамок этого краткого трактата о воспитании. Я не ставлю себе задачи разобрать все добродетели и пороки и тот вопрос, какими путями может быть достигнута каждая конкретная добродетель и какими специальными средствами может быть исправлен каждый конкретный порок; впрочем, о наиболее обычных недостатках и о способах их исправления я говорил.

Мудрость. § 140. Мудрость я понимаю в общепринятом смысле умелого и предусмотрительного ведения своих дел в этом мире. Она является продуктом сочетания хорошего природного характера, деятельного ума и опыта, и в этом смысле недоступна детям. Самое большое, чего можно добиться в этом направлении, — это не дать им, насколько мы в силах, сделаться хитрецами; хитрость, это обезьянье подобие мудрости, как нельзя более далека от последних и так же уродлива, как уродлива сама обезьяна, вследствие сходства, которое у нее имеется с человеком, при отсутствии того, что действительно создает человека. Хитрость есть только отсутствие разума: не будучи в состоянии достигнуть своих целей прямыми путями, она пытается их добиться плутовскими и окольными путями; и ее беда заключается в том, что хитрость помогает лишь один раз, а потом всегда лишь мешает. Совершенно невозможно сделать такое толстое или тонкое покрывало, которое скрывало бы самого себя. Никому еще не удавалось быть настолько хитрым, чтобы скрыть это свое качество. И после того как хитрец разоблачен, всякий его боится, никто ему не доверяет, и все охотно объединяются против него, чтобы нанести ему поражение. Между тем человеку открытому, честному и мудрому никто не ставит препятствий, и он идет к своей цели прямым путем. Самая лучшая подготовка ребенка к мудрости заключается в том, чтобы привить ему правильные понятия о вещах, не успокаиваясь раньше, чем он их усвоит; в том, чтобы возбудить его ум к высоким и достойным мыслям, чтобы держать его вдали от фальши и хитрости, всегда содержащей в себе большую

примесь фальши. На все остальное, чему можно научиться с течением времени из опыта и наблюдений, из знакомства с людьми, с их характерами и намерениями, нельзя рассчитывать со стороны непрощенной и беспечной детской природы или необдуманной горячности и беспечности юности. Все, что можно сделать в этом направлении в период незрелого возраста, — это — повторяю — приучить их к правде и искренности, к подчинению разуму и, насколько возможно, к обдумыванию своих поступков.

Благовоспитанность. § 141. Следующее хорошее качество, необходимое джентльмену, заключается в благовоспитанности. Есть два вида неблаговоспитанности: первый заключается в робкой застенчивости, второй — в непристойной небрежности и непочтительности в обращении. И того и другого можно избежать соблюдением одного правила: не быть низкого мнения ни о себе, ни о других.

§ 142. Первую часть указанного правила следует понимать не в том смысле, что она направлена против скромности, а в смысле необходимости быть уверенным в себе. Мы не должны быть настолько высокого мнения о себе, чтобы получалась преувеличенная оценка самих себя, и мы не должны приписывать себе превосходство над другими из-за какого-либо преимущества, будто бы свойственного нам. Мы должны лишь скромно принимать то, что нам приписывают как должное. Но мы должны также быть достаточно хорошего мнения о себе, чтобы быть в состоянии те действия, которые составляют нашу обязанность и которых ждут от нас, выполнять без смущения и растерянности и в чьем бы то ни было присутствии, соблюдая при этом то почтение и сдержанность, которые подобают рангу или положению каждого. Люди, и особенно дети, часто проявляют неуклюжую застенчивость в присутствии посторонних людей или выше стоящих: они путаются в своих мыслях, словах и взглядах, и в этом своем смущении настолько теряются, что неспособны что-либо делать, по крайней мере делать с той непринужденностью и изяществом, которые нравятся и делают людей привлекательными. Единственное средство исправить этот, как и любой другой, недостаток заключается в том, чтобы путем практики привить противоположную привычку. Но так как мы не можем привыкнуть к общению с посторонними и важными людьми, не бывая в их обществе, то эта сторона неблаговоспитанности может быть устранена только общением с разнообразными и выше стоящими людьми.

§ 143. Если вышеупомянутое проявление неблаговоспитанности заключается в чрезмерной озабоченности человека тем, как ему держаться по отношению к другим, то другое ее проявление выражается в недостаточном по внешности старании нравиться и оказывать почтение тем, с кем мы имеем дело. Чтобы быть свободным от этого недостатка, требуются две вещи: во-первых, душевная склонность не обижать других и, во-вторых, наиболее подходящий и приятный способ выражения этой склонности. По первому признаку мы называем людей обходительными, по второму — людьми с хорошими манерами. Второе из этих качеств заключается во внешней приятности и изяществе взгляда, голоса, слов, движений, жестов и всего внешнего

поведения, которые в обществе пленяют и доставляют тем, с кем мы общаемся, чувство легкости и большого удовольствия. Это как бы язык, который служит выражением внутренней деликатности души, и поскольку этот язык, как и другие языки, в очень большой мере регулируется модой и обычаями каждой страны, то изучать его, в его правилах и практике, следует главным образом путем наблюдений и по поведению тех, кому удалось получить абсолютно хорошее воспитание. Другая сторона, которая лежит глубже, чем внешняя, заключается в общей благожелательности и внимании ко всем людям, побуждающих человека не проявлять в своем обращении какого бы то ни было презрения, неуважения и небрежности, а выражать свое уважение и признание каждому сообразно его положению и рангу и в согласии с обычаями и формами, принятыми в его стране. Такая настроенность души проявляется непосредственно в поведении человека, благодаря чему никто не чувствует себя стесненным в его обществе.

Я укажу здесь на четыре качества, которые являются наиболее выраженной противоположностью этой первой и наиболее привлекательной из всех социальных добродетелей: любое из этих четырех качеств служит обыкновенно источником неделикатности. Я опишу их для того, чтобы можно было предохранить или исправить детей от их дурного влияния.

Грубость. 1. Первое качество состоит в природной грубости, которая делает человека нелюбезным к другим, невнимательным к их наклонностям, характерам, положению. Первый признак грубого человека — это не думать о том, что нравится или не нравится тем людям, в обществе которых он находится. Между тем часто можно встретить человека, одетого по моде, не признающего границ для своего нрава и готового толкнуть или наступить на ноги всякому, кто стоит ему на дороге, нисколько не заботясь о том, как тот к этому отнесется. Такая грубость бросается в глаза и вызывает отвращение в каждом; она никому не может быть приятна, и поэтому ее не должно быть у того, кто хочет, чтобы его считали хотя бы немного благовоспитанным. Ибо истинное назначение благовоспитанности заключается в том, чтобы сгладить природную резкость и настолько смягчить характеры людей, чтобы они могли быть обходительными и приспособляться к людям, с которыми им приходится иметь дело.

Презрительность. 2. Презрительность, или отсутствие должного уважения, обнаруживающееся во взглядах, словах или жестах, от кого бы это ни исходило, всегда вызывает неприятное чувство: никто не может спокойно переносить пренебрежительное отношение к себе.

Придирчивость. 3. Придирчивость и нахождение недостатков у других являются прямой противоположностью вежливости. Люди — независимо от того, повинны ли они в чем-либо или нет — не желают, чтобы их недостатки выставлялись напоказ, выставлялись на свет, безразлично — перед ними ли самими или перед другими людьми. Клеймо, наложенное на человека, всегда причиняет стыд, и раскрытие или простое приписывание какого-ни-

будь недостатка не переносится им без некоторого неприятного чувства.

Насмешка. Насмешка — это наиболее утонченный способ выставить недостатки других; но так как обычно она облается в остроумную и в приличную словесную форму и, кроме того, развлекает общество, то у людей возникает ошибочно мнение, что в насмешке, если она держится в надлежащих границах, нет ничего невежливого. Поэтому-то такая шутливость разговора допускается в среде лучшего общества, и подобные остряки благосклонно выслушиваются и обычно встречают одобрение в виде смеха присутствующих. Но им следовало бы подумать о том, что увеселение остальной части общества происходит в данном случае за счет того человека, кого выставляют в шутливом свете и заставляют испытывать неприятность, если только то, за что над ним посмеиваются, на самом деле не представляет чего-либо похвального. Ибо в последнем случае забавные образы и представления, из которых складывается шутка, одновременно содержат в себе похвалу и развлечение, и высмеиваемый также получает удовлетворение, принимая участие в общем развлечении. Но так как не всякий способен правильно оперировать этим тонким и щекотливым искусством, в котором малейший промах может все испортить, то я думаю, что те, которые не желают задевать других, особенно молодые люди, должны тщательно воздерживаться от насмешек, которые из-за небольшой ошибки или неправильного оборота речи могут надолго оставить в душе задетого человека воспоминание о том, как его больно, хотя и остроумно, укололи за какую-нибудь предосудительную черту.

Противо речие. Наряду с насмешливостью есть другая форма осуждения, в которой часто проявляется неблаговоспитанность: это — противоречие. Вежливость вовсе не требует от нас, чтобы мы всегда принимали все рассуждения и сообщения, которыми обмениваются в обществе, или проходили мимо всего, что нам приходится услышать. Иногда истина и доброе чувство требуют от нас, чтобы мы выступили против мнения другого или исправили ошибку другого, и это нисколько не противоречит требованию вежливости, если только делается с должной осторожностью и с учетом обстоятельств. Но встречаются люди — всякий может их наблюдать, — которые как бы одержимы духом противоречия и всегда, не взирая на правду или неправду, спорят в обществе с тем или другим, а то и с каждым, что бы те ни говорили. Это настолько очевидная и оскорбительная форма осуждения, что вряд ли найдется человек, который не сочтет себя задетым в подобном случае. Во всяком возражении на слова другого так легко заподозрить осуждение, и оно так редко принимается без некоторого чувства унижения, что высказывать его следует в самой осторожной форме и в самых мягких выражениях, какие только могут быть подысканы; в таких выражениях, которые в сочетании со всем поведением указывали бы на отсутствие желания противоречить. Оно должно сопровождаться всеми знаками уважения и благожелательности, чтобы, выигрывая в споре, мы не теряли и расположения тех, которые слушают нас.

Раздражительность.

4. Раздражительность есть другой недостаток, который является противоположностью вежливости, и не только потому, что он часто толкает на неприличные и обидные выражения и поступки, но также и потому, что раздражение является как бы косвенным обвинением и упреком в какой-то невежливости по адресу тех, против кого мы раздражены. Подобного подозрения или намека никто не примет без неприятного чувства. Кроме того, раздражительный человек расстраивает компанию, и гармония исчезает из-за одной выходки такого сварливого человека.

Так как счастье, к которому так упорно стремятся все люди, заключается в удовольствии, то нетрудно понять, почему деликатный человек нравится больше, чем дельный человек. Я думаю, что способности, искренность и доброе намерение солидного и достойного человека или действительного друга редко компенсируют нас в тех случаях, когда проявления их важности или солидности причиняют нам неприятные чувства. Власть и богатство и даже сама добродетель ценятся лишь постольку, поскольку они ведут нас к счастью. Поэтому плохо рекомендует себя другому в смысле содействия его счастью тот, кто, оказывая ему услуги, делает это в неприятной для него форме. Кто умеет доставлять приятность людям, с которыми он приходит в общение, не унижаясь в то же время до низкой рабской лести, тот обрел истинное искусство жить среди людей и быть желанным и ценным повсюду. Поэтому приучение детей и молодых людей к вежливости должно стоять на первом плане, и делать это нужно с большою тщательностью.

§ 144. Есть еще один недостаток с точки зрения хо-

Церемонность. роших манер: это преувеличенная церемонность, упорное стремление навязывать другому такие достоинства, которых у него нет и которых он не может признать за собою, если он не сумасшедший или бесстыдный человек. Это больше походит на желание выставить человека насмех, чем на желание угодить ему, и по меньшей мере производит впечатление какого-то состязания в превосходстве и в лучшем случае только смущает: поэтому оно не имеет ничего общего с благовоспитанностью, вся цель и назначение которой только и заключается в том, чтобы люди чувствовали себя приятно и получали удовлетворение от общения с вами. Правда, лишь немногие молодые люди подвержены этому недостатку; но если он у них проявляется или можно заметить в них такую склонность, то необходимо им указывать на это и предостерегать их против такой ложно понимаемой вежливости. То, к чему они должны стремиться при общении с людьми, сводится к проявлению уважения, признания и благожелательности, к выражению по отношению к каждому обычной внешней почтительности и подобающего, согласно правилам вежливости, внимания. Вести себя так, не вызывая подозрений в лести, притворстве и низости, — это дело большого умения, которому могут научить лишь здравый смысл, разум и хорошее общество; но это имеет столь большое значение в общении, что стоит этому поучиться.

§ 145. Хотя умение держать себя хорошо в указанном смысле называется благовоспитанностью, как будто бы это было специаль-

мым результатом воспитания, однако, как я уже сказал, не следует чересчур доносить детей в этом отношении; я имею в виду такие требования, как снимать шляпку по установленным правилам, расшаркиваться и т. д. Научите их скромности и благожелательности, если можете, и эти хорошие манеры явятся сами собою; ведь истинная вежливость есть не что иное, как старание не высказывать при общении с людьми ни пренебрежения, ни презрения по отношению к кому бы то ни было. Каковы наиболее употребительные и наиболее ценные способы ее выражения, мы уже говорили выше. Они так же своеобразны и различны в разных странах мира, как и языки этих стран; а потому, если здраво рассуждать, правила и наставления, даваемые на этот счет детям, так же бесполезны и неуместны, как если бы мы стали время от времени сообщать одно-два правила испанского языка тому, кто возвращается только среди англичан. Беседуйте сколько угодно с вашим сыном о вежливости, но каково будет его общество, таковы будут его манеры. Читайте сколько хотите лекции хлебопашцу, вашему соседу, который ни разу не выезжал за пределы своего прихода, — он останется по речи и манерам таким же придворным, каким был раньше, т. е. ни в том ни другом отношении он не сделается учтивее тех, среди которых он постоянно возвращается. Поэтому единственное, о чем следует в этом отношении позаботиться, это — когда ребенок подрастет, взять для него воспитателя, который сам должен быть хорошо воспитанным человеком. Да в сущности, говоря по правде, если дети не делают ничего из упрямства, гордости или дурного нрава, уже вовсе не так важно, как они снимают шляпу или расшаркиваются. Если вы можете научить их любить и уважать других людей, то они найдут, когда этого потребует их возраст, способы для выражения этих чувств в приятной для всех форме, в тех манерах, к которым они приучались. Что же касается телодвижений и манеры держаться, то, как я уже сказал, учитель танцев в свое время научит их тому, что требуется в этом отношении. А до тех пор, пока они еще малы, никто не ждет от детей повышенного внимания к этим церемониям; беспечность допускается в этом возрасте, она так же приличествует детям, как учтивость взрослым людям; и если очень требовательные люди усмотрят в этом недостаток, то, по моему убеждению, это, по меньшей мере, такой недостаток, на который следует смотреть сквозь пальцы, и исправление которого надо предоставить времени, воспитателю и обществу. Поэтому я и думаю, что вам не стоит из-за этого мучить или бранить своего сына (как это часто, по моим наблюдениям, делают с детьми); только в тех случаях, если в его поведении проявляется гордость или дурной нрав, нужно исправлять его, действуя убеждением или пристыживанием.

Хотя и не следует доносить детей, пока они малы, правилами и церемониальной частью воспитания, однако есть один род невежливости, который может развиваться вместе с ростом детей, если не помешать этому в ранние годы; это — страсть прерывать других во время речи, останавливать говорящего каким-нибудь возражением. Не знаю — обычай ли диспутов или репутация талантливости и учености, которую обыкновенно доставляет искусство диспутирования (как будто это единственное мерило и доказательство знания), раз-

вивают в молодых людях эту преувеличенную склонность при первом же случае и поводе поправить другого в его речи и блеснуть собственными талантами; но во всяком случае, как я убедился, в этом отношении особенно часто вызывают порицание школьники. Нет большей грубости, чем перебивать другого во время его речи; ибо если это не несносная глупость — отвечать другому, еще не зная, что он хочет сказать, то, во всяком случае, оно равносильно недвусмысленному заявлению, что нам надоело слушать говорящего, что мы пренебрегаем его мнением и, считая его неинтересным для общества, желаем, чтобы он выслушал нас, имеющих сказать нечто достойное его внимания. Это свидетельствует о большом неуважении, которое не может не быть оскорбительным. Между тем такой результат почти всегда получается при перебивании. Если же, как обычно бывает, к этому присоединяется исправление какой-либо ошибки или противоречие тому, что было сказано, то оно становится проявлением еще большей гордости и самомнения, поскольку мы таким образом навязываемся в учителя и берем на себя исправлять рассказ другого или показать ошибки в его суждении.

Я не хочу этим сказать, что, по-моему, не должно быть никакого расхождения мнений при общении людей и никаких возражений в разговорах: это значило бы уничтожить величайшую пользу, которую приносит общение вообще и в частности компания умных собеседников, где вопрос освещается противоположными аргументами способных людей, аргументами, которые выявляют различные стороны предмета и различные аспекты; эти возможности были бы совершенно упущены, если бы каждый был обязан только соглашаться и поддакивать тому, кто говорил первый. Мои соображения направлены не против самого высказывания кем-либо своего разногласия с другим, а против формы, в которой оно высказывается. Молодых людей нужно учить, чтобы они не вмешивались в разговор со своим мнением, если их не спрашивают и пока другие не высказались и не замолчали; но и в этом случае чтобы высказывались, лишь ставя вопросы, а не поучая. Они должны избегать категорических утверждений и учительского тона и скромно, как ученики, задавать свои вопросы, пользуясь случаями общей паузы.

Эта подобающая их скромность не оставит в тени их способности и не ослабит силу их разума, но обеспечит им более благосклонное внимание и придаст больший вес их высказываниям. Слабый аргумент или ординарное замечание, высказанные в такой форме, предваренные выражением признания и уважения к мнению других, доставят молодому человеку больше похвалы и одобрения, чем самое едкое остроумие или самая глубокая ученость, сочетающиеся с грубой, назойливой и шумной манерой, что всегда шокирует слушателей; у последних всегда остается о таком человеке дурное мнение, даже в том случае, если он своими аргументами заслужил лучшего.

Итак, нужно тщательно следить за проявлениями этого недостатка у молодых людей, останавливать их при первом его проявлении и прививать им противоположную привычку, которой они бы держались во всех случаях общения с людьми. Это тем более необходимо, что страсть говорить, часто перебивать другого в споре и вести спор в

повышенном тоне слишком часто можно наблюдать среди взрослых людей, даже принадлежащих к высшему обществу. Индейцы, которых мы называем варварами, соблюдают в своих разговорах и беседах гораздо больше пристойности и вежливости: они выслушивают собеседника в полном молчании, пока тот не закончит совершенно свою речь, и уже затем отвечают спокойно, без шума и страсти. И если не так обстоит дело в нашей цивилизованной части света, то мы должны это приписать небрежности воспитания, которое еще не искоренило в нас этого пережитка древнего варварства. Скажите, разве это не было забавное зрелище, когда в одном случае две знатные дамы с двух противоположных сторон зала, кругом которого сидели гости, затеяли спор и, все более возбуждаясь в пылу его и постепенно сближая свои стулья, очень скоро совсем сошлись вместе посредине зала, яростно продолжая при этом свой порядочно затянувшийся диспут, похожие на двух бойцовых петухов, не обращая никакого внимания на окружающих, которые не могли удержаться от улыбки. Это мне рассказала одна знатная особа, присутствовавшая при этом бое и не преминувшая отметить, до какой непристойности доводит людей горячность в споре; этому недостатку, который, благодаря подражанию, получил слишком большое распространение, воспитание должно уделять самое большое внимание. Всякий осуждает его в других, но обыкновенно не замечает его у себя; а многие, сознавая за собой этот недостаток, хотя и борются с ним, но не могут избавиться от него, так как небрежное воспитание позволило ему превратиться в привычку.

Общество. § 146. Сказанное выше относительно общества, если это хорошо продумать, откроет, быть может, перед нами более широкую перспективу и покажет, что влияние общества идет значительно дальше. Та печать, которую накладывает на человека общение с другими людьми, выражается не в одних только формах вежливости: влияние среды идет глубже этой внешней стороны; и если дать правильную оценку нравственности и религиям мира, мы, возможно, открыли бы, что подавляющее большинство человечества даже те взгляды и обряды, за которые оно готово положить свою жизнь, восприняло скорее из обычаев своих стран и из постоянной практики окружающих людей, чем из доводов своего разума. Я говорю это лишь с целью показать вам, какое большое значение имеет, по моему мнению, общество для вашего сына во всех сторонах его жизни и как тщательно, поэтому, следует взвешивать и учитывать этот фактор, оказывающий на него более сильное влияние, чем все другое, что вы в состоянии делать.

Учение. § 147. Вы, может быть, удивитесь, что я ставлю учение на последнем месте, особенно, если я скажу вам, что придаю ему наименьшее значение. Это может показаться странным в устах книжного человека и тем более похожим на парадокс, что обычно главным образом вопрос об учении вызывает оживленнейшее обсуждение, когда речь идет о детях, и почти только этот вопрос и имеется в виду, когда люди говорят о воспитании. Когда я размышляю о том, сколько шума идет вокруг вопроса о маленькой дозе латыни и греческого языка, сколько лет тратится на ее усвое-

ние и сколько бесплодных забот и хлопот на это уходит, то я едва могу удержаться от мысли, что родители детей продолжают жить под страхом розги школьного учителя, в которой они видят единственное орудие воспитания, как будто вся цель последнего заключается в изучении одного-двух языков. Ибо иначе — как был бы возможен тот факт, что детей держат прикованными к скамье в течение семи-восьми или десяти лучших лет их жизни ради усвоения одного или двух языков, которые, как мне думается, можно было бы усвоить с гораздо меньшей затратой труда и времени и изучить почти играючи.

Поэтому — простите меня — но я не могу спокойно думать о том, что молодого джентльмена считают необходимым втолкнуть в общее стадо и затем погонять его розгой и плеткой из класса в класс, как бы сквозь строй, ради того, чтобы он «приобрел интеллектуальную культуру» («ad capiendam ingenii cultum»). Как же, скажете вы, по-вашему, он не должен уметь читать и писать? Неужели он должен быть невежественнее нашего приходского пономаря, который Гопканиса и Стернхольда²⁶ считает лучшими поэтами в мире, да к тому же своим плохим чтением превращает их в нечто худшее, чем они есть на самом деле?

Не торопитесь, пожалуйста. Читать и писать, обучать наукам — все это я признаю необходимым, но не главным делом. Я думаю, что вы сочтете совершенным глупцом того, кто добродетельного или мудрого человека не поставит бесконечно выше большого ученого. Я во все не отрицаю, что обучение наукам очень способствует развитию и добродетели и мудрости в людях с хорошими духовными задатками, но необходимо также согласиться с тем, что в других людях, не имеющих таких задатков, оно ведет лишь к тому, что они становятся еще более глупыми и дурными людьми. Я говорю это с тем, чтобы вы, размышляя о воспитании вашего сына и подыскивая для него учителя или воспитателя, не имели в своих мыслях только латынь и логику. Обучать мальчика нужно, но это должно быть на втором плане, только как вспомогательное средство для развития более важных качеств. Ищите человека, который знал бы, как можно благоразумно сформировать характер мальчика; отдайте его в такие руки, которые смогут, в пределах возможного, охранить его невинность, любовно поддерживать и развивать в нем хорошие начала, мягкими приемами исправлять и искоренять все дурные наклонности и прививать ему хорошие привычки. Это самое главное; и если вы хорошо позаботитесь об этом, то к этому можно присоединить также и учение, осуществляя это, как мне думается, наиболее легким путем с помощью методов, которые мы обсудим ниже.

Чтение. § 148. Когда ребенок умеет говорить, можно уже начать учить его читать. Но по этому поводу позвольте мне здесь снова напомнить о том, что слишком легко забывается, а именно: необходимо всячески заботиться о том, чтобы учение никогда не превращалось в обязательную для него работу, чтобы ребенок не смотрел на это как на задание. Как я уже сказал, мы, по природе своей, с самой колыбели любим свободу и поэтому питаем отвращение ко многим вещам только потому, что они нам предписываются. Я всегда держался того взгляда, что учение можно превратить в игру

и развлечение для детей и что можно внушить им желание учиться, если привлекать их к учению как к делу чести и славы, если преподносить его как удовольствие и развлечение, как награду за исполнение чего-то другого, и никогда не бранить и не наказывать их за пренебрежение учением. В этом убеждении меня укрепляет пример португальцев, у которых дети учатся чтению и письму с таким увлечением и чувством соревнования, что их невозможно удержать от этого занятия; они учатся друг у друга и с такой настойчивостью, как будто это им запрещалось. Припоминаю, как, будучи в доме одного моего друга, младшего сына которого, тогда малого ребенка, трудно было засадить за книжку (его учила читать дома мать), я посоветовал не требовать этого от него в качестве обязательного занятия, а испытать другое средство: и вот мы нарочно в его присутствии, но не обращая на него внимания, завели между собой разговор о том, что быть учеными — это привилегия и преимущество наследников и старших братьев; что это делает их утонченными джентльменами, пользующимися общей любовью; и что по отношению к младшим братьям является уже милостью то, что их воспитывают; обучение чтению и письму есть уже нечто большее того, что им полагается; если это им нравится, пусть остаются грубыми и неотесанными людьми. Это так подействовало на мальчика, что он сейчас же пожелал учиться и не оставлял в покое свою няню, раньше чем она выслушает его урок. Я не сомневаюсь, что подобный прием может быть использован и в отношении других детей и что, изучив их характер, мы можем внушить им некоторые мысли, которые возбуждают в них охоту учиться и заставят их добиваться учения как своего рода игры и отдыха. Но при этом, как я уже раньше говорил, никогда не следует возлагать на них учение в виде какого-то задания или превращать это в предмет доуки. Чтобы научить детей азбуке в процессе игры, можно пользоваться костями и игрушками с надписанными на них буквами; можно придумать еще двадцать приемов, применительно к особенностям характера каждого, чтобы обращать этот метод обучения в развлечение для ребенка.

§ 149. Так можно, незаметно для них, ознакомить детей с буквами и научить их читать, пользуясь методом, при котором они находили бы в этом только развлечение и, играя, усваивали бы то, чему других детей учат с помощью розги. На детей не следует возлагать ничего, похожего на работу, никакого серьезного дела: они не в состоянии вынести это ни душевно, ни физически. Это только приносит вред их здоровью; и я не сомневаюсь, что многие возненавидели книги и учение на всю жизнь именно потому, что их пытались силой засадить за книгу в том возрасте, который не выносит такого принуждения: это подобно пресыщению, после которого остается неустранимое отвращение.

§ 150. Так я пришел к мысли, что, приспособляя для этой цели детские игрушки, которые обыкновенно ни к чему не служат, можно при помощи разных уловок обучать детей чтению таким образом, чтобы они думали, что только играют. Можно, например, сделать шар из слоновой кости вроде тех, которые применяются в лотерее королевского дуба²⁷, с 32 гранями или, еще лучше, с 24 или 25 гра-

нями, и на одних гранях нарисовать А, на других В, на третьих С, на четвертых Д. Я бы предложил начинать только с этих четырех букв (а, может быть, для начала достаточно и двух) с тем, чтобы только после того, как ребенок вполне их усвоит, добавлять другие, продолжая так до тех пор, пока каждая грань не будет иметь по одной букве и на шаре не составится весь алфавит. Затем я предложил бы, чтобы эту игру вели другие в присутствии ребенка: эта игра, если делать ставку на то, кто первый выкинет букву А или В, не менее занимательна, чем игра в кости, в которой выигрывает выбирающий шестерку или семерку. Ведя эту игру между собой, не пытайтесь привлекать к ней ребенка, чтобы этим не превратить ее в обязательное занятие: пусть он думает, что это игра только для взрослых, и тогда, я не сомневаюсь, он сам захочет поиграть в нее. А для того чтобы у него было лишнее основание считать, что это такая игра, к которой его допускают изредка из расположения к нему, прячьте по окончании игры шар в надежде и недоступное для него место; иначе он, получив возможность отдаваться этой игре в любое время, может потерять к ней вкус.

§ 151. Чтобы поддержать в ребенке рвение к этой игре, внушите ему мысль, что она составляет привилегию взрослых. А после того как он ознакомится таким путем с азбукой, он сможет, комбинируя буквы в слоги, незаметно для себя, и научиться читать, ни разу притом не подвергшись ни брани, ни другим неприятностям и не получая отращения к книгам из-за сурового обращения и мучений, которым он мог бы из-за них подвергаться. Если вы наблюдаете за детьми, то вы можете убедиться, что они берут на себя огромный труд, чтобы научиться некоторым играм, которые вызывали бы у них только отвращение, если бы они навязывались им, как обязательное занятие.

Я знаю одного очень знатного человека (еще больше заслуживающего уважения за свою ученость и добродетель, чем за свой сан и высокое положение), который, наклеив на шести гранях игрального куба шесть гласных букв (ибо в нашем языке У является гласной) и на гранях трех других кубов восемнадцать согласных, устроил из этого следующую игру для своих детей: кто выбросит зараз наибольшее количество слов на четырех кубах, тот выигрывает. Таким способом его старший сын — ребенок, еще носивший детское платьице, — научился, играя, читать по складам, проявляя большое рвение и ни разу не подвергшись брани или принуждению.

§ 152. Я видел маленьких девочек, которые целыми часами упражнялись, затрачивая большой труд, в игре в «камешки», как они ее называют. Глядя на них, я думал, что недостает только какой-нибудь удачной выдумки, чтобы заставить их направить все свое рвение на что-нибудь более полезное для них; и, по моему мнению, только ошибкой и небрежностью взрослых можно объяснить, что этого не делается. Дети гораздо менее склонны к лени, чем взрослые; и если некоторая часть этого деятельного настроения не направляется на полезные вещи, то в этом винить следует взрослых: полезные вещи могли бы стать для них не менее приятными, чем те, которыми они обычно занимаются, если бы взрослые хотя вполнину проявляли

такую же готовность указывать им путь, с какой эти маленькие обезьяны стали бы следовать за ними. Я представляю себе, что какие-нибудь мудрые португальцы некогда ввели этот прием среди детей своей страны, где, как мне говорили (об этом я уже упоминал), невозможно удержать детей от занятий чтением и письмом; а в некоторых местах Франции дети с колыбели учат друг друга петь и танцевать.

§ 153. Буквы, наклеиваемые на сторонах игральных костей или многогранника, лучше всего брать того же размера, что в библии *in folio*²⁸, притом без прописных букв; коль скоро ребенок научится читать напечатанное этими буквами, он через недолгое время научится и прописным; вначале же не следует его путать разнообразием. С такими же костями вы можете также устроить игру, совершенно похожую на «королевский дуб», что явится новой вариацией; можно играть и на вишни, яблоки и т. д.

§ 154. Кроме упомянутых выше, можно изобрести еще двадцать других игр, основанных на буквах: тот, кому нравится этот метод, без труда придумает их и пустит их в ход. Но упомянутые выше игральные кости я считаю настолько простыми и полезными, что трудно найти что-нибудь лучшее; да и вряд ли в этом окажется необходимость.

§ 155. Вот все, что я имею сказать об обучении ребенка чтению. Никогда не следует при этом применять ни принуждения, ни брани; втягивайте его в чтение, если можете, обманом, но не делайте из этого обязательное для него занятие. Лучше ему научиться читать годом позже, чем получить в результате подобного метода отвращение к учению. Если вам приходится ссориться с ним, то пусть это будет в важных делах, из-за правды и добронравия; но не принуждайте его заниматься азбукой. Используйте свое искусство для того, чтобы сделать его волю уступчивой и податливой разуму: учите его любить добрую репутацию и похвалу, бояться дурного и низкого мнения о нем, особенно с вашей стороны и со стороны матери, и тогда все остальное будет достигнуто без большого труда. Но если вы хотите этого добиться, вы не должны его связывать и ограничивать правилами в безразличных вещах или выговаривать ему за каждый незначительный проступок, хотя бы другим этот проступок показался важным. Но об этом я уже говорил.

§ 156. Когда в результате этих мягких приемов ребенок начнет читать, дайте ему в руки какую-нибудь легкую и занимательную книгу, доступную его пониманию, содержание которой могло бы увлечь его и вознаградить за труд, потраченный на чтение; но во всяком случае не такую, которая набила бы ему голову совершенно бесполезным хламом или заложила бы в нем начала порока и неблагоразумия. Для этой цели лучше всего могут, по моему мнению, служить басни Эзопа²⁹, так как эти рассказы, пригодные для того, чтобы позабавить и заинтересовать ребенка, в то же время способны навести на полезные размышления даже взрослого человека; и если он запомнит их на всю свою жизнь, он не пожалеет, если они будут лежать в его памяти рядом с зрелыми мыслями и с серьезными делами. Если его Эзоп снабжен картинками, он еще более его заинте-

ресует и поощрит к чтению, расширяя вместе с тем его знания; ибо когда детям о предметах зрительного восприятия только рассказывают, то это и бесполезно и не удовлетворяет их, пока у них нет никакого представления об этих предметах; ибо эти представления могут создаваться не звуками, а самими предметами непосредственно или их изображениями. Поэтому я считаю, что, как только ребенок начнет читать по складам, нужно давать ему возможно побольше картинок, изображающих животных, с напечатанными на них названиями: это будет одновременно побуждать его к чтению и давать ему материал, возбуждающий любознательность и обогащающий знанием. Другой книгой, которая, по моему мнению, может быть использована для той же цели, является «Рейнеке-Лис»³⁰. А если лица, окружающие ребенка, будут часто беседовать с ним о прочитанных им рассказах и выслушивать его пересказы, то, помимо других положительных результатов, это еще больше поощрит и приохотит его к чтению, поскольку он убедится, что оно приносит известную пользу и развлечение. Такими приманками, видимо, совершенно пренебрегают при обычном методе, и обыкновенно проходит много времени, прежде чем учащиеся находят какую-нибудь пользу или удовольствие в чтении, которые могли бы поощрить их; поэтому они видят в книгах лишь модное развлечение или несносную доuku, ни к чему не нужную.

§ 157. Молитву господню, символ веры и десять заповедей ребенок должен твердо выучить наизусть, но, как мне думается, не путем самостоятельного чтения по молитвеннику, а со слов кого-либо другого, и даже до того, как он научился читать. Однако смешивать заучивание наизусть и обучение чтению, по моему мнению, не следует, чтобы одно не мешало другому. Обучение чтению нужно сделать, насколько возможно, мало похожим на трудное и обязательное занятие.

Не знаю, какие еще имеются книги на английском языке, вроде вышеупомянутых, которые могли бы понравиться детям и поощрять их к чтению; но я склонен думать, что вследствие господства в деле воспитания детей школьных методов, ориентированных на то, чтобы принуждать их к учению страхом розги, а не привлекать к занятиям удовольствием, получаемым от него, такого рода полезные книги теряются среди массы всяких глупых книг и остаются в пренебрежении; насколько мне известно, из этой категории книг только и ценятся, что обычные *Норт-бук*³¹, молитвенник, псалтирь, Новый завет и библия.

§ 158. Что касается библии, которой обычно заставляют детей заниматься ради упражнения и усовершенствования их способности к чтению, то я думаю, что сплошное чтение ее — без разбора, подряд, глава за главой — настолько лишено какой бы то ни было пользы для детей и в смысле усовершенствования их в чтении, и в смысле утверждения основы их религии, что хуже этого, пожалуй, и не придумать. Ибо какое удовольствие или поощрение может ребенок получать, упражняясь в чтении тех частей книги, в которых он ничего не понимает? И в какой мере могут соответствовать умственному уровню ребенка законы Моисея, Песнь Соломона и пророчества Вет-

хого завета, Послания и Апокалипсис Нового завета? История евангелистов и Деяния, хотя и несколько легче, в целом, однако также очень мало соответствуют детскому пониманию. Я согласен, что принципы религии нужно извлекать отсюда и притом выраженные словами писания; но ребенку не нужно предлагать ничего такого, что не соответствует его способностям и понятиям. Это далеко не означает еще необходимости читать всю библию подряд и притом ради самого чтения. К тому же, какая должна получиться в голове ребенка несуразная путаница мыслей относительно религии, — если вообще такие мысли у него могут возникнуть, — когда он читает в своем нежном возрасте всю библию подряд, как слово божие, не делая никаких различий. Я склонен думать, что это именно и было настоящей причиной того, что некоторые люди всю жизнь не имели ясных и определенных идей о религии.

§ 159. Раз я уже коснулся этого предмета, то позвольте мне сказать, что некоторые места Писания могут оказаться подходящими для того, чтобы приохотить ребенка к чтению. Таковы история Иосифа и его братьев, Давида и Голиафа, Давида и Ионафана и т. п., а также другие места, которые следовало бы давать ему читать ради поучения, например: «Как вы желали бы, чтобы другие поступали с вами, так и сами поступайте по отношению к другим»; а также другие подобные доступные и ясные моральные правила, которые, если их надлежащим образом выбрать, могут быть использованы и для чтения, и для наставления. Пусть он перечитывает их часто, пока они не запечатлеются крепко в памяти; впоследствии же, когда он станет старше и созреет для их понимания, можно будет в подходящих случаях напоминать ему о них, как о твердых священных правилах жизни и поведения. Чтение же всей библии без разбора я считаю совершенно неподходящим занятием для детей, если это делается раньше, чем они ознакомились с наиболее ясными и основными частями ее и получили нечто вроде общего представления о том, чему они должны главным образом верить и следовать в жизни; причем это представление они должны, по моему мнению, воспринять в подлинных выражениях Писания, а не в тех выражениях, которые склонны применять и навязывать им люди, находящиеся во власти систем и аналогий. Чтобы избежать этого, доктор Уорингтон³² составил катехизис, в котором все ответы даны точными словами Писания. Это — пример, достойный подражания, и настолько здравая форма изложения, что ни один христианин не может отвергнуть ее как непригодную для обучения его сына. После того как ребенок заучит наизусть молитву господню, исповедание веры и заповеди, ему полезно будет заучивать из такого катехизиса каждый день или каждую неделю по одному вопросу, насколько его разум способен воспринять их и память удержать. А после того как он основательно усвоит на память этот катехизис, настолько, чтобы сразу и гладко отвечать на любой вопрос из этой книги, может быть, уместно внедрить в его душу все остальные нравственные правила, рассеянные в разных местах библии; это явится лучшим упражнением памяти и, кроме того, даст ему готовое руководство на всю жизнь.

§ 160. Когда ребенок уже умеет хорошо читать по-английски, пора приступить к обучению его письму. Для этого следует раньше всего научить его правильно держать перо; и только после того, как он полностью освоится с этим, можно позволить ему приложить перо к бумаге. Ибо не только детей, но и любого человека, желающего научиться делать что-либо хорошо, никогда не следует заставлять делать сразу слишком много или одновременно совершенствоваться в двух частях какого-либо процесса, когда этот процесс может быть расчленен. Я считаю наилучшим итальянский способ держать перо только между большим и указательным пальцами; но относительно этого вы можете посоветоваться с каким-нибудь хорошим учителем чистописания или каким-либо другим лицом, умеющим писать хорошо и быстро. Когда ребенок научится правильно держать перо, следует показать ему, как он должен класть перед собой бумагу и какое положение придать своей руке и телу. Когда он овладеет этими приемами, можно без больших затруднений научить его писать, доставши доску с вырезанными на ней буквами такой формы, какая вам больше всего нравится; но вы должны помнить, что буквы должны быть значительно крупнее тех, которыми он должен будет писать обычно; ибо у каждого человека почерк естественно и постепенно становится мельче по сравнению с тем, с которого он начал, но никогда не становится крупнее. С такой выгравированной доски нужно сделать оттиски на нескольких листах хорошей бумаги красными чернилами, и обучающемуся остается только обводить буквы хорошим пером, обмокнутым в черные чернила. Если предварительно показать ему, откуда начинать и как обводить каждую букву, его рука быстро освоится с формами этих букв. Когда он научится хорошо обводить буквы, он должен перейти к упражнениям на чистой бумаге. Таким методом вы легко можете научить его писать любым почерком по вашему желанию.

§ 161. Когда ребенок научился писать хорошо и быстро, я считаю целесообразным не только продолжать его упражнения в письме, но и развить эту практику письма дальше — в умение рисовать: это умение во многих случаях оказывается для джентльмена очень полезным, особенно, если он путешествует; ибо оно часто помогает человеку несколькими удачно скомбинированными линиями выразить то, чего не передаст и не сделает понятным целый лист исписанной бумаги. Сколько зданий может увидеть человек, сколько машин и костюмов, образ которых можно воспроизвести и передать другим при небольшом умении рисовать! Между тем, если передать их словами, то даже при самом точном описании рискуешь вовсе утратить эти представления или, в лучшем случае, сохранить их в искаженном виде. Я не хочу сказать, что ваш сын должен быть настоящим живописцем; чтобы стать таковым хотя бы в сколько-нибудь приемлемой степени, от юного джентльмена потребовалось бы больше времени, чем он мог бы урвать от других более важных занятий. Но ознакомиться с перспективой и искусством рисования настолько, чтобы сносно воспроизводить на бумаге любой предмет, который видишь, за исключением лиц, можно, мне думается, в короткое время; особенно, если у него

есть к этому способность. Но все, к чему у него нет способностей, — за исключением вещей абсолютно необходимых, — лучше спокойно оставить в стороне, чем бесцельно мучить его: в данном случае, как и во всех других случаях отсутствия безусловной необходимости, имеет силу правило: «ничего против воли Минервы» («Nil invita Minerva³³»).

Скоропись.

Скоропись (искусство, как мне говорили, известное только в Англии)³⁴, пожалуй, заслуживает изучения ради двух целей: для более быстрого записывания того, что мы хотим сохранить для своей памяти, и для зашифровки того, что мы хотели бы скрыть от чужого глаза. Кто усвоил уже какой-либо способ письма, легко может его изменять для своего личного применения или по своей фантазии и вносить в него сокращения, соответствующие той практической области, в которой он будет ими пользоваться. Система мистера Рича — наиболее удачно придуманная из всех, с которыми я знаком — может, думается мне, быть значительно сокращена и упрощена всяким, кто хорошо знает и принимает в соображение грамматику. Но для изучения этого способа сокращенного письма не зачем торопиться с поисками учителя; мальчик не опоздает, если займется этим в любой момент, когда представится благоприятный случай, но при том только условии, если рука его уже хорошо тренирована в четком и быстром письме. Ибо мальчикам редко приходится прибегать к скорописи, и они ни в коем случае не должны заниматься ею раньше, чем научатся писать хорошо и приобретут основательный навык.

Французский язык.

§ 162. Как только мальчик научился говорить по-английски, пора ему начать учиться какому-либо другому языку: ни у кого не возникает сомнений, когда в качестве такого языка предлагается французский язык. Причина лежит в том, что все свыклись с правильным методом обучения этому языку: он заключается в усвоении детьми языка из постоянных разговоров, а не с помощью грамматических правил. Этим же методом было бы легко обучать и латинскому языку, если бы воспитатель, всегда находясь с учеником, обращался к нему только на этом языке и заставлял бы его всегда отвечать на нем же. Но так как французский язык — живой язык и больше употребляется в разговоре, то ему нужно учиться раньше для того, чтобы его гибкие органы речи могли приучиться к правильному образованию его звуков и мальчик усвоил бы хорошее французское произношение; чем дальше откладывать обучение, тем оно становится труднее.

Латинский язык.

§ 163. Когда мальчик уже хорошо говорит и читает по-французски (что при указанном методе обучения достигается обычно в один или два года), он может перейти к латинскому языку; странно только то, что родители, имея перед собой опыт с французским языком, не считают нужным обучать детей латыни тем же методом разговора и чтения. Нужно только позаботиться о том, чтобы мальчик за то время, что он обучается этим иностранным языкам, читая и разговаривая с воспитателем только на этих языках, не забыл читать по-английски. Это можно предупредить тем, чтобы он ежедневно в присутствии матери или

кого-либо другого читал вслух избранные места из библии или другие английские книги.

§ 164. Латынь я считаю для джентльмена абсолютно необходимой: действительно, благодаря обычаю, который преобладает над всем, латынь сделалась настолько важной частью воспитания, что ее вколачивают в детей при помощи порки и заставляют их тратить на нее много мучительных часов своего драгоценного времени, даже тех детей, которым, по выходе из школы, никогда в жизни не придется больше иметь с ней дело. Может ли быть что-нибудь смешнее того, что отец тратит свои деньги и время сына, заставляя его изучать язык римлян, в то же время предназначая его для профессии, в которой тот не найдет для своей латыни никакого применения? Ведь он забудет в этих условиях и то немногое, что он вынес из школы и к чему он — можно в том поручиться десятию против одного — питает отвращение из-за тех мучений, которые оно ему доставило. И если бы не имелись среди нас на каждом шагу подобного рода примеры, то разве можно было бы поверить, что ребенка заставляют учиться начаткам языка, которым он никогда не будет пользоваться на предназначенном для него жизненном поприще, и в то же время пренебрегают чистописанием и счетоводством, которые приносят большую пользу во всяких условиях жизни, а для большинства профессий абсолютно необходимы.

Но хотя эти знания, требующиеся для промышленности и торговли и вообще для деловых занятий в реальном мире, редко или никогда не приобретаются в филологических школах, тем не менее не только джентльмены посылают в эти школы своих младших сыновей, предназначенных для торгово-промышленной деятельности, но туда отдают своих детей также торговцы и фермеры, хотя они не имеют ни намерения, ни возможности сделать из них ученых. Если вы спросите их, почему они это делают, они сочтут такой вопрос столь же странным, как если бы вы спросили их, почему они ходят в церковь. Здесь обычай заменяет разум и настолько освятил этот метод в глазах тех, кто принимает обычай за разум, что они почти религиозно его соблюдают и крепко держатся за него, как будто их дети получают неправое воспитание, не заучив грамматики Лилли.

§ 165. Но если латынь для одних необходима и ее считают также необходимой для других, которым она совершенно не нужна и бесполезна, то, во всяком случае, я не могу, после некоторых размышлений, одобрить метод преподавания ее в филологических школах. Доводы против этого метода настолько очевидны и убедительны, что побудили нескольких благоразумных лиц отказаться от обычного пути и не без успеха применить другой метод, хотя и не совсем совпадающий с тем, который я считаю самым легким и который, коротко говоря, заключается в следующем: вовсе не мучить ребенка грамматикой, а учить его латыни, как учили его английскому языку, именно — разговорным методом, и не мучая его никакими правилами. Ведь если поразмыслить, то новорожденному ребенку английский язык так же незнаком, как латинский; между тем английскому он научается без учителя и без правил грамматики; если бы при нем находился человек, с которым он мог бы постоянно разговаривать

на латинском языке, он мог бы тем же способом научиться и этому языку, как научился ему Туллий³⁵. Если мы видим, как французка научает английскую девочку говорить и читать по-французски в один-два года, не прибегая ни к каким грамматическим правилам или к каким-либо другим приемам, а лишь болтая с ней, то я могу лишь удивляться, что джентльмены упускают этот метод для сыновей, как будто считая их более тупыми и менее способными, чем своих дочерей.

§ 166. Итак, если вы могли бы найти человека, который, умея сам говорить по-латыни, постоянно находился бы при вашем сыне, всегда говорил бы с ним и разрешал бы ему говорить и читать только на этом языке, то это было бы верным и настоящим способом, который я бы рекомендовал как самый легкий и наилучший; ибо этим путем ребенок без труда и не подвергаясь брани, усвоит язык, из-за которого других детей семь-восемь лет подряд секут в школах; но, помимо того, этот метод позволяет одновременно формировать ум и манеры ребенка и вдобавок сообщать ему сведения из различных областей знания, например, значительную часть географии, астрономии, хронологии, анатомии, кроме того, некоторые части истории и сведения из всех остальных отраслей знания о вещах, доступных внешним чувствам и требующих лишь немного большего, чем память. Ибо если идти правильным путем, то здесь именно и начинается наше знание, и фундамент нашего знания складывается из этих вещей, а не из отвлеченных понятий логики и метафизики, которые более способны доставлять забаву, чем обогащать наш разум сведениями с того момента, когда он впервые начинает их искать. Занявшись некоторое время этими абстрактными спекуляциями и не добившись ни успеха, ни пользы, которых они ожидали, молодые люди готовы прийти к низкому мнению о науке или о себе самих; у них является пожелание прекратить занятия и забросить свои книги, в которых нет ничего, кроме трудных терминов и пустых звуков; или же сделать вывод, что если в этих книгах и содержится реальное знание, то им не хватает интеллектуальных способностей для его усвоения. Что это так, я, пожалуй, мог бы убедить вас, ссылаясь на свой личный опыт. В число предметов, которым молодой джентльмен должен учиться при пользовании указанным методом, пока другие его сверстники целиком заняты латынью и другими языками, я бы включил также геометрию: я знаю одного молодого джентльмена, воспитанного приблизительно таким образом, который умел доказывать некоторые теоремы Евклида³⁶, не достигши еще тринадцати лет.

§ 167. Но если вы не можете найти такого человека, который хорошо говорит по-латыни, и, будучи вместе с тем способен просветить вашего сына в упомянутых областях знания, взялся бы выполнять эти задачи указанным методом, то наилучшей заменой последнего был бы следующий способ обучения, наиболее к нему близкий: выберите какую-нибудь легкую и занимательную книгу, вроде басен Эзопа, выпишите английский перевод (возможно более буквальный) в одной строке, а все латинские слова, соответствующие английским, в точно соответствующем месте в верхней строке. Пусть учащийся

каждый день многократно перечитывает их до тех пор, пока основательно не освоится с латинским текстом басни; потом пусть займется другой басней, также до полного ее усвоения, не оставляя, однако, ранее заученного, а время от времени пересматривая его, чтобы закрепить в своей памяти. Когда же он перейдет к письму, пусть переписывает их, что, кроме упражнения в письме, также подвинет его в изучении латыни. Это менее совершенный метод, чем разговорный способ обучения латинскому языку, и для усвоения духа и характера этого языка, который изменяет значение глаголов и существительных не посредством префиксов, подобно современным языкам, а путем изменения последних слогов, необходимо будет основательно заучивать глагольные формы, а затем склонение существительных и местоимений. Большие познания в грамматике, я думаю, пока ему не нужны, до тех пор, пока он не научится читать самостоятельно *Sanctii Minerva* с примечаниями Сциоппия и Перизония³⁷.

Кроме того, я считаю необходимым при обучении детей соблюдать еще следующее правило: когда они становятся перед чем-либо втупик, в большинстве случаев не следует усиливать их затруднения, заставляя их самих выпутываться из положения, например, предлагая вопросы вроде: как будет именительный падеж? — в предложении, которое они должны составить. Или задавать вопрос: что значит *aufere*? — с целью навести на значение слова *abstulere*³⁸ и т. п., когда они не могут правильно ответить на этот вопрос. Это значит только тратить время на сбивание их с толку, в то время как нужно, пока они учатся и занимаются прилежно, поддерживать в них хорошее настроение и делать каждую вещь насколько возможно легкой и приятной для них. Поэтому всякий раз, когда они останавливаются в затруднении и хотят из него выйти, помогайте им сейчас же преодолеть это затруднение, не делая ни выговора, ни упрёка. Помните, что более грубые приемы имеют своим единственным источником тщеславие и сварливость учителя, ожидающего, что дети сразу усвоят все, что он сам знает, тогда как ему скорее следовало бы думать о том, что его дело насаждать в них привычки, а не вдавливать сердито правила, которые приносят нам в жизни мало пользы и во всяком случае никакой пользы не приносят детям, забывающим их сейчас же после того, как вы им их дали. Я не стану отрицать, что в науках, значение которых заключается в упражнении их разума, этот метод может иногда меняться и что там можно умышленно создавать трудности с целью возбудить их рвение и приучить их пользоваться своею силой и сообразительностью в рассуждении; но я думаю, что пока дети очень малы, а также при самом начале изучения какого-либо предмета этого не следует делать. В такой момент всякая вещь сама по себе трудна для них, и большое умение и искусство учителя заключается в том, чтобы все сделать для них возможно более легким; и особенно редко бывает уместно ставить детей перед затруднениями при обучении их языкам. Языки усваиваются зубрежкой, практикой и памятью, и на них говорят совершенно безукоризненно лишь тогда, когда не думают ни о каких грамматических правилах. Я согласен, что бывают случаи, когда приходится тщательно изучать грамматику языка, — но такое изучение бывает

нужно только взрослому человеку, когда он желает изучить какой-либо язык критически; а этим редко кто занимается, кроме профессиональных ученых. Я думаю, со мною согласятся, что если джентльмену следует изучить какой-либо язык, то это язык его родины, чтобы знать как можно лучше тот язык, которым он постоянно пользуется.

Есть еще одно соображение, в силу которого учителя и преподаватели не должны создавать никаких трудностей для своих учеников, а, наоборот, должны облегчать им путь и с готовностью помогать им двинуться с места, когда те останавливаются в затруднении. Детский ум узок и слаб и способен схватывать зараз лишь одну мысль Если что-нибудь западет в голову ребенка, оно целиком ее заполняет на некоторое время, особенно, если он движим какой-либо страстью. Поэтому, когда дети чему-либо учатся, умение и искусство учителя должны быть направлены к тому, чтобы очистить их головы от всяких других мыслей, чтобы освободить место для того, что он хочет вложить в них и что они должны усваивать со вниманием и усердием; иначе учение не дает никакого результата. Натура детей располагает их мысль к рассеиванию. Только новое захватывает их; что бы это новое ни представляло, дети сейчас же этим увлекаются и быстро же удовлетворяются. Одна и та же вещь им быстро надоедает, и почти все их удовольствие заключается в перемене и разнообразии. Фиксировать их летучие мысли — это значит вступить в противоречие с естественным состоянием детства. Зависит ли это от особенностей их интеллекта или от подвижности и неустойчивости их животных духов, над которыми их душа еще не имеет полной власти, одно ясно: сосредоточивать упорно свои мысли на одном каком-либо предмете является для детей мучительным. Продолжительное и непрерывное внимание — одна из самых трудных задач, какую только можно на них возложить; поэтому, если кто-либо требует от них прилежания, он должен постараться сделать свое задание насколько возможно привлекательным и приятным для них и по меньшей мере не допускать, чтобы с этим связывалась какая-либо неприятная или устрашающая идея. Если они не принимают за свои книги с любовью и охотой, то нет ничего удивительного в том, что их мысли постоянно уносятся от того, что внушает им отвращение, и ищут лучшего развлечения в более приятных предметах, за которыми они и будут неизбежно гоняться.

Я знаю, что обычно метод воспитателей добиваться внимания со стороны своих учеников и сосредоточивать их мысли на том, чем они в данный момент занимаются, заключается в выговорах и наказаниях за малейшую рассеянность. Но такое обращение обязательно производит обратное действие. Слова, выражающие раздражение и побои со стороны воспитателя, наполняют душу ребенка ужасом и страхом, которые немедленно завладевают им всецело и не оставляют места для других впечатлений. Я думаю, что каждый, читающий эти строки, вспомнит при этом, какой беспорядок вызывали в его мыслях нетерпеливые и властные слова его родителей и учителей; как они на некоторое время сбивали его с толку настолько, что он едва соображал, что он говорит и что ему говорят. Он сейчас же терял из

виду предмет, которым был занят; душа наполнялась беспорядком и смятением, и он утрачивал в этом состоянии способность сосредоточить внимание на чем бы то ни было. Конечно, родители и воспитатели должны устанавливать и укреплять свой авторитет над теми, кто находится под их опекой, внушать им для этой цели почтительный страх и при помощи своего авторитета управлять ими. Но, получив такое господство над ними, они должны пользоваться им с большой умеренностью и не делать из себя пугало, в присутствии которого ученики вечно должны дрожать. Такая строгость может облегчить им управление, но ученикам она принесет очень мало пользы. Дети ничему не могут научиться, пока их мысли охвачены и расстроены каким-либо аффектом, в особенности, когда это аффект страха, который производит сильнейшее впечатление на их еще нежный и слабый дух. Держите их душу в непринужденном и спокойном состоянии, если вы хотите, чтобы она воспринимала ваши наставления или обогащалась знанием. В трепещущей душе так же невозможно вычертить четкие и правильные буквы, как и на трясущейся бумаге.

Великое искусство учителя заключается в том, чтобы вызвать и удержать внимание своего ученика; если это ему удалось, он может уверенно подвигаться вперед настолько быстро, насколько позволяют способности учащегося; но при отсутствии этого условия все его шумные старания мало или вовсе не приведут к цели. Чтобы добиться этого, он должен заставить ребенка понять (насколько это возможно) пользу того, чему он его учит, и показать ему, что то, чему он научился, помогает ему делать то, чего он раньше не умел делать; делать то, что дает ему некоторую власть и реальное преимущество перед другими, кто этих сведений не приобрел. С этим учитель должен сочетать еще мягкость во всех своих наставлениях и, внося известную нежность во все свое обращение с ним, дать ребенку почувствовать, что он его любит и желает ему только добра: это единственный способ приобрести любовь ребенка, которая заставит последнего внимательно слушать уроки учителя и находить удовольствие в том, чему тот его учит.

Только на упорство ребенка следует реагировать повелительным тоном и резким обращением. Все другие недостатки должны исправляться при помощи мягких мер: мягкие слова увещания оказывают лучшее и более действительное влияние на податливую душу и в значительной мере предупреждают ту непокорность, которую резкое и властное обращение часто порождает даже в хорошо настроенных и благородных душах. Правда, упорство и умышленная небрежность должны подавляться, хотя бы ценою побоев; однако я склонен думать, что непокорность учеников часто создается капризным характером учителя и что большинство детей редко заслуживало бы побоев, если бы ненужная и неудачно проявляемая резкость не портила их нрава и не внушала бы им отвращения к учителю и ко всему, что от него исходит.

Невнимательность, забывчивость, непостоянство и рассеянность мысли представляют собою естественные недостатки детства; поэтому, если мы не видим, чтобы это было умышленным, мы должны

только мягко указывать детям на эти недостатки, а устранение их предоставить времени. Если каждый промах подобного рода будет вызывать гнев и взыскание, то поводы для выговоров и взысканий будут представляться столь часто, что воспитатель сделается для своих воспитанников источником постоянного страха и беспокойства. Этого достаточно, чтобы помешать им извлечь пользу из его уроков и сделать безуспешными все его приемы преподавания.

Пусть почтительный страх, внушенный воспитателем детям, настолько умеряется постоянными выражениями нежности и расположения к ним, чтобы привязанность к нему поощряла их к выполнению долга и чтобы они находили удовольствие в исполнении его требований. Это создаст хорошее отношение между детьми и воспитателем, заставит их слушаться его, как своего друга, который их любит и трудится для их блага; благодаря этому их мысли будут свободны и непринужденны в его присутствии; единственно при таком душевном состоянии ум и способен усваивать новые сведения и воспринимать новые впечатления; если же дети не будут получать их и удерживать, то все, что они вместе со своим воспитателем делают, должно пропасть даром: будет много неприятностей и мало учения.

§ 168. Когда указанным способом подстрочного чередования латинского и английского текстов мальчик приобрел известные познания в латинском языке, он может пойти немного дальше и перейти к чтению какой-либо другой легкой латинской книги, вроде, например, Юстина или Эвтропия³⁹; а для того, чтобы сделать чтение и усвоение книги менее скучным и трудным для него, разрешите ему пользоваться, если он захочет, английским переводом. Возражение, что при таких условиях он будет только механически владеть языком, не должно никого пугать. Этот довод, если хорошо в нем разобраться, говорит не против, а в пользу этого способа изучения языка. Ибо языки должны изучаться только механически; и кто не говорит по-английски или по-латыни вполне механически, так, чтобы лишь только у него появилась мысль, которую он желает высказать, его язык естественно, без всякой мысли о правилах или грамматике, подыскивал подходящее выражение или специфический для данного языка оборот, тот не умеет говорить на этом языке и не владеет им. И я очень хотел бы, чтобы кто-нибудь назвал мне такой язык, который можно было бы изучить или на котором можно было бы говорить, как следует, при помощи грамматических правил. Языки создавались не правилами, не искусственно, а случайно и как продукт общей практики народа. И тот, кто говорит хорошо на каком-либо языке, руководствуется лишь одним правилом: не доверяться ничему, кроме своей памяти и привычки говорить по манере, усвоенной от людей, умеющих говорить правильно; а это — другими словами — и значит говорить механически.

Мне могут здесь задать вопрос: так что же, грамматика в таком случае совершенно не нужна? Значит, те, которые затратили так много труда на сведение различных языков к правилам и определениям, те, которые писали так много о склонениях и спряжениях, о согласовании и синтаксисе, поработали напрасно и учились бесцельно? Я этого не говорю: грамматика имеет свое значение. Но я

позволю себе сказать, что вокруг нее поднимают гораздо больше шума, чем следует; ради нее мучают тех, кому она вовсе не нужна. Я имею в виду детей в том возрасте, когда их обычно донимают ею, и именно в филологических школах.

Нет ничего очевиднее той истины, что языки, усвоенные механически, служат с достаточным успехом для обычных житейских дел и отношений. Мало того: пример тех знатных представительниц слабого пола, которые проводят свое время в благовоспитанном обществе, показывает нам, что этот простой и естественный метод, не предполагающий даже малейшего изучения или знания грамматики, способен сообщить их языку высокую степень изящества и утонченности: встречаются дамы, которые, не зная, что такое глаголы и причастия, наречия и предлоги, говорят так же чисто и правильно (если бы я сказал — как сельский учитель, они, пожалуй, приняли бы это за плохой комплимент), как большинство джентльменов, учившихся по обычному методу филологических школ. Как мы видим, во многих случаях можно обойтись без грамматики. Возникает в таком случае вопрос: кого же следует учить ей и когда? На это я отвечаю следующее.

1. Люди обыкновенно учатся языкам ради обычных общественных сношений и обмена мыслями в повседневной жизни, без каких-либо других планов их применения. А для этой цели первоначальный способ обучения языку посредством разговора не только дает успешные результаты, но должен пользоваться предпочтением, как наиболее легкий, целесообразный и естественный. Поэтому можно сказать, что для такого применения языка грамматика не необходима. С этим должны согласиться все те из моих читателей, которые понимают то, что я говорю, понимают других при разговоре, хотя никогда не учились грамматике английского языка. Я полагаю, что то же самое можно сказать о подавляющем большинстве англичан, среди которых я еще не встретил ни одного, кто научился бы родному языку при помощи правил.

2. Есть другие люди, которым приходится большую часть своей деятельности на этом свете осуществлять языком или пером; им, если не необходимо, то по меньшей мере полезно говорить чисто и правильно, чтобы тем легче внушать свои мысли другим людям и производить на них большее впечатление. С этой точки зрения не всякий способ речи считается достаточным для джентльмена, как бы она ни была понятна в устах говорящего. Он должен в числе других вспомогательных средств правильной речи изучить также грамматику, но это должна быть грамматика собственного языка, языка, которым он пользуется, чтобы он мог точно понимать язык своей страны и безупречно на нем говорить, не оскорбляя слуха тех, к кому он обращается, солесизмами и раздражающими неправильностями. Для этой цели грамматика необходима, но грамматика только своего языка и притом только для тех, кто желает потрудиться над обработкой своего языка и над усовершенствованием своего стиля. Но следует ли это делать всем джентльменам — этот вопрос я оставляю открытым, имея в виду, что недостаточная правильность и отсутствие грамматической точности в языке считаются неприличными для лю-

дей этого ранга, и на людей, повинных в таком недостатке, обыкновенно навлекают обвинение в том, что они получили плохое воспитание и вращались в худшем обществе, чем подобало бы при их знатности. Если это так (а я думаю, что это так), приходится удивляться тому, что молодых джентльменов заставляют изучать грамматику иностранных и мертвых языков, но им никогда не говорят о грамматике родного языка: они мало знают о ее существовании и еще меньше о том, что им нужно изучать ее. Несмотря на то, что они ежедневно пользуются своим родным языком и в дальнейшей жизни о них нередко судят по их изящной или неуклюжей манере выражаться на нем, им никогда не рекомендуют его в качестве предмета, заслуживающего внимания и того, чтобы в нем совершенствоваться; между тем как на тех языках, грамматикой которых они так много занимались, они навряд ли будут когда-либо говорить или писать; а если бы даже это когда-нибудь случилось, то им простили бы допущенные ошибки и промахи. Если бы какой-нибудь китаец познакомился с этим методом воспитания, он бы, пожалуй, подумал, что все наши молодые джентльмены готовятся быть учителями и профессорами мертвых языков в чужих странах, а не деловыми людьми на своей родине.

3. Есть третья категория людей, которые занимаются двумя или тремя мертвыми иностранными языками, или, как они у нас называются, учеными языками: они посвящают себя изучению этих языков и гордятся знанием их. Нет сомнения, что те, которые принимают изучать какой-либо язык с этой целью и желают обладать точным, научным знанием его, должны основательно изучать его грамматику. Я бы не хотел быть ошибочно понятым в том смысле, будто я недооцениваю греческий и латинский языки. Я согласен, что эти языки высокополезные и превосходные и что человек, не знакомый с ними, не может занять место среди ученых в нашей части света. Но я думаю, что те познания, которые джентльмен обыкновенно желает извлечь для своего применения из сочинений римских и греческих писателей, он может получать, не изучая грамматики этих языков, и что путем одного только чтения он может научиться понимать их в той степени, которая достаточна для его целей. В какой мере может оказаться для него необходимым в будущем ознакомиться с грамматикой какого-либо из этих языков и научными деталями, это он в состоянии будет сам решить, когда займется изучением какого-либо предмета, который потребует этого. Это приводит меня к другой части вопроса, именно:

когда нужно изучать грамматику?

Ответ на этот вопрос, на основании предыдущего, должен, очевидно, быть следующий.

Если кому-либо следует изучать грамматику, то лишь тому, кто уже умеет говорить на данном языке: иначе — как он ее изучит? По крайней мере, это с очевидностью вытекает из практики мудрых и ученых наций древности. Они делали частью воспитания изучение своего родного языка, а не иностранных. Греки считали все остальные народы варварами и к их языкам относились с презрением.

И хотя к концу республики греческая образованность приобрела среди римлян большое уважение, однако предметом изучения для их молодежи был римский язык: родным языком им приходилось пользоваться, и поэтому родному языку обучались и в нем упражнялись.

Но если нужно точнее определить время, подходящее для грамматики, то я не вижу, какой смысл изучать ее иначе, как в качестве вступления в реторику. Когда находят, что мальчику пора заняться шлифовкой языка и научиться говорить лучше, чем необразованные люди, тогда и время учить его грамматическим правилам; но не раньше. Ибо грамматика не учит людей говорить; она учит говорить правильно, согласно точным правилам этого языка, что является одним из элементов утонченности; и тому, кто не нуждается в последней, мало нужна и первая; где нет надобности в реторике, там можно обойтись и без грамматики. Я не знаю, зачем должен тратить время и ломать голову над латинской грамматикой человек, который не собирается стать критиком или говорить речи и писать письма на этом языке. Если кто-либо находит для себя необходимым или расположен основательно изучить какой-либо иностранный язык и желает знать его до тонкостей, у него найдется время заняться и грамматическим его изучением. Если же он пользуется этим языком только для понимания некоторых книг, написанных на нем, не ставя своей целью теоретического знания самого языка, то, как я уже сказал, он добьется этого путем простого чтения, не загружая свой ум многочисленными правилами и сложными тонкостями грамматики.

§ 169. Для упражнения в письме заставляйте его иногда переводить с латинского языка на английский; но так как изучение латыни есть не что иное, чем заучивание слов, что является очень неприятным занятием как для молодого, так и для старого человека, то присоединяйте к этому возможно больше других позитивных знаний, начиная с того, что наиболее доступно нашим чувствам, например, с знакомства с минералами, растениями и животными, а в особенности с лесными и фруктовыми деревьями, с их строением и способами разведения их; таким способом вы можете научить ребенка многому такому, что будет для него бесполезно, когда он станет взрослым. Но главным образом имейте в виду географию, астрономию и анатомию. Однако, чему бы вы ни учили его, всегда старайтесь не загружать его чересчур многим зараз; и затем, ничего вы не должны делать для него обязательным, если это не имеет непосредственного отношения к добродетели, и не должны применять при этом никаких взысканий, если только в данном случае нет порока или явной склонности к нему.

§ 170. Если же мальчику, в конце концов, суждено пойти в школу и там изучать латинский язык, то говорить с вами о методе, который я считал бы наилучшим для школы, бесполезно: вы должны будете подчиниться тому методу, который там принят, и не можете рассчитывать, что его изменят ради вашего сына; во всяком случае вам следует всеми средствами, какими вы располагаете, добиваться того, чтобы его не заставляли писать латинские сочинения и декламации, в особенности всякого рода стихи. Вы можете настаивать —

если ваши доводы подействуют — на том, что вы не намерены сделать из своего сына латинского оратора или поэта, а желали бы только, чтобы он вполне свободно читал латинских авторов; что, по вашим наблюдениям, учителя, с успехом преподающие любой из современных языков, никогда не занимают своих учеников сочинением речей или стихов на французском или итальянском языках, так как их обязанность заключается только в обучении языку, а не сочинительству.

Сочинения. § 171. Но следует объяснить вам немного подробнее, почему я не желал бы, чтобы мальчика заставляли упражняться в писании сочинений и стихов. 1. Что касается сочинений, то они как будто бы претендуют на то, чтобы научить людей чему-то полезному, а именно — красиво и хорошо говорить о любом предмете. Я признаю, что это было бы большим преимуществом (если бы только можно было этого достигнуть таким путем), так как ничто в большей мере не подходит для джентльмена и ничто не приносит ему больше пользы во всех случаях жизни, чем умение по любому поводу говорить хорошо и кстати. Но я утверждаю, что писание сочинений, как это обычно делается в школах, ни в малейшей степени не способствует этому; ибо подумайте только: чем собственно юноша занимается при составлении сочинения? Он сочиняет речь на какую-либо латинскую поговорку, вроде: «*Omnia vincit amor*» или «*Non licet in bello bis pectore*»⁴⁰ и т. д. И вот, несчастный юноша, ничего не знающий о тех вещах, о которых ему нужно сказать и знание которых дается только временем и наблюдениями, вынужден подвергать попытке свою изобретательность, чтобы что-нибудь сказать о том, чего он не знает; это своего рода египетская тирания, заставлявшая делать кирпичи людей, не имеющих для этого никаких материалов. Бедные дети обыкновенно в таких случаях обращаются к ученикам старших классов с просьбой: «одокажите мне немного смысла», и трудно сказать, чего здесь больше — разумного или смешного. Для того чтобы человек был способен говорить о каком-либо предмете, необходимо, чтобы он предварительно ознакомился с ним; при отсутствии этого условия требовать от него рассуждения об этом предмете столь же глупо, как требовать от слепого, чтобы он говорил о цветах, или от глухого, чтобы он говорил о музыке. Разве вы не сочтете немного тронувшимся того, кто потребовал бы от человека, совершенно не знакомого с нашими законами, высказаться по какому-нибудь спорному юридическому вопросу? А что, скажите пожалуйста, школьники понимают в тех предметах, которые обычно предлагаются им в качестве тем для разработки в сочинениях с целью возбуждать и упражнять их фантазию?

§ 172. Затем, подумайте еще о том, на каком языке они должны писать свои сочинения. На латинском, на языке, чуждом их родине и повсюду ставшем мертвым языком. Это — язык, на котором ваш сын, сделавшись взрослым (можно поставить тысячу против одного), не будет иметь ни одного случая за всю свою жизнь произнести речь, язык, настолько отличный по способу выражения от нашего, что человек, владеющий им в совершенстве, лишь в ничтожной мере улучшит этим чистоту и легкость своего английского стиля. Кроме того в настоящее время так мало отводится места и так мало при-

нято в какой бы то ни было сфере английской практической жизни произносить речь на нашем родном языке, что я не вижу никакого оправдания для подобных упражнений в наших школах, разве только если предположить, что, заставляя людей сочинять латинские речи, рассчитывают таким путем научить их делать хорошие экспромты на английском языке. Я думаю, что достигнуть этого можно скорее следующим способом: предлагать молодым джентльменам разумные и полезные вопросы, соответствующие их возрасту и способности, о предметах, которые им не совсем незнакомы и не выходят за пределы их кругозора, — такие вопросы, на которые они, созревши для упражнений подобного рода, в состоянии были бы отвечать немедленно или после некоторого размышления тут же, на месте, не прибегая к перу. Ибо, раз мы уже хотим проверить эффективность этого метода обучения хорошей речи, то я спрошу вас: кто будет лучше говорить по любому вопросу, когда к этому представится повод при каких-либо дебатах: те ли, которые привыкли предварительно сочинять и записывать то, что им предстоит сказать, или же те, которые имеют обыкновение, обдумав лишь данный вопрос с целью возможно лучше в нем разобраться, высказываться сейчас же? Тот, кто будет судить при помощи этого критерия, мало будет склонен думать, что приучать молодого джентльмена к выступлениям с заученными речами и к писанию сочинений значит надлежащим образом готовить его к практической жизни.

§ 173. Но, быть может, нам скажут, что это делается с целью усовершенствовать их в латинском языке. Конечно: в этом собственно заключается их задача в школе; но писание сочинений — вовсе не путь к этой цели, так как это заставляет их ум напрягаться в поисках того, что бы сказать, а не уяснять смысл слов, которые требуется заучить; когда они пишут сочинение, они ищут и потеют над мыслями, а не над языком. Но изучение и усвоение языка — дело само по себе не легкое и достаточно неприятное; поэтому не следует его осложнять еще другими трудностями, как это имеет место при данном способе. Наконец, если нужно подобными упражнениями развить в мальчиках способность к выдумке, то пусть они пишут сочинения на английском языке, так как в этом случае они легко распоряжаются словами и их собственные мысли им гораздо яснее, когда они излагают их на родном языке. Если же нужно изучить латинский язык, то следует делать это легчайшим способом, не утомляя ума и не вызывая отвращения присоединением такого неприятного занятия, как сочинение речей.

Стихи. § 174. Если изложенные соображения могут быть высказаны против писания детьми в школе латинских сочинений, то еще больше возражений, и притом более веских, я могу выдвинуть против писания ими стихов, стихов всякого рода; ибо если ребенок не обладает поэтическим талантом, то самая неразумная вещь на свете — мучить его и заставлять его тратить время на то, в чем он никогда не может иметь успеха; если же у него есть поэтическая жилка, то мне представляется самой странной вещью на свете, когда отец склонен сам поощрять и развивать ее в нем или разрешает это делать другим. По-моему, родители должны стараться

заглушить эту склонность, подавить ее, насколько возможно; я не знаю, из какого соображения отец может желать, чтобы сын его стал поэтом, если он не хочет, чтобы тот пренебрег всеми остальными профессиями и делами. Да это еще не самое худшее; ибо если он окажется удачным стихотворцем и приобретет репутацию остроумца, то, подумайте только, в какой компании и в каких местах он будет, по всей вероятности, растрачивать свое время и — даже более того — свое состояние; ибо мы мало видали, чтобы кто-либо открыл золотые или серебряные рудники на Парнасе⁴¹. Там приятный воздух, но бесплодная почва, и мы имеем очень мало примеров тому, чтобы кто-нибудь увеличил свое наследственное состояние за счет собранных там плодов. Поэзия и игра, которые обычно идут об руку, сходны еще в том отношении, что они редко кому приносят какие-либо выгоды, кроме тех, кому нечем другим кормиться. Состоятельные люди почти всегда оказываются в проигрыше; и хорошо, если они отделяются более дешевой ценой, чем потеря всего или значительной части своего состояния. Если, поэтому, вы не хотите, чтобы ваш сын молот вздор перед всякой веселой компанией, без которой подобные франты не находят полного вкуса в своем вине и не знают, как убивать свое вечернее время; если вы не хотите, чтобы он растрачивал свое время и состояние на то, чтобы развлекать других, и презирал те грязные акры, которые оставлены ему предками, то я думаю, что вы не будете сильно заботиться о том, чтобы он сделался поэтом или чтобы школьный учитель посвятил его в искусство стихотворства. Но, если кто-нибудь желает, чтобы его сын обладал качествами поэта, и думает, что изучение поэзии разовьет в нем фантазию и способности, то он должен согласиться, что для этой цели чтение превосходных греческих и римских поэтов гораздо полезнее, чем сочинительство плохих собственных стихов на чужом языке. А тот, кто желает отличиться в английской поэзии, навряд ли, я думаю, усмотрит путь к этому в том, чтобы первые свои опыты делать в форме латинских стихов.

Заучивание наизусть.

§ 175. Есть еще одна вещь, очень часто применяемая при обычном методе филологических школ, кажущаяся мне совершенно бесполезной и могущая только затруднять юношей при изучении языков, в то время как это изучение необходимо всячески облегчать и превращать в приятное занятие, устраняя по возможности все, что есть в нем тягостного. Я имею в виду и осуждаю здесь принуждение детей к заучиванию наизусть больших отрывков читаемых авторов; в этом я вообще не вижу никакой пользы, и особенно для того дела, которым они занимаются. Языки нужно изучать только путем чтения и письма, а не заучиванием наизусть отрывков из сочинений писателей; человек, начинивший этим свою голову, вооружается всем, что нужно, чтобы стать педантом: это верный путь к педантизму, который менее всего приличествует джентльмену. В самом деле: что может быть смешнее человека, перемешивающего богатые и прекрасные мысли других с порядочной порцией своего собственного убогого материала, который от этого становится еще заметнее, но отнюдь не привлекательнее и столь же плохо рекомендует его обладателя, как изношенное и по-

рыжевшее пальто, с насаженными яркочерными заплатами и блестящими позументами? Конечно, если встречается отрывок, по содержанию достойный запоминания, а по форме весьма сжатый и очень удачный (какие часто встречаются у древних писателей), то не следует упускать случая закрепить его в уме юных учеников. Превосходными импровизациями этих великих мастеров следует иногда пользоваться для упражнения памяти школьников. Но заставлять их заучивать наизусть уроки в том порядке, в каком они следуют в их учебниках, без выбора и разбора, по-моему, это значит только непроизводительно растрачивать их время и труд и возбуждать в них нелюбовь и отвращение к книгам, в которых они не находят ничего, кроме бесполезной доуки.

§ 176. Говорят, что детей нужно заставлять заучивать наизусть с целью упражнения и усовершенствования памяти. К сожалению, это суждение отличается не столько разумной убедительностью, сколько скороспелой уверенностью, и соответствующая практика не столько подсказана серьезными наблюдениями, сколько основана на старинном обычае. Ибо очевидно, что сила памяти обуславливается счастливой конституцией, а не систематическим улучшением, осуществляемым путем упражнения. Это верно, что душа способна удерживать то, что она, под влиянием интереса и из опасения утратить, повторно запечатлевает в себе путем частой рефлексии; но опять-таки соответственно той силе удержания, которая присуща ей от природы. Отпечаток, сделанный на воске или свинце, не держится так долго, как на меди или стали. Правда, если часто возобновлять его, он может сохраняться дольше; но каждое новое размышление о предмете есть вместе с тем и новое впечатление, и это должен учитывать всякий, кто желает знать, как долго душа может удерживать воспринятое. Но заучивание наизусть страниц латыни не больше помогает памяти удерживать любую другую вещь, чем вырезывание какого-либо изречения на свинце увеличивает способность последнего прочно удерживать какие-либо другие буквы. Если бы подобный способ упражнения памяти мог сообщать ей силу и совершенствовать наши способности, то из всех людей актеры должны были бы обладать наилучшей памятью и являть собою самое лучшее общество. Улучшают ли заученные таким путем отрывки их память в отношении других вещей и совершенствуются ли их способности пропорционально труду, потраченному на заучивание на память чужих слов, — это должен будет показать опыт. Память настолько необходима во все периоды и при всяких обстоятельствах жизни, и без нее так мало можно сделать, что нам нечего опасаться, как бы она не ослабела или испортилась из-за недостатка упражнения, если упражнение может сделать ее более крепкой. Но я боюсь, что эта способность ума, как правило, не может значительно улучшаться и исправляться упражнениями или усилиями с нашей стороны, по крайней мере — теми, которые применяются для этой цели в грамматических школах. И если Ксеркс⁴² мог назвать по имени любого простого солдата своей армии, состоявшей не менее чем из ста тысяч человек, то вряд ли, мне думается, можно предположить, что эту удивительную способность он приобрел заучивающим наизусть уроков,

когда был мальчиком. Этот способ упражнения и совершенствования памяти путем утомительного повторения прочитанного, не глядя в книгу, я думаю, мало применяется в воспитании принцев; между тем, если он бы обладал тем преимуществом, о котором говорят, то в указываемом мною случае им бы так же мало пренебрегали, как и в отношении самых незнатных школьников: ведь принц так же нуждается в хорошей памяти, как и любой другой человек, и принцы, как правило, не уступают в этой способности остальным людям, хотя к ним никогда не применялся указанный способ. Чем душа занята и чем она интересуется, то она лучше всего запоминает — по причине, указанной мною выше: а если сюда еще внести метод и порядок, то этим, мне думается, будет сделано все для улучшения слабой памяти. Тот же, кто изберет для этого другой путь, особенно путь загрузки памяти массой иностранных слов, которыми учащийся во все не интересуется, вряд ли, я думаю, убедится, что польза от этого хоть наполовину окупила затраченное время и труд.

Я не хочу этим сказать, что детскую память никак не следует упражнять. Я думаю, что ей нужно давать работу, но не в виде механического заучивания целых страниц из книг, которые, после того, как урок отвечен и задание выполнено, опять предаются забвению и никогда больше не вспоминаются. Это не улучшает ни памяти, ни ума. Я уже указывал выше, что именно они должны заучивать наизусть из сочинений писателей; и если вы однажды загрузили их память этими мудрыми и полезными изречениями, то не допускайте, чтобы они забывались, и часто проверяйте это: независимо от той пользы, которую эти изречения могут им принести в течение всей дальнейшей жизни теми разумными правилами и мыслями, которые в таком изобилии в них содержатся, это будет приучать их часто размышлять и задумываться над тем, о чем им следует помнить; а это единственное средство делать их память живою и плодотворной. Привычка к частым размышлениям будет удерживать их мысли от пассивного разброда и возвращать их из бесполезных блужданий, мешающих сосредоточенности. Поэтому я считаю полезным давать им каждый день что-нибудь для запоминания, но только то, что само по себе достойно запоминания, и что, по вашей мысли, должно всегда оставаться в их памяти на тот случай, если бы вы вздумали их спросить или они сами захотели бы вспомнить. Это будет побуждать их часто обращать свои мысли внутрь: лучшей интеллектуальной привычки вы не можете для них пожелать.

Латынь. § 177. Но кому бы ни было доверено обучение ребенка в течение этого нежного и податливого периода его жизни, одно несомненно, — что это должен быть человек, который смотрит на латынь и на языки, как на наименее важную часть воспитания; человек, который, зная, насколько добродетель и хорошо настроенная душа предпочтительнее всякой учености и знания языка, ставит своей главной задачей формировать душу своих учеников и давать ей правильное направление; а раз это будет достигнуто, то, хотя бы все прочее оставалось в пренебрежении, в свое время оно принесет с собою и все остальное; если же это не достигнуто и не упрочено и дурные и порочные привычки не искоренены, то языки

и науки и все прочие положительные результаты воспитания окажутся бесполезными и послужат лишь к тому, чтобы сделать человека еще более дурным и более опасным. В самом деле: что бы ни трубили об обучении латыни, как о великой и трудной задаче, сама мать может обучить ей своего ребенка, если только она готова отдавать ему два-три часа в день и будет заставляя его читать ей евангелие на латинском языке. Для этого ей нужно только купить латинский Новый завет и, попросив кого-либо отметить последний долгий слог в тех словах, которые имеют больше двух слогов (этого достаточно, чтобы обеспечить правильное произношение и правильную постановку ударений в слогах), читать ежедневно оба евангелия — латинское и английское; тогда она не сможет не понимать евангелия на латинском языке. А после того как он освоится с латинским евангелием, пусть таким же способом читает басни Эзопа, а затем перейдет к Эвтропию, Юстину и к другим подобным книгам. То, что я говорю, не является только плодом моей фантазии: я знаю о таком факте, когда латынь была таким путем легко усвоена.

Но вернемся к тому, о чем я начал говорить. Тот, кто берет на себя обязанность воспитания молодых людей, в особенности молодых джентльменов, должен обладать чем-то бóльшим, чем знание латыни и даже знание свободных наук: он должен быть человеком большой добродетели и большого разума, должен обладать здравым смыслом и хорошим характером, а также уметь держать себя с достоинством, непринужденно и ласково в своем постоянном общении со своими воспитанниками. Но об этом я говорил подробно в другом месте.

§ 178. Одновременно с обучением французскому и латинскому языкам можно, как я говорил, начать вводить мальчика также в арифметику, географию, хронологию, историю и геометрию. Ибо, если учить его этим предметам на французском или латинском, когда он начинает понимать какой-либо из этих языков, то он будет одновременно приобретать знания в этих предметах и в придачу усваивать самый язык.

География. Начать, мне думается, нужно с географии: ибо, поскольку изучение фигуры земного шара, положения и границ четырех частей света⁴³ и отдельных королевств и стран является только упражнением глаз и памяти, ребенок будет этому учиться с удовольствием и запоминать эти вещи. Насколько это верно, показывает следующий факт. В доме, где я теперь живу, есть ребенок, которого мать настолько хорошо ознакомила этим способом с географией, что когда ему еще не было шести лет, он знал границы четырех частей света, умел, когда его спрашивали, сразу показать любую страну на глобусе и любое графство на карте Англии, знал все большие реки, мысы, проливы и заливы на земном шаре и умел находить долготу и широту любой точки. Конечно, этими вещами, которые ребенок по указанному методу усвоит при помощи зрения и запомнит механически, еще не исчерпывается все, что он должен изучить на глобусе. Однако это значительный шаг и хорошая подготовка к дальнейшему и весьма облегчит усвоение всего остального впоследствии, когда его способность рассуждать достаточно созреет

для этого; кроме того он выигрывает этим много времени, а удовольствия, которое он испытывает, узнавая о разных вещах, будет незаметно способствовать усвоению им языка.

Арифметика. § 179. Когда в памяти мальчика хорошо запечатлелись естественные подразделения земного шара, будет своевременно перейти к арифметике. Под естественными подразделениями земного шара я подразумеваю различные положения частей суши и моря в связи с различными названиями и подразделениями стран, не касаясь еще тех искусственных и воображаемых линий, которые условны и придуманы в целях усовершенствования этой науки.

§ 180. Арифметика — это легчайшая форма отвлеченного мышления; и поэтому она обыкновенно раньше других оказывается доступной уму, и с нею он раньше всего свыкается; притом она настолько общепотребительна при всех обстоятельствах обычной и деловой жизни, что навряд ли можно что-либо делать, не прибегая к ее помощи. Относительно нее, бесспорно, никогда нельзя сказать, что человек знает ее слишком много и слишком хорошо. Поэтому упражнения в счете следует начинать возможно раньше, лишь только ребенок становится способен к ним; и заниматься этим следует понемногу каждый день, пока он не овладеет вполне искусством счета. Когда он освоится со сложением и вычитанием, его можно повести дальше в географии; и после того как он ознакомится с полюсами, поясами, параллельными кругами и меридианами, нужно объяснить ему, что такое долгота и широта, научить его пользоваться с их помощью картой и по числам, поставленным по ее бокам, определять относительно положение стран и, обратно, отыскивать последние на земном глобусе.

Астрономия. Научившись легко с этим справляться, он может перейти к небесному глобусу и снова рассмотреть все круги, познакомиться более подробно с эклиптической и зодиаком, чтобы с полной ясностью и отчетливостью запечатлеть их в своем уме, а затем усвоить фигуру и положение некоторых созвездий, которые можно сначала показать ему на глобусе, а затем уже на небе.

После того как все это усвоено и мальчик достаточно хорошо ознакомился с созвездиями, можно сообщить ему некоторые сведения о нашем планетном мире; для этой цели неплохо сделать ему чертеж Коперника⁴⁴ и по этому чертежу объяснить положение планет, их относительные расстояния от солнца, центры их вращения. Это наиболее легкий и естественный путь для подготовки его к пониманию движения и теории планет. Ибо, так как астрономы больше не сомневаются в движении планет вокруг солнца, его следует ознакомить с этой гипотезой, не только потому, что это простейшая и наименее сложная гипотеза для учащегося, но в то же время и наиболее правдоподобная сама по себе. Но и в данном случае, как и во всех других частях обучения детей, нужно тщательно стараться начинать с ясного и простого, нужно сообщать детям возможно меньше сведений одновременно и хорошенько укреплять эти знания в их головах, раньше чем идти дальше и сообщать что-либо новое из этой науки. Дайте им сначала одну простую идею и проследите, чтобы

они ее правильно поняли и вполне усвоили раньше, чем перейти к следующей, а затем присоедините следующую по вашему плану и по цели, которую вы себе ставите, и так, подвигаясь легкими и незаметными шагами, не запутываясь и не смущаясь, детские умы развернутся и их умственный кругозор расширится значительно дальше, чем вы, может быть, ожидаете. Когда же мальчик сам научился чему-либо, то нет лучшего способа закрепить это в памяти и поощрить его к продолжению учения, чем заставив его учить тому же других.

Геометрия. § 181. После того как он ознакомился с глобусом в объеме, указанном мною выше, полезно попытаться обучить его немного геометрии. Я думаю, что достаточно для него усвоить первые шесть книг Эвклида; ибо я несколько сомневаюсь, чтобы деловому человеку было необходимо и полезно знать больше. Во всяком случае, если у него есть талант и влечение к этой науке, то, пройдя ее в указанном объеме под руководством своего воспитателя, он будет в состоянии продолжать ее изучение самостоятельно, без помощи преподавателя.

Поэтому глобусы надо изучать, и изучать тщательно, и я думаю, что начать это изучение можно рано, если только воспитатель будет внимательно разбираться в том, что ребенок способен усвоить и что неспособен усвоить; здесь, пожалуй, может помочь такой критерий: дети могут научиться всему, что воспринимается их чувствами, особенно зрением, поскольку при этом упражняется только их память; таким образом, очень маленький ребенок почти с того самого момента, как он стал распознавать комнаты дома, в котором он живет, способен заучить на глобусе, что такое экватор, что такое меридиан и пр., что такое Европа и что такое Англия, если только не учить его слишком много зараз и не заставлять его переходить к новому раньше, чем он основательно заучит и укрепит в своей памяти то, чем он в данный момент занимается.

Хронология. § 182. Рука об руку с географией должна идти хронология. Я имею в виду общую ее часть, чтобы мальчик получил представление об общем ходе событий во времени и о некоторых важных эпохах, которые принято рассматривать в истории. Без них, т. е. без географии и хронологии, история, эта великая учительница благоразумия и гражданственности и наука, совершенно необходимая для джентльмена и делового человека, очень плохо удерживается в памяти и приносит очень мало пользы, представляя лишь грудку фактов, смешанных в кучу и лишенных порядка и поучительности. Только благодаря этим двум наукам дела человечества располагаются по соответствующим отрезкам времени и странам и при этом не только легче удерживаются в памяти, но единственно в этом естественном порядке и способны наводить на размышления, которые делают человека, читающего о них, лучше и способнее.

§ 183. Когда я говорю о хронологии, как о науке, которую мальчик должен основательно усвоить, я не имею при этом в виду имеющиеся в ней мелкие контroversы. Они бесконечны, и большинство из них настолько маловажно для джентльмена, что не стоило бы вникать в них. даже если бы разрешение их не представляло особых

трудностей. Поэтому весь этот ученый шум и пыль хронологов нужно целиком оставить в стороне. Самая полезная книга, какую я видел по этой отрасли знания, это небольшой трактат Страухиуса, напечатанный в двенадцатую долю, под названием «*Breviarium Chronologicum*»⁴⁵, из которого можно выбрать все необходимое, что должен знать из хронологии молодой джентльмен, так как нет надобности обременять учащегося всем, что содержится в этом трактате. Здесь он найдет наиболее замечательные и важные эпохи, приуроченные к юлианскому летосчислению, которое представляет собою самый простой, легкий и верный метод, какой только может быть применен в хронологии. Этот трактат Страухиуса можно еще дополнить таблицами Гельвикуса — книгой, к которой следует во всех случаях обращаться за справками.

История. § 184. Нет ничего более поучительного и в то же время занимательного, чем история. Первое из этих качеств делает ее достойной изучения для взрослых людей, второе же делает ее, по моему мнению, весьма подходящей для молодого юноши; последнему, как только он освоился с хронологией и ознакомился с теми несколькими эпохами, которые приняты в нашей части света, и научился приводить их к юлианскому периоду, следует дать в руки какую-нибудь латинскую историю. Выбор должен определяться в зависимости от легкости стиля; ибо с чего бы они ни начали, хронология предохранит его от путаницы; а поскольку занимательность предмета будет его поощрять к чтению, он незаметно усвоит язык, не испытывая тех жестоких мук и неприятностей, которые выпадают на долю детей, когда их заставляют читать книги, превышающие уровень их понимания; таково, например, чтение римских ораторов и поэтов ради изучения латинского языка. После того как он путем чтения овладеет более легкими книгами вроде, может быть, Юстина, Эвтропия, Квинта Курциуса и т. д.⁴⁶, переход к следующей ступени не представит для него никаких трудностей; таким образом, начав с самых простых и легких историков, он последовательно будет переходить к чтению самых трудных и возвышенных латинских авторов, как Туллия, Вергилия и Горация⁴⁷.

Этика. § 185. Познание добродетели с самого начала и на всяких примерах, смысл которых он способен понять, внушается мальчику больше практикой, чем правилами, и предпочтительнее доброй репутации перед удовлетворением своих влечений становится, таким образом, для него привычкой. Поэтому я не знаю, нужно ли мальчику читать еще какие-либо другие рассуждения о морали, кроме тех, которые он находит в библии, и нужно ли ему давать в руки какую-либо систему этики до того, как он будет читать «обязанности» Туллия уже не как школьник для изучения латинского языка, а как человек, желающий ознакомиться с принципами и правилами добродетели, чтобы руководствоваться ими в своей жизни.

§ 186. Когда он достаточно хорошо переварил «Обязанности» Туллия и вдобавок еще книгу Пуфендорфа «*De officio hominis et civis*», можно, пожалуй, засадить его за книгу Гроция «*De iure belli et pacis*» или, пожалуй, еще лучше за «*De iure naturale et gen-*

tium» Пуфендорфа⁴⁸; из этих книг он узнает о естественных правах человека, о происхождении и основах общества и о вытекающих отсюда обязанностях. Эта общая часть гражданского права и истории является предметом, с которым джентльмен должен не знакомиться только слегка, а заниматься им постоянно, никогда не бросая его. Добродетельного и благонравного молодого человека, хорошо ориентированного в общей части гражданского права (которая не занимается казуистикой частных случаев, а трактует общим образом, на основании принципов разума, о делах и взаимном общении цивилизованных наций) и понимающего также хорошо по-латыни, можно выпустить в свет с уверенностью, что он всюду найдет занятие и почет.

Законы.

§ 187. Странно было бы думать, что английский джентльмен может быть незнаком с законами своей страны. Это знание настолько ему необходимо, независимо от занимаемого им положения, что я не знаю должности — от мирового судьи до министра, — которую он мог бы с успехом выполнять без этих знаний. Я здесь не имею в виду крючкотворчество или кляузную софистическую сторону права: джентльмен, задача которого заключается в том, чтобы искать правильные критерии права и не-права, а не в том, чтобы овладеть искусством обходить первое и без опаски делать второе, должен быть так же далек от указанного метода изучения права, как и обязан проявлять интерес к изучению того, в чем он может быть полезен своей стране. Ввиду этой цели для джентльмена, который не предполагает делать право своей профессией, правильный метод изучения права заключается, по моему мнению, в том, чтобы ознакомиться с основами нашей английской конституции и управления по старым книгам об обычном праве⁴⁹ и по сочинениям некоторых более современных писателей, которые на основе указанных источников дали анализ нашего управления. Получив правильное понятие об этом предмете, он должен перейти к чтению нашей истории, соединяя с этим изучение законов, которые издавались в каждое данное царствование. Это сделает для него понятным смысл статутов, осветит ту подлинную основу, на которой они возникали, и укажет, каким весом они должны пользоваться.

Риторика и логика.

§ 188. По общепринятому методу обучения изучение таких искусств, как риторика и логика, обыкновенно следует непосредственно за грамматикой, и поэтому, пожалуй, покажется странным, что я так мало говорил о них. К этому побуждает меня то соображение, что молодые люди получают от них мало пользы: я редко, вернее никогда не видел, чтобы кто-нибудь приобрел искусство хорошо рассуждать или красиво говорить путем изучения правил, претендующих научить этому искусству. Поэтому я желал бы, чтобы молодые джентльмены познакомились с этими двумя предметами по самым кратким руководствам, какие только могут быть найдены, не задерживаясь надолго на рассмотрении и изучении этих формальных знаний. Правильное рассуждение покоится не на предикаментах и предикаментобилиях⁵⁰, а на чем-то другом, и заключается вовсе не в том, чтобы говорить по модусам и фигурам. Но в мою настоящую задачу не входит подробно останавливаться на этом спекулятивном предмете. Перейдем поэтому

к нашему вопросу. Если вы хотите, чтобы ваш сын умел правильно рассуждать, заставляйте его читать Чиллингворта⁵¹; а если вы хотите, чтобы он хорошо говорил, пусть он основательно знакомится с Туллием⁵², чтобы получить верное понятие о красноречии; и пусть он также читает вещи, написанные на хорошем английском языке, чтобы усовершенствовать свой стиль в отношении чистоты нашего языка.

§ 189. Если польза и цель правильного рассуждения заключается в том, чтобы иметь правильные понятия и суждения о вещах, отличать истину от лжи, правду от неправды и соответственно поступать, то ни в коем случае не допускайте, чтобы ваш сын воспитывался в искусстве формальных диспутов, сам ли практикуясь в нем или восхищаясь им в других, если только вы не хотите, чтобы из него вышел не способный человек, а ничтожный казуист, упорствующий в споре и гордящийся тем, что он противоречит другим, или, что еще хуже, все оспаривающий и считающий, что в споре нужно добиваться не истины, а только победы. Не может быть ничего менее добросовестного и менее подобающего джентльмену или кому бы то ни было, кто претендует на звание разумного существа, чем нежелание согласиться с ясным доводом, нежелание дать себя убедить ясными аргументами. Есть ли что-нибудь менее гармонирующее с приличной беседой и с задачей всякого спора, чем манера отклонять любой ответ, хотя бы самый обстоятельный и удовлетворительный, и продолжать спор, пока двусмысленно звучащие слова способны доставить какой-нибудь термин для возражения или установления различия — идет ли оно к делу или нет, имеет ли оно какой-либо смысл или не имеет, согласуется ли с ранее сказанным или противоречит ему? А ведь в том, коротко говоря, и заключаются приемы и мастерство логических диспутов, что оппонент не принимает никакого ответа, а диспутант не соглашается ни с каким аргументом. На это ни тот ни другой не может пойти, что бы ни случилось с истиной или знанием, если только он не желает сойти за жалкого простака и навлечь на себя позор тем, что не умеет отстоять раз выдвинутое им утверждение, в чем и заключаются главная цель и слава диспутирования. Истину можно раскрывать и подтверждать только путем зрелого и надлежащего рассмотрения самых вещей, а не при помощи искусственных терминов и приемов аргументации: они приводят людей не столько к открытию истины, сколько к софистическому и лукавому употреблению двусмысленных слов, что представляет собою самый бесплодный и наиболее оскорбительный способ беседы и менее всего подходит джентльмену или любителю истины в чем бы то ни было.

Для джентльмена вряд ли какой-либо недостаток может быть признан более существенным, чем неумение хорошо выражаться в письме или разговоре. Тем не менее я позволю себе спросить моего читателя: разве он не знает очень многих людей, которые живут на доходы от своих имений и, следовательно, нося звание джентльмена, должны были бы обладать и качествами джентльмена, а между тем не умеют, как следует, рассказать о каком-либо событии и еще

менее способны ясно и убедительно вести деловой разговор. Я думаю, что это вина не столько их самих, сколько их воспитания; ибо я должен, без всякого пристрастия, воздать должное моим соотечественникам и сказать, что когда они чем-либо занимаются усердно, они не уступают никому из своих соседей. Они учились риторике, но никогда не учились изящно выражаться, устно или письменно, на языке, которым они всегда пользуются; как будто знакомство с названиями фигур, украшавших речи людей, овладевших искусством речи, и самое искусство и умение говорить — одно и то же. Это последнее, как и все другие практические вещи, приобретается не при помощи большего или меньшего количества правил, а упражнением и практикой, сообразующейся с хорошими правилами или, вернее, хорошими примерами, пока оно не войдет в привычку и не сделается легким.

Стиль. В соответствии с тем, что я говорил выше, быть может, было бы целесообразно заставлять детей часто пересказывать какую-нибудь известную им историю, в первый раз исправляя лишь одну, самую важную, ошибку, сделанную ими при изложении. Когда они избавятся от этой ошибки, нужно указать им вторую и так продолжать до тех пор, пока одна за другой не будут исправлены все остальные или, по меньшей мере, крупные ошибки. После того как они научились достаточно хорошо передавать содержание рассказа, нужно заставлять их излагать это письменно. Басни Эзопа (почти единственная, насколько мне известно, книга, подходящая для детей) могут дать им материал для письменных упражнений в английском языке, а также для чтения и перевода при первоначальном ознакомлении с латинским языком. Когда они перестали делать грамматические ошибки и умеют соединять в последовательном и связном изложении отдельные части рассказа, не слишком прибегая при переводе к бесцветным и некрасивым оборотам, как это обычно бывает, то при желании повысить эту первую подготовку их к умению хорошо говорить, не требующую никакой изобретательности, можно обратиться к Туллию; прилагая на практике правила, даваемые этим мастером красноречия в его первой книге «De inventione», § 20, можно показать им, в чем заключается искусство и прелесть изящного рассказа соответственно различию темы и цели. На каждое из этих правил можно подобрать подходящие примеры и на этих примерах показывать детям, как применялись эти правила другими. Древние классические писатели дают массу подобных примеров, и надо не только заставлять детей переводить этих писателей, но и научить видеть в них образцы речи, достойные постоянного подражания.

После того как они научились писать по-английски связно, правильно и последовательно и усвоили себе достаточно хороший повествовательный стиль, можно заставить их перейти к писанию писем; при этом не следует требовать от них остроумия или светской любезности, а нужно учить их выражать лишь свои собственные простые и естественные мысли, избегая только бессвязности, путаницы и грубости. Когда же они вполне освоились с этой задачей, то можно, для возбуждения их мыслей, дать им сочинение Вуатюра⁵⁸, как

образец переписки с отсутствующими друзьями в учтивом, веселом, шутовском или забавном тоне; а также «Послания» Туллия, как наилучшие образцы в деловых сношениях или обыкновенной беседе. Писание писем так часто требуется при всех обстоятельствах человеческой жизни, что ни один джентльмен не может избежать необходимости проявить себя в этой области. Обстоятельства будут ежедневно заставляя его давать эти пробы своего пера, и его хорошее или плохое умение писать, помимо тех результатов, которые оно часто дает в деловой жизни, будет всегда вызывать более суровую критику его воспитания, ума и способностей, чем устные рассуждения, при которых мимолетные ошибки, в большинстве случаев исчезающие вместе со звуками, в которые они воплотились, не поддаются в такой мере под строгую критику и легче ускользают от наблюдения и осуждения.

Если бы методы воспитания отвечали своей настоящей цели, эта столь необходимая часть воспитания не оставлялась бы, надо думать, в пренебрежении, в то время как постоянно и повсюду уделяется столь настойчивое внимание совершенно ненужным латинским сочинениям и стихам, которые заставляют детскую изобретательность напрягаться сверх силы и исключительными трудностями мешают детям бодро подвигаться вперед в изучении языков. Но так предписывает обычай, и кто осмелится не повиноваться ему? И разве не было бы большим неразумием требовать от ученого наставника деревенской школы (который знает, как свои пять пальцев, все тропы и фигуры по риторике Фарнэби⁵⁴), чтобы он учил своего ученика изящно выражаться по-английски, когда это настолько мало, видимо, входит в его обязанности и заботит его, что мать мальчика (которую этот учитель, вероятно, презирает как невежду, потому что она не прочла ни одной системы логики и риторики) превосходит его в этом отношении?

Умение правильно писать и говорить производит приятное впечатление и вызывает благосклонное внимание к тому, что человек собирается сказать; и так как английскому джентльмену приходится постоянно пользоваться английским языком, то в этом языке ему главным образом и следует совершенствоваться, прилагая величайшую заботу к отделке и улучшению своего стиля. Если кто-либо лучше говорит и пишет по-латыни, чем по-английски, это, быть может, заставит говорить о нем в обществе; но ему придется убедиться, что для него полезнее уметь хорошо выражаться на родном языке, которым он пользуется ежеминутно, чем получать пустую похвалу от других за это весьма незначительное достоинство. Я нахожу, что этим всюду пренебрегают и совершенно не заботятся о совершенствовании молодых людей в их родном языке, о том, чтобы они его хорошо понимали и владели им. Если кто-либо из нас владеет родным языком с большей, чем обыкновенно, легкостью и язык его отличается большей чистотой, то он обязан этим в большей степени случайности, своим способностям или чему-либо другому, чем воспитателю или заботам учителя. Думать о том, как его ученик говорит и пишет по-английски, считается ниже достоинства человека, воспитанного в греческом и латинском окружении, хотя бы

у него самого знания в этих языках были невелики. Только эти ученые языки достойны того, чтобы ученые мужи занимались ими и обучали им; английский же язык — язык непросвещенной черни. А между тем мы видим, что некоторые наши соседи не считают недостойным государственной заботы поощрять и вознаграждать за усовершенствование отечественного языка; отделка и обогащение родного языка не считается у них маловажным делом. Для этого у них учреждаются коллегии и стипендии; правильность письма сделалась у них предметом честолюбия и соревнования; и мы видим, каких результатов они благодаря этому достигли, какое широкое распространение они доставили языку (языку, пожалуй, одному из худших в нашей части света), если сравним, как обстояло дело несколькими царствованиями раньше и как обстоит дело теперь. Великие люди Рима ежедневно упражнялись в своем родном языке; и мы еще теперь находим в исторических летописях имена ораторов, которые обучали латинскому языку некоторых императоров, хотя это был их родной язык.

Известно, что греки были еще более щепетильны в отношении своего языка: всякая другая речь, кроме их собственной, была для них варварской речью, и этот ученый и проникательный народ, по видимому, не изучал и не ценил ни одного иностранного языка, хотя не подлежит сомнению, что свою ученость и философию они заимствовали у других народов.

Я не высказываюсь здесь против греческого и латинского языков; я думаю, что их следует изучать и что джентльмен должен по меньшей мере латинский язык понимать хорошо. Но какими бы иностранными языками ни занимался молодой человек (а чем больше он их знает, тем лучше), однако тем языком, который он должен изучить теоретически и которым он должен овладеть настолько, чтобы выражаться легко, ясно и изящно, должен быть его родной язык; а для этой цели он должен заниматься им ежедневно.

Натуральная философия⁵¹. § 190. Натуральной философии, как спекулятивной науки, я полагаю, у нас не существует и, может быть, я мог бы с основанием сказать, что нам никогда не удастся сделать ее наукой. Произведения природы задуманы некоей Мудростью и созданы средствами, настолько далеко выходящими за пределы нашей способности раскрывать и понимать их, что мы навряд ли когда-либо будем в состоянии свести их в науку. Натуральная философия, которая есть познание начал, свойств и действий вещей, каковы они сами по себе, распадается, как я себе представляю, на две части: одна из них занимается духами, их природой и свойствами, другая — телами. Первую относят обыкновенно к метафизике; но под каким бы заголовком ни рассматривать духов, я думаю, что это рассмотрение должно предшествовать изучению материи и тел — не как наука, которая может быть на основе определенного метода сведена в систему и трактоваться на основании принципов знания, но как расширяющая наш ум в направлении более верного и более полного понимания духовного мира, к которому нас одинаково ведут разум и откровение. И так как самые ясные и обширные сведения, которые мы имеем

о других духах, кроме бога и наших собственных душ, сообщены нам небом через откровение, то я думаю, что, по крайней мере, молодые люди должны почерпать свои знания о них из этого откровения. Для этой цели, я думаю, было бы хорошо составить хорошую библейскую историю для чтения молодежи; если бы в этой истории все, что должно бы в нее войти, было изложено в надлежащей временной последовательности и были бы выпущены некоторые вещи, которые подходят лишь для более зрелого возраста, то этим можно было бы избежать той путаницы, которая обычно создается чтением всего писания без разбора в том порядке, в котором история в настоящее время излагается в наших библиях. Кроме того был бы достигнут и другой полезный результат: постоянное чтение этой истории поселило бы в детских душах представление и веру в духов, которые играют такую важную роль во всех событиях этой истории; а это в свою очередь явилось бы хорошей подготовкой к изучению тел. Ибо без представления о духах и без допущения их существования наша философия была бы неудовлетворительной и неполной в главной своей части, поскольку она оставляла бы в стороне рассмотрение превосходнейшей и могущественнейшей части творения.

§ 191. Я думаю также, что было бы полезно сделать из этой библейской истории краткое и понятное извлечение, составив его из основных наиболее существенных глав библии, и знакомить с ним детей, как только они научатся читать. Хотя, таким образом, мы рано введем их в мир некоторых представлений о духах, однако это не противоречит сказанному мною выше о том, что детей, пока они малы, не следует смущать представлениями о духах. Ибо моя мысль была указать на вред, причиняемый нежной детской душе ранними впечатлениями от образов злых духов, призраков и привидений, которыми их няни, а также окружающие склонны пугать детей, чтобы добиться от них послушания: это часто приносит им большой вред на всю жизнь, отдавая их душу во власть страхов, боязливых опасений, слабости и суеверия. Когда они выйдут в свет и вступят в общение с людьми, им становится неловко и стыдно этого; и нередко случается, что, желая совершенно излечиться и сбросить с себя тяжесть, так сильно их угнетающую, они вместе с тем отбрасывают всякие мысли о духах и, таким образом, впадают в другую, еще худшую крайность.

§ 192. Причина, по которой я желал бы, чтобы указанное предшествовало изучению тел и чтобы доктрина писания основательно усваивалась молодыми людьми раньше, чем они начинают заниматься натуральной философией, заключается в том, что материя, будучи вещью, с которой наши чувства имеют дело постоянно, способна до такой степени овладевать душой и исключать всякие другие виды сущего помимо материи, что предрассудок, основанный на подобных принципах, часто не оставляет места для допущения духов или чего-либо вроде нематериальных существ в природе вещей, в то время как очевидно, что ни одно из великих явлений природы не может быть объяснено при помощи одних только материи и движения. Для примера возьмем хотя бы только такое общее явление, как

тяготение, которое не может быть объяснено каким бы то ни было действием материи или каким-либо другим законом движения, а лишь положительной волей какого-то высшего существа, распоряжением которого оно вызывается. И поскольку всемирный потоп не может быть хорошо объяснен без допущения чего-то выходящего из рамок обычного хода природы, то кажется мне, что следует подумать, не объясняется ли всемирный потоп гораздо лучше, чем при помощи любой из использованных до сих пор гипотез, изменением по воле бога на некоторое время центра тяжести земли (вещь столь же мыслимая, как и само тяготение, которое, быть может, вызывается маленьким изменением неизвестных нам причин). Я слышу веское возражение против этого объяснения, а именно, что это могло бы вызвать лишь частичный потоп. Но раз допустив изменение центра тяжести, нетрудно представить себе, что божественная сила могла заставить центр тяжести, расположенный на надлежащем расстоянии от центра земли, вращаться в течение соответствующего промежутка времени вокруг последнего и что благодаря этому потоп мог сделаться всеобщим; я думаю, что этим все явления потопа, как они описаны Моисеем, объясняются проще, чем при посредстве многочисленных тяжеловесных гипотез, придумываемых для этой цели. Но здесь не место останавливаться на этой аргументации, которую мы затронули лишь мимоходом с целью показать необходимость прибегать для объяснения природы к чему-то помимо одной только материи и ее движения; для этого представление о духах и их могуществе, как они описаны в библии, где столь многое приписано их действию, может послужить подходящей подготовкой; причем более полное изложение гипотезы и ее приложение ко всем подробностям потопа и ко всем затруднениям, которые могут быть усмотрены в истории потопа, как она изложена в писании, следует отложить для более подходящего случая.

§ 193. Но вернемся к вопросу об изучении натуральной философии. Хотя мир полон ее системами, однако я не могу сказать, чтобы я знал какую-либо систему, которую можно было бы преподавать молодому человеку как науку, с тем, чтобы он мог с уверенностью искать в ней истину и достоверность, ожидаемые от всякой науки. Отсюда я вовсе не делаю вывода, что ни одной из этих систем не нужно читать. В наш ученый век джентльмену необходимо заглянуть в некоторые из этих систем, чтобы быть готовыми к разговору с людьми; но нужно ли дать ему систему Декарта, как наиболее сейчас принятую, или же лучше дать ему краткий обзор этой и нескольких других систем, — я во всяком случае считаю, что системы натуральной философии, которые утвердились в нашей части света, нужно читать скорее ради знакомства с гипотезами и для понимания терминов и способов выражения различных школ, чем с расчетом получить ясное, научное и удовлетворительное знание творений природы: необходимо лишь сказать, что современные сторонники корпускулярной гипотезы говорят о большинстве вещей гораздо вразумительнее, чем перипатетики, которые господствовали в школах непосредственно перед ними. Тот, кто захочет заглянуть в более далекое прошлое и познакомиться с различными мнениями древних, мо-

жет обратиться к «Интеллектуальной системе» д-ра Кедворта⁵⁶, в которой этот весьма ученый автор так обстоятельно и продуманно собрал и изложил мнения греческих философов, что из этого сочинения можно лучше, чем из каких бы то ни было других известных мне, усмотреть, на каких принципах греческие философы строили свои системы и какие главные гипотезы разделяли их. Но я не хочу отклонять кого бы то ни было от изучения природы из-за того, что не все знание, которое мы имеем или можем иметь о ней, может быть возведено на степень науки. Здесь содержится очень много такого, что полезно и необходимо знать джентльмену, и еще многое другое, что очень вознаградит любознательного человека за его труд удовольствием и пользой. Но это, я думаю, можно найти скорее у таких писателей, которые занимались рациональными опытами и наблюдениями, чем у составителей чисто спекулятивных систем. Поэтому джентльмену, немного ознакомившемуся с некоторыми модными системами натуральной философии, могут быть полезны многие сочинения м-ра Бойля⁵⁷ и других авторов, писавших по сельскому хозяйству, растениеводству и садоводству и т. п.

§ 194. Хотя известные мне системы физики могут мало поощрить к поискам достоверного или научного знания в каком-либо трактате, претендующем вывести систему натуральной философии из первых принципов тел вообще, однако несравненный м-р Ньютон⁵⁸ показал, насколько математика, примененная к известным частям природы, может, опираясь на принципы, оправдываемые фактами, подвинуть нас в познании некоторых, если можно так выразиться, провинций непостижимой вселенной. И если бы другие могли дать нам столь же хорошее и ясное описание других частей природы, какое он дает в своей удивительной книге «*Philosophiae naturalis principia mathematica*», относительно нашего планетарного мира и важнейших явлений, наблюдаемых в нем, то мы могли бы надеяться со временем получить более правильные и более достоверные знания о различных частях этой изумительной машины, чем мы могли ожидать до сих пор. И хотя очень немногие обладают достаточными математическими познаниями, чтобы понять его доказательства, но поскольку наиболее сведущие математики, исследовавшие эти доказательства, признают за ними указанные достоинства, то его книга заслуживает быть прочтенной: она доставит немало света и удовольствия тем, которые, желая понять движения, свойства и действия больших масс материи в нашей солнечной системе, тщательно продумают его выводы, на которые можно положиться как на хорошо доказанные предположения.

Греческий
язык.

§ 195. Таковы вкратце мои мысли относительно учебных занятий молодого джентльмена.

Может показаться странным, что я оставил в стороне греческий язык, в то время как у греков можно найти, так сказать, первоисточник и основание всей той учености, которой мы обладаем в нашей части света. Я согласен с этим; и к тому же добавлю, что никто не может быть признан ученым человеком, если он не знает греческого языка. Но я обсуждаю здесь воспитание не профессионального ученого, а джентльмена, для которого, по общему признанию, при нынешних условиях необходимо знание латинского и

французского языков, когда он становится взрослым. Если он пожелает продолжать свои занятия и ознакомиться с греческой ученостью, он легко изучит этот язык самостоятельно; если же у него нет этой склонности, то изучение этого языка под руководством воспитателя будет лишь потерянным трудом: он лишь затратит много времени и усилий на то, что забросит с пренебрежением, лишь только получит свободу. Ибо много ли найдется среди сотни человек (даже если это ученые) таких, которые сохранили знание греческого языка, вынесенное из школы, или совершенствуются в нем настолько, чтобы свободно читать и вполне понимать греческих авторов?

В заключение этой части, касающейся учебных занятий молодого джентльмена, напомним еще раз его воспитателю, что его назначение заключается не столько в том, чтобы сообщить воспитаннику всевозможные знания, сколько в том, чтобы возбудить в нем любовь и уважение к знанию и поставить его на правильный путь к приобретению знаний и к самоусовершенствованию, когда у него будет к тому охота.

Я хочу здесь ознакомить моего читателя с мыслями одного глубокомысленного автора, придерживаясь при этом возможно ближе его собственных выражений. Он говорит: «Вряд ли можно чрезмерно обременить детей знанием языков. Они полезны людям всякого положения и одинаково открывают им доступ как к самым глубоким, так и к более легким и занимательным областям знания. Если это скучное изучение откладывают до более позднего возраста, то молодые люди или не проявляют достаточной решимости, чтобы этим заняться по собственной инициативе, или не проявляют достаточной выдержки, чтобы довести дело до конца. Если природа и наделила ребенка настойчивостью, то известное неудобство заключается в затрате на языки того времени, которое предназначено для другого употребления. Ему приходится изучать слова в таком возрасте жизни, когда он стоит уже выше этого, когда от него требуются дела; это означает, по меньшей мере, потерю лучших и прекраснейших лет жизни. Широкая основа для языков может быть крепко заложена лишь тогда, когда всякая вещь легко и глубоко запечатлевается в душе, когда память свежа, восприимчива и прочно фиксирует, когда голова и сердце еще свободны от забот, страстей и желаний, а те, от кого ребенок зависит, обладают достаточным авторитетом, чтобы заставить его заниматься в длительном плане и без перебоев. Я убежден, что истинных ученых так мало потому, что указанными соображениями пренебрегают»⁵⁹.

Я думаю, каждый согласится с этим наблюдательным джентльменом в том, что самое подходящее время для изучения языков — это ранние годы нашей жизни. Но родители и воспитатели должны обсудить, каким языкам ребенок должен учиться. Ибо необходимо признать бесплодным трудом и потерянным временем изучение языка, которым он, по всей вероятности, никогда не будет пользоваться в течение всей своей жизни и который он, как можно судить по его природному складу, забросит с полным пренебрежением, лишь только подойдет пора зрелости, когда он избавится от гувернера и получит возможность отдаться своим inclination, которые не рас-

полагают его к тому, чтобы уделить сколько-нибудь времени занятиям учеными языками или какими-либо другими, кроме тех, которые навязываются ему повседневной потребностью или специальной необходимостью.

Но вместе с тем, для тех, которым предназначено быть учеными, я хочу привести из того же сочинения одно место, которым автор хорошо дополняет предыдущие замечания. Оно заслуживает внимания всех, кто желает быть истинным ученым, и потому может послужить полезным правилом, которое воспитатели должны внушать своим ученикам и оставить им для руководства в их дальнейших занятиях.

«Изучение подлинного текста, — говорит он, — следует всячески рекомендовать. Это самый короткий, надежный и приятный способ всякого изучения. Черпайте из первоисточника и никогда не берите из вторых рук. Никогда не откладывайте в сторону сочинения великих мастеров, штудируйте их, запечатлевайте их в своей душе и при случае цитируйте; ставьте себе задачу основательно их понять, во всем их объеме и во всех частностях. Ознакомляйтесь вполне с принципами оригинальных авторов, устанавливайте их правильное соотношение и затем старайтесь сами сделать свои выводы. В таком положении находились первые комментаторы, и вы не должны успокаиваться раньше, чем достигнете того же. Не довольствуйтесь светом, заимствованным у комментаторов, и руководствуйтесь их взглядами лишь в тех случаях, когда у вас нет собственного или когда ваш собственный взгляд оставляет вас в темноте. Их объяснения — не ваши объяснения и могут вас обмануть. Напротив, ваши собственные наблюдения суть плоды вашего собственного ума, где они прочно удержатся и всегда будут под рукой в случае беседы, обсуждения или диспута. Не лишайте себя удовольствия видеть, что вы при чтении становитесь втупик лишь в случаях непреодолимых трудностей, — там, где комментаторы и схоласты сами останавливаются в затруднении и не имеют, что сказать. Эти плодовые толкователи чужих слов, будучи переполнены пустой и напыщенной ученостью, усердно применяют ее в отношении таких мест, которые сами по себе просты и понятны, и с большой щедростью расточают слова и труд там, где в этом нет никакой надобности. Организуя указанным образом свое изучение, вы сами вполне убедитесь, что только человеческая лень поощряет педантов не столько обогащать библиотеки, сколько загромождать их хламом и погребать хороших писателей под горами примечаний и комментариев; вы увидите также, что лень в данном случае действует против самой себя и против собственного интереса, тем, что умножает чтение и исследования и увеличивает труды, которых старалась избежать».

Хотя и может показаться, что приведенные мысли непосредственно касаются лишь настоящих ученых, они имеют, однако, столь большое значение для правильной организации их воспитания и учебных занятий, что, надеюсь, меня не осудят за то, что я их привел здесь; особенно, если будет принято в соображение, что они могут оказаться полезными и для джентльменов, если последние когда-либо пожелали бы углубить свои поверхностные знания и до-

стичь солидного, удовлетворительного и совершенного понимания в какой-либо области знания.

Метод. Порядок и выдержка, говорят, создают существенное различие между одним человеком и другим. Я уверен, что ничто не расчищает в такой степени путь учащемуся, ничто не помогает ему в такой мере продвигаться вперед, не облегчает и не обеспечивает ему столь больших достижений в любом исследовании, как хороший метод. Воспитатель должен взять на себя труд заставить своего воспитанника уяснить себе это; он должен приучить его к порядку и научить его методичности во всякой умственной работе; показать ему, в чем метод заключается и в чем его преимущества; ознакомить его с различными методами — с переходом от общего к частному и от частного к более общему; упражнять его в применении того и другого метода и показывать ему, в каких случаях каждый из них наиболее подходит и каким целям он лучше всего служит.

В истории ведущая роль принадлежит порядку хронологическому, в философских же исследованиях — тому порядку, который действует в природе; последний заключается в том, что при всяком движении вперед мы из места, в котором находимся в данный момент, переходим в соседнее, ближайшее к нему; точно так же и в области мысли: ум переходит от приобретенного знания к ближайшему, непосредственно с ним связанному, и, продолжая так идти дальше, к конечной цели, через простейшие и наименее сложные части, на которые он может расчленить предмет. Ввиду этой цели для ученика будет весьма полезно, чтобы его приучали к правильному различению, т. е. иметь расчлененные понятия там, где ум может открыть реальное различие, но вместе с тем тщательно избегать словесных различий там, где у него нет расчлененных и различных идей.

§ 196. Помимо того что может приобретаться учением и из книг, джентльмену необходимо обладать некоторыми другими, внешними талантами; они приобретаются упражнением, и поэтому требуют времени и помощи учителя.

Танцы. Танцы сообщают детям на всю жизнь изящество движений и — что важнее всего — мужественность и приличную уверенность в себе; поэтому я считаю, что учить их танцам никогда не может быть слишком рано, если только они уже достаточно выросли и окрепли, чтобы быть способными к этому занятию. Но вы должны непременно пригласить хорошего учителя, который знает и умеет учить изящному и приличному, — тому, что придает свободу и непринужденность всем движениям тела. Если учитель этому не учит, это хуже, чем если бы его вовсе не было; ибо природная неуклюжесть лучше искусственной, обезьяньей, позировки; и я думаю, что гораздо пристойнее снимать шляпу и раскланиваться на манер порядочного сельского джентльмена, чем на манер плохого танцмейстера. Что же касается самой пляски и танцевальных фигур, то я им не придаю никакого значения или самое малое значение, лишь в той мере, в какой они повышают изящество общих манер.

§ 197. Считают, что музыка имеет нечто родственное с танцами, и уменье хорошо играть на некоторых инструментах многими высоко ценится. Но молодому человеку нужно затратить так много времени, чтобы достичь хотя бы посредственного искусства в музыке, и, кроме того, она часто вовлекает в столь дурную компанию, что, по мнению многих, гораздо лучше обойтись без нее: и среди способных и деловых людей я так редко слышал, чтобы кого-либо хвалили и ценили за выдающиеся достижения в музыке, что, по моему мнению, среди всех вещей, которые когда-либо включались в список светских талантов, ей можно было бы отвести последнее место. Нашей короткой жизни не может хватить на то, чтобы овладеть всем; да и душа не может быть вечно занята приобретением знаний. Слабость нашей конституции, как духовной, так и физической, требует, чтобы мы часто получали передышку; и поэтому человек, желающий часть своей жизни провести с пользой, должен значительную ее часть отдавать отдыху и развлечениям. Во всяком случае вы не должны отказывать в этом молодым людям; иначе вы подобной чрезмерной торопливостью сделаете их преждевременными стариками, и вам угрожает неприятность свести их в могилу или подвести ко второму детству раньше, чем вы бы этого желали. Я думаю поэтому, что время и труд, посвященные серьезным занятиям, должны употребляться на самые полезные и важные вещи, и с применением самых легких и кратких методов, какие только могут быть придуманы; и, может быть, один из немаловажных секретов воспитания заключался бы, как я уже говорил выше, в том, чтобы превращать физические упражнения в отдых от умственных упражнений, и обратно. Я не сомневаюсь, что разумный человек, который хорошо вдумается в характер и наклонности своего воспитанника, сможет кое-что сделать в этом смысле. Ибо тот, кто устал от учебных занятий или от танцев, вовсе не желает немедленно лечь спать, а только заняться чем-либо другим, что бы доставило ему развлечение и удовольствие. Но об одном следует всегда помнить, а именно, что ничто не может явиться развлечением, если оно делается без удовольствия.

§ 198. Фехтование и верховая езда считаются столь необходимой частью воспитания, что если пренебрегать ими, это было бы сочтено за большое упущение; верховая езда, которой учатся большей частью только в больших городах, является с точки зрения здоровья одним из лучших упражнений, какие можно иметь в этих местах удобства и роскоши; и пока джентльмен живет в этих местах, оно должно занять соответствующее место среди его занятий. Верховая езда сообщает человеку твердую и грациозную посадку в седле и уменье дрессировать своего коня, заставлять его разом останавливаться, быстро поворачиваться и становиться на дыбы; поэтому она полезна для джентльмена как в мирное, так и в военное время. Но достаточно ли она важна, чтобы обращать ее в серьезное дело, и заслуживает ли она того, чтобы отнимать у джентльмена больше времени, чем следовало бы тратить его на этот тяжелый спорт, если исходить исключительно из интересов здоровья, — все это я предоставляю решать родителям и воспитателям; но последним полезно при этом вспомнить,

что о какой бы части воспитания ни шла речь, наибольшая мера времени и прилежания должна быть уделена тому, что будет вероятнее всего иметь наибольшее значение и наиболее частое применение в обычном течении и обстоятельствах той жизни, для которой предназначается молодой человек.

§ 199. Что касается фехтования, то оно мне кажется **Фехтование.** хорошим упражнением для здоровья, но опасным для жизни. Уверенность в своем искусстве может поощрить к спорам тех, которые считают, что они умеют владеть шпагой. Эта самонадеянность часто делает их более чувствительными, чем нужно, в вопросах чести, при малейшем поводе и даже полном отсутствии его. Молодые люди, с их горячей кровью, склонны думать, что они напрасно учились фехтованию, если они никогда не покажут своего искусства на дуэли; и это соображение, видимо, резонно. Но сколько оно породило печальных трагедий, об этом могут свидетельствовать слезы многих матерей. Человек, не умеющий фехтовать, будет более тщательно избегать общества забияк и игроков и будет наполовину меньше склонен проявлять мелочную щепетильность, наносить оскорбления или резко их оправдывать; а этим обыкновенно и вызываются ссоры. На самом же поединке посредственное умение фехтовать скорее подводит нас под удар противника, чем защищает от него. И бесспорно, что смелый человек, совсем не умеющий фехтовать, но строящий свой расчет на первом ударе и не теряющий времени на парирование, имеет перевес над посредственным фехтовальщиком, особенно если он умеет хорошо бороться. Поэтому, если нужно заранее принимать меры на подобные случаи и готовить своего сына к дуэлям, то я предпочел бы, чтобы мой сын был хорошим борцом, чем посредственным фехтовальщиком; на большее же искусство в фехтовании джентльмен не может рассчитывать, если только он не будет постоянно торчать в фехтовальной школе и упражняться ежедневно. Но поскольку фехтование и верховая езда всеми признаются в качестве необходимых элементов воспитания джентльмена, трудно совершенно отказывать человеку этого ранга в подобных знаках отличия. Я предоставляю поэтому отцу обсудить: в какой мере характер его сына и положение, которое он, вероятно, будет занимать, позволяют или побуждают его сообразоваться с обычаями, которые, имея очень мало общего с цивилизованной жизнью, раньше были неизвестны самым воинственным народам и, кажется, немного прибавили силы или мужества тем, которые их приняли, если только мы не думаем, что военное искусство или доблесть преуспели благодаря дуэлям, вместе с которыми фехтование вошло в обычай с тем, как я полагаю, чтобы вместе с ними исчезнуть.

§ 200. Таковы мои мысли относительно обучения и внешних талантов джентльмена. Самая великая вещь — это добродетель и мудрость. *Nullum nomen abest si sit prudentia*⁶⁰.

Научите джентльмена господствовать над своими склонностями и подчинять свои влечения разуму. Если это достигнуто и благодаря постоянной практике вошло в привычку, то самая трудная часть задачи выполнена. Чтобы привести молодого человека к такому результату, я не знаю лучшего средства, чем любовь к похвале и одобре-

нию, которую, поэтому, следует вселять всеми мыслимыми способами. Сделайте его душу возможно более чувствительной к чести и позору; и когда вы этого добились, вы тем самым вложили в него начало, которое будет влиять на его поступки и в вашем отсутствии и с которым нельзя и сравнивать страх перед незначительной болью, причиняемой розгой; оно явится тем настоящим стволom, на котором впоследствии привьются истинные принципы морали и добродетели.

Ремесло.

§ 201. Я намерен остановиться еще на одном предмете, при первом упоминании которого я рискую навлечь на себя подозрение в том, что я забыл о своей теме и о том, что я писал выше относительно воспитания, во всем приуроченного к призванию джентльмена, с которым, как будто бы, ремесло никак несовместимо. Тем не менее я не могу не сказать, что я желал бы, чтобы он учился ремеслу, ручному труду; и даже более того — не одному, а двум или трем, причем одному более основательно.

§ 202. Поскольку склонность детей к деятельности всегда должна направляться на что-нибудь полезное для них, следует учитывать два рода выгод, которых можно ожидать от их занятий:

1. Искусство, усвоенное путем упражнения, само по себе заслуживает того, чтобы его усвоить. Таковы не только знание языков и наук, но так же живопись, токарное дело, садоводство, закаливание и обработка железа и все другие полезные искусства, заслуживающие усвоения.

2. Упражнение, как таковое, независимо от каких бы то ни было других соображений, необходимо или полезно для здоровья.

Знание некоторых вещей настолько необходимо усваивать детям, пока они молоды, что усовершенствованию в этих вещах должна быть посвящена некоторая часть их времени, хотя бы эти занятия вовсе не способствовали их здоровью. Таковы чтение и письмо и все другие занятия, связанные с сидением на месте, цель которых — воспитание их ума и которые неизбежно отнимают у джентльменов значительную часть их времени с самых ранних лет.

Из ручных ремесел, для усвоения которых, равно как и для упражнения в них, требуется физический труд, многие, благодаря этому упражнению, не только увеличивают нашу ловкость и искусство, но укрепляют также наше здоровье, особенно если ими заниматься на открытом воздухе. В них, следовательно, можно сочетать усовершенствование с улучшением здоровья; из них следует выбрать подходящие в качестве развлечения для людей, чье главное занятие связано с книгами и учением. При этом выборе нужно сообразоваться с возрастом и склонностями данного человека и, привлекая его к делу, избегать принуждения. Ибо приказание и насилие часто вызывают отвращение, но никогда не излечивают от него: за какое бы дело вы ни засадили человека насильно, он при первой же возможности немедленно бросит его; да к тому же, пока он занимается им, оно приносит ему мало пользы и еще меньше развлечения.

Живопись.

§ 203. Из всех искусств я бы отдал предпочтение искусству живописи, если бы против нее не выдвигались кое-какие доводы, на которые трудно возразить. Во-первых, плохая живопись — одна из самых скверных вещей на свете; а для

того чтобы достичь сносного умения в этом искусстве, требуется слишком много времени. Если кто-либо обладает природной склонностью к живописи, может возникнуть опасность, что ради нее он забросит все остальные, более полезные, занятия; если же у него нет никакой склонности к ней, то все время, труд и деньги, которые должны быть на нее затрачены, окажутся выброшенными на ветер. Другая причина, по которой я против занятия джентльмена живописью, заключается в том, что это развлечение связано с сидением на месте и больше занимает душу, чем тело. Более серьезным занятием для джентльмена я считаю учение: а когда оно требует перерыва и перемены, то надо заниматься физическим упражнением, которое дает отдых мыслям и укрепляет здоровье и силы. По этим двум соображениям я не сторонник живописи.

§ 204. Для сельского джентльмена я предложил бы **Садоводство.** одно из следующих двух занятий, или еще лучше и то и другое: садоводство или вообще сельское хозяйство и работы по дереву, как-то: плотничью, столярную, токарную; ибо для кабинетного или делового человека они являются полезным и здоровым развлечением. Душа не выдерживает постоянного занятия одним и тем же предметом или одним и тем же приемом работы, и люди, ведущие сидячую или кабинетную жизнь, должны иметь какое-нибудь упражнение, которое бы могло в одно и то же время развлекать их душу и давать занятие телу; и я не знаю в этом отношении ничего лучшего, чем указанные два занятия; когда погода или время года не позволяют ему заняться одним, он может заняться другим. Хорошее усвоение одного даст ему возможность руководить своим садовником и учить его; усвоив второе, он будет в состоянии придумывать и изготовлять много полезных и вместе с тем приятных вещей. Но на это я указываю не как на главную цель работы, а как на приманку к ней, ибо главное, что я имею в виду, заключается в полезном и здоровом ручном труде, как развлечении после других, более серьезных, мыслей и занятий.

§ 205. Великие люди древности очень хорошо умели сочетать ручной труд с государственными делами и не считали умалением своего достоинства заниматься подобным трудом в виде отдыха от своих дел. Фактически наиболее распространенным среди них занятием и развлечением в часы досуга, видимо, было земледелие. Гедеон⁶¹ у евреев был взят от молотилки, а Цинциннат⁶² у римлян от плуга — командовать войсками их стран против врагов; очевидно, их умение искусно управлять цепом или плугом и хорошо работать этими инструментами не мешало им искусно владеть оружием и не делало их менее способными в делах войны и государственного управления. Они были великие полководцы и государственные люди и в то же время сельские хозяева. Катон Старший⁶³, который с великой славой исполнял все крупные должности республики, оставил нам письменное доказательство своего большого знания сельского хозяйства; и, как мне помнится, Кир⁶⁴ настолько далек был от того, чтобы видеть в занятии садоводством умаление достоинства и величия трона, что показывал Ксенофону⁶⁵ большое поле фруктовых деревьев, которые все

были засажены его руками. Древние летописи как евреев, так и язычников полны примерами этого рода, если требуются примеры для рекомендации полезных развлечений.

§ 206. Не думайте также, что я ошибаюсь, когда **Развлечение.** называю подобные упражнения и ручные ремесла развлечениями или отдыхом; отдых заключается не в безделье (как может убедиться каждый), а только в облегчении утомленного органа переменной занятія; и тот, кто думает, что развлечение не может состоять в трудной и утомительной работе, забывает о раннем вставании, трудной верховой езде, о жаре, холоде и голоде, которые выпадают на долю охотников; между тем охота, как известно, составляет обычное развлечение среди людей высшего круга. Копание земли, посадка деревьев, прививка или другие подобные полезные занятия могли бы не в меньшей мере служить развлечением, чем любой праздный модный спорт, если бы только люди научились находить в том удовольствие; а это быстро приносят с собой привычка и знание какого-либо ремесла. И я не сомневаюсь, что найдутся люди, которые, получая часто приглашения на карты или какие-либо другие игры и не имея возможности отклонять их, больше устают от этих развлечений, чем от каких-либо более серьезных занятий, хотя бы игра была такая, которая сама по себе не внушает никакого отвращения и которой они бы охотно временами развлекались.

§ 207. Игра, которой знатные люди, особенно дамы, отдают столько времени, служит для меня ясным примером того, что люди не могут находиться в полной праздности: они должны что-нибудь делать; иначе, как могли бы они просиживать столько часов за таким занятием, которое большинству людей доставляет больше неприятностей, чем удовольствия, когда их привлекают к нему. Несомненно, что от игры не остается никакого чувства удовлетворения у человека, размышляющего о ней уже после того, как она кончилась, и не приносит она также никакой пользы ни телу, ни душе; что же касается материальной стороны, то если игра затрагивает человека так глубоко, что и эта сторона его интересуется, она становится уже не развлечением, а промыслом, в котором мало преуспевают те, у которых есть другой источник средств. А преуспевающий игрок, наполняющий свои карманы ценою своей репутации, в лучшем случае лишь жалкий промышленник.

Развлечение не нужно людям, которые чуждаются серьезного дела и не истощаются и не утомляются своими профессиональными занятиями. Нужно уметь регулировать время развлечения так, чтобы оно давало отдых и освежало тот орган, который был в упражнении и утомился, но время надо использовать так, чтобы, помимо развлечения и приятного самочувствия в настоящем, каждое занятие давало бы пользу в будущем. Только тщеславие и кичливость знатных и богатых людей ввели в моду бесполезные и опасные способы приятного времяпрепровождения, «pastimes», как они это называют, и поселили в людях убеждение, что изучение и занятие чем-либо полезным не может быть развлечением, подходящим для джентльмена. Это и было причиной того, что карты, кости и попойки получили такое признание в свете; множество людей тратит на них свои свободные часы, скорее

подчиняясь обычаю и не имея какого-нибудь другого лучшего занятия, которым можно было бы заполнить досуг, чем находя в этом какое-либо действительное удовольствие. Они не в силах нести мертвый груз незанятого времени, переносить скуку ничегонеделания; но не выучившись никакому похвальному ремеслу, которым могли бы развлекаться, они, чтобы убить время, прибегают к этим обычным, но нелепым или вредным развлечениям, в которых разумный человек, еще не испорченный обычаем, нашел бы очень мало приятного.

§ 208. Я не хочу этим сказать, что, по моему мнению, молодой джентльмен ни в коем случае не должен приноравливаться к тем невинным развлечениям, которые приняты среди молодых людей его возраста и положения. Я настолько далек от желания видеть его до такой степени суровым и угрюмым, что хотел бы убедить его быть более снисходительным ко всем увеселениям и развлечениям своих товарищей и не реагировать с угрюмым нерасположением на их предложения, если последние приличествуют джентльмену и порядочному человеку. Хотя, что касается карт и костей, по моему мнению, безопаснее и лучше всего, чтобы он никогда не учился играть в них и был, таким образом, застрахован от этих опасных соблазнов и от вторжения в его жизнь этих расточителей полезного времени. Но если даже допускать праздное и веселое времяпрепровождение и всякие приличные модные забавы, я все-таки утверждаю, что у молодого человека будет оставаться достаточно времени от его серьезных и главных занятий, чтобы научиться почти любому ремеслу. То, что люди бывают искусны только в одном деле, нужно приписывать недостатку прилежания, а не отсутствию лишнего времени: один час в день, регулярно отдаваемый такого рода занятию, может привести человека к таким достижениям, каких он и не воображает, а это заслуживало бы поощрения даже в том случае, если бы оно только вывело из моды общепринятые порочные и бесполезные способы развлечения и показало бы, что в них нет никакой надобности. Если бы люди с юных лет отучались от этого шалопаинства, в котором некоторые, следуя обычаю, теряют бесплодно значительную часть своей жизни, не работая и не развлекаясь, то у них нашлось бы достаточно времени, чтобы приобрести сноровку и искусство в сотнях вещей, которые, хотя бы они были далеки от их настоящей профессии, тем не менее несколько не мешали бы ей. Ввиду этого, так же, как и по соображениям, указанным выше, я считаю, что менее всего должно быть терпимо и допускаемо в молодых людях то ленивое и апатичное настроение, которое заставляет проводить день за днем в сонливой праздности. Это является естественным состоянием болезненного человека или человека с расстроенным здоровьем; но ни в ком другом, независимо от возраста или общественного положения, оно не должно быть терпимо.

§ 209. К вышеупомянутым ремеслам можно прибавить еще изготовление духов⁶⁶, лакирование, гранирование и некоторые виды работ по железу, меди и серебру; если же молодой джентльмен, как это бывает с большинством из них, проводит значительную часть своего времени в большом городе, то он может там научиться вырезывать, шлифовать и оправлять драгоценные камни, шлифовать и полировать

оптические стекла. При большом разнообразии затейливых ремесленных работ невозможно, чтобы не оказалось ни одной, которая бы пришлась ему по душе и по вкусу, если только он не ленивый и не испорченный человек; а этого нельзя предполагать при правильном воспитании. Поскольку он не может быть постоянно занят учением, чтением и разговором, то, кроме того времени, которое у него будут отнимать эти занятия, будет оставаться много свободных часов, и если он не будет их тратить указанным образом, то затратит их хуже. Ибо я думаю, что молодой человек в редком случае пожелает оставаться в полной праздности и безделье; а если это имеет место, то перед нами порок, который нужно исправить.

§ 210. Но если заблуждающиеся родители, которых **Бухгалтерия.** приводят в ужас такие неприятные слова, как «механическая работа», отвергнут для своих детей какое бы то ни было занятие этого рода, то есть одна вещь, относящаяся к торговле, изучение которой они, по здравом размышлении, признают для своих сыновей безусловно необходимым.

Знание бухгалтерии не поможет джентльмену нажить состояние; однако нет, пожалуй, более полезного и действительного способа сохранить ему то состояние, которым он обладает, чем бухгалтерия. Редко приходится наблюдать, чтобы допустил свои дела до полного расстройств тот, кто ведет счет своим доходам и расходам и, таким образом, постоянно имеет перед своими глазами движение своих хозяйственных дел; и я не сомневаюсь, что многие впадают в долги, не замечая этого, или еще дальше расстраивают свои дела, однажды допустив это, только потому, что не заботятся о ведении этого учета или не умеют этого делать. Поэтому я бы рекомендовал всякому джентльмену изучить основательно бухгалтерию и не думать, что это искусство ему не нужно потому, что оно получило свое название от торговых людей и ими главным образом применяется.

§ 211. Коль скоро мой юный барчук научился вести счета (дело скорее соображения, чем арифметики), то будет нелишне, если отец будет впредь требовать от него ведения счета во всех его личных делах. Я не хочу сказать, что он должен записывать каждую пинту вина или игру, стоившие ему денег: для этих вещей вполне достаточно одна общая рубрика расходов. Я не желал бы также, чтобы отец слишком подробно рассматривал эти счета, с тем, чтобы на их основании критиковать его расходы; он должен помнить, что он сам был когда-то молодым человеком, и не должен забывать, какие мысли ему были тогда свойственны, и что его сын имеет сейчас право на такие же мысли и может требовать снисходительного отношения к ним. Поэтому, если я желал бы, чтобы молодого джентльмена обязали вести счета, то вовсе не с тою целью, чтобы таким путем вмешивались в его расходы (ибо отец должен предоставить ему полную свободу в распоряжении теми средствами, которые он ему выдает), но исключительно для того, чтобы с ранних лет приучить его и сделать для него легким и привычным то, что ему будет столь полезно и необходимо неуклонно практиковать в течение всей жизни. Один знатный венецианец, сын которого утопал в богатстве своего отца, найдя, что расходы последнего растут сверх всякой меры, приказал своему

кассиру на будущее время не выдавать его сыну больше денег, чем тот в состоянии будет каждый раз при получении сосчитать. Можно было бы подумать, что это не очень большое стеснение для юного джентльмена в его расходах, раз он может свободно получать столько денег, сколько он в состоянии сосчитать. Однако для человека, не привыкшего ни к чему другому, кроме погони за удовольствиями, это оказалось весьма серьезным затруднением, которое в конце концов привело его к следующему трезвому и полезному размышлению: если мне так трудно только сосчитать те деньги, которые мне предстоит истратить, то сколько же труда и усилий стоило моим предкам не только считать их, но и зарабатывать. Эти разумные мысли, внушенные ему небольшим трудом, который был на него возложен, так сильно повлияли на его образ мыслей, что он совершенно переменялся и с того времени ведет себя, как разумный хозяин. Во всяком случае каждый должен признать, что ничто не может лучше удерживать человека в определенных границах, чем постоянный учет состояния своих дел путем регулярного ведения счетов.

§ 212. Последней частью воспитания обыкновенно является путешествие, в котором обычно видят завершение дела, — то, что заканчивает формирование джентльмена. Я согласен, что путешествие в чужие страны дает большие преимущества; но время, обычно выбираемое для отправки молодых людей за границу, по моему мнению, как раз то, когда они менее, чем в любое другое время, способны извлечь отсюда выгоды. Главнейшие из этих выгод следующие две: первое — это усвоение языка, второе — повышение умственного развития и обогащение практическим опытом благодаря наблюдению и общению с людьми разных нравов, обычаев и образа жизни, отличающихся между собою и особенно от тех, которые молодой человек наблюдал в своем приходе и по соседству. Но в возрасте между шестнадцатью и двадцатью одним годом, обычно избираемом для путешествия, люди менее всего способны совершенствоваться в этих направлениях. Наиболее подходящим временем для усвоения иностранных языков и приспособления органа речи к правильному произношению я считал бы возраст от семи до четырнадцати или шестнадцати лет; но тогда полезно и необходимо, чтобы с мальчиком был воспитатель, который учил бы его, кроме языков, и другим вещам. Но отпустить юношу далеко от родительского глаза под надзором гувернера в такое время, когда мальчик считает себя слишком взрослым, чтобы подчиняться чужому руководству, и в то же время не обладает достаточным благоразумием и опытом, чтобы быть самостоятельным, — разве это не значит подвергать его самым большим за всю жизнь опасностям в такое время, когда он наименее огражден и защищен против них? До того, как наступит этот кипучий и бурный период его жизни, воспитатель, можно надеяться, будет иметь известный авторитет: несмотря на упорство, свойственное возрасту, и на искушения или примеры других, мальчик до пятнадцати или шестнадцати лет не уйдет из-под руководства воспитателя; позднее же, когда он начинает водиться со взрослыми и самого себя считать взрослым человеком, когда он уже находит вкус и источник гордости в пороках взрослых и считает для

себя позорным оставаться дольше под чужим контролем и руководством, — чего тогда можно ожидать даже от самого заботливого и рассудительного гувернера, раз у него нет силы принуждения по отношению к своему воспитаннику, а последний не расположен подчиняться его уговорам, а, напротив, подчиняясь голосу горячей крови и господствующему обычаю, скорее склонен слушаться подговоров товарищей, чем воспитателя, в котором он теперь видит врага своей свободы? Когда же человеку так легко сбиться с пути, как не в этот период, когда в нем сочетаются неопытность и непокорность? Именно в эту пору жизни, больше, чем в какую-либо другую, требуются надзор и авторитет родителей и друзей. Податливость более раннего возраста, когда мальчик еще не дорос до упрямства, делает этот возраст более легким объектом для руководства и более безопасным; в более же позднем возрасте начинают понемногу действовать разум и предусмотрительность и напоминать человеку о его совершенствовании. Поэтому правильнее всего отправлять молодого джентльмена за границу или в более раннем возрасте, когда он находится под надзором воспитателя, который будет для него и более полезен; или же когда он на несколько лет старше и уже не имеет гувернера, т. е. находится в таком возрасте, когда он может управлять самим собою и замечать все, что он встречает в других странах интересного и могущего оказаться ему полезным по возвращении; когда, кроме того, он, зная уже хорошо законы и обычаи, природные и моральные преимущества и недостатки своей страны, имеет о чем обменяться мыслями с иностранцами и может надеяться, что извлечет из беседы с ними какие-либо знания.

§ 213. Я полагаю, что именно потому, что путешествия молодых джентльменов организуются иначе, очень многие из них возвращаются домой, извлекая так мало пользы из своей поездки. Все знание виденных мест и людей, которое они привозят с собой домой, часто выражается в одном лишь восхищении перед самыми скверными и пустыми обычаями, с которыми они встречались за границей. Приятные воспоминания о моментах, в которые они ощутили впервые обретенную свободу, лучше сохраняются в их памяти, чем то, что должно было бы сделать их лучше и мудрее. Да и в самом деле, как может быть иначе, если они ездят за границу в таком возрасте, когда находятся под присмотром другого человека, который должен заботиться обо всем необходимом для них и делать за них наблюдения? Находясь под крылышком гувернера и пользуясь этим предлогом, они видят в этом оправдание тому, что еще не стоят на собственных ногах и не отвечают за свое поведение, и редко затрудняют себя вопросами, редко делают самостоятельные и полезные наблюдения. Их мысли направлены на игры и развлечения, и здесь они всякий контроль считают умалением их прав; они редко затрудняют себя тем, чтобы вникать в намерения, наблюдать манеры обращения, размышлять о примерах, характерах и наклонностях людей, с которыми они встречаются, чтобы знать, как вести себя по отношению к этим людям. Здесь тот, кто путешествует с ними, должен служить для них прикрытием: выручать их, когда они попадают в затруднительное положение, и нести ответственность за все их дурные поступки.

§ 214. Я согласен, знание людей — это такое большое искусство, что нельзя ожидать от молодого человека, чтобы он сразу овладел им. Но ведь поездка его за границу будет мало полезна, если путешествие не откроет ему глаз, не сделает его осмотрительным и сдержанным, не приучит смотреть глубже поверхности и под безобидным покровом вежливого и любезного обращения сохранять свободу и безопасность в общении с иностранцами и людьми вообще, не теряя их доброго мнения. Тот, кого посылают в путешествие в возрасте и с мыслями человека, желающего извлечь для себя из этого пользу, может всюду вступать в общение и знакомиться с выдающимися людьми. Но хотя это в высшей степени полезно для путешествующего джентльмена, однако, я спрошу вас: найдется ли среди наших молодых людей, едущих за границу под присмотром воспитателя, хотя бы один из ста, который когда-либо посетил бы какого-нибудь выдающегося человека? И еще реже они знакомятся с людьми, беседа с которыми могла бы показать им, что считается хорошим воспитанием в этой стране и что в ней заслуживает внимания; хотя от таких лиц можно в один день узнать больше, чем за целый год шатаний по гостиницам. И, право, удивляться тут нечему: достойные и даровитые люди не склонны связывать простое знакомство с мальчиками, которые нуждаются в опеке воспитателя; между тем как молодой джентльмен и иностранец, с внешностью взрослого человека, обнаруживающий желание познакомиться с обычаями, нравами, законами и образом правления страны, в которой он находится, повсюду найдет благожелательное содействие и радушный прием у лучших и наиболее сведущих людей, готовых принять, поощрить и поддержать неглупого и любознательного иностранца.

§ 215. Как бы эти соображения ни были справедливы, боюсь, однако, что они не заставят изменить обычай, который отнес время путешествия к самому неподходящему периоду человеческой жизни по причинам, не имеющим никакого отношения к усовершенствованию молодых людей. Мальчика восьми-десяти лет нельзя отправлять за границу из опасения, как бы чего не случилось с нежным ребенком, хотя в это время он подвергается в десять раз меньшей опасности, чем в возрасте шестнадцати или восемнадцати лет. С другой стороны, нельзя держать его дома до тех пор, когда не пройдет этот опасный и буйный возраст, ибо к двадцати одному году он должен уже вернуться, жениться и производить потомство. Отец не может долгие ждать с выделом, а мать не может дожидаться новой серни малюток для забавы; и вот, мой молодой человек должен во что бы то ни стало получить жену, которую высмотрели для него, пока он подрастал; хотя никакого вреда не было бы ни для его сил и способностей, ни для его потомства, если бы это было отложено на некоторое время и ему позволили бы годами и знаниями несколько больше опередить своих детей, которые, как это часто наблюдается, идут слишком близко по пятам своих отцов, что не доставляет большого удовольствия ни сыну, ни отцу. Но коль скоро молодой джентльмен уже носится с проектом женитьбы, пора предоставить его его возлюбленной.

§ 216. Хотя я подошел к концу моих заметок о воспитании, внутренних наблюдениями, я бы не хотел, однако, чтобы подумали, что я смотрю на них как на настоящий трактат об этом предмете. Есть тысячи других вещей, которые бы требовали рассмотрения, особенно если принять во внимание разнообразные темпераменты, различные наклонности и специальные недостатки, которые можно встретить у детей и которые требуют специальных мер исправления. Разнообразие так велико, что потребовался бы целый том; да и его бы не хватило. Душа каждого человека, так же, как и его лицо, представляет известные особенности, отличающие его от остальных людей, и вряд ли найдутся двое детей, в воспитании которых можно было бы применять совершенно одинаковый метод. Кроме того я думаю, что принц, дворянин и сын обыкновенного джентльмена должны воспитываться различным образом. Но я имел в виду высказать здесь лишь некоторые общие точки зрения относительно главной задачи и цели воспитания, к тому же относившиеся к сыну одного джентльмена, тогда еще совсем маленькому, которого я рассматривал, как чистый лист бумаги или воск, из которого можно вылепить и оформить все, что угодно. Поэтому я несколько вышел за пределы тех общих правил, которые, по моему мнению, должны применяться в воспитании юного джентльмена; и я публикую теперь мои случайные мысли в надежде, что, хотя они далеко не представляют полного трактата об этом предмете или такого, в котором каждый мог бы найти то, что полностью подойдет для его ребенка, все же могут кое-что осветить для тех, чья забота о своих дорогих крошках делает столь необычайно смелыми, что они решаются, не полагаясь всецело на старый обычай, советоваться в деле воспитания своих детей и с собственным разумом.

О ВОСПИТАНИИ РАЗУМА¹.

(Of the Conduct of the understanding.)

«Quid tam temerarium, tamque indignum sapientis gravitate atque constantia, quam aut falsum sentire aut quod non satis explorate perceptum sit et cognitum sine ulla dubitatione defendere?»
[Cicero, De Natura Deorum, liv.] *

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1. Высшая инстанция, к которой человек прибегает, определяя свое поведение, есть его разум: ибо хотя мы различаем способности души и признаем верховенство за волей, как действующим началом, однако истина в том, что человек, как деятельное существо, решается на то или другое волевое действие, основываясь на каком-либо предварительном знании или на видимости знания, воспринятого разумом. Ни один человек не принимается за что бы то ни было, не опираясь на то или другое мнение, которое служит для него мотивом его действия; какими бы способностями он ни пользовался, им постоянно руководит разум, хорошо или плохо осведомленный, испуская свет, которым он обладает: этим светом, истинным или ложным, управляются все деятельные силы человека. Воля сама по себе, какой бы абсолютной и бесконтрольной люди ее ни считали, никогда не выходит из повиновения велениям разума. Храмы имеют свои священные изображения, и мы видим, какое влияние они всегда имели на значительную часть человечества. Но, поистине, идеи и образы в человеческих душах являются теми невидимыми силами, которые постоянно ими управляют и которым, как правило, всякая душа с готовностью подчиняется. Поэтому в высшей степени важно весьма тщательно заботиться о разуме, заботиться о том, чтобы правильно вести его в поисках знания и в его актах суждения.

Логика, которой ныне пользуются, так долго владела кафедрой в качестве единственно преподаваемой в школах науки управления ра-

* «Есть ли что-нибудь столь безрассудное и недостойное серьезности и твердости мудреца, как ложно чувствовать или отстаивать без всякого колебания то, что воспринято и познано без достаточного исследования?»

зумом при изучении искусств и наук, что если высказать предположение, что правила, которые служили ученому миру в течение последних двух или трех тысячелетий и которыми ученые продолжают пользоваться, не жалуясь на их недостатки, недостаточны, чтобы руководить разумом, то это, пожалуй, было бы принято как пристрастие к новизне. И я не сомневаюсь, что такая попытка была бы осуждена, как проявление тщеславия и самонадеянности, если бы она не была оправдана авторитетом великого лорда Ветуламского², который, не следуя рабски за мнением, будто наука не может быть подвинута дальше того, чем она была, потому лишь, что фактически не двигалась в течение многих веков, не удовлетворился лишь тем, чтобы лениво хвалить и славить то, что есть, лишь потому, что оно есть, но расширил свой ум до возможных пределов. В предисловии к своему «Новому Органону» он говорит о логике следующее: «*Qui summas dialecticae partes tribuerunt, atque inde fidissima scientiis praesidia comparari putarunt, verissime et optime viderunt intellectum humanum sibi premissum merito suspectum esse debere. Verum infirmior omnino est malo medicina; nec ipsa mali expers. Si quidem dialectica quae recepta est, licet ad civilia et artes, quae in sermone et opinione positae sunt, rectissime adhibeatur; naturae tamen subtilitatem longo intervallo non attingit, et prensando quod non capit, ad errores potius stabiliendos, quam ad viam veritati aperiendam valuit*»^{*}.

Способности. § 2. Существует, видимо, большое разнообразие в человеческих рассудках, и природные конституции людей создают в этом отношении такие широкие различия между ними, что ни искусство, ни усердие никогда не бывают в состоянии эти различия преодолеть; повидимому, самая природа одних людей не является той базой, на которой они могли бы достичь того, чего достигают легко другие. Среди людей одинакового воспитания существует большое неравенство способностей. Американские леса, как и афинские школы, порождают в среде одного и того же племени людей с различными способностями. Хотя это так, я все-таки думаю, что большинство людей далеко не достигают того, чего они могли бы достигнуть в той или другой доступной им степени, вследствие небрежного отношения к своему разуму. Немногие правила логики считаются в этом случае достаточными для тех, кто претендует на высшую степень совершенствования; однако я думаю, что есть много природных дефектов разума, которые хотя и поддаются исправлению, но упускаются из виду и совершенно оставляются без внимания: нетру-

^{*} «Те же, — говорит он, — кто приписал величайшее значение диалектике, надеясь найти в ней самую верную помощь наукам, вполне справедливо и правильно поняли, что человеческий разум, предоставленный самому себе, не заслуживает доверия. Но лекарство оказывается слабее болезни, да и само не свободно от болезни. В самом деле, общепринятая диалектика, будучи вполне применима в гражданских делах и в тех искусствах, которые основаны на речи и мнении, все же далеко не достигает тонкости природы; и, пытаясь поймать неуловимое, содействовала скорее укоренению и как бы закреплению ошибок, чем расчистке пути для истины».

В связи с этим он немного ниже говорит: «Необходимо ввести лучшее и более совершенное применение человеческого духа и разума»³. («*Necessario requiritur ut melior et perfectior mentis et intellectus humani usus et adoperatio introducatur.*».)

дно заметить, что люди допускают в упражнении и совершенствовании этой способности души большие ошибки, которые препятствуют их успехам и оставляют их в невежестве и заблуждении на всю их жизнь. На некоторых из этих ошибок я останавлиюсь в своем дальнейшем изложении и вместе с тем постараюсь указать подходящие средства их исправления.

Рассуждение. § 3. Помимо отсутствия определенных⁴ идей и проницательности, а также навыка в нахождении и приведении в порядок посредствующих идей⁵, люди допускают по отношению к своему разуму три неправильности, мешающие оказывать те услуги, которые проницательность может оказывать и для которых она предназначена. И тот, кто размышляет над действиями и рассуждениями людей, должен убедиться, что эти недостатки весьма часты и заметны,

1. Первый недостаток присущ людям, которые вообще редко рассуждают, но поступают и думают так, как им указывает пример других — родителей, соседей, служителей церкви и других, кого им угодно избрать предметом своей слепой веры, с целью избавить себя от труда и беспокойства самостоятельного мышления и анализа.

2. Второй недостаток — это недостаток людей, которые ставят на место разума чувство, и, решив, что именно оно должно управлять их поступками и аргументами, пользуются собственным разумом и прислушиваются к разуму других людей лишь в той мере, в какой это соответствует их настроению, интересу или пристрастию; эти люди, как всякий может это заметить, обычно довольствуются словами, для которых нет соответствующих идей, хотя эти же люди в других случаях, к которым они относятся объективно, оказываются не лишенными способности рассуждать и слушаться голоса разума, поскольку у них нет тайной склонности, мешающей им подчиниться ему.

3. Третий сорт людей состоит из тех, которые охотно и искренно следуют разуму; но за недостатком того, что можно назвать широким, здоровым и разносторонним умом, они не охватывают всего, что относится к вопросу и что может иметь значение для его решения. Мы все близоруки и очень часто видим только одну сторону дела; наше поле зрения не охватывает всего, что имеет связь с ним. От этого недостатка, я думаю, никто не свободен. Мы видим только частично, и знание наше только частично; поэтому нет ничего удивительного в том, что мы делаем неправильные выводы из наших неполных посылок. Это могло бы научить самого чванливого почитателя собственных талантов, насколько полезно беседовать и советоваться с другими, даже с теми, которые уступают ему в способностях, сообразительности и проницательности: ибо, поскольку нет человека, который бы видел все, и поскольку мы вообще смотрим на одну и ту же вещь различно, — соответственно, если можно так выразиться, различным позициям по отношению к ней, — то нет ничего нелепого в мысли и ничего удивительного в попытке узнать, не обладает ли другой такими сведениями о вещах, которые от нас ускользнули и которые наш разум, познакомившись с ними, использовал бы. Способность рассуждать редко или никогда не обманывает тех, кто полагается на нее; ее выводы, на чем бы они ни строились, очевидны и определены; но нас чаще всего,

если не исключительно, сбивает в этом отношении с верного пути то обстоятельство, что принципы, из которых мы выводим заключение, и основание, на котором мы строим наше рассуждение, неполны: упущено что-то такое, что следовало принять в расчет, чтобы сделать рассуждение правильным и точным. В связи с этим нетрудно себе представить, каким большим и почти бесконечным преимуществом пользуются перед нами ангелы и отдельные духи (*separate spirits*⁶), которые, в различной степени возвышаясь над нами, могут обладать более обширными способностями; и может быть, некоторые из них, имея точное и совершенное представление о всех конечных вещах, попадающих в сферу их рассмотрения, способны во мгновение ока свести воедино все рассеянные и почти бесконечные отношения этих вещей. Душа, таким образом вооруженная, имеет основание быть спокойной за достоверность своих выводов!

Указанным дефектом мы можем объяснить тот факт, что иные люди науки и мысли, правильно рассуждающие и любящие истину, не имеют больших достижений в своих изысканиях ее. Заблуждение и истина перемешаны в их умах; их заключения необоснованы и дефектны, и они часто весьма ошибаются в своих суждениях; причина лежит в том, что они общаются с одним сортом людей, читают один сорт книг и склонны выслушивать только один сорт мнений: истина для них — это маленький Гесем⁷, который они отгораживают себе в интеллектуальном мире, где, по их мнению, только и светит свет и день несет им свое благословение, в то время как остальная часть этого огромного пространства для них закрыта ночным мраком, и они избегают близко подходить к ней. Они ведут в некоем маленьком заливчике оживленные сношения с знакомыми им корреспондентами; замыкаясь в эти границы, они с достаточной ловкостью оперируют товарами и продуктами того уголка, которым довольствуются, но не решаются пуститься в великий океан знания, чтобы ознакомиться с богатствами, накопленными природой в других местах, не менее подлинными, не менее солидными и не менее полезными, чем те, которые достались на их долю; они в полном восторге от изобилия и довольства своего маленького уголка, в котором по их мнению сосредоточилось все, что есть хорошего в мире. Те, которые живут, замкнувшись таким образом на своей тесной территории, не желая выглянуть за пределы, отведенные для их исследований случаем, самомнением или ленью, и отгораживаясь от понятий, рассуждений и достижений остального человечества, не мало похожи на обитателей Марианских островов⁸, которые, будучи отрезаны обширным пространством моря от всякого общения с обитаемыми частями земного шара, считали себя единственным народом в мире. И хотя их скудные жизненные удобства не дошли до применения огня, с которым их не так давно познакомили испанцы при своих плаваниях из Акапулько в Маниллу⁹, однако, несмотря на нужду и невежество почти во всем, они считали себя счастливейшим и мудрейшим народом вселенной даже после того, как узнали от испанцев о существовании многих народов, богатых знаниями, искусствами и удобствами жизни, о которых они не имели никакого понятия. Но за это, я думаю, никто не станет считать их глубокими натуралистами или основательными метафизиками; ни-

кто не подумает, что даже самый сообразительный из них обладает широкими взглядами в этике или политике; и никто не предположит, что даже самый способный из них ушел в своем разумении дальше знания немногих предметов его острова и тех соседних островов, которые образуют район его сношений; отсюда, однако, еще достаточно далеко до той широты ума, которая украшает душу, отдающуюся исканию истины и пользующуюся для этого науками и свободным обменом мнениями и чувствами с мыслящими людьми всяких направлений. Пусть поэтому люди, действительно желающие постичь то, что каждый на словах желает постичь, а именно — истину во всем ее объеме, не суживают своего поля зрения и не закрывают его мраком. Пусть люди не думают, что вся истина содержится только в тех науках, которые они изучают, и в тех книгах, которые они читают. Отвергать заранее мнения других людей, не ознакомившись с ними, это значит — не доказывать темноту последних, а только самому впасть в слепоту.

«Испытывай все вещи и удерживай крепко то, что хорошо»¹⁰, — таково божественное правило, указанное отцом света и истины, и трудно понять, каким другим путем можно притти к истине и овладеть ею, как не докапываясь и не разыскивая ее, как золото и скрытый клад. Но тот, кто делает это, должен добыть много земли и мусора раньше, чем он добудет чистый металл, который обычно бывает перемешан с песком, галькой и шлаком; но золото никогда не перестает быть золотом и всегда будет обогащать человека, который тратит усилия на то, чтобы искать и отделить его. Нет также никакой опасности, что он будет обманут этой смесью: у каждого человека есть пробный камень для различения настоящего золота от поверхностного блеска, истины от ее видимости, если только он хочет пользоваться им. Этим пробным камнем является наш природный разум; но благодетельное использование его нарушается и вовсе оказывается бесплодным при горделивой предвзятости, надменной самонадеянности и сужении умственного кругозора. Отсутствие упражнения, распространяющегося на весь объем постигаемых вещей, ослабляет и угашает в нас эту благородную способность. Проследите и посмотрите сами, так ли это. Деревенский поденщик обладает обыкновенно лишь незначительными крупицами знаний, потому что его представления и понятия ограничены тесными рамками его ограниченного общества и убогого труда; ремесленник провинциального городка стоит несколько выше его; носильщики и неквалифицированные мастера больших городов стоят еще выше. Деревенский джентльмен, расставшийся с латынью и закончив университетское учение, уезжает в свою родную усадьбу и приобщается к кругу своих соседей, людей одного с ним типа, которые находят удовольствие лишь в охоте и попойках; только в их кругу он и вращается, только с ними он и ведет беседы, и он не выносит общества, в котором говорят о чем-либо другом, кроме того, что подскажут вино и разгул. Подобный патриот, сформировавшийся в столь счастливой школе совершенствования, не преминет, как мы это видим, проявить себя замечательными решениями в качестве судьи квартальных сессий¹¹, а также даст блестящие доказательства своего политического искусства, если сила его кошелька

и партии выдвинет его на более заметное место. Для такого джентльмена, конечно, ординарный завсегдатай столичной кофейной — настоящий государственный человек, настолько же превосходящий его, насколько человек, бывающий в Уайтголле¹² и при дворе, стоит выше обыкновенного лавочника.

Пойдем немного дальше: вот человек, весь ушедший в скорлупу сектантского рвения и веры в непогрешимость своей секты и не желающий притронуться к книге или вступить в спор с человеком, склонным усомниться кое в чем из того, что для него является священным. Другой смотрит на наши религиозные расхождения с беспристрастным и справедливым равнодушием и, вероятно, находит, что нет религии вполне непогрешимой. Эти подразделения и системы созданы людьми и несут в себе признаки их слабости; и среди тех людей, с которыми он расходится во взглядах и против которых он, пока у него не открылись глаза, питал одинаковое предубеждение, он встречает теперь больше, чем он раньше знал или мог себе представить, таких людей, с которыми можно говорить о многих важных вещах. Кто же из этих двух будет с большей вероятностью судить правильно о наших религиозных разногласиях и окажется ближе всего к истине, к которой будто бы стремятся все? Все эти люди, которых я привел в виде примера и которые так неодинаково вооружены истиной и так неодинаково подвинулись в знании, обладают, как я думаю, одинаковыми природными способностями; все различие между ними сводится к неодинаковой широте границ, в которые поставлен их разум в отношении накопления сведений и обогащения представлениями, понятиями и наблюдениями, которые должны приводить в движение их душу и формировать их разум.

Мне могут возразить: «Кого же хватит на все это?» Я отвечу: человека хватит на большее, чем можно себе представить. Всякий знает, каково его настоящее дело и чего люди могут с основанием ожидать от него в связи с тем направлением, которое он дает своей личности; и чтобы удовлетворить ожидаемым требованиям, он найдет и будет иметь достаточно времени и возможностей, чтобы запастись знаниями, если он не захочет, вследствие узости духа, лишить себя тех вспомогательных средств, которые у него имеются под руками. Я не говорю, что для того чтобы быть хорошим географом, человек должен посетить каждую гору, каждую реку, и каждый мыс и залив на всем пространстве земли, осмотреть все здания и земли, как будто он собирается сделать покупку; но всякий должен признать, что тот, кто часто путешествует по какой-либо стране и пересекает ее по всем направлениям, будет знать ее лучше, чем тот, кто, подобно мельничной лошади, беспрестанно вертится на одном месте и не выходит за тесные пределы одного-двух полей, радующих его сердце. Тот, кто изучит лучшие книги по каждой науке и познакомится с важнейшими авторами различных философских и религиозных направлений, убедится, что ознакомление с воззрениями человечества по самым важным и сложным вопросам вовсе не требует бесконечных трудов. Пусть он расширяет диапазон своего разума и интеллекта в таких широких границах, и его ум окрепнет, его восприимчивость расширится, способности усовершенствуются; и свет, который разрозненные и рассеянные

части истины будут бросать одна на другую, настолько поможет его суждению, что он редко будет делать значительные ошибки и лишь в редких случаях не проявит ясности мысли и обширности познаний. По крайней мере это единственный известный мне способ надлежащим образом усовершенствовать разум в полную меру его способностей и единственный способ различить две наиболее различные, насколько я знаю, вещи в мире: логика крючкотвора и разумного человека. Необходимо лишь, чтобы тот, кто желает дать такой размах своей мысли и направить свои поиски истины во все области знания, вырабатывал в себе определенные идеи о тех предметах, которые занимают его мысль, и обо всем, что он воспринимает от других — будь то из сочинений или бесед, — судил самостоятельно и непредубежденно: не следует допускать, чтобы красота или безобразие чужого мнения определялись нашим уважением или предубеждением против данного человека.

**О практике
и привычках.**

§ 4. Мы рождаемся на свет с такими способностями и силами, в которых заложена возможность освоить почти любую вещь и которые во всяком случае могут повести нас дальше того, что мы можем себе представить; но только упражнение этих сил может сообщить нам умение и искусство в чем-либо и вести нас к совершенству. В хлебопашце средних лет едва ли возможно воспитать манеры и речь джентльмена, хотя его тело так же пропорционально сложено, его сочленения так же гибки и его природные способности несколько не ниже. Ноги танцмейстера и пальцы музыканта приходят в правильные и восхищающие нас движения как бы естественно, без помощи мысли и без усилий. Предложите им поменяться ролями, и они тщетно будут стараться производить подобные же движения не приученными к ним членами, и потребуются продолжительное время и длительная практика, чтобы они могли достигнуть хоть в некоторой степени той же ловкости. Какие невероятные, поразительные телодвижения проделывают на наш взгляд канатные плясуны и акробаты! Не только в этих отдельных случаях, но почти во всех видах физического искусства движения столь же удивительны: я называю здесь лишь такие случаи, которые люди отмечают как удивительные, ибо на этом основании они платят деньги за показ их. Все эти движения, вызывающие удивление, и недоступные, почти непостижимые для зрителей, в них не практиковавшихся, являются лишь простым результатом практики и усердия людей, чьи тела ничем особенным не отличаются от тел изумленных зрителей.

С душой обстоит так же, как с телом: практика делает ее тем, что она есть, и даже в отношении таких преимуществ, которые рассматриваются как природные дарования, мы при внимательном исследовании убедимся, что они в большей своей части являются продуктом упражнения и доведены до высокой степени развития только путем повторных действий. Одни люди отличаются способностью к веселой шутке, другие умением кстати рассказать анекдот или забавную историю. Люди склонны считать это чисто природным дарованием, тем более, что это не приобретается посредством правил, и те, которые выделяются подобным талантом, никогда не занимаются специальным

изучением этого предмета, как какого-то искусства, которому можно научиться. Но вместе с тем верно и то, что первая какая-либо удачная острота, кому-либо понравившаяся и доставившая ее автору похвалу, поощряет его к повторению, направляет его мысли и старания в эту сторону, так что в конце концов он приобретает в этом навык, сам того не замечая; и то, что всецело приписывается природе, в гораздо большей мере является результатом упражнения и практики. Я не отрицаю, что часто природное предрасположение дает первый толчок к тому, но оно никогда не доставит человеку большого успеха без применения и упражнения; только практика доводит духовные способности, как и физические силы, до возможного для них совершенства. Немало поэтических дарований погребается под профессиональным делом и никогда не приносит плодов из-за отсутствия усовершенствования. Мы видим, что манера разговаривать и рассуждать даже об одном и том же предмете неодинакова при дворе и в университете, и тот, кто пройдет только от Вестминстер-холла¹³ до Биржи, найдет разницу в характере и манере разговора; между тем нельзя же думать, что все, кому выпала судьба работать в Сити¹⁴, родились с иными способностями, чем те, которые воспитывались в университете или в училищах правоведения.

Все это я говорю лишь с тою целью, чтобы показать, что различия, которые можно наблюдать в разуме и способностях людей, обуславливаются не столько природными задатками, сколько приобретенными привычками. Смешон был бы тот человек, который задумал бы сделать хорошего танцора из деревенского работника, перевалившего за пятидесятилетний возраст; не больший успех будет иметь и тот, кто попытается заставить правильно рассуждать или красиво говорить человека того же возраста, никогда в этом не практиковавшегося, хотя бы перед ним выложили полную коллекцию самых лучших правил логики и ораторского искусства. Никто еще ничему не научился, слушая или запоминая правила; практика должна укоренить привычку действовать, не думая о правилах; и вы так же мало можете надеяться сразу с помощью лекции и инструкции по живописи и музыке сделать кого-либо хорошим живописцем и музыкантом, как мало можете сделать последовательного мыслителя или строгого логика при помощи серии правил, показывающих ему, в чем заключается правильное рассуждение.

Так как дефекты и слабость человеческого разума, как и других способностей, проистекают от недостатка правильного упражнения наших духовных способностей, то я склонен думать, что вина обычно неправильно приписывается природе и что люди часто жалуются на недостаток способностей в то время, когда недостаток обусловлен отсутствием надлежащего совершенствования их. Мы очень часто видим людей достаточно умелых и сообразительных в торговых делах, а если вы начнете рассуждать с ними о религии, они оказываются полными тупицами.

Идея.

§ 5. Я не буду здесь, в рассуждении, посвященном правильному руководству разумом и его усовершенствованию, повторять о необходимости усваивать ясные и определенные идеи и о необходимости именно их делать объектом мышления,

а не предлагаемые взамен их звуки, а также необходимости точно фиксировать значение слов, которыми мы пользуемся или для себя самих при наших изысканиях истины, или в рассуждениях о ней с другими. Об этих помехах нашему разуму при поисках знания я уже достаточно распространялся в другом месте¹⁵, так что здесь нет необходимости что-либо говорить об этом предмете.

Принципы. § 6. Есть другая ошибка, которая тормозит и сбивает с пути людей при усвоении знаний. О ней я также говорил¹⁶; однако необходимо здесь еще раз на ней остановиться, с тем, чтобы исследовать эту ошибку до конца и обнаружить ее источник. Она заключается в привычке удовлетворяться принципами, которые сами по себе не очевидны и очень часто являются в той же мере неверными. Встречаются нередко люди, которые в своих мнениях опираются на основания не более достоверные и не более твердые, чем те выводы, которые на них построены и приняты ради самих посылок. Вот примеры подобных оснований: основатели и лидеры моей партии хорошие люди, следовательно, доктрина их правильна; это — мнение секты, которая заблуждается, следовательно, оно ложно; это давно принято светом, следовательно, это правильно; или — это ново и, следовательно, ложно.

Эти и многие подобные положения, которые отнюдь не являются мерилami истины и лжи, большинство людей делает своими критериями, приучая свой разум судить на их основании. Неудивительно поэтому, что, привыкши определять истину или ложь с помощью таких неправильных критериев, они должны принимать заблуждение за достоверность и быть весьма категоричными в таких вещах, для принятия которых у них нет никакого основания.

Всякий, кто претендует на обладание хотя бы крупницей разума, должен будет при проверке любой из этих ложных истин признать их несостоятельность; да он бы и не принял их, если бы они были высказаны людьми, с которыми он расходится в образе мыслей; и тем не менее вы можете увидеть, что, даже убедившись в их несостоятельности, он продолжает ими пользоваться и при ближайшем же случае он снова строит свои рассуждения на тех же основаниях. Разве не возникает в таком случае мысль, что люди, которые руководствуются такими неправильными критериями даже после того, как убедились, что на них нельзя положиться, добровольно обманывают самих себя и вводят в заблуждение свой собственный разум? Однако эти люди не так уже заслуживают порицания, как можно подумать с первого взгляда; ибо я думаю, что весьма многие люди рассуждают подобным образом вполне искренно и вовсе не с целью обманывать себя и других. Они убеждены в том, что говорят; они думают, что их мнение имеет вес, хотя в другом подобном же случае они убедились в обратном; но люди были бы невыносимы для самих себя и презирались бы другими, если бы они принимали мнения без всякого основания и держались бы таких мнений, в пользу которых они не могли привести никаких доводов. Наш ум должен иметь какое-либо основание — правильное или ложное, твердое или зыбкое, — чтобы на него опереться; и, как я уже заметил в другом месте, он не раньше принимает какое-либо положение, как быстро подыскав

гипотезу, на которой можно было бы его обосновать: до тех пор он остается беспокойным и неуверенным. Так непосредственные свойства нашей природы располагают нас к тому, чтобы правильно пользоваться нашим разумом, если бы мы только хотели им следовать как должно.

В некоторых важных вопросах, особенно религиозных, людям не позволено всегда колебаться и сомневаться; они должны принять и исповедывать те или другие догматы; и было бы постыдно, и более того — было бы противоречием (слишком тягостным, чтобы чья-либо душа могла постоянно нести его бремя), если кто-либо, претендуя на убеждение в истинности какой-либо религии, в то же время не умеет привести какой-либо довод в пользу своей веры или высказать что-либо в доказательство преимущества данного мнения перед любым другим. Для этого люди должны пользоваться теми или другими принципами; а такими принципами могут быть лишь те, которые они освоили и которыми они умеют оперировать; утверждать же, что у них нет искреннего убеждения, что они не уверены в тех принципах, которыми они пользуются, значило бы вступать в противоречие с опытом и утверждать, что люди не заблуждаются, в то время как мы сами на это жалуемся.

Если так, — возразят мне, — то почему же люди не пользуются надежными и неоспоримыми принципами вместо того, чтобы опираться на такие основания, которые могут обмануть их, которые очевидным образом служат опорой для заблуждения в такой же мере, как и для истины. На это я отвечу, что причина, по которой они не пользуются лучшими и более надежными принципами, заключается в том, что они не умеют ими пользоваться; но это неумение происходит не от недостатка природных способностей (и те немногие люди, которые страдают этим последним дефектом, заслуживают извинения), а от недостатка практики и упражнения. Немного найдется людей, которые с юности приучились к строгому рассуждению, к тому, чтобы через длинную цепь выводов проследить зависимость истины от ее отдаленных принципов и придерживаться этой связи; и в том, что человек, не приученный частой практикой к такому применению своего разума, оказывается неспособным к этому в зрелом возрасте, так же мало удивительного, как и в том, что человек, никогда в том не практиковавшийся, не может сразу начать гравировать или рисовать, плясать на канате или писать красивым почерком.

Мало того, большинству людей это настолько чуждо, что они даже не замечают в себе этого недостатка; они выполняют обычное дело своей профессии, так сказать, на зубок, как они заучили; а если они терпят когда-нибудь неудачу, они приписывают ее чему угодно, только не недостатку понимания или умения, так как в этом отношении они (не зная лучше ничего другого) считают себя безупречными. Если же интерес или прихоть привлекают их мысль к какому-либо предмету, то и о нем они всегда рассуждают на свой лад: лучше ли он или хуже, но он соответствует их привычкам, и это есть лучшее из того, что они знают; поэтому, когда их манера рассуждать вводит их в ошибку, которая соответственным образом отражается на их делах, они приписывают это несчастному случаю или чужой ошибке, но

отнюдь не тому, что у них самих нехватило понимания: этого никто в себе не замечает, и на это никто не жалуется. Чем бы ни были вызваны его деловые неудачи, во всяком случае не недостатком правильного мышления и суждения с его стороны; он не видит в себе таких дефектов и уверен, что достаточно хорошо осуществляет свои планы по собственному разумению, что он по крайней мере осуществил бы их, если бы не несчастные случайности, над которыми он не властен. Таким образом, удовлетворяясь этим близоруким и весьма несовершенным применением своего разума, он никогда не затрудняет себя поисками методов усовершенствования своего ума и живет всю свою жизнь, не имея никакого представления о строгом рассуждении, построенном на непрерывной связи длинной цепи выводов из надежных исходных предпосылок, при помощи которых только и можно разобраться и уяснить большую часть тех спекулятивных истин, в которые большинство людей склонно верить и в которых они в высшей степени заинтересованы. Я не буду здесь останавливаться на том, о чем я еще буду иметь повод поговорить со всей настойчивостью и обстоятельностью, а именно, что во многих случаях один ряд выводов не может приводить к удовлетворительному результату, а приходится исследовать и сопоставлять множество различных и противоположных дедукций, прежде чем составить правильное суждение по существу вопроса¹⁷. Чего же можно ожидать от людей, которые никогда не видят надобности в такого рода рассуждениях, а если и видят, то не знают, как приступить к ним и как их выполнить? С таким же успехом вы можете предложить земледельцу, который еле знаком с цифрами и никогда не выводил суммы из трехзначных чисел, чтобы он вывел длинный коммерческий счет и подвел правильный итог.

Что же делать в таком случае? Я отвечаю: мы должны всегда помнить, что, как я уже говорил выше, наши душевные способности совершенствуются и делаются полезными для нас таким же способом, как и наши тела. Вы хотите, чтобы человек хорошо писал или рисовал, танцевал, или фехтовал, или выполнял искусно и легко какую-либо другую ручную работу? Какой бы силой и подвижностью, какой бы гибкостью и ловкостью он ни обладал от природы, однако никто не будет ожидать от него уменья, если он не практиковался в соответствующей работе и не затратил времени и труда на тренировку и приспособление своей руки или другого телесного органа к этим движениям. Так же обстоит и с душой: если вы хотите, чтобы человек хорошо рассуждал, вы должны приучать его с ранних лет упражнять свой ум в анализе связи идей и в прослеживании их последовательности. Ничто не способствует этому в большей степени, чем математика, которую поэтому должны, по моему мнению, изучать все, кто имеет время и возможность, не столько для того, чтобы сделаться математиками, сколько для того, чтобы стать разумными существами; ибо хотя мы все называем себя разумными существами, потому что рождаемся способными стать таковыми, если захотим, однако мы можем сказать наверняка, что природа закладывает в нас только задатки к этому; мы родимся с тем, чтобы стать, если мы хотим, разумными существами, но только практика и упражнения

делают нас ими; мы действительно являемся ими лишь в той мере, до которой нас довели усердие и прилежание. И потому всякий, кто при-сматривается к тому, какие заключения делают люди в непривычных для них областях мышления, должен будет убедиться, что не все они разумны.

На это очень мало обращают внимания, потому что в своих частных делах каждый применяет тот или другой прием мышления, который оказывается достаточным, чтобы его назвать разумным человеком. Но ошибка заключается в том, что тот, кто оказывается рас-судительным в одном, признается таковым и во всем остальном, и думать или говорить иначе считается столь несправедливой обидой и столь бессмысленным осуждением, что никто не решается на это. Это похоже на унижение достоинства человека, присвоенного ему природой. Правда, если человек хорошо рассуждает в чем-либо одном, это значит, что он по своей природе обладает умом, способным и в других областях рассуждать хорошо, с той же или, может быть, даже большей силой, если только его разум будет соответственным обра-зом упражняться. Но верно также и то, что кто сегодня умеет хо-рошо рассуждать об одних предметах, тот, вообще говоря, не в со-стоянии сегодня же рассуждать о других, хотя через год он, может быть, будет в состоянии. Однако пока его разум еще недостаточен и не служит ему орудием для рассуждения, до тех пор мы не можем сказать о человеке, что он разумен, как бы он ни был способен стать таковым со временем и благодаря упражнению.

Попробуйте поговорить с людьми, получившими скудное и плохое воспитание, мысли которых никогда не шли дальше лопаты и плуга и которые никогда не видели ничего, что выходило бы за круг обык-ной работы поденщика. Попробуйте вывести мысли такого человека, привыкшего много лет двигаться по одной тропинке, из той узкой сферы, в которую они были заключены в течение всей его жизни, и вы убедитесь, что он не более способен рассуждать, чем почти пол-ный дикарь. В отношении же большинства людей вы можете убе-диться, что всеми их мыслями управляют одно-два правила, на кото-рых непосредственно основываются их выводы; этими правилами, верными или ложными, они до сих пор руководились; отнимите у них эти правила, и они совершенно растеряются: привычные компас и пу-теводная звезда будут ими потеряны, и разум их окажется в полном тупике; поэтому они или сейчас же возвращаются к своим старым правилам, как основаниям всякой истины, не считаясь ни с какими доводами, могущими обнаружить их слабость; или же, отказываясь от своих соображений, они вместе с тем отказываются от всякой исти-ны и дальнейшего исследования и решают, что такая вещь, как до-стоверность, не существует. Если же вы попытаетесь расширить их мысли и свести их к более отдаленным и надежным принципам, то они или с трудом усваивают эти принципы или, если в состоянии их понять, не знают, как ими пользоваться; ибо они не имеют навыка к длинным дедукциям из отдаленных принципов и не в состоянии с ними справиться.

Так что же, значит разум взрослых людей никогда не может со-вершенствоваться или расширяться? Я не говорю этого; но вот что,

мне думается, можно сказать: это не достижимо без усердия и прилежания, требующих больше времени и труда, чем могут этому уделить взрослые люди с определившимся укладом жизни; поэтому это очень редко делается. А эта способность достигать указанной цели только путем практики и упражнения возвращает нас к тому, что я установил раньше, а именно, что только практика совершенствует наш ум, так же, как и тело, и что мы не должны ожидать от нашего разума ничего такого, в чем он не усовершенствован посредством привычки.

Не все американцы рождаются с худшими умственными способностями, чем европейцы, хотя мы видим, что никто из них не достигает таких успехов в искусствах и науках. И среди детей бедного поселенца тот, кто благодаря счастливой случайности получил образование и вышел в люди, бесконечно превосходит способностями остальных; между тем как, если бы он оставался дома, эти способности попрежнему были бы у него такого же масштаба, что у его братьев.

Тот, кому приходится иметь дело с юными учащимися, особенно при занятиях математикой, может заметить, как постепенно раскрывается их ум и именно только благодаря упражнению. Иногда они задерживаются надолго на каком-либо доказательстве, и не потому, что у них нет желания или прилежания, а потому, что они действительно не улавливают связи между двумя идеями, той связи, которая как нельзя более ясна тому, чей разум более изощрен упражнением. То же самое может быть и со взрослым человеком, начинающим изучать математику; его мысль, вследствие недостатка упражнения, часто становится втупик перед любым простым вопросом, и он, который сейчас так затрудняется, после того как уяснит себе связь, сам удивляется, что собственно могло его остановить в столь простой вещи.

§ 7. Я уже упомянул о математике, как о способе приучить ум к точному и последовательному мышлению. Я не хотел этим сказать, что, по моему мнению, всем людям необходимо быть глубокими математиками; я лишь считаю, что, усвоив тот способ рассуждения, к которому неизбежно приводит эта наука, люди способны будут переносить его в другие области знания, с которыми им придется иметь дело. Ибо при всякого рода рассуждении, с каждым отдельным аргументом следует оперировать наподобие математического доказательства: нужно проследить связь и последовательность идей, пока ум не доберется до источника, к которому они восходят, и пока он не будет способен обзреть всю цепь непрерывных связей; хотя при проверке вероятности такая последовательная связь еще недостаточна, чтобы служить для обоснования суждения, как в демонстративном знании.

Там, где истина устанавливается методом доказательства, дальнейшего исследования не требуется; но в тех случаях, когда мы имеем дело только с вероятностью и не существует доказательства для установления бесспорной истины, недостаточно проследить один аргумент до его источника и рассмотреть его сильную и слабую сторону, но необходимо, исследовав таким путем все аргументы с обеих сторон,

сопоставить их между собою, и, уже подведя итог, разум решит, какой вывод для него приемлем ¹⁸.

Этот способ рассуждения, к которому разум должен приучаться, настолько отличается от того, которым пользуются необразованные люди, что даже ученые иногда, видимо, имеют о нем весьма слабое представление или не имеют никакого представления. Оно и неудивительно, ибо приемы диспутирования в школах совершенно отклоняют от этого метода, сосредоточивая внимание на каком-нибудь частном аргументе, успехом которого определяется истина или ложь вопроса и устанавливается победа за оппонентом или диспутантом: это то же самое, что подводить баланс счета с помощью одной суммы, приписываемой или отписываемой, когда есть сотня других, которые следовало бы принять в расчет.

Поэтому хорошо было бы приучить умы людей к вышеуказанному методу, и притом с ранних пор, для того, чтобы они не строили своих мнений на одной какой-либо точке зрения, когда необходимо принять в расчет целый ряд других и сопоставить их между собой, прежде чем составить правильное суждение. Это расширяло бы их ум и общало бы надлежащую свободу их разуму, что в свою очередь не давало бы им впадать в заблуждения, к которым приводят предубеждение, лень или поспешность, ибо никто, мне думается, не одобрит такого способа поведения разума, которое уводит его от истины, хотя бы этим способом всегда и столь широко было принято пользоваться.

На это мне, пожалуй, возразят, что для того, чтобы управлять разумом таким образом, как я предлагаю, от каждого человека потребуется быть ученым, быть вооруженным всем арсеналом знания и быть изощренным во всех методах рассуждения. На это я отвечу, что людям, располагающим временем и средствами, чтобы достигнуть знания, стыдно обходиться без тех вспомогательных средств и помощи для усовершенствования разума, которые можно иметь; а к этим именно людям — прошу это заметить — я здесь главным образом обращаюсь. Мне думается, что те, кого усердие и таланты предков избавили от бремени повседневного труда для поддержания жизни, должны отдавать часть своего досуга заботе о своей голове и расширять свой ум при помощи опытов и усилий во всех родах и предметах рассуждения. Я уже раньше упоминал о математических науках, из которых алгебра дает разуму новые вспомогательные средства и новые точки зрения. Если я рекомендую эти науки, то, как я уже сказал, не для того, чтобы сделать каждого человека основательным математиком или глубоким знатоком алгебры; я лишь считаю, что изучение их должно принести громадную пользу даже взрослым людям: во-первых, убеждая их на опыте, что для того, чтобы кто-либо научился правильно рассуждать, ему недостаточно только обладать способностями, которые его удовлетворяют и достаточно хорошо служат в обычных делах. Изучая эти науки, всякий увидит, что какого бы высокого мнения он ни был о своем разуме, последний может изменять ему во многих вещах и даже в самых простых. Это изучение отучает от того самомнения, которым отличается в этом отношении большинство людей, и они не будут столь склонны думать, что их умы не нуждаются для своего расширения во вспо-

могательных средствах и что остроту и проницательность их разума нечем дополнить.

Во-вторых, изучение математики показало бы им необходимость разделять при рассуждении отдельные идеи, необходимость рассматривать отношения, существующие между теми идеями, которые относятся к данному вопросу, и отбрасывать и совершенно не принимать в расчет тех идей, которые не относятся к рассматриваемому положению. Это безусловно требуется для правильности рассуждения также и в других областях, помимо тех, которые занимают количество, хотя там это требование не так легко соблюдать и оно не так тщательно выполняется. В тех областях знания, в которых, по существующему мнению, доказательство не играет никакой роли, люди рассуждают как бы оптом; и если им удастся на суммарном, не расчлененном обзоре или на частичном рассмотрении обосновать видимость вероятности, то обыкновенно они этим удовлетворяются, особенно если это происходит на диспуте, где хватаются за каждую соломинку и важно раздувают все, что только можно притянуть, чтобы сколько-нибудь прикрасить аргументацию. Но только тот ум в состоянии найти истину, который ясно различает все части и, опуская то, что вовсе не относится к делу, строит свой вывод на основании совокупности всех данных, могущих каким-либо образом на него повлиять. Другая, не менее полезная привычка, которую можно приобрести, занимаясь математическими доказательствами, заключается в том, что последние приучают ум осваивать длинную цепь выводов; но об этом я уже упоминал и не стану здесь возвращаться к этому предмету.

Что касается людей, средства и время которых более ограничены, то знания, которые могли бы быть для них достаточны, вовсе не так обширны, как можно бы думать, и поэтому не могут вызывать возражений.

Никто не обязан знать все. Знание и наука — вообще занятие лишь тех, кто пользуется довольством и досугом. Люди, которые имеют специальные профессии, должны понимать их, и не будет ничего неразумного и неосуществимого в утверждении, что они должны уметь правильно думать и рассуждать о том, что является их повседневным занятием. Думать, что они к этому неспособны, значило бы ставить их на один уровень с животными и приписывать им тупость, выводящую их из круга разумных созданий.

Религия. § 8. Кроме своей специальной профессии, необходимой для поддержания жизни, каждый заинтересован в будущей жизни, о которой он обязан заботиться. Это направляет мысли каждого человека к религии, и здесь для него особенно важно понимать и рассуждать правильно: нельзя людей освобождать от обязанности правильно понимать термины и усваивать понятия, относящиеся к религии. У христиан один день в неделю, помимо других дней отдыха, дает для этого достаточно времени (даже при отсутствии других часов досуга), лишь бы только они пожелали воспользоваться этим временем, свободным от повседневного труда, и заняться усовершенствованием в этом знании с таким же усердием, какое они часто проявляют в очень многих других, бесполезных

вещах, и лишь бы нашелся кто-либо, кто, принаравливаясь к их различным способностям, поставил бы их на правильный путь к приобретению этого знания. Природный склад их¹⁹ ума такой же, что и у других людей, и если бы их поощряли и должным образом помогли им, то у них хватило бы разума для приобщения к религиозному знанию. Ведь имеются примеры очень простых людей, которые возвысили свой ум до большой восприимчивости и понимания религии; хотя этих примеров не так уже много, как можно было бы пожелать, однако они достаточно свидетельствуют, что и этот общественный слой вовсе не должен непременно отличаться грубым невежеством, и вместе с тем показывают, что если проявить должную заботу о них, то можно гораздо большее количество людей сделать разумными существами и христианами (ибо вряд ли можно считать действительными христианами тех, которые, нося это имя, не знают даже основных принципов этой религии). И если я не ошибаюсь, принадлежащие к реформированной религии французские крестьяне (класс людей, несущих гораздо более тяжелый гнет нужды и бедности, чем поденщики в Англии) в последнее время усвоили религию гораздо лучше и умеют гораздо больше сказать о ней, чем представители высшего класса у нас²⁰.

Но если даже решить, что низший класс людей должен оставаться обреченным на животную тупость в вещах, которые ближайшим образом касаются их (для чего я не вижу никакого основания), то людям с более свободными средствами и более широкого воспитания непростительно с пренебрежением относиться к своему разуму и не стараться пользоваться им как следует, правильно направляя его в познании вещей, ради которых разум главным образом дан им. Во всяком случае людей, которым значительные состояния предоставляют и возможность и вспомогательные средства для усовершенствования, не так уже мало, и если бы люди правильно использовали свои способности и изучали собственный разум, можно было бы рассчитывать на мощное развитие знаний всякого рода и в особенности того знания, которое наиболее важно и раскрывает широчайшую перспективу.

Идея. § 9. Внешние материальные предметы, которые постоянно навязываются нашим чувствам и овладевают нашими влечениями, не могут не наполнять наши головы живыми и прочными идеями этого рода. Здесь наш ум не нуждается в том, чтобы его побуждали к накоплению большего запаса: предметы сами навязываются достаточно настойчиво и обыкновенно воспринимаются в таком изобилии и удерживаются так тщательно, что в душе нехватает ни места, ни внимания для других идей, более важных и нужных. Поэтому, чтобы сделать разум способным к такому рассуждению, о котором я говорил выше, необходимо позаботиться о том, чтобы наполнить его моральными и более отвлеченными идеями; ибо хотя последние сами не навязываются чувствам, а должны быть созданы для разума, однако люди обыкновенно настолько пассивно относятся к своему интеллекту, ничего, как они склонны думать, не требующему, что, я боюсь, умы большинства людей менее снабжены такими идеями, чем принято думать. Они часто пользуются терми-

сами собой, но нельзя получить здание неизменной формы, симметричное и удобное для жилья, без труда и усилий. Бог создал интеллектуальный мир гармоническим и прекрасным без нас; но этот мир не может разом войти в наши головы целиком; мы должны вводить его в себя по кусочкам и устраивать его внутри себя при помощи нашего собственного усердия; в противном случае мы будем у себя внутри иметь лишь мрак и хаос, каков бы ни был порядок и свет в вещах вне нас.

§ 38. С другой стороны, есть люди, которые сами **Неверие в себя.** подавляют в себе дух тем, что впадают в уныние при первом же затруднении и решают, что овладеть какой-либо наукой или подвинуться в знании дальше того, что требуется для их обычного дела, не по их силам. Они сидят сиднем на одном месте, считая, что у них нет ног, чтобы ходить, совсем как те, которые, как я только что говорил, поступают точно так же по противоположной причине, а именно, считая, что у них есть крылья, чтобы летать, и что они способны взлететь, когда им вздумается. Им можно сказать поговоркой: «Пользуйся ногами, и у тебя будут ноги». Никто не знает силы своих способностей, пока он не испытал их. Так же о разуме всякий может с полной уверенностью сказать, что как правило его сила гораздо больше, чем считает сам разум до того, как он ее испробовал: «*Viresque acquirit eundo*»³⁹.

Поэтому наиболее подходящее лекарство в данном случае заключается в том, чтобы взяться за работу и усердно прилагать свои мысли к делу; ибо в борьбе ума, как и в военной борьбе, имеет силу изречение: «*Dum putant se vincere vincere*»⁴⁰. Убеждение в том, что мы преодолеем все затруднения, с которыми мы встретимся в науке, редко не помогает нам пройти через эти трудности. Никто не знает силы своего ума, как и силы настойчивого регулярного прилежания, пока не испытал их. Верно одно: человек, который пускается идти на слабых ногах, не только пойдет дальше, но и сделается сильнее того, кто, обладая сильной конституцией и крепкими членами, сидит сиднем на одном месте.

Нечто подобное люди могут наблюдать на себе, когда (как это часто бывает) их ум смущается каким-либо предметом, который они рассматривают в общих чертах, схватывая его неясный образ на ходу или разглядывая на расстоянии. Предметы, так рисующиеся умственному взору, являют картину одних только трудностей; они кажутся погруженными в непроницаемый мрак. На самом же деле это только призраки, которые разум создает себе лишь для поощрения своей собственной лени. Разум ничего не в состоянии отчетливо различить в предметах, которые находятся в отдалении или собраны в кучу; отсюда он с чрезмерным малодушием заключает, что в них нельзя открыть ничего более ясного. Надо только подойти поближе, и тогда окутывающий их туман, который мы сами вокруг них создали, рассеется, и то, что в этом тумане рисовалось в виде безобразных гигантов, с которыми нельзя бороться, окажется ordinary и естественной величины и формы. К вещам, которые кажутся очень неясными с далекого расстояния и в целом, следует приближаться постепенными и правильными шагами и сначала рассматривать то, что

в них наиболее заметно, доступно и видимо. Расчленили их на отдельные части, и затем в соответствующем порядке свели все, что должно быть узнано относительно каждой из этих частей, к ясным и простым вопросам; тогда все, что считалось темным, запутанным и слишком трудным для наших слабых способностей, само собой раскроется перед нашим разумом в ясной перспективе и позволит уму проникнуть в то, что раньше пугало его и удерживало его на расстоянии, как нечто совершенно таинственное. Я апеллирую к личному опыту моего читателя: не случилось ли это когда-либо с ним, в особенности, когда он, будучи поглощен одним каким-нибудь предметом, случайно задумывался о чем-нибудь другом? Я спрашиваю его, не пугало ли его когда-либо внезапное представление о непреодолимых трудностях, которое, однако, исчезало, когда он принимался серьезно и методически размышлять о якобы страшном предмете, и в результате не приходилось ли ему лишь удивляться, что он поддался обману обескураживающей, им же самим созданной, перспективы в отношении предмета, который при непосредственном рассмотрении оказался не более странным или запутанным, чем некоторые другие вещи, с которыми он давно и легко справился.

Этот опыт должен был бы научить нас, как поступать в других случаях с подобными пугалами, которые должны скорее возбуждать нашу силу, чем ослаблять наше усердие. Здесь, как и во всех других случаях, самый верный путь для человека изучающего — не подвигаться скачками и крупными шагами: пусть следующее, что он принимается изучать, будет действительно следующим, т. е. возможно теснее связанным с тем, что он уже знает; пусть оно будет отличным от уже знакомого, но не очень далеким от него; пусть это будет новым, чего он раньше не знал, чтобы разум мог подвинуться вперед; но пусть за один раз этого нового будет возможно меньше, для того, чтобы приобретения разума были отчетливыми и прочными: тогда вся территория, которую он таким образом пройдет, будет им удержана. Такое раздельное и постепенное нарастание знания будет прочным и надежным; оно будет испускать свой свет на каждой ступени своего поступательного движения, совершающегося легко и в порядке: ничто не может быть для разума полезнее этого. И хотя этот путь к знанию покажется, может быть, очень медленным и томительным, однако, я позволю себе уверенно заявить, всякий, кто испытает этот метод на себе самом или на своих учениках, убедится, что его успехи значительнее тех, которые получились бы за тот же промежуток времени при пользовании каким бы то ни было другим методом.

Значительнейшая часть истинного знания заключается в раздельном восприятии вещей, которые сами по себе раздельны. Иные люди одной только отчетливой постановкой вопроса вносят больше ясности и света, чем другие, трактуя в течение многих часов вопрос в целом. Подобная постановка вопроса сводится лишь к тому, чтобы отделить и расчленили отдельные части вопроса и расположить их в расчлененном таким образом виде в их естественном порядке. Уже это одно, без всяких дальнейших хлопот, часто разрешает сомнение и показывает уму, где лежит истина. Согласие или несогласие идей, являю-

щихся предметом рассмотрения, в большинстве случаев воспринимается сразу, если они были расчленены и рассмотрены в отдельных частях, и таким путем достигается ясное и прочное знание; тогда как вещи, взятые суммарно и в беспорядочной куче, могут породить в душе лишь смутное знание, которое в действительности вовсе не является знанием или, когда дело дойдет до его проверки или использования, по меньшей мере оказывается немногим лучше полного незнания. Поэтому я здесь позволю себе повторить то, что я уже говорил не один раз, а именно: при изучении чего бы то ни было нужно предлагать уму в один раз возможно меньше, и лишь поняв и вполне усвоив это немногое, переходить к ближайшей, непосредственно следующей части — к еще неизвестному, простому, незапутанному предложению, относящемуся к изучаемому предмету и могущему разъяснить то, что является главной целью.

Аналогия § 39. Аналогия весьма полезна для ума во многих случаях, особенно в натуральной философии, и главным образом в той ее части, которая заключается в удачных и успешных экспериментах. Но здесь необходимо тщательно держаться тех границ, в которые заключено содержание данной аналогии. Например: кислое купоросное масло оказалось полезным в таком-то случае, поэтому селитряный спирт или уксус могут употребляться в подобном же случае. Если полезное действие названного масла обусловлено только его кислотностью, то опыт может оказаться успешным; но, если в купоросном масле, помимо кислотности, есть еще что-то другое, что производит желательное для нас в данном случае действие, то мы ошибочно принимаем за аналогию то, что таковой не является: мы допускаем, чтобы наш разум впал в заблуждение вследствие неправильного предположения об аналогии там, где ее нет.

Ассоциация. § 40. Хотя я во второй книге моего «Опыта о человеческом разуме» говорил об ассоциации идей, но там я подошел к этому вопросу исторически (*historically*), т. е. лишь описывая этот метод, как и разные другие методы деятельности разума, но не задаваясь целью изыскивать средства исправления, которые следовало бы в данном случае применять; с этой последней точки зрения для человека, желающего основательно уяснить себе правильный метод воспитания своего разума, ассоциация представит собою другой материал для размышления; тем более, что здесь, если не ошибаюсь, лежит одна из самых частых причин наших ошибок и заблуждений и один из труднее всего излечимых недугов души; ибо очень трудно убедить кого-либо в том, что вещи не таковы и по природе, какими они постоянно ему представляются.

Вследствие одного этого отклонения разума от правильного пути, которое происходит легко и незаметно, шаткие и слабые основания становятся непогрешимыми принципами, не допуская по отношению к себе никакого посягательства или сомнения: неестественные ассоциации, в силу привычки, становятся для ума столь же естественными, как связь между солнцем и светом, между огнем и теплотой, и разуму кажется, что они содержат в себе столь же естественную убедительность, как самоочевидные истины. Можно ли в таком слу-

чае приступить к лечению с надеждой на успех? Многие люди твердо принимают ложь за истину не только потому, что они никогда фактически не думали иначе, но и потому что, ослепленные в этом отношении в самом начале, они никогда не могли думать иначе, по крайней мере в том случае, если они не обладают силой ума, способной оспаривать власть привычки и подвергать исследованию собственные принципы. Но такую свободу лишь немногие люди находят в себе, и еще меньше есть таких, которым разрешают проявлять эту свободу другие люди; ибо учителя и руководители большинства сект видят свое главное искусство и задачу в том, чтобы подавлять, насколько они могут, эту главную обязанность всякого человека по отношению к самому себе, выражающую первый твердый шаг к правде и истине во всей цепи его действий и мнений.

Это дает основание подозревать, что подобные учителя сами сознают ложность или слабость исповедуемых ими учений, раз они не допускают проверки тех оснований, на которых эти учения построены; тогда как те, которые ищут только истину и только ею желают обладать, только ее проповедывают, свободно подвергают свои принципы проверке, находят удовольствие в их исследовании и предоставляют людям опровергать их, если те в состоянии это сделать; и если в этих принципах есть что-нибудь слабое и ненадежное, они охотно позволяют это выявить, имея в виду, что ни они сами, ни другие не должны придавать какому бы то ни было общепринятому положению больше значения, чем допускает и гарантирует его доказанная истинность.

Большую ошибку допускают, насколько я вижу, люди разного рода тем методом, который они применяют для внушения принципов своим детям и ученикам; если вдуматься в этот метод, то он сводится, в конечном итоге, лишь к тому, что последних заставляют проникнуться понятиями и воззрениями своего учителя на основе слепой веры, заставляют их крепко держаться этих понятий и воззрений независимо от того, правильны ли они или ложны. Какой характер может быть придан этому приему и какую пользу он может принести, когда он практикуется в отношении простого народа, предназначенного для работы и преданного своему чреву, — я не стану здесь исследовать. Но что касается благородной части человечества, положение которой обеспечивает ей досуг и возможность заниматься науками и изысканием истины, то я вижу лишь один правильный способ внушить ей принципы: следить со всей возможной тщательностью за тем, чтобы идеи, не имеющие естественной связи, не вступали в сочетания в детской голове; внушать детям в качестве руководства во всей последующей жизни и учебных занятиях то же самое правило — никогда не допускать, чтобы какие-либо идеи соединялись в их уме в какой-нибудь иной или более крепкой комбинации, чем та, которая определяется природой самых идей и их взаимным отношением, а также почаще подвергать те идеи, которые оказываются уже соединенными в их уме, следующей проверке: создана ли эта ассоциация идей согласием между идеями как таковыми, или обычной и господствующей привычкой ума соединять их таким образом в мышлении?

В этом заключается мера предосторожности против указанного зла, пока оно не укоренилось в разуме прочно благодаря привычке; тот же, кто хотел бы устранить его, когда оно уже закреплено привычкой, должен тщательно наблюдать за весьма быстрыми и почти незаметными движениями души в ее обычных проявлениях. То, что я говорил в другом месте относительно превращения идей чувства в идеи рассудка, может послужить проверкой этого. Скажите человеку, который, не будучи сведущ в живописи, смотрит на бутылки, курительные трубки и другие предметы, нарисованные так, как они видны из разных мест, что перед ним не рельефное изображение; все-таки вы не убедите его в этом, пока он не дотронется до рисунка: он не поверит, что благодаря мгновенному фокусу, сделанному его же собственными мыслями, произошла подстановка одной идеи на место другой. Как часто каждый из нас может встретить примеры этого в аргументации ученых, которые, привыкши соединять в уме две идеи, подставляют одну на место другой! И я склонен думать, что часто они сами не замечают этого. Находясь под властью обмана, они в силу этого не способны к сознательному убеждению и считают себя ревностными поборниками истины, в то время как на деле они отстаивают заблуждение. А смешение двух различных идей, которые вследствие привычного сочетания их в уме почти сливаются для них в одну идею, наполняет их головы ложными взглядами и их рассуждения ложными выводами.

**Ложные
выводы.**

§ 41. Правильное мышление заключается в открытии и усвоении истины, а последнее — в уяснении очевидного или вероятного согласия или несогласия идей, т. е. их взаимного подтверждения или отрицания. Отсюда очевидно, что правильное применение и воспитание разума, задача которого есть отыскание истины и только истины, заключается в том, чтобы поддерживать ум в состоянии полной объективности и позволять ему склоняться в ту или другую сторону только в тех пределах, в каких очевидность дает ему опору в знании или перевес вероятности побуждает его к согласию или вере. Между тем очень трудно найти рассуждение, в котором мы бы не заметили, что автор не только поддерживает ту или другую сторону вопроса (что разумно и правильно), но и проявляет склонность и пристрастие к ней и явное желание, чтобы именно она оказалась истиной. Если меня спросят, как отличить авторов, имеющих такое пристрастие и склонность, то я отвечу: наблюдая за тем, как часто они в своих писаниях или рассуждениях увлекаются своею склонностью подменять идею вопроса — подменяя ли термины или вводя и присоединяя к ним другие и тем изменяя рассматриваемые идеи настолько, что они становятся более пригодными для их цели и приводятся, таким образом, к более легкому и близкому согласию или к более очевидному и резкому несогласию. Это явная и прямая софистика; но я далек от мысли, что всюду, где мы это встречаем, это делается с намерением обмануть и ввести в заблуждение читателей. Очевидно, что предубеждения и склонности людей часто вводят таким путем в обман их самих, и их стремление к истине, поскольку оно сочетается с предубеждением в пользу одной стороны, производит обратный эффект:

уводит их от истины. Тенденциозность подсказывает и незаметно вводит в их рассуждение благоприятные для их тенденции термины, а с ними и благоприятные идеи; и в результате такого приема принимается в принаряженном таким образом виде, в качестве ясного и очевидного, то, что, будучи взято в натуральном виде, т. е. при пользовании только точными и определенными идеями, не могло бы ни в коем случае быть принято. Такое наведение внешнего блеска на свои утверждения, такие, как принято думать, красивые, доступные и изящные объяснения предмета своего рассуждения настолько характерно определяют то, что принято называть и считать искусством хорошо писать, что очень трудно думать, чтобы авторы согласились когда-либо отказаться от этих приемов, столь способствующих распространению их взглядов и обеспечению за ними репутации в свете, и принять более бледную и сухую манеру письма с соблюдением точного соответствия между терминами и идеями; режущая лапидарная точность разрешается только математикам, которые прокладывают себе путь к истине и доставляют ей признание неопровержимыми доказательствами.

Но если авторов нельзя заставить отказаться от менее строгой, хотя и более действующей манеры писать, и если они не считают нужным строже относиться к истине и науке и пользоваться неизменными терминами и простыми не-софистическими аргументами, то читателям важно не давать себя обманывать ложными выводами и господствующим способом внушения. Для этого самое верное и действительное средство — это фиксировать в уме ясные и отчетливые идеи, относящиеся к данному вопросу, и освобожденные от шелухи слов; следя за аргументацией автора, уяснять себе его идеи, не обращая внимания на его слова, и наблюдать за тем, как он сочетает и разделяет идеи в вопросе. Тот, кто делает это, будет в состоянии отбросить все излишнее; он будет видеть, что имеет отношение к вопросу, что с ним непосредственно связано, что приводит к нему и что идет мимо него. Это поможет ему легко обнаружить, какие и где введены в рассуждение посторонние идеи; и если, быть может, они ослепили автора, то читатель все-таки заметит, что они не вносят света в его рассуждения и не придают им силы.

Хотя это и есть самый короткий и легкий способ читать книги с пользой, не давая вводить себя в заблуждение громким именам и правдоподобным речам, однако для людей, не привыкших к нему, он труден и непонятен, и поэтому нельзя рассчитывать на то, что каждый (из тех немногих, которые действительно стремятся к истине) будет таким образом оберегать свой разум от обмана сознательной или, по меньшей мере, бессознательной софистики, которая закрадывается в большинство книг, содержащих в себе аргументацию. Не приходится думать, чтобы те, которые пишут против своих убеждений, или люди весьма близкие к этой категории, решившиеся поддерживать воззрения партии, к которой они примкнули, отказались от какого бы то ни было оружия, могущего помочь им отстаивать свое дело; а потому читать таких авторов следует с величайшей осмотрительностью. Но и те, которые пишут в защиту

мнений, выражающих их искреннее убеждение, и верят в свою правоту, также считают, что они могут доводить свою похвальную привязанность к истине до того, чтобы выражать свое уважение к ней наклеиванием на нее самых лучших красок и наряжая ее в самые лучшие внешние формы и одежды, в расчете на то, что этим они в максимальной мере облегчат ей доступ к уму читателя и запечатлеют ее в нем возможно глубже.

Так как мы можем с основанием предположить, что большинство писателей принадлежит к одному из двух указанных типов ума, то читателям, обращающимся к ним за поучением, полезно не забывать об осмотрительности, приличествующей серьезному стремлению к истине, и быть всегда настороже против всего, что может скрыть или исказить последнюю. Если они не способны представить себе мысль автора в чистых идеях, отвлеченных от звуков и тем самым освобожденных от ложного освещения и обманчивых украшений речи, им следует по крайней мере упорно хранить в уме точно сформулированный вопрос, держаться его в течение всего рассуждения и не допускать ни малейшего изменения в терминах посредством прибавления, устранения или подстановки какого-либо другого термина. Так может, при желании, всякий делать; а тот, кто не имеет такого желания, с очевидностью делает из своего разума только складочное место для хлама, взятого у других людей (я подразумеваю здесь ложные и не доказательные рассуждения), а не хранилище предназначенной для собственного употребления истины, которая могла бы оказаться существенной и полезной для него, когда ему представится случай ею воспользоваться. Честно ли поступает такой человек со своим умом и правильно ли воспитывает свой разум, я предоставляю судить его собственному разуму.

Основные истины.

§ 42. Так как наш ум очень узок и столь медленно осваивается с вещами и разбирается в новых истинах, что никто не был бы способен даже в гораздо больший срок, чем отведенный для нашей жизни, познать все истины, то благоразумие требует от нас, чтобы в поисках знания мы сосредоточивали свои мысли на основных и существенных вопросах, тщательно избегая пустячных вопросов и не позволяя себе отклониться от нашей главной цели ради чисто случайных. Мне нет надобности говорить о том, какую массу времени теряют многие молодые люди на чисто логические исследования. Это все равно, как если бы человек, который намерен сделаться живописцем, тратил все свое время на изучение ниток различных тканей, на которых он собирается рисовать, и на пересчитывание волосков каждой кисти или щеточки, которыми он намерен пользоваться для наклеивания своих красок. Более того: это даже хуже, чем для начинающего живописца тратить время своего ученичества на такие бесполезные мелочи; ибо живописец, потратив свой бесцельный труд, в конце концов убедится, что это еще не значит рисовать, что это даже не подготовка к рисованию и что поэтому его труды были действительно бесцельны; между тем люди, намеревающиеся быть учеными, часто до того переполняют и разгорают свои головы диспутами на логические темы, что принимают эти бессодержательные и бесполезные

понятия за реальное и существенное знание и думают, что их разум настолько хорошо вооружен знанием, что им нет надобности заглядывать дальше, в природу вещей, или снисходить до кропотливой механической работы по производству экспериментов и изысканий. Это настолько очевидно неправильное употребление разума и притом на профессиональном пути к знанию, что его нельзя обойти молчанием; сюда можно присоединить еще обилие вопросов и способов трактовать их в школе. Перечень всех частных ошибок, которые делает или может делать всякий человек, был бы бесконечен; достаточно указать, что поверхностные и незначительные открытия и наблюдения, которые не содержат ничего важного и не служат ключами к дальнейшему знанию, должны считаться не заслуживающими нашего исследования.

Существуют основные истины, которые служат фундаментом, основанием для множества других, получающих от него свою прочность. Это содержательные истины, доставляющие уму богатый материал; подобные небесным светилам, они не только прекрасны и содержательны сами по себе, но проливают свет и делают видными другие вещи, которые без них оставались бы невидными или неизвестными. Таково удивительное открытие мистера Ньютона, что все тела тяготеют друг к другу, которое можно принять за фундамент натуральной философии; он показал перед изумленным ученым миром значение этого открытия для понимания великого здания нашей солнечной системы; а как далеко оно поведет нас в понимании других истин, если оно правильно будет применяться, сейчас еще неизвестно. Великое правило нашего спасителя, что «мы должны любить ближнего, как самого себя», является такой же основной истиной для регулирования человеческого общества, так что, по моему мнению, она одна могла бы без всяких трудностей разрешить все случаи и сомнения в области социальной морали. Таковы истины, к изысканию которых мы должны стремиться и которыми мы должны обогащать свой ум. Это приводит меня к другому вопросу воспитания разума, не менее необходимому.

Обоснование. § 43. Мы должны приучаться к тому, чтобы во всяком возникающем вопросе исследовать и находить его корень. Большинство затруднений, которые встречаются на нашем пути, если хорошенько разобрать и проследить их, приводят нас к какому-нибудь положению, которое, в случае признания его истинности, устраняет сомнение и дает легкое решение вопроса; в то время как частные и поверхностные аргументы, которых немало можно обнаружить на той и другой стороне, наполняя голову разнообразными мыслями, а уста многословными речами, служат только для игры ума и развлечения общества, не приводя к самому основанию вопроса, к тому единственному пункту, в котором находит себе успокоение и устойчивость пытливый ум, стремящийся только к истине и знанию.

Например, если спросят, имеет ли турецкий султан законное право отнимать у любого из своих подданных все, что он захочет, то этот вопрос не может быть разрешен без внесения полной определенности в другой вопрос: существует ли естественное равенство

между всеми людьми? Ибо в этом ось вопроса; когда же эта истина прочно утвердится в разуме людей и ум пронесет ее через все споры относительно разнообразных прав людей в обществе, тогда откроется широкий путь к устранению этих споров и к выяснению того, на какой стороне находится истина.

Перенесение мыслей. § 44. Вряд ли что-либо более благоприятствует усовершенствованию знания, облегчению жизни и успешному выполнению дел, чем способность человека распоряжаться своими мыслями; и вряд ли есть что-либо более трудное во всем деле ведения разума, чем обладание полным господством над ними. Ум бодрствующего человека всегда занят каким-либо предметом, и если мы ленивы или незаинтересованы, то мы легко можем переменить предмет и перенести свои мысли на другой, с него на третий, который не имеет никакого отношения ни к первому, ни ко второму предмету. Отсюда люди поспешно заключают и часто говорят, что нет ничего свободнее мысли; и было бы хорошо, если бы это было так. Но во многих случаях верно обратное: во многих случаях нет ничего более непокорного и менее поддающегося управлению, чем наши мысли. Они не желают подчиняться указаниям, на какие предметы им направиться, и не желают отрываться от тех предметов, на которых они фиксированы: вопреки воле человека, они устремляются к тем идеям, которые в их поле зрения, и он ничего не может с ними поделать.

Я не намерен здесь возвращаться к тому, на что я указывал уже выше; насколько трудно для ума, суженного тридцати- или сорокалетней непрерывной привычкой к скудному запасу очевидных и обычных идей, расширяться до более обширного запаса идей, освоиться с такими идеями, которые могли бы доставить ему более обильный материал для полезного размышления. Сейчас я не об этом намерен говорить. Недостаток, на котором я хочу здесь остановиться с целью найти против него лекарство, — это та трудность, которую мы иногда испытываем при перенесении наших мыслей с одного предмета на другой в тех случаях, когда идеи одинаково нам знакомы.

Предметы, навязываемые нашим мыслям какой-либо из наших страстей, властно завладевают нашими умами и не хотят оторваться, отойти от них. Господствующая страсть как бы стала на время шерифом в данном месте и заняла его со всей милицией; и предмет, навязанный ею разуму, завладевает им так, как будто он обладал законным правом на исключительное внимание. Вряд ли, я думаю, найдется человек, который временами не испытывал бы этой тирании над своим разумом и не страдал бы от ее неудобства. Найдется ли человек, чей ум не сковали бы любовь или гнев, страх или горе, как бы каким-то грузом, мешающим ему повернуться к любому другому предмету. Я называю это грузом потому, что это отягощает ум, ослабляя его силу и подвижность при повороте к другим мыслям; ум почти, или вовсе не подвигается в познании вещи, на которой он столь сильно и неотрывно сосредоточен. Люди, охваченные подобным состоянием, кажутся иногда не в своем уме; они как бы находятся под властью каких-то чар, не видят того, что происходит перед их глазами, не слышат громких речей компании;

а когда неожиданным обращением к ним их несколько выведут из сосредоточенного состояния, они производят впечатление людей, вернувшихся из какой-то далекой страны, хотя в действительности они не уходили дальше своего внутреннего уединения, где были поглощены возней с куклой, которая их в данный момент занимает. Смущение, которое испытывают благовоспитанные люди после таких припадков задумчивости, уводящей их далеко от компании, в беседе которой они должны были принять участие, является достаточным доказательством того, что это есть изъян в управлении своим разумом, если мы не в состоянии настолько господствовать над ним, чтобы пользоваться им для тех целей и в тех случаях, когда мы нуждаемся в его помощи.

Ум должен быть всегда свободен и готов обратиться к разнообразным объектам, с которыми он может встретиться, и отдать им столько внимания, сколько для данного времени предполагается необходимым. Отдаваться целиком одному объекту настолько, чтобы нельзя было заставить себя отойти от него и заняться другим, который мы считаем более подходящим для нашего размышления, значит превращать эту нашу способность в нечто совершенно для нас бесполезное. Если бы это состояние души всегда оставалось таким, то всякий, не обинуясь, назвал бы это полным помешательством; и пока оно длится, через какие бы промежутки оно ни возвращалось, подобное вращение мыслей вокруг одного и того же предмета не больше подвигает нас вперед в знании, чем подвигала бы путешествующего человека езда на мельничной лошади, совершающей круговое движение.

Я согласен, что надо сделать известные уступки законным страстям и естественным склонностям. Каждый человек, кроме случайных пристрастий, имеет любимое занятие, которому душа его отдается с особым усердием; но все-таки лучше всего, если она всегда будет оставаться свободной и в свободном распоряжении человека, готовая работать над тем и так, как он указывает. Этого мы должны добиваться, если только мы не хотим оставаться с таким изъяном в своем разуме, из-за которого мы иногда оказываемся как бы вовсе без разума: ибо дело обстоит не многим лучше в тех случаях, когда мы не можем пользоваться разумом для целей, которые мы себе ставим и для которых он в данную минуту необходим. Но прежде чем подумать о подходящих лекарствах против этого недуга, мы должны ознакомиться с различными причинами его и с ними сообразовать лечение, если только мы хотим работать с надеждой на успех.

Мы уже упоминали об одной из них, настолько известной всем мыслящим людям и настолько знакомой им по личному опыту, что никто не сомневается в ее существовании. Господствующая страсть так приковывает наши мысли к своему предмету и интересу, что страстно влюбленный человек неспособен заставить себя думать о своих обычных делах; нежная мать, горящая о потере ребенка, не в силах принимать обычное для нее участие в беседе знакомых и друзей.

Но хотя страсть — наиболее очевидная и общая причина, связывающая разум и приковывающая его на время к какому-нибудь предмету, однако — не единственная причина.

Помимо страсти, мы часто видим, как разум, занявшись случайно попавшимся предметом, без всякого участия или влияния какой-нибудь страсти, увлекается работой, затем увлечение становится все сильнее и сильнее, и разум, подобно шару, катящемуся вниз с горы, не в состоянии ни остановиться, ни уклониться в сторону, хотя, когда пыл остынет, разум убеждается, что все эти ревностные усилия направлены на пустяки, не стоящие внимания, и что все затраченные труды пропали даром.

Есть, если я не ошибаюсь, и третьего рода причины, однако более низкого свойства: это своего рода ребячество разума, если можно так выразиться. Разум во время такого припадка играет и нянчится с какой-нибудь ничтожной куклой без всякой цели и намерения; но он не в силах расстаться с ней. Так иногда западает в голову какая-нибудь пошлая сентенция или обрывок стихотворения и вызывает там отклик, который никак не успокоится; человек не находит покоя, не в состоянии сосредоточиться на чем-нибудь другом: этот несносный гость овладевает душой и властвует над мыслями, несмотря на все попытки отделаться от него. Не знаю, всякий ли испытал на себе это несносное вторжение некоторых игривых идей, которые докучают разуму и мешают ему заняться чем-нибудь более полезным. Но жалобы на это я неоднократно слышал от людей очень одаренных. Причина, по которой я высказываю это сомнение, заключается в том, что я знаю о другом случае подобного же рода, хотя и гораздо более странном, а именно — о видениях, которые бывают у некоторых людей, когда они тихо лежат, но в совершенно бодрствующем состоянии, в темноте или с закрытыми глазами. Тогда перед ними проходят одно за другим множество разнообразных лиц, в большинстве случаев очень странных; причем, едва лишь появится одно, как оно немедленно исчезает, чтобы уступить место другому, которое в ту же минуту уходит так же быстро, как и предшествующее; так следуют они одно за другим непрерывной вереницей, и никакими усилиями нельзя остановить или удержать какое-нибудь из них долее момента их прохождения: его отталкивает следующее за ним, добивающееся своей очереди.

Я говорил об этом фантастическом явлении с разными лицами, и некоторым оно было хорошо знакомо; для других же это было настолько ново, что они с трудом могли себе представить или поверить этому. Я знал одну даму с замечательными способностями, которая не имела ни малейшего представления о подобных явлениях, хотя ей было уже за тридцать лет; это было настолько ей непонятно, что, слушая мой разговор об этом с другим лицом, она еле могла удержаться от подозрения, что мы подшучиваем над ней; но несколько времени спустя, после того как она однажды легла в постель, выпив значительное количество жидкого чая (согласно предписанию врача), она при ближайшей встрече нам рассказала, что теперь испытала то, в чем нам трудно было ее убедить. Она видела длинную вереницу разнообразных лиц, следовавших одно за другим,

так, как мы описывали; все это были незнакомые и посторонние лица, каких она раньше совершенно не знала и не стремилась знать: как они появлялись непрошено, точно так же исчезали; ни один из них не останавливался, и никакими усилиями с ее стороны не удавалось задержать их: они проходили торжественной процессией, появляясь и исчезая. Повидимому, это странное явление имеет физическую причину и обусловлено составом и движением крови или животных духов.

Когда воображение сковано страстью, я не знаю иного способа сделать душу свободной и способной обратиться к тем мыслям, которые отвечают желанию человека, помимо подавления этой страсти, или уравнивания ее другою; а это искусство достигается изучением и знакомством со страстями.

Всякий, кто замечает в себе склонность отдаваться самопроизвольному течению мыслей, не возбуждаемых ни страстью, ни интересом, должен в каждом подобном случае стараться со всей бдительностью и усердием останавливать их и никогда не поощрять душу к таким пустым занятиям. Люди знают цену своей телесной свободы и поэтому добровольно не соглашаются, чтобы на них надели цепи и оковы. Иметь ум на некоторое время скованным — это, конечно, еще худшее зло, и сохранение свободы лучшей части нашего существа достойно нашей величайшей заботы и наших величайших усилий. Здесь наши труды не пропадут даром: усилия и борьба, если мы будем всегда прибегать к ним в подобных случаях, возьмут верх. Мы никогда не должны снисходить к этим пустым устремлениям мысли, и как только мы замечаем, что душа занимается пустяками, мы должны немедленно останавливаться и удерживать ее от этого, вводить новые и более серьезные предметы размышления и не отступать до тех пор, пока не заставим ее отойти от этого направления мысли. Сначала это, быть может, окажется трудным, если мы позволили противоположной практике превратиться в привычку, но постоянные усилия постепенно одержат верх и сделают это легким. Когда же человек достаточно далеко подвинулся в этом направлении, настолько, что он может по своему желанию удерживать мысль от случайных и непреднамеренных устремлений, он не преминет пойти дальше и сделать попытки заставить ее заниматься более важными размышлениями; в конце концов он приобретает полную власть над своей душой и настолько делается хозяином своих мыслей, что будет в состоянии переводить их с одного предмета на другой с той же легкостью, с какой он умеет откладывать вещь, находящуюся в его руке, и брать вместо нее, сознательно и намеренно, другую вещь. Эта свобода ума очень полезна как в деловых, так и в научных занятиях, и тот, кто приобретет ее, будет пользоваться немалым преимуществом легкости и быстроты во всех избранных им и полезных занятиях своего разума.

Третий и последний случай поглощения души, о котором я упоминал (я имею в виду западание в памяти некоторых специальных слов и сентенций, которые как бы создают шум в голове и т. п.), бывает редко, — только в моменты праздного состояния души или когда она чем-либо занята лениво и небрежно. Конечно, лучше было бы,

если бы таких несносных и бесполезных повторений вовсе не было; какая-нибудь идея, случайно попавшая в поле мысли, более полезна и более способна внушить что-нибудь, достойное размышления, чем бессмысленное жужжание совершенно пустых звуков. Но так как возбуждение души и принуждение ума взяться за работу с известной мерой усердия в большинстве случаев немедленно освобождает его от этих ленивых спутников, то всякий раз, когда мы видим, что они нас смущают, следует только прибегнуть к этому эффективному средству, которое всегда имеется у нас под рукой.

ОБ УЧЕНИИ.

Цель учения — знание, а цель знания — практика или передача знания другим. Правда, всякое усовершенствование в знании обычно сопровождается чувством удовольствия; но когда это чувство является единственной целью учения, последнее должно рассматриваться скорее как развлечение, чем серьезное дело: в этом случае оно должно быть отнесено к числу наших развлечений.

Сфера знания или познаваемых вещей так обширна, наша земная жизнь так коротка, а дверь, через которую знание вещей проникает в наш разум, так узка, что время всей нашей жизни должно быть признано слишком коротким, чтобы его могло хватить на ознакомление со всем тем, что, — я не скажу, мы в состоянии знать, — но что нам не только подобает, но и весьма полезно знать. Я имею в виду необходимые вычеты на детский и старческий возраст, которые неспособны к большим достижениям, на физический отдых и неизбежные побочные дела, а для большинства случаев — также и на обычные занятия своей профессией, которыми человек не может пренебрегать, ибо иначе ему не на что было бы существовать. Кто примет в соображение, сколько сомнений и затруднений осталось у большинства образованных людей после продолжительного и усердного занятия науками, сколько они оставили невыясненного в различных областях знания, с которыми они ознакомились, сколько есть еще других участков «постижимого мира» («*mundus intelligibilis*»), если можно так выразиться, в которых они ни разу и не побывали, тот легко признает эту непропорциональность между нашим временем и силами, с одной стороны, и грандиозностью задачи всеобъемлющего знания — с другой, — того знания, которое, если не является главным делом нашей земной жизни, то все же столь необходимо для него и так с ним переплетается, что наши успехи в делах могут лишь немного опережать наши успехи в знании и без знания, по меньшей мере, ведут к незначительным результатам; ибо деятельность неосмысленная обыкновенно в лучшем случае является лишь потерянными трудом.

Поэтому нам следует упорядочить свое время и усовершенствовать свои способности в этом направлении насколько возможно лучше: так как нам предстоит отправиться в долгое путешествие, а дни столь коротки, — нужно пойти самым прямым путем. Ввиду этой

цели, может быть, будет полезно отбросить некоторые вещи, которые могут нас запугать или, по меньшей мере, лежат в стороне от нашего пути.

1. Отбросить нужно, например, *весь лабиринт слов и фраз*, которые изобретались и применялись с единственной целью научить людей искусству *диспутирования* и забавляться им и, если всмотреться глубже, не содержат никакого смысла или содержат его очень мало; такого рода материалом, по мнению некоторых, слишком переполнены школьные логика, физика, этика, метафизика и богословие. Я убежден, что когда мы сохраняем различие терминов, не открывая различия в вещах; когда мы создаем словесное разнообразие или воображаем, что обогатили себя аргументацией в то время, как несколько не подвинулись в реальном познании вещей, — то мы лишь наполняем свои головы пустыми звуками, которые хотя люди и относят их к сфере науки и знания, однако так же мало могут способствовать усовершенствованию нашего разума и укреплять наш ум, как мало шум, производимый жукой, может наполнить наши желудки и укрепить наше тело; а искусство жонглировать так называемыми «тонкими терминами» не полезнее уменья ловко завязывать и развязывать узлы в паутине. Слова представляют ценность и приносят пользу лишь в том случае, если они являются знаками вещей; когда нет ничего, что бы соответствовало им в действительности, они не больше, как нули; ибо вместо того, чтобы увеличивать ценность вещей, с которыми они сочетаются, они ее только уменьшают и приближают ее к нулю; когда слова не имеют ясного и отчетливого значения, они уподобляются бесполезным или плохо сделанным фигурам, лишь путающим нашу мысль.

2. Второй пример: *стремление и желание знать, каковы были мнения других людей*. Истина не нуждается в рекомендации, равно как и заблуждение не исправляется ею; в наших поисках знания нам в такой же мере не важно знать, что думали другие люди, как человеку, собирающемуся отправиться из Оксфорда в Лондон, не важно знать: какие школяры медленно передвигались пешком, разыскивая дорогу и осматривая по дороге местность; кто ездил в почтовой карете, положившись на проводника и не обращая внимания на дорогу, которой он едет; кто все время проехал в дилижансе в обществе других; где такой-то доктор пропал, сбившись с пути, или где другой доктор увяз в трясине. Если путник знает правильную дорогу, лишено всякого значения то обстоятельство, знает ли он бесконечные изгибы дороги, проселочные дороги и повороты, где другие сбивались с пути, — знание правильного пути предохранит его от ошибок, а в этом и заключается его главная задача. Так же, по моему мнению, обстоит дело при нашем путешествии через этот мир: человеческих фантазий бесконечно много даже у ученого, и история этих фантазий бесконечна. Одни, не зная, куда им идти, все-таки шли, просто шли и только; другие следовали только за своей фантазией, принимая ее за истину; но подобное заблуждение может даже мудрейших из нас завести в непроходимые лабиринты. Интерес одних ослеплял, у других создавал предубеждения; и тем не менее они уверенно шли вперед и, сбиваясь с пути, в большинстве случаев,

однако, думали, что находятся на правильном пути. Я говорю это не с тем, чтобы недооценить тот свет, который мы получаем от других, и я не думаю отрицать, что от некоторых людей мы в своих поисках знания получаем сильную помощь: без книг мы, пожалуй, были бы так же невежественны, как индейцы, у которых души так же плохо одеты, как и их тела. Я только считаю праздным и бесполезным делом обязывать кого-либо изучать мысли других людей о вещах, в которых лишь разум может быть судьей, и с тою лишь целью, чтобы, собрав у себя запас чужих мыслей, иметь возможность цитировать их при всяком случае. Пусть это считают важным элементом образования, но для человека, который учитывает, как мало времени в его распоряжении и как много ему предстоит сделать, как много вещей ему предстоит изучить, сколько сомнений выяснить в области религии, сколько правил обосновать для себя в области морали, сколько ему нужно поработать над собою, чтобы овладеть своими непокорными желаниями и страстями, насколько ему необходимо обеспечить себя против тысячи могущих возникнуть случаев и случайностей и еще бесконечно больше вопросов выяснить в сфере его общего призвания и специальной профессии, — я говорю, что для того, кто все это хорошо учитывает, не будет, как мне кажется, важным делом намеренно знакомиться с различными человеческими фантазиями, которые можно встретить даже в книгах, написанных на важные темы. Я не отрицаю, что, знакомясь с этими мнениями во всем их разнообразии, противоречиях и необычности, мы можем узнать о тщеславии и невежестве рода человеческого и что это соображение научит нас скромности и осторожности; но это, мне кажется, недостаточное еще основание для того, чтобы побудить нас намеренно заняться этим изучением: при наших исследованиях, направленных на более существенные вопросы, мы будем в достаточной мере сталкиваться с этой путаницей, которая познакомит нас со слабостью человеческого разума.

3. Чистота, отшлифованный стиль, точное и критическое знание иностранного языка (здесь, я думаю, нужно упомянуть о греческом и латинском языках, как и о французском и итальянском) и затрата большого количества времени на их изучение — все это может послужить к тому, чтобы выделить человека в обществе и доставить ему репутацию ученого. Но если этим все исчерпывается, это значит, по моему мнению, трудиться только ради внешности: в лучшем случае это означает заниматься изготовлением красивой одежды для облачения истины или лжи и сделать тех, кто тратит на это свое время, фешенебельными джентльменами, а не разумными и дельными людьми.

Напротив, умение хорошо говорить на своем родном языке дает много преимуществ, и на овладение этим искусством, при любой профессии, стоит затратить известные усилия; но хотя человек, использующий свое хорошее знание родного языка для честной жизни и превращающий это знание в орудие добродетели, и оказывается вдвойне приспособленным к тому, чтобы делать добро другим людям, тем не менее это искусство не должно в наших занятиях стоять на первом плане.

желает усовершенствовать свой разум и приобрести знания путем чтения.

Книги и чтение считаются важными вспомогательными средствами и орудиями знания, и следует признать, что это так; тем не менее я позволю себе задать вопрос, не являются ли они для многих препятствием и не мешают ли они некоторым книжным людям приобрести основательное и истинное знание. Можно, мне думается, сказать, что ни в одной области разум не нуждается в более тщательном и осторожном руководстве, чем в пользовании книгами; без такого руководства оно может оказаться невинным развлечением, а не полезным употреблением времени и даст нам лишь малое прибавление знания.

Нередко можно встретить людей — даже среди тех, кто стремится к знанию, — которые с неустанным усердием проводят все свое время за книгами, оставляют мало времени для еды и сна; они все читают, читают и читают и тем не менее не делают больших успехов в реальном знании, хотя в их интеллектуальных способностях нет никакого дефекта, которому можно было бы приписать их слабые успехи. Ошибка здесь заключается в обычном предположении, будто при чтении знание автора как бы переливается в разум читателя; это верно, но только при условии, если не просто читать, а читать и понимать написанное. Под этим я подразумеваю не только понимание того, что утверждается или отрицается в каждом положении (хотя большие любители чтения не всегда считают для себя важным и это условие точно выполнять), а обнаружение и прослеживание хода рассуждений автора, уяснение силы и ясности их связи и исследование оснований, на которых они покоятся. Без этих условий человек может читать рассуждения весьма разумного автора, изложенные на очень понятном для него языке и в очень понятных для него положениях, и все-таки не усвоить ни иоты его знания; так как последнее заключается только в восприятии связи идей (достоверной или вероятной), которыми он пользовался в своих рассуждениях, то знание читателя возрастает лишь постольку, поскольку он уясняет себе эту связь: он лишь постольку познает достоверную или вероятную истинность мнений автора, поскольку он видит указанную связь.

Все, чему читатель доверяется без такого уяснения, он принимает на веру, полагаясь на репутацию автора, нисколько не усваивая этого знания. Я вовсе не удивляюсь, встречая людей, которые на каждом шагу сыплют цитатами и чрезмерно опираются на авторитеты; ибо это единственное основание, на котором они строят большую часть своих воззрений; поэтому в действительности они обладают знанием, усвоенным из вторых рук, т. е. слепым знанием; это значит, что они оказываются правыми лишь в том случае, если был прав в своем мнении тот, у кого они заимствовали это мнение: это никак не является знанием. Писатели нашего времени или прошлых веков могут быть надежными свидетелями сообщаемого ими факта, который мы можем смело принять, полагаясь на их авторитет; но дальше этого доверие к ним не может идти; авторитетом нисколько не решается вопрос об истинности или ложности мнений, для которых есть только один метод испытания — проверка соображений и доказательств,

которыми авторы сами пользовались для того, чтобы приобрести знание; так же должны поступать и другие, которые хотят разделить с ними это знание. Конечно, мы получаем большую выгоду от того, что те взяли на себя труд найти доказательства и изложить их в порядке, который может показать истинность или вероятность их выводов; за это мы должны быть им очень признательны, ибо они избавили нас от труда отыскивать эти доказательства, которые они собрали для нас и которых мы, может быть, несмотря на все наши труды, не могли бы ни найти, ни осветить их так хорошо, как они осветили их для нас. В этом отношении мы чрезвычайно обязаны мудрым писателям всех веков за те открытия и рассуждения, которые они оставили после себя для нашего поучения, если только мы умеем правильно их использовать; а это заключается не в том, чтобы быстро перечесть их и даже, возможно, удержать в памяти их мнения или некоторые замечательные места, а в том, чтобы вникнуть в их рассуждения, исследовать их доказательства и затем уже судить об истинности или ложности, вероятности или невероятности того, что они утверждают, и притом не на основании мнения, которое мы составили об авторе, а на основании доказательств, которые он приводит, и убеждения, которое он нам внушает, извлекая их из самих вещей. Знать — это значит видеть; а если так, то безумие убеждать себя, что мы видим глазами другого, как бы пространно последний ни уверял нас, что то, что он утверждает, совершенно очевидно. До тех пор пока мы не увидим это собственными глазами и не постигнем собственным разумом, мы продолжаем оставаться в темноте и быть столь же далекими от знания, как и раньше, пусть даже мы верим этому ученому автору сколько нам угодно.

Признаю, что Эвклид и Архимед³¹ знали и доказали то, что они утверждают; однако если кто-нибудь читает их сочинения, не уясняя связи их доказательств и не видя того, что они показывают, то хотя бы он и понимал все их слова, однако знания у него не прибавится от этого: он может, конечно, верить тому, что они утверждают, но знания у него нет, и, таким образом, сколько бы он ни читал этих признанных математиков, он ни на иоту не подвинется вперед в своих математических познаниях.

§ 25. Рвение и сильная склонность души к знанию,

Торопливость. если их осторожно не регулировать, часто являются помехой к нему. Душа постоянно стремится к дальнейшим открытиям и к новым объектам и гонится за разнообразием знания; поэтому она часто не останавливается достаточно долго над тем, что находится перед ней в данный момент, чтобы ознакомиться как следует, а спешит в погоню за тем, что еще не вошло в поле зрения. Тот, кто проезжает по стране на почтовых, может оказаться в состоянии, на основании мимолетных наблюдений, рассказать об общем расположении ее частей, дать отрывочное описание той или другой горы, той или другой равнины, болота или реки, лесов одной части страны и степей другой ее части. Такие поверхностные представления и наблюдения он может собрать при быстром переезде; но более полезные наблюдения над почвой, растениями, животными и обитателями, над их различными родами и особенностями неиз-

бежно должны ускользать от него: люди редко открывают богатые рудники, не делая раскопок. Природа обыкновенно помещает свои сокровища и драгоценности в скалистом грунте. Если материал крепкий и смысл лежит глубоко, ум должен остановиться и энергично заняться им, усердно отдавая ему труд и мысли и внимательно размышляя над ним, пока не преодолет трудности и не овладеет истиной. Но здесь следует стараться избегать другой крайности: не следует цепляться за каждую бесполезную мелочь и ожидать раскрытия тайн науки от каждого могущего возникнуть пустого вопроса и сомнения. Тот, кто настойчиво будет подбирать и исследовать каждый камешек, попадающийся ему на пути, имеет так же мало шансов вернуться обогащенным и нагруженным драгоценностями, как и тот, который двигался со всей быстротой. Истины не становятся лучше или хуже вследствие легкой доступности или трудности: ценность их измеряется их полезностью и назначением. Маловажные наблюдения не должны отнимать у нас ни одной минуты, а такие, которые расширяют наш кругозор и освещают путь к дальнейшим и полезным открытиям, не должны быть оставляемы в пренебрежении, хотя бы они задерживали наше движение и отнимали у нас известное время для внимательного рассмотрения.

Есть другого рода торопливость, которая, если ум предоставлен самому себе и собственному руководству, часто приводит и должна приводить его к заблуждению. Разум, естественно, торопится не только приобрести разнообразное знание (что заставляет его перескакивать через одну отрасль знания, чтобы скорее добраться до другой), но также жадно стремится расширить круг своих воззрений и вследствие этого слишком поспешно принимает общие положения и выводы без должного исследования тех частных, на основе которых эти общие аксиомы могут быть установлены. По внешности этим как будто расширяется запас знания человека, но это знания фиктивные, а не реальные; подобные теории, будучи построены на узких основаниях, мало устойчивы, и если они не падают сами собою, то их, по меньшей мере, очень трудно отстоять против нападения людей, которые держатся противоположных мнений. Таким образом, люди, чересчур торопливые в построении общих понятий и плохо обоснованных теорий, когда они принимаются за проверку своих слишком поспешно принятых максим или когда они подвергаются нападению со стороны других, разочаровываются в тех знаниях, которые они приобрели. Общие выводы, сделанные на основании частных данных, — это жемчужины знания, охватывающие большое содержание в малом объеме; но именно поэтому они должны делаться с большой тщательностью и осторожностью; иначе, если мы принимаем подделку за истину, тем больше будет наша потеря и стыд, когда наш запас знаний подвергнется строгой проверке. Один-два частных факта могут послужить указанием при исследовании, и хорошо делают те, кто пользуется этими указаниями; но если их превращают в выводы и немедленно возводят в общие правила, то на деле это означает забегать вперед и только обманывать самих себя положениями, принятыми за истины без достаточной гарантии. Делать подобные обобщения — это значит, как мы уже заметили, делать из

своей головы склад материалов, который вряд ли может быть назван знанием: это по меньшей мере похоже на собирание хлама, не приведенного в порядок и совершенно бесполезного; и именно такого рода богатством, значительнейшую часть которого составляет ложь, обладает человек, который каждый факт возводит в общее наблюдение. Следует избегать обеих крайностей, и наилучший результат от своих занятий может получить лишь тот, кто удерживает свой разум на среднем пути между этими крайностями.

Предвосхищение.

§ 26. Пристрастие ли это к тому, что внесло первый свет и знание в их ум, и недостаток силы и усердия, необходимых для исследования, или же люди вообще довольствуются видимостью знания, правильного или ошибочного, и, раз получив подобное знание, склонны крепко держаться за него, — во всяком случае очевидно, что многие люди остаются при своих первых умозаклчениях и очень упорно держатся за свои первоначально сложившиеся мнения: к своему первому воззрению они часто питают такую же нежность, как к своему первенцу, и ни за что не хотят отступаться от однажды высказанного суждения или от раз сделанного предположения или догадки. Это — погрешность в воспитании разума, так как эта твердость или вернее негибкость ума проистекает не от преданности истине, а от подчинения предрассудку. Это — неразумная дань предубеждению, показывающая наше уважение не к истине (которую мы будто бы ищем), а к первой случайной находке, какой бы она ни была. Это — явно превратное применение наших способностей и явное prostituiрование ума, если мы отказываемся от него и отдаем его во власть первого встречного. К этой манере никогда не следует относиться снисходительно, ей никогда не нужно следовать, так как это не будет правильным путем к знанию до тех пор, пока разум, задача которого — сообразоваться с тем, что он находит во внешних объектах, не приобретет способность одной только своей упорной силой изменить это и заставить неизменяемую природу вещей сообразоваться с его собственными поспешными определениями; но этого ведь никогда не будет. Что бы мы ни воображали, вещи идут своим ходом и сохраняют неизменными взаимные связи, соответствия и отношения.

Отказ от своего мнения.

§ 27. В противоположную, но не менее опасную крайность впадают, с другой стороны, те, которые всегда подчиняют свое суждение последнему человеку, которого они слушали или читали. Истина никогда не западает в умы этих людей и не придает им никакой определенной окраски; подобно хамелеону, они окрашиваются под цвет того, что находится перед их глазами, и немедленно теряют и заменяют свою окраску первой же другой, которая окажется на их пути. Порядок, в котором мнения нам представляются или нами воспринимаются, не должен служить критерием их правильности и явиться основанием для их предпочтения. Какое из них было первым и какое последним — это в данном случае результат случайности, а не критерий истинности или ложности. Каждый должен это признать и поэтому охранять, при изыскании истины, свой ум от влияния подобных случайностей. Со сто-

роны человека столь же неразумно выбирать свои воззрения по жребью, определять свое убеждение метанием кости, как принимать его из-за новизны или держаться за него потому, что оно было первое признано им и что он никогда не думал иначе. Суждение должно определяться хорошо продуманными соображениями; ум должен быть всегда готов прислушиваться к ним и подчиняться им; на основании их свидетельства и их голоса он должен принимать или отвергать всякое воззрение, безразлично, будет ли оно для него совершенно незнакомым или давно знакомым.

Практика. § 28. Хотя духовные способности совершенствуются упражнением, однако их не следует доводить до напряжения, превышающего их силу. «*Quid valeant humeri, quid ferre refusent*»³³ — должно быть мерой разумения всякого, кто желает не только успешно действовать, но также сохранить силу своих способностей и не надорвать свой разум чем-либо слишком непосильным для него. Душа, занятая работой, которая ей не по силам, часто надрывается подобно телу, напрягающемуся при поднимании слишком тяжелого груза, и навсегда теряет способность или проникается отвращением ко всякому сильному напряжению. Надорванная мышца редко восстанавливает прежнюю силу; по крайней мере слабость от растяжения остается потом на долгое время, а воспоминание о ней сохраняется еще дольше, и человек еще долго остерегается подвергать пострадавший орган большому напряжению. То же самое происходит и с душой, которая однажды была изнурена какой-либо непосильной попыткой; она или совсем теряет способность к усилиям на будущее время, или же останавливается потом перед любой трудной задачей и по меньшей мере с трудом опять научается применять свою силу к какому-либо предмету, требующему размышления и обдумывания. К тем трудным и замысловатым отделам знания, которые являются испытанием для силы мысли и для способности души к полному напряжению, следует подводить разум постепенно и незаметно; при таком постепенном движении вперед нет ничего чрезмерно трудного для него. И пусть не возражают, что при таком медленном движении никогда не удастся овладеть некоторыми науками во всем их объеме. Мы себе и представить не можем, как далеко может повести человека настойчивость; во всяком случае, идя неровной дорогой, лучше двигаться медленно, чем ломать себе ногу и стать калекой. Тот, кто начинает с тельца, научится поднимать и быка; но тот, кто будет сначала пытаться поднять быка, может настолько надорвать свои силы, что он потом не в состоянии будет поднимать и тельца. Когда ум постепенно и незаметно приучит себя к вниманию и к упорному мышлению, он способен будет бороться с трудностями и преодолевать их без вреда для себя, и тогда дело пойдет гладко: темная проблема, запутанный вопрос уже не будут ни затруднять, ни обескураживать, ни обессиливать ум. Но хотя следует избегать непривычных напряжений неподготовленного ума, могущих обескуражить или ослабить его на будущее время, это не должно, однако, приводить к преувеличенному страху перед трудностями и к ленивой трате времени над обыкновенными и ясными вещами, не требующими ни мысли, ни прилежания. Это понижает и расстраивает силы разума,

делает его слабым и неприспособленным к труду. Это значит блуждать по поверхности вещей, не проникая и не заглядывая в глубь их; и если ум приучился к этому ленивому и удовлетворенному скольжению по видимой поверхности вещей, он рискует тем, что с удовлетворением остановится и глубже не пойдет; ибо этого он не может сделать без усилий и раскопок. Кто в течение некоторого времени привыкал заниматься тем, что легко дается само собою, с первого же взгляда, тот имеет основание опасаться, что ему никогда не удастся принудить себя к тем утомительным умственным манипуляциям над вещами, цель которых — раскрыть их более скрытые и более ценные тайны.

Нет ничего странного в том, что методы изучения, к которым школьники привыкают в самом начале, при первом же ознакомлении с науками, оказывают на них влияние на всю их жизнь и укрепляются в их умах в силу какого-то чувства почтения к ним, в особенности, если эти методы установлены всеобщей практикой. Ученики должны вначале быть верующими, и если правила учителя сделались для них аксиомами, то нет ничего удивительного в том, что эти правила сохраняют это свое значение и, в силу приобретенного однажды авторитета, вводят в заблуждение того, кто здесь находит достаточное для себя извинение, когда сбивается с надлежащего пути на хорошо проторенную дорогу.

Слова.

§ 29. Я достаточно подробно говорил о злоупотреблении словами в другом месте³⁴, и, ввиду того, что науки переполнены ими, я предупреждаю тех, кто желает правильно руководить своим разумом, чтобы они не принимали ни одного термина, хотя бы освященного авторитетом школьного языка, для обозначения какого-либо предмета раньше, чем они составили себе идею о нем. Слово может быть очень употребительным, может пользоваться большой популярностью у некоторых авторов и применяться ими так, будто оно выражает некое реальное бытие; однако, если читающий не может составить себе отчетливую идею об этом бытии, оно является для него только пустым звуком без смысла; и все, что говорится и приписывается этому бытию, даст этому читателю не больше знаний, чем если бы соответствующие утверждения относились единственно к пустым звукам. Те, которые желают подвинуться в знании и не обманывать себя, не желают надуваться каким-то количеством артикулированного воздуха, должны поставить себе основным правилом не принимать слова за вещи и, пока они не составят себе ясных и отчетливых идей о реальных вещах природы, не думать, что названиям, употребляемым в книгах, соответствуют именно эти реальные вещи. Быть может, со мной не согласятся, если я отнесу «субстанциальные формы» и «целесообразные виды»³⁵ к числу таких терминов, которые можно по справедливости заподозрить именно в подобной бессодержательности. Но я уверен, что для того, кто не в состоянии составить себе определенные идеи о предметах, замещаемых этими словами, они решительно ничего не выражают: и все, что, как ему кажется, он знает о них, есть знание о «ничто» и в большинстве случаев сводится только к ученому невежеству. Не без основания считают, что множество подобных пустых

терминов можно найти у некоторых ученых писателей, которые прибегают к ним, чтобы заплатать свои системы там, где разум не может доставить им понятий, взятых от вещей. Я же считаю, что предположение о существовании каких-либо реальностей в природе, соответствующих этим и подобным словам, очень смущало одних и совершенно сбивало с толка других при изучении ими природы. Если мы скажем в своем рассуждении: «я не знаю что́», то это собственно должно пониматься в смысле: «я не знаю когда». Когда люди имеют какие-либо концепции, то как бы эти концепции ни были сложны и абстрактны, они умеют объяснить их, равно как и термины, которыми они пользуются. Ибо поскольку наши концепции суть не что иное, как идеи, которые все составлены из простых идей, то, если кто либо не может показать нам идеи, скрывающиеся за словами, ясно, что он не имеет никаких идей. Какая цель в погоне за концепциями у того, кто не имеет никакой идеи или никакой ясной идеи? Тот, кто сам не знал, что он понимал под ученым термином, не даст нам никакого знания при помощи этого термина, сколько бы мы ни ломали головы. Способны ли мы понять все действия природы и способы их осуществления — здесь не место исследовать; но несомненно то, что мы можем их понять лишь постольку, поскольку мы способны строить отчетливые представления; и потому нагромождение терминов там, где у нас нет ясных представлений, как будто термины что-то содержат или, вернее, что-то скрывают, есть только ухищрение ученого тщеславия, имеющее целью прикрыть пробел в гипотезе или в нашем разуме. Слова созданы не для того, чтобы скрывать, а для того, чтобы что-то сообщить и показать; когда же люди, претендующие на то, чтобы учить, пользуются ими иначе, то за терминами действительно что-то скрывается; но скрывается-то только невежество, заблуждение или софистика говорящего, так как, по правде сказать, ничего другого за ними нет.

Блуждание. § 30. О том, что в нашем уме осуществляется непрерывная смена, непрерывный поток идей, я уже указал в одном из предыдущих параграфов настоящего опыта; каждый может это заметить на самом себе. Этому обстоятельству, я полагаю, мы должны уделить известное внимание при воспитании нашего разума. Я считаю весьма полезным, если нам удастся путем практики приобрести такую власть над нашим умом и уметь так направлять поток идей, чтобы из постоянно возникающих, в процессе их непрерывной смены, новых идей включались в поле нашего внимания по нашему выбору лишь те, которые имеют отношение к интересующему нас вопросу, и чтобы они располагались в порядке, наиболее полезном для раскрытия того, что является нашей целью; или, по меньшей мере, чтобы мы могли, если какие-либо посторонние и непрошенные идеи навязываются сами собой, отбрасывать их и не давать им отвлекать наш ум от предмета его устремления и совершенно увлечь наши мысли в сторону от занимающего нас предмета. Я полагаю, что достигнуть этого не так легко, как, может быть, думают; но вместе с тем, насколько я понимаю, это может служить одним из главных, если не единственным отличительным признаком, по которому одни люди в своем рассуждении так превосходят других, хотя

бы эти люди казались одинаково одаренными природой. Я был бы рад найти подходящее и действительное средство против этого блуждания мыслей. Тот, кто предложит такое средство, окажет большую услугу прилежной и мыслящей части человечества, а может быть, поможет и немыслящим людям сделаться мыслящими. Я должен сознаться, что я до сих пор не нашел другого средства сосредоточивать мысли непосредственно на своем деле, помимо всемерного старания усвоить привычку быть внимательным и прилежным путем практики такого внимания и прилежания. Кто наблюдает за детьми, может убедиться, что дети даже при полном напряжении своих сил не в состоянии удерживать свои мысли от блуждания. Я убежден, что от этого нельзя исцелить их ни сердитой бранью, ни побоями, которые немедленно наполняют их головы всякими идеями, вызываемыми страхом, испугом или смущением. Если мы будем осторожно возвращать их мысли обратно, вводя последние в русло и указывая детям путь, которым они должны идти, не делая при этом никакого выговора или ограничиваясь простым замечанием по поводу их рассеянности (когда без этого нельзя обойтись), это, я полагаю, быстрее прихотит и приучит их к вниманию, чем все более грубые методы, которые еще более рассеивают их мысли и вместо того, чтобы стимулировать в них прилежание, прививают им противоположную привычку.

Различение. § 31. Различение и разделение, если я не ошибаюсь относительно значения этих слов, — вещи весьма различные: первое есть усмотрение различия между вещами, установленное природой, второе представляет нашу собственную операцию деления, проводимого там, где его еще нет; если позволительно понимать эти термины в указанном смысле, то можно, как мне думается, по крайней мере сказать, что различение является самым необходимым и плодотворным орудием истинного познания, какое только может быть; операция же деления, если ею злоупотреблять, служит лишь к тому, чтобы запутывать и смущать разум. Способность замечать малейшее различие между вещами свидетельствует о быстроте и ясности наблюдения, которые помогают разуму настойчиво и верно двигаться по пути к знанию. Но хотя и полезно улавливать всякое различие, которое можно находить в природе, однако не следует каждое различие между вещами принимать в соображение и брать в качестве основания для их классификации. Если идти по этому пути, это заведет нас в частности (ибо каждый индивидуум чем-нибудь отличается от другого), и мы не в состоянии будем установить никаких общих истин или, по меньшей мере, будем запутывать свой ум в поисках их. Группировка различных вещей по различным классам сообщает уму более общие и более широкие точки зрения; но мы должны стараться объединить их только в том отношении и лишь постольку, поскольку они согласуются между собою, ибо только в такой мере они и могут быть объединены при рассмотрении; даже бытие само по себе, охватывающее все вещи, при всей своей общности, может нам дать ясные и рациональные идеи. Если бы мы тщательно оценивали и фиксировали в своем уме, что представляет рассматриваемый нами предмет, это лучше всего научало бы нас, когда сле-

дует и когда не следует производить дальнейшие подразделения: эту операцию следует предпринимать только на основании надлежащего рассмотрения вещей, что является наибольшей противоположностью искусству словесных различений, делаемых по вкусу, в произвольно придуманных ученых терминах, с тем, чтобы применять их наудачу. Такие различения не содержат и не сообщают другим никаких отчетливых понятий: они всецело приспособлены для искусственной беседы или пустого шума диспутов и нисколько не разъясняют трудностей и не подвигают нас в знании. Всякий предмет, который мы исследуем и хотим познать, мы должны, я полагаю, брать в столь общем и широком разрезе, какой только для него возможен. И в этом нет ничего опасного, если идея этого предмета установлена и определена; ибо при этом условии мы легко будем ее отличать от другой идеи, хотя бы она охватывалась тем же названием. Ведь именно в целях борьбы с неуловимым смыслом двусмысленных слов и заложенным в них великим искусством софистики умножались различения и считалось столь необходимым ими пользоваться. Но если бы каждая отдельная абстрактная идея имела особое и известное имя, то в этих многочисленных схоластических различениях была бы малая нужда, хотя необходимость для ума наблюдать различия в вещах и по ним отличать последние одну от другой оставалась бы.

Итак, это неправильный путь к знанию, если мы стремимся наполнять свою голову тем обилием искусственных и схоластических различений, которыми часто бывают переполнены сочинения ученых людей: предметы, которые они трактуют, временами бывают так разделены и подразделены, что ум самого внимательного читателя теряет способность разобраться в них, как это, более чем вероятно, было с самим автором; если вещи измельчены в пыль, бесполезно создавать или делать вид, что создаешь в них порядок, и ожидать какой-либо ясности. Чтобы избежать путаницы при недостаточном или чрезмерном подразделении, требуется большое искусство мышления и писания, которое является только воспроизведением наших мыслей; но трудно, мне думается, описать границы той середины, которая находится между этими двумя крайностями; единственное, что, насколько я понимаю, может регулировать эти границы, — это ясные и отчетливые идеи. Но что касается словесных различений, принятых и применяемых к обычным терминам, т. е. к двусмысленным словам, то они, мне думается, скорее дело критики и словарей, чем реального знания и философии, так как именно критика и словари большей частью объясняют смысл слов и дают нам их различные значения. Искусное манипулирование терминами и умение при помощи их опровергать и доказывать считается, насколько я знаю, в свете важным признаком учености; но это ученость, отличная от знания, ибо знание заключается лишь в уяснении связей и отношений идей друг к другу, которое осуществляется без слов; вмешательство звуков нисколько не помогает этому. Оттого-то мы и видим, что меньше всего применяются различения там, где больше всего знания: я имею в виду математику, где люди определили идеи и установили для них известные обозначения³⁶; и поскольку там нет места для двусмысленностей, там нет надобности и в различениях. При

аргументации оппонент всячески пользуется широкими и двусмысленными терминами, чтобы запутать своего противника неопределенностью своих выражений; к этому все подготовлены, и поэтому его противник с своей стороны делает то же самое, стараясь доводить различия до максимальных пределов, на какие он только способен, полагая, что в этом он никогда не преувеличит. И здесь действительно никогда не преувеличишь, поскольку, пользуясь этим методом, можно одерживать победы, не обладая истиной и знанием. В этом, мне кажется, и состоит искусство диспутирования. Используйте свои слова с максимальной двусмысленностью, когда вы аргументируете в пользу одной стороны, и применяйте всевозможные различия по отношению к каждому термину, аргументируя в пользу другой стороны с целью поставить в тупик своего оппонента. В учености этого сорта, где не ставится границ различению, иные люди усматривают всю остроту ума; и что бы они ни читали или о чем бы они ни думали, их главное занятие заключается в том, чтобы забавляться различениями и умножать подразделения, во всяком случае — в большей степени, чем требует этого природа вещей.

Как я уже говорил, против этого можно, мне кажется, выдвинуть лишь одно правило: рассматривать надлежащим образом и правильно вещи, каковы они суть сами по себе. Тот, кто зафиксировал в своем уме определенные идеи вместе с прикрепленными к ним названиями, будет в состоянии различать их между собою; это и есть реальное различие, и там, где недостаток слов не дает терминов, соответствующих каждой отдельной идее, он сможет присоединить подходящие отличительные определения к широким и двусмысленным именам, которыми он вынужден пользоваться. Такова, насколько я понимаю, вся потребность в отличительных терминах; при подобных словесных различениях каждое отличительное определение, присоединенное к тому термину, смысл которого он уточняет, послужит только специфическим обозначением для отдельной идеи. Если отличительные термины отвечают этому требованию, т. е. люди обладают ясными и раздельными представлениями, которые корреспондируют раздельным терминам, последние правильны и уместны в тех пределах, в каких они помогают уяснению какого-либо момента в обсуждаемом вопросе. Вот что, как мне кажется, является настоящим и единственным мериллом для оценки различий и разделений; и тот, кто желает правильно воспитывать свой разум, должен искать это мерило не в остроумной выдумке и не в авторитете писателей, а найдет его в рассмотрении самих вещей; притом безразлично, привели ли его к этому собственные размышления или книжные указания.

Склонность сваливать в одну кучу вещи, между которыми можно заметить какое-либо сходство, является противоположной погрешностью разума, которая непременно будет вводить его в заблуждение и подобным смещением вещей мешать уму получать отчетливые и точные представления о них.

Подобия. § 32. К этому последнему недостатку позвольте мне присоединить другой, родственный ему, по меньшей мере по имени; это — склонность ума, при возникновении какого-либо нового понятия, сейчас же отыскивать подобие, чтобы сделать

его яснее для себя; это, быть может, хороший прием, полезный при объяснении наших мыслей другим, но ни в коем случае не является правильным методом внедрения верных понятий о чем-либо в нас самих, так как уподобления всегда хромают в каком-либо пункте и недостаточны с точки зрения того строгого соответствия, которое должно существовать между нашими представлениями о вещах и самими вещами, если мы хотим мыслить правильно. Конечно, эта склонность делает из людей импонирующих говорунгов, ибо в разговоре самыми приятными всегда считаются те люди, которые умеют вкладывать свои мысли в умы других людей с величайшей непринужденностью и легкостью; при этом неважно, правильно ли построены их мысли и находятся ли они в согласии с реальными вещами. Мало есть людей, которые озабочены самым учением; больше людей думают о том лишь, чтобы оно легко давалось. Люди, которые своими речами действуют на воображение слушателей, возбуждая у последних представления с такой же быстротой, с какой течет поток его слов, получают одобрение в качестве говорунгов: они только и слышат за людей с ясной мыслью. Ничто не содействует этому в такой мере, как уподобления: применяя их, люди думают, что они сами лучше понимают благодаря тому, что их лучше понимают другие. Но одно дело правильно мыслить, и другое дело уметь излагать надлежащим образом, с достаточной ясностью и с достаточным эффектом свои мысли — правильные или неправильные — другим. Хорошо подобранные сравнения, метафоры и аллегории, в соединении с методом и порядком, производят этот эффект лучше, чем что бы то ни было, так как, будучи заимствованы от объектов уже известных и для разума уже привычных, они воспринимаются немедленно, как только они высказаны, и, принимая соответствие между ними и предметом, ради объяснения и истолкования которого они приведены, люди думают, что и предмет благодаря этому становится понятным. Так фантазия сходит за знание, и красиво сказанное ошибочно принимается за нечто обоснованное. Я не говорю это с целью осудить метафоры или с намерением устранить это украшение речи; я имею здесь дело не с риториками и ораторами, а с философами и любителями истины, которым я позволю себе предложить нижеследующее правило для проверки того, действительно ли они, направляя, в целях усовершенствования своего знания, свои мысли на какой-либо предмет, представляют себе предмет таким, каков он есть сам по себе. Установить это мы можем, наблюдая за тем, не пользуемся ли мы, при уяснении предмета для самих себя или при объяснении его другим, только заимствованными представлениями и посторонними по отношению к предмету идеями, которые мы прилагаем к данному предмету в порядке приспособления, ввиду известного соответствия или воображаемого сходства с ним. Образные и метафорические выражения хороши для иллюстрации менее ясных и менее привычных идей, с которыми ум еще не вполне освоился; но в таком случае ими пользоваться нужно для иллюстрации идей, которыми мы уже обладаем, но не для описания тех, которых у нас еще нет. Такие заимствованные и метафорические идеи могут следовать за реальной и несомненной истиной, могут оттенять ее, если она найдена; но они ни в коем

случае не должны становиться на ее место и приниматься за нее. Если все наше изыскание не пошло дальше сравнений и метафор, то мы можем быть уверены, что скорее фантазируем, чем знаем, и еще не проникли внутрь, в реальность вещи, какова бы она ни была, а довольствуемся тем, что доставляет нам наше воображение, а не сами вещи.

Согласие.

§ 33. Во всем воспитании разума нет ничего более важного, а может быть, и ничего более трудного, чем знать, когда и где и в какой мере давать согласие. Охотно говорят, и никто не сомневается в том, что наше согласие или несогласие и их степень должны определяться очевидностью, которую несут с собою вещи. Несмотря на то, мы видим, что люди не становятся лучше благодаря этому правилу; одни твердо усваивают доктрины на шатких основаниях, другие — без всяких оснований, а некоторые — в противоречии с очевидностью; одни принимают достоверность чего-либо, и их не поколеблешь в том, чего они держатся; другие — колеблются во всем; а есть и такие, которые отвергают все, как недостоверное. Что же делать в таком случае новичку, искателю, постороннему? Я отвечу: пользоваться своими глазами. Есть соответствие в вещах, согласие и несогласие идей, различимые в весьма различных степенях; и есть глаза у людей, чтобы видеть это, если они этого желают. Но глаза могут быть омрачены или ослеплены, и способность различать ослаблена или утрачена. Интерес и страсть ослепляют; привычка аргументировать односторонне, даже против своих убеждений, омрачает разум и постепенно лишает его способности ясно различать между истиной и ложью и примыкать, таким образом, к правой стороне. Небезопасно играть с заблуждением и облекать его для самих себя или для других в форму истины. Душа мало-помалу утрачивает свое естественное чувство реальной и веской истины и незаметно приемлет все, чему можно придать хоть какое-нибудь подобие ее; и если вначале позволяют воображению занять место рассудка забавы ради, то впоследствии оно узурпирует его место уже благодаря практике; и то, что рекомендуется этим льстецом (который стремится только угодить), принимается за благо. Воображение, этот куртизан, знает столько приемов обмана, столько способов придать окраску, видимость и сходство, что человек, который не остерегается принимать что-либо кроме самой истины, который тщательно не следит, чтобы его ум не подчинялся ничему помимо истины, обязательно попадает в сети. Кто склонен верить, тот наполовину уже согласился, и тот, кто часто аргументирует, наперекор собственному рассудку, внушая ложь другим, не далек от того, чтобы поверить себе. Это почти уничтожает то большое расстояние, которое существует между истиной и ложью, почти сводит его на-нет; когда же истина и ложь оказываются столь сильно сближенными, то вопрос, что должно быть принято за истину, решается страстью, интересом и т. п.

Беспристрастие.

§ 34. Я говорил выше, что мы должны относиться совершенно беспристрастно ко всем мнениям, не должны желать, чтобы какое-либо из них оказалось верным, и не должны стремиться придавать им видимость истины; что мы должны, оставаясь объективными, принимать и усваивать

мнения в той мере, в какой очевидность, и только очевидность, свидетельствует об их истинности. Те, которые так поступают, т. е. сохраняют свой ум беспристрастным по отношению к мнениям, которые должны определяться только их обоснованностью, всегда будут убеждаться в том, что разум достаточно проникателен, чтобы отличать доказательное от недоказательного, ясное от сомнительного; и если они дают свое согласие или отказывают в нем только на основании этого критерия, они будут в отношении правильности своих мнений гарантированы. Поскольку таких мнений, пожалуй, будет немного, эта осторожность будет иметь еще ту хорошую сторону, что заставит их больше размышлять и будет приучать их к необходимости еще более тщательной проверки; а без этого ум становится лишь вместилищем нелепостей, а не складом истины. Те, которые не сохраняют в себе этого безразличия ко всему, кроме истины, не предполагаемой истины, а доказанной, держат перед собой цветные очки и смотрят на вещи через фальшивые стекла; а потом оправдываются тем, что последовали за обманчивой видимостью, которую фактически они сами для себя создали. Я не ожидаю, что таким путем каждый будет соразмерять свое согласие с той основательностью и с той ясностью, с которой может быть доказана каждая истина, или что люди могут совершенно уберечься от заблуждения: это было бы таким достижением, к какому человеческая природа неспособна, какими бы средствами мы ни пользовались. Я и не стремлюсь к такой неосуществимой привилегии: я говорю только о том, что должны делать те люди, которые хотят честно обращаться со своим умом и правильно пользоваться своими способностями в поисках истины; мы изменяем им гораздо чаще, чем они нам. Люди имеют больше основания жаловаться на плохое управление своими способностями, чем на их недостаток; и когда речь идет о других людях, то жалуются именно на первое. Тот, кто, будучи равнодушен ко всему, кроме истины, не допускает, чтобы его согласие опережало ее доказательство или отставало от него, приучится к тому, чтобы заниматься не предположениями, а исследованиями, и исследованиями добросовестными. При этом ~~люди~~ никто не окажется в затруднительном или опасном положении из-за неумения усвоить истины, необходимые в его положении и при его обстоятельствах. Все другие пути обрекают человечество на ортодоксию; люди начинают с того, что впитывают в себя общепринятые мнения своей страны и партии, никогда не подвергая сомнению их истинность; и из сотни человек ни один и ни разу не проверяет ее. Такие люди за их предвзятое убеждение в своей правоте получают одобрение. Человек же, который рассуждает, является врагом ортодоксии, так как может случиться, что он отклонится от некоторых доктрин, принятых в данном месте. Таким образом, люди, без всякого усердия или самостоятельного изучения, принимают по наследству местные истины (ибо истина не везде одинакова) и привыкают соглашаться без доказательства. Эффект от этого гораздо шире, чем люди думают. Ибо исследовал ли когда-нибудь хоть один из сотни ревностных ханжей всех партий те догматы, за которые он так упорно держится? думал ли он когда-нибудь, что в этом его задача и долг? Если кто-либо сочтет это необходимым, он вызывает

подозрение в равнодушии. Если же он примется за исследование его заподозрят в склонности к ереси. А если человек способен заставить свой ум принимать и упорно отстаивать положения, доказательности которых он никогда не проверял, и притом в вопросах величайшей для него важности, то что же может удержать его от применения этого короткого и легкого способа быть правым в менее важных случаях? Так мы научаемся одевать наши души по общепринятой моде, как мы это делаем со своим телом; а если кто-либо поступает иначе, его считают фантазером или чем-то похуже. Власть этого обычая (кто посмеет противиться ему?) создает близоруких ханжей и слишком осторожных скептиков; а те, что отрекаются от него, рискуют впасть в ересь; ибо если взять весь свет, то какая часть его совмещает истину с ортодоксией? А между тем только ортодоксия (которой удалось утвердиться повсюду) судит о том, что есть заблуждение и что есть ересь; аргументы и доказательства не имеют в данном случае никакого значения: они нигде не принимаются в оправдание и во всяком обществе обязательно отвергаются непогрешимой местной ортодоксией. Это ли путь к истине и к правильному составлению мнений, пусть покажут те мнения, которые имеют распространение и господство в различных обитаемых частях земли. Я никогда не встречал разумного довода в пользу того, что нельзя будто бы признавать истину на основании ее собственной доказательности: я уверен, что если доказательность истины не может явиться ее опорой, то нет никакой защиты против заблуждения, и в таком случае истина и ложь только различные названия одного и того же. Поэтому всякий человек может (и должен) приучаться сообразовать свое мнение с доказательствами; и только в том случае, если он следует за ними, он находится на верном пути.

Люди, которым нехватает знаний, обычно находятся в одном из следующих трех состояний: или полного неведения, или сомнения по поводу какого-либо положения, которое они раньше приняли или склонны сейчас принять, или, наконец, они уверенно придерживаются и исповедуют что-либо, ни разу не проверив и не опираясь на хорошо обоснованные аргументы.

Люди первой из трех указанных категорий находятся в самом лучшем положении, потому что душа их еще сохраняет полную свободу и безразличие; они имеют больше шансов добиться истины, будучи свободны от предубеждений, могущих их сбить с толку. Ибо незнание, сочетающееся с объективным отношением к истине, ближе к последней, чем мнение, подсказанное необоснованным пристрастием — этим великим источником заблуждения. Людям, увлекаемым какой-либо склонностью, которая — можно поставить сто против одного — поведет их по неправильному пути, в большей мере угрожает опасность сбиться с пути, чем человеку, который еще не сделал ни одного шага и скорее даст себя убедить в необходимости исследовать, где правильный путь. Последняя из трех категорий находится в самом худшем положении: ибо если человек может быть убежден и получить полную уверенность в истинности того, чего он не исследовал, то чего только он не признает за истину? И если он поддался вере в ложь, то какое средство остается для исправления такого чело-

века, способного приобрести уверенность без исследования? В отношении двух прочих категорий позволительно утверждать, что в наилучшем положении находится человек незнающий, так как он может искать истину методом, соответствующим этому состоянию, т. е. стараясь проникнуть непосредственно в природу самой вещи, не считаясь с мнениями других и не смущаясь их вопросами и спорами о ней, а стараясь лишь уяснить себе, что он может сам найти, если будет искренне искать истину. Тот, кто в своих поисках знания действует на основании чужих принципов, будучи даже полон решимости исследовать их и свободно судить о них, все-таки должен будет в конце концов принять чью-либо сторону и примкнуть к какой-либо партии, от которой он не будет отставать до тех пор, пока его не заставят отказаться от нее; это побуждает его ум в максимальной мере отмежевываться от всего прочего, в результате чего он незаметно для себя проникается предубеждением. Я не утверждаю, что человек должен воздержаться от составления своего мнения после того, как он произвел исследование: иначе исследование было бы делом совершенно бесполезным; но вместе с тем самый верный путь — это не составлять себе никакого мнения раньше, чем мы произвели исследование, и не обращать внимания на мнения и системы других людей о данном предмете. Например: если бы мне предстояло изучить медицину, разве не было бы вернее и целесообразнее обратиться для этого к самой природе и познакомиться с историей болезней и их лечения, чем принимать принципы догматистов, методистов или химиков, чем вдаваться во все споры относительно каждой из этих систем и считать какую-нибудь из них правильной, до тех пор, пока я не проверил всех возможных возражений против нее? Или же, если мы предположим, что Гиппократ³⁸ или какая-либо другая книга действительно содержит все искусство медицины, то разве прямой путь не заключался бы скорее в том, чтобы изучать, читать и обдумывать эту книгу, взвешивать и сопоставлять отдельные ее части с целью найти истину, чем принять доктрины одной из партий, которые, хотя и признают авторитет указанной книги, однако уже перетолковали и сузили весь ее текст до пределов своего понимания. Пропитанный этим толкованием, я больше рискую не понять эту книгу и истинного ее смысла, чем если бы я подошел к ней с умом, не отягощенным воздействием докторов и комментаторов моей секты; их рассуждения, комментарии и язык, с которыми я освоился, будут наверное проникнуты одним направлением, в результате чего всякое иное и, может быть, верное толкование автора покажется мне фальшивым, натянутым и странным. Ибо слова, не имея собственного природного смысла, внушают слушателю то значение, которое он привык им давать, независимо от того, какой смысл вкладывал в них тот, кто их применил. Это, мне думается, очевидно; а если это так, то тот, у кого возникают какие-либо сомнения относительно воззрений, которые он воспринял без проверки, должен, насколько он в состоянии это сделать, поставить себя по отношению к данному вопросу в положение человека совершенно незнающего; он должен, совершенно отбросив все свои прежние понятия и мнения других, исследовать вопрос с полным беспристрастием в его источнике, не склоняясь ни в ту, ни

в другую сторону и нисколько не считаясь ни со своим, ни с чужими непроверенными мнениями. Я признаю, что это дается нелегко; но я ведь изыскиваю не легкий путь к составлению мнения, а правильный путь к истине, по которому должны следовать люди, желающие честно обращаться с своим разумом и своею душой.

Вопрос. § 35. То беспристрастие, которое я здесь рекомендую, также поможет правильно ставить вопрос, возбуждающий сомнение, без чего никогда нельзя прийти к правильному и ясному решению.

Настойчивость. § 36. Другим плодотворным результатом этой объективности и рассмотрения вещей как таковых, в отвлечении от наших собственных мнений и от понятий и рассуждений о них других людей, явится то, что каждый человек будет развертывать свои мысли по методу, который наиболее соответствовал бы природе данной вещи и процессу восприятия им того, что она впечатлевает в него; по этому пути он должен двигаться планомерно и настойчиво, пока не придет к хорошо обоснованному решению, на котором мог бы успокоиться. Если мне возразят, что это потребует от каждого человека, чтобы он стал ученым, забросив все свои остальные дела и всецело отдавшись учению, то я отвечу, что требую от каждого только того, что укладывается в границы времени, которым он располагает для этого. Положение и условия жизни многих людей не требуют большого объема знаний; добывание необходимых средств к жизни поглощает большую часть их времени. Но отсутствие досуга у одних людей не служит оправданием для нерадивости и невежества тех, которые располагают досугом; всякий имеет достаточно времени, чтобы приобрести столько знаний, сколько от него требуется и ожидается; поэтому о человеке, который этого не делает, можно сказать, что он влюблен в свое невежество и сам виноват в нем.

Предубеждение. § 37. Природные несовершенства человеческой души бывают столь же разнообразны, как разнообразны телесные болезни; некоторые из них носят эпидемический характер и лишь немногие люди ускользают от них: каждый человек, если бы он заглянул внутрь себя, нашел бы некоторый дефект в своем духовном складе. Вряд ли найдется человек, который не подвержен какой-нибудь идиосинкразии. Иной человек думает, что его способности не изменят ему в минуты нужды, и считает для себя излишним трудом принимать меры на будущее время. Разум является для него чем-то вроде кошелька Фортуната, который всегда должен снабжать его деньгами, даже если ничего туда не было раньше положено. И вот, сидит он всегда довольный собой, не прилагая никаких стараний к тому, чтобы обогатить свой ум знаниями. Ум такого человека — самопроизвольный продукт почвы, а в таком случае — зачем трудиться над обработкой? Подобные люди могут выкладывать свои природные богатства перед невеждой; но лучше им не вступать в соревнование со знающим человеком. Мы рождаемся невеждами во всем. Внешность вещей, окружающих нас, создает впечатления у нерадивого, но никто не может проникнуть в глубь вещей без затраты труда, внимания и усердия. Камни и лес растут

сами собой, но нельзя получить здание неизменной формы, симметричное и удобное для жилья, без труда и усилий. Бог создал интеллектуальный мир гармоническим и прекрасным без нас; но этот мир не может разом войти в наши головы целиком; мы должны вводить его в себя по кусочкам и устраивать его внутри себя при помощи нашего собственного усердия; в противном случае мы будем у себя внутри иметь лишь мрак и хаос, каков бы ни был порядок и свет в вещах вне нас.

§ 38. С другой стороны, есть люди, которые сами **Неверие в себя.** подавляют в себе дух тем, что впадают в уныние при первом же затруднении и решают, что овладеть какой-либо наукой или подвинуться в знании дальше того, что требуется для их обычного дела, не по их силам. Они сидят сиднем на одном месте, считая, что у них нет ног, чтобы ходить, совсем как те, которые, как я только что говорил, поступают точно так же по противоположной причине, а именно, считая, что у них есть крылья, чтобы летать, и что они способны взлететь, когда им вздумается. Им можно сказать поговоркой: «Пользуйся ногами, и у тебя будут ноги». Никто не знает силы своих способностей, пока он не испытал их. Так же о разуме всякий может с полной уверенностью сказать, что как правило его сила гораздо больше, чем считает сам разум до того, как он ее испробовал: «*Viresque acquirit eundo*»³⁹.

Поэтому наиболее подходящее лекарство в данном случае заключается в том, чтобы взяться за работу и усердно прилагать свои мысли к делу; ибо в борьбе ума, как и в военной борьбе, имеет силу изречение: «*Dum putant se vincere vincere*»⁴⁰. Убеждение в том, что мы преодолеем все затруднения, с которыми мы встретимся в науке, редко не помогает нам пройти через эти трудности. Никто не знает силы своего ума, как и силы настойчивого регулярного прилежания, пока не испытал их. Верно одно: человек, который пускается идти на слабых ногах, не только пойдет дальше, но и сделается сильнее того, кто, обладая сильной конституцией и крепкими членами, сидит сиднем на одном месте.

Нечто подобное люди могут наблюдать на себе, когда (как это часто бывает) их ум смущается каким-либо предметом, который они рассматривают в общих чертах, схватывая его неясный образ на ходу или разглядывая на расстоянии. Предметы, так рисующиеся умственному взору, являют картину одних только трудностей; они кажутся погруженными в непроницаемый мрак. На самом же деле это только призраки, которые разум создает себе лишь для поощрения своей собственной лени. Разум ничего не в состоянии отчетливо различить в предметах, которые находятся в отдалении или собраны в кучу; отсюда он с чрезмерным малодушием заключает, что в них нельзя открыть ничего более ясного. Надо только подойти поближе, и тогда окутывающий их туман, который мы сами вокруг них создали, рассеется, и то, что в этом тумане рисовалось в виде безобразных гигантов, с которыми нельзя бороться, окажется ординарной и естественной величины и формы. К вещам, которые кажутся очень неясными с далекого расстояния и в целом, следует приближаться постепенными и правильными шагами и сначала рассматривать то, что

в них наиболее заметно, доступно и видимо. Расчленив их на отдельные части, и затем в соответствующем порядке сведите все, что должно быть узнано относительно каждой из этих частей, к ясным и простым вопросам; тогда все, что считалось темным, запутанным и слишком трудным для наших слабых способностей, само собой раскроется перед нашим разумом в ясной перспективе и позволит уму проникнуть в то, что раньше пугало его и удерживало его на расстоянии, как нечто совершенно таинственное. Я апеллирую к личному опыту моего читателя: не случалось ли это когда-либо с ним, в особенности, когда он, будучи поглощен одним каким-нибудь предметом, случайно задумывался о чем-нибудь другом? Я спрашиваю его, не пугало ли его когда-либо внезапное представление о непреодолимых трудностях, которое, однако, исчезало, когда он принимался серьезно и методически размышлять о якобы страшном предмете, и в результате не приходилось ли ему лишь удивляться, что он поддался обману обескураживающей, им же самим созданной, перспективы в отношении предмета, который при непосредственном рассмотрении оказался не более странным или запутанным, чем некоторые другие вещи, с которыми он давно и легко справился.

Этот опыт должен был бы научить нас, как поступать в других случаях с подобными пугалами, которые должны скорее возбуждать нашу силу, чем ослаблять наше усердие. Здесь, как и во всех других случаях, самый верный путь для человека изучающего — не подвигаться скачками и крупными шагами: пусть следующее, что он принимается изучать, будет действительно следующим, т. е. возможно теснее связанным с тем, что он уже знает; пусть оно будет отличным от уже знакомого, но не очень далеким от него; пусть это будет новым, чего он раньше не знал, чтобы разум мог подвинуться вперед; но пусть за один раз этого нового будет возможно меньше, для того, чтобы приобретения разума были отчетливыми и прочными: тогда вся территория, которую он таким образом пройдет, будет им удержана. Такое раздельное и постепенное нарастание знания будет прочным и надежным; оно будет испускать свой свет на каждой ступени своего поступательного движения, совершающегося легко и в порядке: ничто не может быть для разума полезнее этого. И хотя этот путь к знанию покажется, может быть, очень медленным и томительным, однако, я позволю себе уверенно заявить, всякий, кто испытает этот метод на себе самом или на своих учениках, убедится, что его успехи значительнее тех, которые получились бы за тот же промежуток времени при пользовании каким бы то ни было другим методом.

Значительнейшая часть истинного знания заключается в раздельном восприятии вещей, которые сами по себе раздельны. Иные люди одной только отчетливой постановкой вопроса вносят больше ясности и света, чем другие, трактуя в течение многих часов вопрос в целом. Подобная постановка вопроса сводится лишь к тому, чтобы отделить и расчленив отдельные части вопроса и расположить их в расчлененном таким образом виде в их естественном порядке. Уже это одно, без всяких дальнейших хлопот, часто разрешает сомнение и показывает уму, где лежит истина. Согласие или несогласие идей, являю-

щихся предметом рассмотрения, в большинстве случаев воспринимается сразу, если они были расчленены и рассмотрены в отдельных частях, и таким путем достигается ясное и прочное знание; тогда как вещи, взятые суммарно и в беспорядочной куче, могут породить в душе лишь смутное знание, которое в действительности вовсе не является знанием или, когда дело дойдет до его проверки или использования, по меньшей мере оказывается немногим лучше полного незнания. Поэтому я здесь позволю себе повторить то, что я уже говорил не один раз, а именно: при изучении чего бы то ни было нужно предлагать уму в один раз возможно меньше, и лишь поняв и вполне усвоив это немного, переходить к ближайшей, непосредственно следующей части — к еще неизвестному, простому, незапутанному предложению, относящемуся к изучаемому предмету и могущему разъяснить то, что является главной целью.

Аналогия § 39. Аналогия весьма полезна для ума во многих случаях, особенно в натуральной философии, и главным образом в той ее части, которая заключается в удачных и успешных экспериментах. Но здесь необходимо тщательно держаться тех границ, в которые заключено содержание данной аналогии. Например: кислое купоросное масло оказалось полезным в таком-то случае, поэтому селитряный спирт или уксус могут употребляться в подобном же случае. Если полезное действие названного масла обусловлено только его кислотностью, то опыт может оказаться успешным; но если в купоросном масле, помимо кислотности, есть еще что-то другое, что производит желательное для нас в данном случае действие, то мы ошибочно принимаем за аналогию то, что таковой не является: мы допускаем, чтобы наш разум впал в заблуждение вследствие неправильного предположения об аналогии там, где ее нет.

Ассоциация. § 40. Хотя я во второй книге моего «Опыта о человеческом разуме» говорил об ассоциации идей, но там я подошел к этому вопросу исторически (*historically*), т. е. лишь описывая этот метод, как и разные другие методы деятельности разума, но не задаваясь целью изыскивать средства исправления, которые следовало бы в данном случае применять; с этой последней точки зрения для человека, желающего основательно уяснить себе правильный метод воспитания своего разума, ассоциация представит собою другой материал для размышления; тем более, что здесь, если не ошибаюсь, лежит одна из самых частых причин наших ошибок и заблуждений и один из труднее всего излечимых недугов души; ибо очень трудно убедить кого-либо в том, что вещи не таковы и по природе, какими они постоянно ему представляются.

Вследствие одного этого отклонения разума от правильного пути, которое происходит легко и незаметно, шаткие и слабые основания становятся непогрешимыми принципами, не допуская по отношению к себе никакого посягательства или сомнения: неестественные ассоциации, в силу привычки, становятся для ума столь же естественными, как связь между солнцем и светом, между огнем и теплотой, и разуму кажется, что они содержат в себе столь же естественную убедительность, как самоочевидные истины. Можно ли в таком слу-

чае приступить к лечению с надеждой на успех? Многие люди твердо принимают ложь за истину не только потому, что они никогда фактически не думали иначе, но и потому что, ослепленные в этом отношении в самом начале, они никогда не могли думать иначе, по крайней мере в том случае, если они не обладают силой ума, способной оспаривать власть привычки и подвергать исследованию собственные принципы. Но такую свободу лишь немногие люди находят в себе, и еще меньше есть таких, которым разрешают проявлять эту свободу другие люди; ибо учителя и руководители большинства сект видят свое главное искусство и задачу в том, чтобы подавлять, насколько они могут, эту главную обязанность всякого человека по отношению к самому себе, выражающую первый твердый шаг к правде и истине во всей цепи его действий и мнений.

Это дает основание подозревать, что подобные учителя сами сознают ложность или слабость исповедуемых ими учений, раз они не допускают проверки тех оснований, на которых эти учения построены; тогда как те, которые ищут только истину и только ею желают обладать, только ее проповедывают, свободно подвергают свои принципы проверке, находят удовольствие в их исследовании и предоставляют людям опровергать их, если те в состоянии это сделать; и если в этих принципах есть что-нибудь слабое и ненадежное, они охотно позволяют это выявить, имея в виду, что ни они сами, ни другие не должны придавать какому бы то ни было общепринятому положению больше значения, чем допускает и гарантирует его доказанная истинность.

Большую ошибку допускают, насколько я вижу, люди разного рода тем методом, который они применяют для внушения принципов своим детям и ученикам; если вдуматься в этот метод, то он сводится, в конечном итоге, лишь к тому, что последних заставляют проникнуться понятиями и воззрениями своего учителя на основе слепой веры, заставляют их крепко держаться этих понятий и воззрений независимо от того, правильны ли они или ложны. Какой характер может быть придан этому приему и какую пользу он может принести, когда он практикуется в отношении простого народа, предназначенного для работы и преданного своему чреву, — я не стану здесь исследовать. Но что касается благородной части человечества, положение которой обеспечивает ей досуг и возможность заниматься науками и изысканием истины, то я вижу лишь один правильный способ внушить ей принципы: следить со всей возможной тщательностью за тем, чтобы идеи, не имеющие естественной связи, не вступали в сочетания в детской голове; внушать детям в качестве руководства во всей последующей жизни и учебных занятиях то же самое правило — никогда не допускать, чтобы какие-либо идеи соединялись в их уме в какой-нибудь иной или более крепкой комбинации, чем та, которая определяется природой самых идей и их взаимным отношением, а также почаще подвергать те идеи, которые оказываются уже соединенными в их уме, следующей проверке: создана ли эта ассоциация идей согласием между идеями как таковыми, или обычной и господствующей привычкой ума соединять их таким образом в мышлении?

В этом заключается мера предосторожности против указанного зла, пока оно не укоренилось в разуме прочно благодаря привычке; тот же, кто хотел бы устранить его, когда оно уже закреплено привычкой, должен тщательно наблюдать за весьма быстрыми и почти незаметными движениями души в ее обычных проявлениях. То, что я говорил в другом месте относительно превращения идей чувства в идеи рассудка, может послужить проверкой этого. Скажите человеку, который, не будучи сведущ в живописи, смотрит на бутылки, курительные трубки и другие предметы, нарисованные так, как они видны из разных мест, что перед ним не рельефное изображение; все-таки вы не убедите его в этом, пока он не дотронется до рисунка: он не поверит, что благодаря мгновенному фокусу, проделанному его же собственными мыслями, произошла подстановка одной идеи на место другой. Как часто каждый из нас может встретить примеры этого в аргументации ученых, которые, привыкши соединять в уме две идеи, подставляют одну на место другой! И я склонен думать, что часто они сами не замечают этого. Находясь под властью обмана, они в силу этого не способны к сознательному убеждению и считают себя ревностными поборниками истины, в то время как на деле они отстаивают заблуждение. А смешение двух различных идей, которые вследствие привычного сочетания их в уме почти сливаются для них в одну идею, наполняет их головы ложными взглядами и их рассуждения ложными выводами.

**Ложные
выводы.**

§ 41. Правильное мышление заключается в открытии и усвоении истины, а последнее — в уяснении очевидного или вероятного согласия или несогласия идей, т. е. их взаимного подтверждения или отрицания. Отсюда очевидно, что правильное применение и воспитание разума, задача которого есть отыскание истины и только истины, заключается в том, чтобы поддерживать ум в состоянии полной объективности и позволять ему склоняться в ту или другую сторону только в тех пределах, в каких очевидность дает ему опору в знании или перевес вероятности побуждает его к согласию или вере. Между тем очень трудно найти рассуждение, в котором мы бы не заметили, что автор не только поддерживает ту или другую сторону вопроса (что разумно и правильно), но и проявляет склонность и пристрастие к ней и явное желание, чтобы именно она оказалась истиной. Если меня спросят, как отличить авторов, имеющих такое пристрастие и склонность, то я отвечу: наблюдая за тем, как часто они в своих писаниях или рассуждениях увлекаются своею наклонностью подменять идею вопроса — подменяя ли термины или вводя и присоединяя к ним другие и тем изменяя рассматриваемые идеи настолько, что они становятся более пригодными для их цели и приводятся, таким образом, к более легкому и близкому согласию или к более очевидному и резкому несогласию. Это явная и прямая софистика; но я далек от мысли, что всюду, где мы это встречаем, это делается с намерением обмануть и ввести в заблуждение читателей. Очевидно, что предубеждения и склонности людей часто вводят таким путем в обман их самих, и их стремление к истине, поскольку оно сочетается с предубеждением в пользу одной стороны, производит обратный эффект:

уводит их от истины. Тенденциозность подсказывает и незаметно вводит в их рассуждение благоприятные для их тенденции термины, а с ними и благоприятные идеи; и в результате такого приема принимается в принаряженном таким образом виде, в качестве ясного и очевидного, то, что, будучи взято в натуральном виде, т. е. при пользовании только точными и определенными идеями, не могло бы ни в коем случае быть принято. Такое наведение внешнего блеска на свои утверждения, такие, как принято думать, красивые, доступные и изящные объяснения предмета своего рассуждения настолько характерно определяют то, что принято называть и считать искусством хорошо писать, что очень трудно думать, чтобы авторы согласились когда-либо отказаться от этих приемов, столь способствующих распространению их взглядов и обеспечению за ними репутации в свете, и принять более бледную и сухую манеру письма с соблюдением точного соответствия между терминами и идеями; режущая лапидарная точность разрешается только математикам, которые прокладывают себе путь к истине и доставляют ей признание неопровержимыми доказательствами.

Но если авторов нельзя заставить отказаться от менее строгой, хотя и более действующей манеры писать, и если они не считают нужным строже относиться к истине и науке и пользоваться неизменными терминами и простыми не-софистическими аргументами, то читателям важно не давать себя обманывать ложными выводами и господствующим способом внушения. Для этого самое верное и действительное средство — это фиксировать в уме ясные и отчетливые идеи, относящиеся к данному вопросу, и освобожденные от шелухи слов; следя за аргументацией автора, уяснять себе его идеи, не обращая внимания на его слова, и наблюдать за тем, как он сочетает и разделяет идеи в вопросе. Тот, кто делает это, будет в состоянии отбросить все излишнее; он будет видеть, что имеет отношение к вопросу, что с ним непосредственно связано, что приводит к нему и что идет мимо него. Это поможет ему легко обнаружить, какие и где введены в рассуждение посторонние идеи; и если, быть может, они ослепили автора, то читатель все-таки заметит, что они не вносят света в его рассуждения и не придают им силы.

Хотя это и есть самый короткий и легкий способ читать книги с пользою, не давая вводить себя в заблуждение громким именам и правдоподобным речам, однако для людей, не привыкших к нему, он труден и непонятен, и поэтому нельзя рассчитывать на то, что каждый (из тех немногих, которые действительно стремятся к истине) будет таким образом оберегать свой разум от обмана сознательной или, по меньшей мере, бессознательной софистики, которая закрадывается в большинство книг, содержащих в себе аргументацию. Не приходится думать, чтобы те, которые пишут против своих убеждений, или люди весьма близкие к этой категории, решившиеся поддерживать воззрения партии, к которой они примкнули, отказались от какого бы то ни было оружия, могущего помочь им отстаивать свое дело; а потому читать таких авторов следует с величайшей осмотрительностью. Но и те, которые пишут в защиту

мнений, выражающих их искреннее убеждение, и верят в свою правоту, также считают, что они могут доводить свою похвальную привязанность к истине до того, чтобы выражать свое уважение к ней накладыванием на нее самых лучших красок и наряжая ее в самые лучшие внешние формы и одежды, в расчете на то, что этим они в максимальной мере облегчат ей доступ к уму читателя и запечатлеют ее в нем возможно глубже.

Так как мы можем с основанием предположить, что большинство писателей принадлежит к одному из двух указанных типов ума, то читателям, обращающимся к ним за поучением, полезно не забывать об осмотрительности, приличествующей серьезному стремлению к истине, и быть всегда настороже против всего, что может скрыть или исказить последнюю. Если они не способны представить себе мысль автора в чистых идеях, отвлеченных от звуков и тем самым освобожденных от ложного освещения и обманчивых украшений речи, им следует по крайней мере упорно хранить в уме точно сформулированный вопрос, держаться его в течение всего рассуждения и не допускать ни малейшего изменения в терминах посредством прибавления, устранения или подстановки какого-либо другого термина. Так может, при желании, всякий делать; а тот, кто не имеет такого желания, с очевидностью делает из своего разума только складочное место для хлама, взятого у других людей (я подразумеваю здесь ложные и не доказательные рассуждения), а не хранилище предназначенной для собственного употребления истины, которая могла бы оказаться существенной и полезной для него, когда ему представится случай ею воспользоваться. Честно ли поступает такой человек со своим умом и правильно ли воспитывает свой разум, я предоставляю судить его собственному разуму.

Основные истины.

§ 42. Так как наш ум очень узок и столь медленно осваивается с вещами и разбирается в новых истинах, что никто не был бы способен даже в гораздо больший срок, чем отведенный для нашей жизни, познать все истины, то благоразумие требует от нас, чтобы в поисках знания мы сосредоточивали свои мысли на основных и существенных вопросах, тщательно избегая пустячных вопросов и не позволяя себе отклониться от нашей главной цели ради чисто случайных. Мне нет надобности говорить о том, какую массу времени теряют многие молодые люди на чисто логические исследования. Это все равно, как если бы человек, который намерен сделаться живописцем, тратил все свое время на изучение ниток различных тканей, на которых он собирается рисовать, и на пересчитывание волосков каждой кисти или щеточки, которыми он намерен пользоваться для накладывания своих красок. Более того: это даже хуже, чем для начинающего живописца тратить время своего ученичества на такие бесполезные мелочи; ибо живописец, потратив свой бесцельный труд, в конце концов убедится, что это еще не значит рисовать, что это даже не подготовка к рисованию и что поэтому его труды были действительно бесцельны; между тем люди, намеревающиеся быть учеными, часто до того переполняют и разгорячают свои головы диспутами на логические темы, что принимают эти бессодержательные и бесполезные

понятия за реальное и существенное знание и думают, что их разум настолько хорошо вооружен знанием, что им нет надобности заглядывать дальше, в природу вещей, или снисходить до кропотливой механической работы по производству экспериментов и изысканий. Это настолько очевидно неправильное употребление разума и притом на профессиональном пути к знанию, что его нельзя обойти молчанием; сюда можно присоединить еще обилие вопросов и способов трактовать их в школе. Перечень всех частных ошибок, которые делает или может делать всякий человек, был бы бесконечен; достаточно указать, что поверхностные и незначительные открытия и наблюдения, которые не содержат ничего важного и не служат ключами к дальнейшему знанию, должны считаться не заслуживающими нашего исследования.

Существуют основные истины, которые служат фундаментом, основанием для множества других, получающих от него свою прочность. Это содержательные истины, доставляющие уму богатый материал; подобные небесным светилам, они не только прекрасны и содержательны сами по себе, но проливают свет и делают видными другие вещи, которые без них оставались бы невидными или неизвестными. Таково удивительное открытие мистера Ньютона, что все тела тяготеют друг к другу, которое можно принять за фундамент натуральной философии; он показал перед изумленным ученым миром значение этого открытия для понимания великого здания нашей солнечной системы; а как далеко оно поведет нас в понимании других истин, если оно правильно будет применяться, сейчас еще неизвестно. Великое правило нашего спасителя, что «мы должны любить ближнего, как самого себя», является такой же основной истиной для регулирования человеческого общества, так что, по моему мнению, она одна могла бы без всяких трудностей разрешить все случаи и сомнения в области социальной морали. Таковы истины, к изысканию которых мы должны стремиться и которыми мы должны обогащать свой ум. Это приводит меня к другому вопросу воспитания разума, не менее необходимому.

Обоснование. § 43. Мы должны приучаться к тому, чтобы во всяком возникающем вопросе исследовать и находить его корень. Большинство затруднений, которые встречаются на нашем пути, если хорошенько разобрать и проследить их, приводят нас к какому-нибудь положению, которое, в случае признания его истинности, устраняет сомнение и дает легкое решение вопроса; в то время как частные и поверхностные аргументы, которых немало можно обнаружить на той и другой стороне, наполняя голову разнообразными мыслями, а уста многословными речами, служат только для игры ума и развлечения общества, не приводя к самому основанию вопроса, к тому единственному пункту, в котором находит себе успокоение и устойчивость пытливый ум, стремящийся только к истине и знанию.

Например, если спросят, имеет ли турецкий султан законное право отнимать у любого из своих подданных все, что он захочет, то этот вопрос не может быть разрешен без внесения полной определенности в другой вопрос: существует ли естественное равенство

между всеми людьми? Ибо в этом ось вопроса; когда же эта истина прочно утвердится в разуме людей и ум пронесет ее через все споры относительно разнообразных прав людей в обществе, тогда откроется широкий путь к устранению этих споров и к выяснению того, на какой стороне находится истина.

Перенесение мыслей. § 44. Вряд ли что-либо более благоприятствует усовершенствованию знания, облегчению жизни и успешному выполнению дел, чем способность человека распорядиться своими мыслями; и вряд ли есть что-либо более трудное во всем деле ведения разума, чем обладание полным господством над ними. Ум бодрствующего человека всегда занят каким-либо предметом, и если мы ленивы или незаинтересованы, то мы легко можем переменить предмет и перенести свои мысли на другой, с него на третий, который не имеет никакого отношения ни к первому, ни ко второму предмету. Отсюда люди поспешно заключают и часто говорят, что нет ничего свободнее мысли; и было бы хорошо, если бы это было так. Но во многих случаях верно обратное: во многих случаях нет ничего более непокорного и менее поддающегося управлению, чем наши мысли. Они не желают подчиняться указаниям, на какие предметы им направиться, и не желают отрываться от тех предметов, на которых они фиксированы: вопреки воле человека, они устремляются к тем идеям, которые в их поле зрения, и он ничего не может с ними поделать.

Я не намерен здесь возвращаться к тому, на что я указывал уже выше; насколько трудно для ума, суженного тридцати- или сорокалетней непрерывной привычкой к скудному запасу очевидных и обычных идей, расширяться до более обширного запаса идей, освоиться с такими идеями, которые могли бы доставить ему более обильный материал для полезного размышления. Сейчас я не об этом намерен говорить. Недостаток, на котором я хочу здесь остановиться с целью найти против него лекарство, — это та трудность, которую мы иногда испытываем при перенесении наших мыслей с одного предмета на другой в тех случаях, когда идеи одинаково нам знакомы.

Предметы, навязываемые нашим мыслям какой-либо из наших страстей, властно завладевают нашими умами и не хотят оторваться, отойти от них. Господствующая страсть как бы стала на время шерифом в данном месте и заняла его со всей милицией; и предмет, навязанный ею разуму, завладевает им так, как будто он обладал законным правом на исключительное внимание. Вряд ли, я думаю, найдется человек, который временами не испытывал бы этой тирании над своим разумом и не страдал бы от ее неудобства. Найдется ли человек, чей ум не сковали бы любовь или гнев, страх или горе, как бы каким-то грузом, мешающим ему повернуться к любому другому предмету. Я называю это грузом потому, что это отягощает ум, ослабляя его силу и подвижность при повороте к другим мыслям; ум почти, или вовсе не подвигается в познании вещи, на которой он столь сильно и неотрывно сосредоточен. Люди, охваченные подобным состоянием, кажутся иногда не в своем уме; они как бы находятся под властью каких-то чар, не видят того, что происходит перед их глазами, не слышат громких речей компании;

а когда неожиданным обращением к ним их несколько выведут из сосредоточенного состояния, они производят впечатление людей, вернувшихся из какой-то далекой страны, хотя в действительности они не уходили дальше своего внутреннего уединения, где были поглощены возней с куклой, которая их в данный момент занимает. Смущение, которое испытывают благовоспитанные люди после таких припадков задумчивости, уводящей их далеко от компании, в беседе которой они должны были принять участие, является достаточным доказательством того, что это есть изъян в управлении своим разумом, если мы не в состоянии настолько господствовать над ним, чтобы пользоваться им для тех целей и в тех случаях, когда мы нуждаемся в его помощи.

Ум должен быть всегда свободен и готов обратиться к разнообразным объектам, с которыми он может встретиться, и отдать им столько внимания, сколько для данного времени предполагается необходимым. Отдаваться целиком одному объекту настолько, чтобы нельзя было заставить себя отойти от него и заняться другим, который мы считаем более подходящим для нашего размышления, значит превращать эту нашу способность в нечто совершенно для нас бесполезное. Если бы это состояние души всегда оставалось таким, то всякий, не обвиняясь, назвал бы это полным помешательством; и пока оно длится, через какие бы промежутки оно ни возвращалось, подобное вращение мыслей вокруг одного и того же предмета не больше подвигает нас вперед в знании, чем подвигала бы путешествующего человека езда на мельничной лошади, совершающей круговое движение.

Я согласен, что надо сделать известные уступки законным страстям и естественным склонностям. Каждый человек, кроме случайных пристрастий, имеет любимое занятие, которому душа его отдается с особым усердием; но все-таки лучше всего, если она всегда будет оставаться свободной и в свободном распоряжении человека, готовая работать над тем и так, как он указывает. Этого мы должны добиваться, если только мы не хотим оставаться с таким изъяном в своем разуме, из-за которого мы иногда оказываемся как бы вовсе без разума: ибо дело обстоит не многим лучше в тех случаях, когда мы не можем пользоваться разумом для целей, которые мы себе ставим и для которых он в данную минуту необходим. Но прежде чем подумать о подходящих лекарствах против этого недуга, мы должны ознакомиться с различными причинами его и с ними сообразовать лечение, если только мы хотим работать с надеждой на успех.

Мы уже упоминали об одной из них, настолько известной всем мыслящим людям и настолько знакомой им по личному опыту, что никто не сомневается в ее существовании. Господствующая страсть так приковывает наши мысли к своему предмету и интересу, что страстно влюбленный человек неспособен заставить себя думать о своих обычных делах; нежная мать, горящая о потере ребенка, не в силах принимать обычное для нее участие в беседе знакомых и друзей.

Но хотя страсть — наиболее очевидная и общая причина, связывающая разум и приковывающая его на время к какому-нибудь предмету, однако — не единственная причина.

Помимо страсти, мы часто видим, как разум, занявшись случайно попавшимся предметом, без всякого участия или влияния какой-нибудь страсти, увлекается работой, затем увлечение становится все сильнее и сильнее, и разум, подобно шару, катящемуся вниз с горы, не в состоянии ни остановиться, ни уклониться в сторону, хотя, когда пыл остынет, разум убеждается, что все эти ревностные усилия направлены на пустяки, не стоящие внимания, и что все затраченные труды пропали даром.

Есть, если я не ошибаюсь, и третьего рода причины, однако более низкого свойства: это своего рода ребячество разума, если можно так выразиться. Разум во время такого припадка играет и нянчится с какой-нибудь ничтожной куклой без всякой цели и намерения; но он не в силах расстаться с ней. Так иногда западает в голову какая-нибудь пошлая сентенция или обрывок стихотворения и вызывает там отклик, который никак не успокоится; человек не находит покоя, не в состоянии сосредоточиться на чем-нибудь другом: этот несносный гость овладевает душой и властвует над мыслями, несмотря на все попытки отделаться от него. Не знаю, всякий ли испытал на себе это несносное вторжение некоторых игривых идей, которые докучают разуму и мешают ему заняться чем-нибудь более полезным. Но жалобы на это я неоднократно слышал от людей очень одаренных. Причина, по которой я высказываю это сомнение, заключается в том, что я знаю о другом случае подобного же рода, хотя и гораздо более странном, а именно — о видениях, которые бывают у некоторых людей, когда они тихо лежат, но в совершенно бодрствующем состоянии, в темноте или с закрытыми глазами. Тогда перед ними проходят одно за другим множество разнообразных лиц, в большинстве случаев очень странных; причем, едва лишь появится одно, как оно немедленно исчезает, чтобы уступить место другому, которое в ту же минуту уходит так же быстро, как и предшествующее; так следуют они одно за другим непрерывной вереницей, и никакими усилиями нельзя остановить или удержать какое-нибудь из них долее момента их прохождения: его отталкивает следующее за ним, добивающееся своей очереди.

Я говорил об этом фантастическом явлении с разными лицами, и некоторым оно было хорошо знакомо; для других же это было настолько ново, что они с трудом могли себе представить или поверить этому. Я знал одну даму с замечательными способностями, которая не имела ни малейшего представления о подобных явлениях, хотя ей было уже за тридцать лет; это было настолько ей непонятно, что, слушая мой разговор об этом с другим лицом, она еле могла удержаться от подозрения, что мы подшучиваем над ней; но несколько времени спустя, после того как она однажды легла в постель, выпив значительное количество жидкого чая (согласно предписанию врача), она при ближайшей встрече нам рассказала, что теперь испытала то, в чем нам трудно было ее убедить. Она видела длинную вереницу разнообразных лиц, следовавших одно за другим,

так, как мы описывали; все это были незнакомые и посторонние лица, каких она раньше совершенно не знала и не стремилась знать: как они появлялись непрошено, точно так же исчезали; ни один из них не останавливался, и никакими усилиями с ее стороны не удавалось задержать их: они проходили торжественной процессией, появляясь и исчезая. Повидимому, это странное явление имеет физическую причину и обусловлено составом и движением крови или животных духов.

Когда воображение сковано страстью, я не знаю иного способа сделать душу свободной и способной обратиться к тем мыслям, которые отвечают желанию человека, помимо подавления этой страсти, или уравнивания ее другою; а это искусство достигается изучением и знакомством со страстями.

Всякий, кто замечает в себе склонность отдаваться самопроизвольному течению мыслей, не возбуждаемых ни страстью, ни интересом, должен в каждом подобном случае стараться со всей бдительностью и усердием останавливать их и никогда не поощрять душу к таким пустым занятиям. Люди знают цену своей телесной свободы и поэтому добровольно не соглашаются, чтобы на них надевали цепи и оковы. Иметь ум на некоторое время скованным — это, конечно, еще худшее зло, и сохранение свободы лучшей части нашего существа достойно нашей величайшей заботы и наших величайших усилий. Здесь наши труды не пропадут даром: усилия и борьба, если мы будем всегда прибегать к ним в подобных случаях, возьмут верх. Мы никогда не должны снисходить к этим пустым устремлениям мысли, и как только мы замечаем, что душа занимается пустяками, мы должны немедленно останавливаться и удерживать ее от этого, вводить новые и более серьезные предметы размышления и не отступать до тех пор, пока не заставим ее отойти от этого направления мысли. Сначала это, быть может, окажется трудным, если мы позволили противоположной практике превратиться в привычку, но постоянные усилия постепенно одержат верх и сделают это легким. Когда же человек достаточно далеко подвинулся в этом направлении, настолько, что он может по своему желанию удерживать мысль от случайных и непреднамеренных устремлений, он не преминет пойти дальше и сделать попытки заставить ее заниматься более важными размышлениями; в конце концов он приобретает полную власть над своей душой и настолько делается хозяином своих мыслей, что будет в состоянии переводить их с одного предмета на другой с той же легкостью, с какой он умеет откладывать вещь, находящуюся в его руке, и брать вместо нее, сознательно и намеренно, другую вещь. Эта свобода ума очень полезна как в деловых, так и в научных занятиях, и тот, кто приобретет ее, будет пользоваться немалым преимуществом легкости и быстроты во всех избранных им и полезных занятиях своего разума.

Третий и последний случай поглощения души, о котором я упоминал (я имею в виду западание в памяти некоторых специальных слов и сентенций, которые как бы создают шум в голове и т. п.), бывает редко, — только в моменты праздного состояния души или когда она чем-либо занята лениво и небрежно. Конечно, лучше было бы,

если бы таких несносных и бесполезных повторений вовсе не было; какая-нибудь идея, случайно попавшая в поле мысли, более полезна и более способна внушить что-нибудь, достойное размышления, чем бессмысленное жужжание совершенно пустых звуков. Но так как возбуждение души и принуждение ума взяться за работу с известной мерой усердия в большинстве случаев немедленно освобождает его от этих ленивых спутников, то всякий раз, когда мы видим, что они нас смущают, следует только прибегнуть к этому эффективному средству, которое всегда имеется у нас под рукой.

ОБ УЧЕНИИ.

Цель учения — знание, а цель знания — практика или передача знания другим. Правда, всякое усовершенствование в знании обычно сопровождается чувством удовольствия; но когда это чувство является единственной целью учения, последнее должно рассматриваться скорее как развлечение, чем серьезное дело: в этом случае оно должно быть отнесено к числу наших развлечений.

Сфера знания или познаваемых вещей так обширна, наша земная жизнь так коротка, а дверь, через которую знание вещей проникает в наш разум, так узка, что время всей нашей жизни должно быть признано слишком коротким, чтобы его могло хватить на ознакомление со всем тем, что, — я не скажу, мы в состоянии знать, — но что нам не только подобает, но и весьма полезно знать. Я имею в виду необходимые вычеты на детский и старческий возраст, которые неспособны к большим достижениям, на физический отдых и неизбежные побочные дела, а для большинства случаев — также и на обычные занятия своей профессией, которыми человек не может пренебрегать, ибо иначе ему не на что было бы существовать. Кто примет в соображение, сколько сомнений и затруднений осталось у большинства образованных людей после продолжительного и усердного занятия науками, сколько они оставили невыясненного в различных областях знания, с которыми они ознакомились, сколько есть еще других участков «постижимого мира» («*mundus intelligibilis*»), если можно так выразиться, в которых они ни разу и не побывали, тот легко признает эту непропорциональность между нашим временем и силами, с одной стороны, и грандиозностью задачи всеобъемлющего знания — с другой, — того знания, которое, если не является главным делом нашей земной жизни, то все же столь необходимо для него и так с ним переплетается, что наши успехи в делах могут лишь немного опережать наши успехи в знании и без знания, по меньшей мере, ведут к незначительным результатам; ибо деятельность бессмысленная обыкновенно в лучшем случае является лишь потерянным трудом.

Поэтому нам следует упорядочить свое время и усовершенствовать свои способности в этом направлении насколько возможно лучше: так как нам предстоит отправиться в долгое путешествие, а дни столь коротки, — нужно пойти самым прямым путем. Ввиду этой

цели, может быть, будет полезно отбросить некоторые вещи, которые могут нас запугать или, по меньшей мере, лежат в стороне от нашего пути.

1. Отбросить нужно, например, *весь лабиринт слов и фраз*, которые изобретались и применялись с единственной целью научить людей искусству *диспутирования* и забавляться им и, если всмотреться глубже, не содержат никакого смысла или содержат его очень мало; такого рода материалом, по мнению некоторых, слишком переполнены школьные логика, физика, этика, метафизика и богословие. Я убежден, что когда мы сохраняем различие терминов, не открывая различия в вещах; когда мы создаем словесное разнообразие или воображаем, что обогатили себя аргументацией в то время, как несколько не подвинулись в реальном познании вещей, — то мы лишь наполняем свои головы пустыми звуками, которые хотя люди и относят их к сфере науки и знания, однако так же мало могут способствовать усовершенствованию нашего разума и укреплять наш ум, как мало шум, производимый щукой, может наполнить наши желудки и укрепить наше тело; а искусство жонглировать так называемыми «тонкими терминами» не полезнее уменья ловко завязывать и развязывать узлы в паутине. Слова представляют ценность и приносят пользу лишь в том случае, если они являются знаками вещей; когда нет ничего, что бы соответствовало им в действительности, они не больше, как нули; ибо вместо того, чтобы увеличивать ценность вещей, с которыми они сочетаются, они ее только уменьшают и приближают ее к нулю; когда слова не имеют ясного и отчетливого значения, они уподобляются бесполезным или плохо сделанным фигурам, лишь путающим нашу мысль.

2. Второй пример: *стремление и желание знать, каковы были мнения других людей*. Истина не нуждается в рекомендации, равно как и заблуждение не исправляется ею; в наших поисках знания нам в такой же мере не важно знать, что думали другие люди, как человеку, собирающемуся отправиться из Оксфорда в Лондон, не важно знать: какие школяры медленно передвигались пешком, разыскивая дорогу и осматривая по дороге местность; кто ездил в почтовой карете, положившись на проводника и не обращая внимания на дорогу, которой он едет; кто все время проехал в дилижансе в обществе других; где такой-то доктор пропал, сбившись с пути, или где другой доктор увяз в трясине. Если путник знает правильную дорогу, лишено всякого значения то обстоятельство, знает ли он бесконечные изгибы дороги, проселочные дороги и повороты, где другие сбивались с пути, — знание правильного пути предохранит его от ошибок, а в этом и заключается его главная задача. Так же, по моему мнению, обстоит дело при нашем путешествии через этот мир: человеческих фантазий бесконечно много даже у ученого, и история этих фантазий бесконечна. Одни, не зная, куда им идти, все-таки шли, просто шли и только; другие следовали только за своей фантазией, принимая ее за истину; но подобное заблуждение может даже мудрейших из нас завести в непроходимые лабиринты. Интерес одних ослеплял, у других создавал предубеждения; и тем не менее они уверенно шли вперед и, сбиваясь с пути, в большинстве случаев,

однако, думали, что находятся на правильном пути. Я говорю это не с тем, чтобы недооценить тот свет, который мы получаем от других, и я не думаю отрицать, что от некоторых людей мы в своих поисках знания получаем сильную помощь: без книг мы, пожалуй, были бы так же невежественны, как индейцы, у которых души так же плохо одеты, как и их тела. Я только считаю праздным и бесполезным делом обязывать кого-либо изучать мысли других людей о вещах, в которых лишь разум может быть судьей, и с тою лишь целью, чтобы, собрав у себя запас чужих мыслей, иметь возможность цитировать их при всяком случае. Пусть это считают важным элементом образования, но для человека, который учитывает, как мало времени в его распоряжении и как много ему предстоит сделать, как много вещей ему предстоит изучить, сколько сомнений выяснить в области религии, сколько правил обосновать для себя в области морали, сколько ему нужно поработать над собою, чтобы овладеть своими непокорными желаниями и страстями, насколько ему необходимо обеспечить себя против тысячи могущих возникнуть случаев и случайностей и еще бесконечно больше вопросов выяснить в сфере его общего призвания и специальной профессии, — я говорю, что для того, кто все это хорошо учитывает, не будет, как мне кажется, важным делом намеренно знакомиться с различными человеческими фантазиями, которые можно встретить даже в книгах, написанных на важные темы. Я не отрицаю, что, знакомясь с этими мнениями во всем их разнообразии, противоречиях и необычайности, мы можем узнать о тщеславии и невежестве рода человеческого и что это соображение научит нас скромности и осторожности; но это, мне кажется, недостаточное еще основание для того, чтобы побудить нас намеренно заняться этим изучением: при наших исследованиях, направленных на более существенные вопросы, мы будем в достаточной мере сталкиваться с этой путаницей, которая познакомит нас со слабостью человеческого разума.

3. Чистота, отшлифованный стиль, точное и критическое знание иностранного языка (здесь, я думаю, нужно упомянуть о греческом и латинском языках, как и о французском и итальянском) и затрата большого количества времени на их изучение — все это может послужить к тому, чтобы выделить человека в обществе и доставить ему репутацию ученого. Но если этим все исчерпывается, это значит, по моему мнению, трудиться только ради внешности: в лучшем случае это означает заниматься изготовлением красивой одежды для облачения истины или лжи и сделать тех, кто тратит на это свое время, фешенебельными джентльменами, а не разумными и дельными людьми.

Напротив, умение хорошо говорить на своем родном языке дает много преимуществ, и на овладение этим искусством, при любой профессии, стоит затратить известные усилия; но хотя человек, использующий свое хорошее знание родного языка для честной жизни и превращающий это знание в орудие добродетели, и оказывается вдвойне приспособленным к тому, чтобы делать добро другим людям, тем не менее это искусство не должно в наших занятиях стоять на первом плане.

Когда я высказываюсь против того, чтобы затрачивать время и труд на теоретическое изучение языка, я имею в виду такое изучение, которое может сделать нас большими знатоками Пиндара и Персия, Геродота и Тацита²; но я прошу всегда понимать меня в том смысле, что я делаю исключение для всякого изучения языков и критического углубления, которое могло бы помочь нам в понимании священных писаний: священные писания, исходящие непосредственно от источника истины, являются вечной основой истины, и все, что помогает нам понять их истинный смысл, вполне достойно наших трудов и нашего изучения.

4. Третья исключаемая мною область знания¹ — это древность и история, если они предназначаются только для того, чтобы дать нам запас исторических рассказов и легенд. Ибо, пока речь идет только о том, чтобы научиться искусству правильной жизни и обогатить себя примерами мудрости и благоразумия, мы не должны отдавать ни малейшего предпочтения рассказам о Цезаре или Александре³ перед историей Робина Гуда⁴ или Семи мудрых учителей⁵. Я не отрицаю большой пользы и поучительности истории для человеческой жизни; но если изучать ее только с целью приобрести репутацию историка, то это весьма пустое дело; и тот, кто в состоянии рассказать все подробности, вычитанные из Геродота, Плутарха⁶, Курциуса⁷ и Ливия⁸, не находя для этого никакого другого применения, может остаться невежественным человеком, который, обладая хорошей памятью, в результате всех своих усилий только и набил свою голову рождественскими сказками. Но вот что еще хуже: пока значительнейшая часть истории составлена из рассказов о войнах и завоеваниях и манера повествования, особенно римской истории, такова, что выдвигает военную доблесть в качестве главной, если не единственной, человеческой добродетели, то мы рискуем тем, что общее направление и содержание истории увлечет нас с правильного пути; что мы начнем смотреть на Александра и Цезаря и на подобных им героев как на высшие примеры человеческого величия только потому, что каждый из них, опустошив значительную часть земли и перебив жителей ради того, чтобы самому владеть их странами, уничтожил сотни тысяч людей и еще большую массу подверг разорению; мы рискуем тем, что в резне и грабеже мы готовы будем видеть главные признаки и истинную сущность человеческого величия. И если гражданская история главным образом этим занимается и поэтому для множества читателей бесполезна, то еще меньше пользы в некоторых любопытных и трудных вопросах, касающихся древности, вроде следующих: каковы были точные размеры Колосса?⁹ Какова была внешняя форма Капитолия?¹⁰ Каковы были церемонии греческой и римской свадьбы? Кто первый стал чеканить монеты? .. Я допускаю, что знание этих вопросов выделяет человека в обществе и особенно в среде ученого мира, но очень мало может подвинуть человека на его настоящем пути.

5. Далее я исключаю всякого рода тонкости, далекие от жизни, и бесполезные умозрительные суждения, вроде: где находился земной рай? Какой плод был запрещен? Где пребывала душа Лазаря,

когда его тело было мертво? Какие тела будут у нас при воскресении из мертвых? и т. д. и т. д.

Если правильно определить место каждого из этих предметов, то принимающийся за учение будет сразу избавлен от значительной части работы. Я не хочу сказать, что эти предметы следует считать совершенно бесполезными и время, затраченное на них, потерянным временем. Каждая из последних четырех перечисленных областей может оказаться содержательным и достойным занятием для отдельных лиц, которые могут с большой пользой для себя заняться изучением языков, истории или древности. Но я никак не могу согласиться с тем, чтобы слова, лишенные смысла, о которых я говорил в первой из перечисленных рубрик, заслуживали внимания и чтобы их стоило не то что читать, но даже знакомиться с ними. Я, конечно, признаю, что между всеми видами истины и знания существует известная гармония, что они в известной мере взаимно друг друга подкрепляют и освещают; и никто не станет отрицать, что языки, критика, история и античность, чужие мнения и умозрения часто помогают выяснению и подтверждению весьма важных и полезных научных положений. Мое мнение, поэтому, вовсе не заключается в том, что человек, занимающийся науками, никогда не должен заглядывать в указанные области; все, на чем я настаиваю, сводится лишь к тому, что не они должны стать нашей главной целью или первой задачей и что к ним нужно подходить с некоторой осторожностью: так как мы располагаем лишь незначительным временем и нам необходимо весьма тщательно его экономить, то эти отрасли знания не должны стать ни первым по времени, ни важнейшим предметом нашего изучения; и от нас тем более требуется такая осторожность, что они в большой моде у писателей и составляют значительную часть внешнего покрова образованного человека и поэтому становятся ярким соблазном на пути учащегося, соблазном, который легко может свести его с правильного пути.

Если бы мне пришлось расположить в порядке отдельные элементы знания, закрепить за каждым из них его место и преимущество и, таким образом, направить чьи-либо занятия, то я считал бы, что естественный порядок должен быть следующий.

1. Ввиду большого значения и интереса, который представляет для нас небо, в такой же мере, конечно, важна и интересна для нас наука, могущая нас ориентировать в нем, и изучение ее должно занять, без сомнения, первое и главнейшее место в нашем плане: но в чем именно заключается эта наука, на какие части она распадается, каковы методы и применения ее — все это заслуживает специального рассмотрения.

2. Следующая вещь, способствующая нашему счастью в другом мире, заключается в спокойном и успешном прохождении через этот земной мир; а это требует от нас разумного поведения и управления собою при различных обстоятельствах жизни. Поэтому наука о мудрости, как мне кажется, заслуживает того, чтобы занять второе место в наших планах и учебных занятиях. Можно, пожалуй, быть хорошим человеком (т. е. жить в вере и чистосердечии перед богом), обладая и небольшой мерой мудрости; но вовсе не имея ее, человек

никогда не может быть ни внутренне очень счастливым, ни полезным для других; между тем и то и другое составляет задачу каждого человека.

3. Если тем, кому предки оставили большое состояние, позволительно не иметь специальной профессии для поддержания своей жизни, то в то же время верно и то, что, следуя божьему закону, они обязаны что-либо делать; на этом вопросе, который разумно и талантливо трактовался другими авторами, я не стану останавливаться, а перейду к тем, которые науку избрали своим профессиональным делом: эти люди, по моему мнению, должны непосредственный предмет своей профессии поставить на третье место в плане своего изучения.

Раз этот порядок установлен, то каждому нетрудно будет самому определить, какие языки, какие отделы истории и в каком именно объеме он должен изучить, сообразуясь со своим общим призванием и специальной профессией.

После того как мы таким образом расчленили наше счастье на отдельные элементы, из которых каждый содержит в себе значительную меру его, нам, конечно, оставалось бы только приняться за неустанный труд, если бы обе составные части нашей личности не предписывали нам известную сдержанность. Ни тело, ни душа наша неспособны к непрерывному учению, и если мы не оценим правильно меру наших сил, то в своем старании сделать много мы ничего не сделаем.

Я склонен думать, что знание, которое мы приобретаем в этом мире, не выходит за пределы этой жизни. Спасительное прозрение в иную жизнь не нуждается в помощи этих тусклых сумерек; но, как бы то ни было, я уверен, что главная цель, ради которой мы должны приобретать знание здесь, заключается в использовании его ради благоденствия нашего и благоденствия других в здешнем мире. Если же, приобретая это знание, мы расстраиваем свое здоровье, мы трудимся ради вещи, которая будет бесполезна, когда мы ее достигнем; если, изнуряя свое тело (хотя и с намерением сделать себя более дельными людьми), мы теряем способность и возможность делать то хорошее дело, на которое мы способны при меньшем таланте, отпущенном нам богом, отказавшим нам в силе для такого усовершенствования этого таланта, которое доступно людям с более крепкой конституцией, то мы в значительной мере уменьшаем свое служение богу и лишаем своих близких всей той помощи, которую мы в здоровом состоянии, хотя бы с умеренными знаниями, способны были бы им оказать. Кто, перегружая свой корабль, хотя бы даже золотом, серебром и драгоценными камнями, пускает его ко дну, тот представит его хозяину плохой отчет о своем путешествии.

Мы, несомненно, должны считаться со своей природной телесной конституцией и силой, сообразуя интенсивность наших занятий с мерой нашего здоровья; и главный секрет здесь заключается в том, что эта пропорция должна быть сообразована не только с природной конституцией и силами каждого данного человека, но также следовать за изменениями конституции и сил, обстоятельств и здоровья каждого человека, приноравливаясь к различным колебаниям здо-

ровья или болезненного состояния тела, которые могут вызываться любой вещью, с которой наше тело вступает во взаимодействие. Поэтому трудно сказать, сколько часов в день человек должен регулярно отдавать занятиям, так же, как трудно сказать, сколько он должен есть каждый день мяса: об этом может судить только его собственное благоразумие, сообразующееся с данными условиями.

Хотя в данном случае регулярный ход наших часов не является подходящим мерилom времени, а отдельные отрезки времени должны разграничиваться таинственными движениями гораздо более любопытного механизма нашего тела, однако можно так устроить, чтобы из нашего времени ничего не терялось; ибо беседа с одаренным другом о прочитанном в это утро или на другую полезную тему может в такой же мере обогатить наш ум знаниями, притом с меньшим вредом для здоровья, чем упорное и серьезное корпение над книгой, которое мы обычно называем учением: хотя последнее и является необходимым способом усовершенствования разума, однако — я в том уверен — не единственным и не самым лучшим.

4. Необходимо весьма заботиться о том, чтобы учебные занятия не мешали сну: я убежден, что сон — великий бальзам жизни и данное природой средство восстановления сил; люди кабинетного умственного труда больше нуждаются в нем, чем прилежные работники физического труда, ибо профессиональная деятельность и физический труд последних, хотя и истощают их жизненные силы, однако одновременно вызывают испарину и способствуют удалению экскрементов, которые являются источником болезней; кабинетный же работник умственного труда, вовлекая в работу свои жизненные силы, растрчивает их в той же или еще большей мере, чем другие, но он не знает благодетельной испарины и допускает, чтобы болезнетворный субстрат накапливался в теле. Когда мы чувствуем какое-либо недомогание в голове или желудке, мы должны отложить свои книги и размышления в сторону, ибо занятия при таком состоянии причиняют большой вред телу и мало пользы приносят душе.

Во-первых, как тело, так и душа диктуют законы для наших занятий, т. е. для их продолжительности и непрерывности: как бы душа ни была вместительна и активна, она никогда не бывает способна вынести ни непрерывного труда, ни полного покоя. Умственный труд заключается в изучении или в напряжении мысли; и когда мы находим, что ум утомился, — от попытки усвоить мысли других людей, как при чтении, или от напряженного движения собственных мыслей, как при размышлении, — нужно дать ему передышку, дать ему притти в себя. Иногда размышление служит отдыхом при утомлении от чтения, и наоборот. Иногда перемена сферы, т. е. переход от одной темы или науки к другой, может возбудить дух и наполнить его свежей силой, иногда же его может в минуты вялости оживить беседа и положить конец усталости, не останавливая ни в малейшей степени его деятельности и даже скорее подвигая его вперед; иногда же дух так утомлен, что только полное облегчение может вызвать поворот. Всем указанным нужно пользоваться в соответствии с тем, что каждый находит для себя успешным в смысле наилучшей экономии своего времени и мысли.

Во-вторых, душа, как и тело, имеет свои симпатии и антипатии: она часто оказывает предпочтение одной науке перед другой. Хорошо, если человек вполне господствует над своими влечениями; и иногда ему приходится делать попытки к такому господству, пытаться привести свою душу в порядок и заставить ее подчиниться. Но, как правило, лучше следовать влечению и склонности самой души до тех пор, пока она держится в границах лежащего на нас долга, границах, которые вообще говоря, достаточно широки. Таким путем мы не только будем двигаться значительно быстрее и выдерживать значительно дольше, но открытия, которые мы будем делать, будут гораздо более ясными и будут производить более глубокие впечатления на нашу душу.

Душе почти всякого человека присущи своего рода капризы: иногда, не сознавая причины, она склонна останавливаться, не двигаясь дальше, и тогда никто не может ее сдвинуть ни на шаг вперед; а в иные минуты она стремительно идет вперед, и никак ее не удержишь; поэтому всегда полезно пользоваться моментами ее расположения и поддерживать ее, пока она движется непринужденно, хотя бы это и вело к нарушению правил, касающихся тела. Но нужно стараться не нарушать слишком границу; ибо тот, кто, испытывая удовольствие от учения, успокаивает себя тем, что «немного сейчас, немного завтра» не принесет вреда, что ничего плохого не получается для него от лишнего часа занятий, — незаметным образом подрывает свое здоровье; когда же болезнь вспыхнет, то редко видят причину в неправильном поведении, которое раньше ее подготовило.

Когда выбран предмет и душа, как и тело, расположены к учению, то что же остается, как не приняться за него? Это, конечно, хорошая подготовка, но, если не сделать еще кое-чего, то мы, возможно, не получим всей пользы, которая могла бы получиться.

1. Наш долг перед богом, как источником и творцом истины, который сам есть истина, наш долг перед самим собою, если мы хотим быть искренними и чистосердечными по отношению к нашей собственной душе, — поддерживать душу всегда настроенной к общению и восприятию истины, где бы мы ни столкнулись с последней и в каком бы виде она ни явилась перед нами — в ясном ли и привычном или чуждом и новом, а может быть, даже неприятном виде. Истина есть подлинный объект для души, подлинное ее богатство и комфорт, и в зависимости от размера этого богатства один человек отличается от другого, один человек ценнее другого. Тот, кто наполняет свою голову пустыми понятиями и ложными мнениями, может обладать напыщенным и по внешнему впечатлению широким умом; в действительности же его ум узок и пуст, так как все, что он охватывает, все, чем он наполнен, сводится к нулю или к отрицательной величине: ибо ложь ниже невежества и хуже, чем ничто.

Поэтому наша первая и главная обязанность заключается в том, чтобы подойти к учению и к поискам знания с душою, жадной к истине, с душой, которая стремится только к истине и беспристрастно ее принимает, какою бы презираемой и непрезентабельной она

ни казалась. Это то, к чему все люди, занятые наукой, как они заявляют, стремятся, но что, как я думаю, весьма многим не удастся.

Найдется ли человек, у которого не было бы мнений, которые когда-то были внушены ему воспитанием и благодаря этому сделались для него чем-то вроде муниципальных законов, которые не могут подвергаться сомнению, а должны почтительно рассматриваться как критерии правого и неправого, истины и лжи, в то время как эти, столь неприкосновенные взгляды, может быть, были только оракулами детской комнаты или традиционными тяжеловесными наставлениями людей, которые претендуют на то, чтобы просвещать наших детей, в то время как сами восприняли эти взгляды от традиции, ни разу не исследовав их. Они являются уделом нашего детского возраста и, будучи заложены в нас с ранних лет, с течением времени крепнут и как бы превращаются в подлинную конституцию души, которая впоследствии с трудом воспринимает другую окраску.

Когда мы становимся взрослыми, мы находим мир разделенным на союзы и кружки, которые группируются не только вокруг различных направлений политики и управления, но объединяются также на почве одних только воззрений и в этом отношении, особенно в вопросах религии, будучи крепко между собою связаны и отмежевываясь от других. Если рождение или случай не приобщили молодого человека к какому-либо из этих союзов и кружков — что, впрочем, нередко имеет место, — то, выросши, он попадает в тот или другой из них, конечно, по собственному выбору: он вступает в него часто вследствие убеждения, что данная партия права, иногда же, руководствуясь тем соображением, что оставаться изолированным небезопасно и что поэтому нужно куда-либо приткнуться. И вот, каждая из этих партий обладает известной суммой воззрений, воспринятых и усвоенных в качестве учений и догматов данного объединения, исповеданию и практике которых должен отдаться всякий, кто принадлежит к этому объединению; в противном случае он вряд ли будет рассматриваться как член группы или, в лучшем случае, будет на счету не слишком преданного сочлена или человека, рискующего впасть в ересь.

Ввиду большого различия и противоположности взглядов этих партий совершенно очевидно, что взгляды большинства из них полны лжи и заблуждений. В самом начале одних заставляла поддержать эти взгляды хитрость, других — невежество; однако слепая вера или боязнь потерять вместе с партией также репутацию или выгоду (каждый из этих моментов играет роль сам по себе) редко позволяет человеку подвергнуть сомнению догматы своей партии: он получает и воспринимает их в некоторой системе, исповедует без всякой критики и, закосневая в них, ими мерит всякие иные взгляды. Мирские интересы также внушают людям те или другие взгляды, которые, соответствуя их временной выгоде, охотно ими принимаются и с течением времени так прочно оседают в их уме, что их нелегко оттуда изгнать. Таким путем, а может быть и другими, в человеческих умах оседают и закрепляются взгляды, которые, правильны ли они или неправильны, остаются там на счету основных и существенных истин и поэтому редко подвергаются теми, кто исповедует их, со-

мнению или анализу; когда же они оказываются ложными, как это необходимо и должно быть у большинства людей, они совершенно сбивают человека с пути на всем протяжении его образовательных занятий. Правда, занимаясь чтением и исследованиями, они тешат себя мыслью, что их желание — просветить свой разум реальным знанием истины; на деле же они только и стремятся и достигают того, что укрепляют свои ранее полученные взгляды: ибо все, что они встречают в сочинениях и открытиях других людей, они принимают или отвергают в той мере, в какой это согласуется с теми взглядами, которые раньше овладели их умом.

2. Наряду с этим основным пороком нашего изучения есть и другой порок, менее важный, в который, однако, весьма легко впасть книжному человеку; он заключается в весьма внимательном и старательном чтении авторов с целью запомнить аргументы за и против, которыми те пользуются, и в стремлении крепко удержать эти аргументы в своей памяти с тем, чтобы использовать их при случае. Если это и приводит к желанной цели (а удается оно только при очень хорошей памяти и, конечно, скорее является делом памяти, а не силы мышления), то выдвигает человека в глазах света, как очень знающего и ученого человека, но при проверке он не оказывается таковым; в самом деле, это может создать ловкого говоруна и спорщика, но не дельного человека. Это научает человека фехтовать словами, но редко или никогда не научает в непримиримой войне между истиной и ложью выбирать правильную линию и как следует защищать ее, когда его собьют с нее. Тот, кто действительно желает быть знающим человеком, кто более предпочитает обрести истину, чем показывать ученость, кто стремится усовершенствоваться в солидном и существенном знании вещей, тот, по моему мнению, должен пойти другим путем: он должен стараться получить ясное и верное понятие о вещах, каковы они сами по себе. Если это понятие хорошо запечатлелось в уме (без нарочитой перегрузки памяти, которая часто нам изменяет), то оно всегда и естественно подскажет аргументы для каждого случая, для защиты истины или для рассеяния заблуждения. Это-то, как мне кажется, и сообщает иным человеческим рассуждениям такую ясность, очевидность и доказательность, даже если они выражены немногими словами; ибо такие рассуждения заключаются лишь в раскрытии перед нами истинной природы вещи, являющейся предметом нашего рассуждения. Способность к рассуждению настолько свойственна нашей природе, что ясные выводы, так сказать, напрашиваются сами собой. Мы обладаем как бы инстинктивным знанием истины, которая всегда наиболее приемлема для ума, и ум воспринимает ее в ее природной и нагой красоте. Кроме того, этот метод познания, поскольку он меньше подвержен опасности быть утраченным, т. к. не обременяет памяти, а коренится в силе мышления, заставляет человека всегда говорить связно и с уверенностью, с какой бы стороны он ни подвергался нападению и какими бы аргументами эта самая истина, пользуясь своим естественным светом и противоположностью лжи, без особенных усилий и без сложной и длинной словесной дедукции, ни вскрывала слабость и абсурдность противоположных утверждений. Между тем человек,

рассуждающий общими местами, со своим большим запасом заимствованных и коллекционированных аргументов, часто будет явно противоречить самому себе: ибо поскольку аргументы разных людей часто бывают основаны на различных понятиях и выводятся из противоположных принципов, то даже в тех случаях, когда они все направлены к поддержке или опровержению одного и того же мнения, они тем не менее часто вступают между собой в реальное противоречие.

3. Другая вещь, весьма полезная для ясного понимания истины, заключается в том, чтобы думать о вещах в отвлечении и обособлении их от слов (если только мы в состоянии приучить себя к этому). Без сомнения, слова — это важный и почти единственный способ передачи человеком своих мыслей разуму другого; но когда человек думает, рассуждает и приводит мысли в связь про себя, я не вижу, для чего ему нужны слова. Я уверен, что лучше отложить их в сторону и иметь дело непосредственно с идеями вещей, ибо слова по своей природе настолько сомнительны и темны, их значение большей частью настолько неопределенно и неточно (качества, которые люди даже умышленно усилили при пользовании словами), что если в процессах нашего мышления наши мысли заняты словами и задерживаются на названиях предметов, то это является только лишним шансом, что мы собьемся с правильного пути и запутаемся. Это соображение может на первый взгляд показаться ненужной тонкостью, и на практике это окажется, может быть, более трудным делом, чем можно себе представить; однако я решаюсь утверждать, что опыт подскажет любому человеку, если он захочет это проверить, что к этому стоит стремиться. Кто пожелал бы вспомнить отсутствующего друга или сохранить его в своей памяти, сделает это лучше и успешнее всего, если постарается воскресить в своей памяти его образ и будет созерцать этот образ; но вспоминать только имя друга и мыслить о звуках, при помощи которых его называли, — это весьма слабый и несовершенный метод воспоминания о нем.

4. Когда мы стремимся к знанию, нам весьма полезно не быть слишком уверенными в силе своего суждения, как и не быть слишком неуверенными в ней; нам весьма вредно думать, что мы всё в состоянии понять или что мы ничего неспособны понять. Кто не уверен в силе своего суждения относительно любой вещи и думает, что он не может положиться на собственный разум при поисках истины, обрубает себе ноги и, таким образом, в состоянии двигаться только с помощью других; он ставит себя в смешную зависимость от чужого знания, которое может оказаться для него совершенно бесполезным: ибо я так же не могу думать чужим умом, как не могу смотреть чужими глазами. В какой мере я что-либо знаю, в такой же мере я обладаю истиной, и я постольку прав в чем-либо, поскольку знание действительно принадлежит мне самому; то, что знают другие люди, находится в их обладании: оно принадлежит не мне и может быть мне передано только таким способом, который сделал бы меня столь же знающим; это — сокровище, которое не может быть ни отдано взаймы, ни передано совсем. С другой же стороны, тот, кто думает, что его разум может охватить все, летает

на крыльях своей собственной фантазии, хотя природа и не думала снабдить его реальными крыльями; и пускаясь, таким образом, в обширные пространства непостижимых истин, он лишь подтверждает басню об Икаре¹¹ и бросается в пропасть. В данном отношении мы обладаем средними возможностями, очень хорошо приспособленными для некоторых целей, но очень мало соизмеримыми с обширным и безграничным протяжением вещей.

5. Поэтому нам может оказать большую помощь знание того, как далеко простираются наши способности, — ибо с этим знанием мы не станем гнаться за фантомом, который находится вне пределов нашей достигаемости, — знание того, какие вещи являются настоящими объектами наших исследований и нашего разума и где мы должны остановиться и не идти дальше ввиду опасности заблудиться или потерять напрасно свой труд. Это, пожалуй, труднейшая проблема, которая только может нам встретиться на пути к знанию и разрешение которой под силу человеку лишь в конце учения, но не может быть предложено тому, кто только принимается за учение; ибо это собственно является возможным результатом длительного и усердного исследования, направленного к тому, чтобы установить, что познаваемо и что непознаваемо, но не таким вопросом, который мог бы быть разрешен путем догадок человеком, едва познакомившимся с очевидными истинами. Поэтому я сейчас откладываю изложение мыслей, которые у меня имеются по этому предмету и которые должны быть зрело обсуждены; при этом следует всегда помнить, что бесконечные вещи выходят за пределы нашего понимания; мы не можем иметь о них никакого содержательного знания, и когда наша мысль с излишним любопытством пытается проникнуть в них, она лишь теряется и путается. Сущность субстанциальных вещей также выше нашего понимания, равно как за пределами нашего разума лежит, по моему мнению, тот способ, каким природа вызывает различные явления в этой великой машине мира или продолжает существование видов вещей в процессе последовательных рождений и т. п. Что, как мне кажется, соответствует цели человека и находится на уровне его разума, — это усовершенствование естественных экспериментов ради удобств этой жизни и методов упорядочивания своей личности ради достижения счастья в другой жизни, т. е. моральная философия, которая в моем понимании обнимает также религию, или всю сферу человеческого долга.

6. Для того чтобы сократить наши труды и предохранить себя от неисцелимого сомнения, от путаницы мысли и бесконечной погони за большей достоверностью по сравнению с той, которую мы можем иметь, весьма полезно в различных вопросах, которые предстоит познать и изучить, сообразить, какие доказательства может дать материал, которым мы уже располагаем, и не дожидаться иного рода доказательств, чем те, которые дает природа вещей.

7. Мы получим большое подспорье для памяти и средство избежать путаницы в наших мыслях, если составим и будем часто иметь перед собою схему наук, которыми мы занимаемся — так сказать, карту постижимого мира (*mundus intelligibilis*). Ее, пожалуй, лучше

всего каждому составить самому для личного пользования, так как в этом случае она будет наиболее понятна для него, хотя, чем ближе такая схема будет подходить к природе и порядку вещей, тем будет лучше. Впрочем, мне не подобало бы думать, что моя грубая схема пригодна для того, чтобы руководить мыслями другого; особенно если наши учебные занятия идут в различных направлениях. Но, во всяком случае, я должен признать, что, хотя я часто менял предмет своего изучения и читал книги беспорядочно и случайно, как они попадались мне на моем пути, не соблюдая ни метода, ни порядка в своих занятиях, однако, изредка размышляя о порядке вещей, каков он есть или каким он, по крайней мере, рисовался моему воображению, я избегал путаницы в моих мыслях. Я достиг того, что эта схема служила мне чем-то вроде комода, чтобы располагать в порядке и на надлежащих местах те вещи, которые попадались мне разрозненно и вне какого-либо метода.

8. Вообще же не мешает, в интересах наших учебных занятий, изредка изучать самих себя, т. е. свои способности и дефекты. Почти каждому человеку присущи свои духовные дарования и природные способности, как и свои дефекты и слабости. Если мы обратим на них внимание и изучим их, нам не только легче будет найти средство для исправления своих слабостей, но мы будем также лучше знать, как обратиться к тем вещам, для которых мы лучше всего подходим, и так приспособляться в ходе наших занятий, чтобы мы могли извлечь из них наибольшую пользу. Тот, кто получил в руки молот и клин, может легко решить, что он приспособлен к тому, чтобы раскалывать кряжистые куски, а получивший рубанок и резальный инструмент — подумать, что он призван вырезать красивую фигуру.

Я хочу еще только сказать, что книжные занятия не играют, по моему мнению, основной роли в учении, хотя от них оно получило свое название. К ним следует присоединить еще два способа, из которых каждый играет известную роль в усовершенствовании нашего знания, а именно — размышление и беседу. Чтение, по моему мнению, является лишь собиранием сырого материала, значительная часть которого должна быть отброшена в сторону, как бесполезная. Размышление — это, так сказать, отбор и приспособление материала: обработка дерева, обделка и укладка камней и возведение здания, а беседа с другом (спор в форме диспута — мало полезная вещь) является, так сказать, осмотром здания, обходом комнат, проверкой симметрии и согласованности частей, оценкой солидности и недостатков работы и наилучшим способом вскрыть недостатки и исправить их; кроме того, беседа часто в такой же мере, как и любой из двух других методов, помогает открывать истину и фиксировать ее в нашем уме.

Пора кончать этот длинный, чрезмерно растянувшийся очерк. В заключение я хочу лишь сказать еще следующее. Историю я в самом начале исключил из предметов нашего изучения, как нечто бесполезное, что, собственно говоря, правильно, если речь идет о том,

чтобы читать ее как сказку. Теперь же я всякому, кто хорошо укрепил свою душу в принципах морали и знает, как нужно судить о человеческих поступках, буду рекомендовать ее, как одну из наиболее полезных наук, какими только он может заняться. В истории он увидит картину мира и природу человеческого рода и, таким образом, научится мыслить о людях, каковы они суть в действительности. Здесь он увидит, как зарождались те или другие мнения, и убедится, какие ничтожные, а иногда и постыдные обстоятельства их порождали, хотя впоследствии они приобретали большой авторитет, становились для людей почти священными и вытесняли все те мнения, которые существовали прежде. В истории каждый может получить великие и полезные наставления мудрости, и она же предупредит его о плутнях и мошенничестве людей и, кроме того, принесет ему еще много других выгод, которых я не буду здесь перечислять.

РАБОЧИЕ ШКОЛЫ.

Дети рабочего люда обыкновенно ложатся бременем на приход и проводят время в праздности, так что их труд, до достижения ими двенадцати- или четырнадцатилетнего возраста, также пропадает для общества.

Наиболее действительное средство против этого, какое только мы можем придумать и поэтому смиренно предлагаем, заключалось бы в том, чтобы вышеназванным законом, который предстоит утвердить, было еще предусмотрено учреждение в каждом приходе рабочих школ, посещать которые были бы обязаны дети всех лиц, обращающихся за вспомоществованием в приход, в возрасте старше трех лет и моложе четырнадцати, пока они живут дома при родителях и если они не заняты, с разрешения инспекторов по делам бедных, каким-либо другим трудом для поддержания жизни.

Таким путем мать разгрузится от значительной части забот по домашнему присмотру и уходу за детьми и получит большую возможность работать; дети же будут содержаться в большем порядке, будут лучше обеспечены и приучатся с детства к труду; а это будет иметь тот немаловажный результат, что сделает их на всю дальнейшую жизнь благоразумными и трудолюбивыми. Приход также избавится от этого бремени, и, по меньшей мере, будут устранены злоупотребления в деле помощи бедным. Дело в том, что наличие большого количества детей дает бедному человеку основание для получения пособия от прихода, причем это пособие выдается отцу в денежной форме один раз в неделю или в месяц; последний же нередко тратит их на себя в пивной, в то время как дети, для которых он получил пособие, обрекаются на лишения или погибают, не получая самого необходимого, если только им не помогут сострадательные соседи.

Мы смиренно полагаем, что здоровые муж с женой в состоянии обычным трудом поддерживать собственное существование и содержать двоих детей. Чтобы в одной семье одновременно было больше, чем двое детей в возрасте ниже трех лет, случается редко. Если, поэтому, изъять из попечения родителей всех детей старше трех лет, то родители, при которых останется не так уже много детей, не будут нуждаться в пособиях для них, пока они сами сохранили свое здоровье.

Мы не думаем, чтобы дети трехлетнего возраста способны были оправдать свое пропитание в рабочей школе; но мы уверены, что сумма, которая потребовалась бы в качестве пособия на них, будет более эффективно использована, если выдавать ее в этой школе в виде хлеба, чем если выдавать ее на руки их отцам деньгами. Дома они редко получают от своих родителей большее, чем хлеб и воду; а многие из них и это получают в весьма скудном количестве. Поэтому, если позаботиться о том, чтобы каждый ребенок получал ежедневно в школе досыта хлеба, детям не будет угрожать опасность голода; напротив, они будут здоровее и сильнее тех, которые воспитываются иным образом. Такая практика не будет также причинять никаких затруднений инспекторам, так как можно договориться с пекарем, чтобы тот снабжал и ежедневно доставлял в школу необходимое хлебное довольствие на всех находящихся там детей. В холодное время, если это будет признано нужным, можно без всяких затруднений добавлять к этому немного теплой жидкой кашицы; ибо для того, чтобы сварить горшок этой кашицы, можно использовать огонь, которым согревается помещение.

При таком порядке дети не только будут иметь указанную выгоду при значительно меньших затруднениях для прихода по сравнению с тем, что сейчас для них делается, но это послужит также большим стимулом для них, чтобы посещать школу и заниматься работой, так как иначе они не будут иметь пропитания. К тому же польза от этого будет со дня на день возрастать как для них, так и для прихода: ибо, поскольку заработок от их труда в школе будет с каждым днем возрастать, то, подсчитав весь заработок ребенка за период от трехлетнего до четырнадцатилетнего возраста, можно с основанием сделать вывод, что питание и обучение такого ребенка за все это время ничего не будет стоить приходу, между тем как в настоящее время каждый ребенок, который с момента рождения содержится за счет прихода, обходится последнему, пока ребенок не достигнет четырнадцати лет, в 50—60 фунтов.

Другая выгода от такого помещения детей в рабочую школу будет заключаться в том, что при этом их можно будет заставить регулярно, каждое воскресенье, посещать церковь со своими школьными учителями и учительницами, и, таким образом, они получат некоторое понятие о религии; между тем в настоящее время, когда они воспитываются в праздности и без дисциплины, религия и мораль им так же чужда, как и прилежание.

Далее, чтобы эта работа проводилась с более полезным эффектом для нашего государства, мы смиренно предлагаем, чтобы эти школы, как правило, предназначались для прядения и вязания или для каких-либо других процессов шерстяной мануфактуры, за исключением тех случаев, когда данная местность (т. е. округ) доставляет другие материалы, более подходящие для занятия этих бедных детей; в этих местностях выбор материалов для их занятий можно предоставить благоразумию и распоряжению инспекторов по делам бедных данной сотни. Вознаграждение учителям этих школ должно выплачиваться из местного бюджета по вспомоществованию бедным.

Хотя первоначальная организация этого дела может потребовать от прихода некоторых затрат, однако мы смиренно думаем, что дело быстро окупит свои издержки с избытком (так как заработок детей будет снижать расходы по их содержанию и от каждого будет требоваться столько работы, сколько он, по разумному соображению, способен выполнить).

В тех случаях, когда количество бедных детей в каком-либо приходе слишком велико, чтобы они могли заниматься в одной школе, они должны быть распределены по двум школам, а если это будет признано полезным, мальчики и девочки могут обучаться и работать отдельно.

Ремесленных мастеров каждой сотни следует обязать принимать каждого второго ученика соответствующей профессии без вознаграждения из числа мальчиков какой-нибудь из школ данной сотни; они могут брать мальчиков какого угодно возраста с тем, чтобы последние оставались у них в учениках до двадцатитрехлетнего возраста, и, таким образом, за счет продолжительности этого периода они получают с избытком то вознаграждение, которое уплачивается мастерам за таких учеников.

Также и тем лицам, которые в пределах данной сотни владеют собственной землей с годовой доходностью в 25 фунтов и выше или уплачивают ренту в 50 фунтов в год и выше, должно быть предоставлено выбирать из школ, находящихся в этой сотне, мальчика, какого каждый из них пожелает, с тем, чтобы иметь его в качестве ученика в своем хозяйстве на тех же условиях.

Те мальчики, которые до достижения четырнадцати лет не были таким порядком отданы в обучение, должны ежегодными пасхальными собраниями инспекторов каждой сотни передаваться в обучение тем джентльменам, иоменам или фермерам, проживающим в границах данной сотни, которые располагают наибольшим количеством акров земли и которых следует обязать или принимать этих мальчиков в качестве учеников к себе на срок до достижения ими двадцатитрехлетнего возраста, или же отдавать их за свой счет в обучение ремесленным мастерам, при том постоянном условии, чтобы такие джентльмены, иомены или фермеры не были обязаны иметь одновременно двух таких учеников.

Также и взрослым людям (чтобы отвести их ссылки на отсутствие работы) следует предоставить возможность посещать названные школы для обучения, и соответственно этому для них должна быть обеспечена там работа.

Материалы, которые должны потреблять эти школы, а также другие бедные люди данного прихода, должны доставляться из общественного фонда каждой сотни, который должен быть образован за счет обязательно отчисляемой определенной доли бюджета помощи бедным данного прихода, каковой фонд, как мы смиренно полагаем, придется образовать лишь один раз; ибо если правильно вести дело, он будет увеличиваться.

ПРИМЕЧАНИЯ, «МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ».

¹ Трактат «Мысли о воспитании» вырос из писем Локка к его друзьям по вопросам воспитания детей. Впервые издан в Англии в 1693 г.

Вышедшее в 1699 г. второе издание «Мыслей о воспитании» содержало в себе много добавлений, показывающих, что Локк думал над вопросами воспитания до конца своей жизни.

² «Clay-cottage». Точный перевод — «глиняная хижина».

³ «Джентльмен», «джентри», «иомен».

Термин «джентльмен», обозначающий общественный ранг, уже во времена Локка употреблялся в Англии в более широком смысле принадлежности к состоятельному классу (по сравнению с родственным французским словом «gentilhomme» — «дворянин»).

На различных этапах общественного развития Англии термин «джентльмен», тесно связанный с понятием сословно-классовой группировки «джентри», имел довольно точное значение, и здесь небезынтересна будет краткая историческая справка.

Уже в XV в., наряду с родовым поместным дворянством (сельским джентри), звание джентльмена присваивалось законом юристам, обслуживающим интересы господствующих классов, и именитым членам городского сословия. К середине XVI в. (со времен Генриха VIII) поместное землевладение уже теряет родовой характер, состав сельского джентри пополняется выходцами из городской буржуазии и разбогатевших крестьян, и права джентри (активное и пассивное избирательное право в нижнюю палату, право занимать почетные должности мирового судьи и др.) определяются лишь имущественным цензом землевладельца. Одновременно расширяется верхняя прослойка городской буржуазии, включаемая в городское джентри и сливающаяся с сельским джентри.

Насколько широкое буржуазное содержание вкладывает Локк в понятие джентльмена, видно из делаемого им противопоставления джентльмена «честному фермеру» (арендатору) и «зажиточному иомену» (крестьянину-собственнику).

В этом отношении весьма интересно пояснение, которое дает французский переводчик «Мыслей о воспитании» Кост, наблюдавший тогдашнюю Англию и лично знавший Локка:

«Я должен, — говорит Кост, — добавить что слово «gentilhomme» во Франции означает иное, чем в Англии. В то время, как во Франции «gentilhomme» называют людей знатного происхождения, в Англии к знати относят паров королевства: это — герцоги, маркизы, графы, виконты и бароны. Те же, которые по своему званию ниже барона, относятся там к третьему сословию и пользуются титулом «gentilhomme», если только они не фермеры и не ремесленники. Так что в Англии джентльменами («gentlemen») называют людей, которых мы во Франции называем «человек из хорошего дома», «добропорядочный буржуа» («des gens de bonne maison», «de bon bourgeois») и т. п. Отсюда следует заключить, что поскольку этот трактат о воспитании предназначается для джентльменов в английском смысле, он должен получить широкое применение».

⁴ Скифы — кочевые племена, жившие на огромном пространстве к северу от древней персидской монархии и Кавказа и — до III в. до н. э. — также к северу

от Черного моря. Они изредка тревожили своими нападениями соседние более культурные народы древнего мира, и их безуспешно пытался подчинить себе персидский царь Дарий (в конце VI в. до н. э.).

⁸ Мальтийцы — жители Мальты, — острова, расположенного в Средиземном море между Сицилией и Африкой.

⁹ Сенека, Луций Анней (4 г. до н. э. — 65 н. э.) — древнеримский писатель-моралист, мировоззрение которого сложилось под влиянием пифагорейской и стоической философии и впечатлений распада старого экономического уклада и жестокого произвола и самовластия трех римских императоров — Калигулы, Клавдия и Нерона. Достигший высокого положения и крупного богатства при Нероне, к которому он в свое время был приглашен в качестве воспитателя, Сенека, по приказанию этого императора, покончил самоубийством, ввиду возникшего подозрения в его прикосновенности к одному заговору против императора. Характерны темы его сочинений: «О гуманности», «О гневе», «О счастливой жизни», «О стойкости мудреца», «Письма о нравственности» («*Epistolae morales*») к Луцилию, которые имеет в данном месте в виду Локк (имеется русский перевод) и др.

Перу Сенеки принадлежит также ряд трагедий, из которых шесть изданы на русском языке в 1932 г. («Медея», «Федра» и др.).

⁷ Гораций, Флакк Квинт (65—8 гг. до н. э.) — известный римский поэт. Писал сатиры в тоне добродушного юмора, оды на любовные и житейски-бытовые темы и стихотворные письма-послания («*epistolae*»). Лирика Горация, холодная по содержанию, оформлена классически-чистым языком и изящным стилем, благодаря чему Гораций вошел в учебную литературу классической школы. По мировоззрению Гораций — эпикуреец. Был близок с небольшим кругом лиц, окружавших первого римского императора Августа (среди них — богач Мecenат, поклонник и покровитель Горация).

⁸ Источник св. Винфреда — находится в Голнуэлле (Флинтшайр, Англия), пользовался славой целебного источника.

⁹ Август (первоначальное имя — Гай Октавий) — первый римский император, завершивший уничтожение республиканских учреждений (род. в 63 г. до н. э., ум. в 14 г. н. э.).

¹⁰ Цезарь, Гай Юлий (100—44 гг. до н. э., по Момзену, род. в 102 г.) — государственный деятель переломного периода истории древнего Рима, сочетавший в себе крупные таланты политика, полководца и писателя. Используя недовольство масс разоренного крестьянства, необеспеченных слоев городского населения, с одной стороны, и купцов — с другой, сломил силу самого влиятельного республиканского учреждения — сената, воплощавшего господство крупноземельно-владельческого класса. Искусной политикой временных облегчений для беднейших классов (наделение части крестьянства, главным образом солдат-ветеранов, земельными участками; раздача хлеба городскому населению; частичное аннулирование долгов) и расширением сферы деятельности для торгового капитала в результате территориальных завоеваний (главным образом Галлии — древней Франции, в 50-х годах) расчистил себе путь к власти пожизненного диктатора. Его политический метод (демагогия) и цели (стремление к личному единовластию) послужили к созданию термина «цезаризм». Цезарь оставил после себя «Записки о галльской войне», которые, ввиду простоты языка и живости рассказа, приняты в классических школах в качестве первой книги для чтения на латинском языке.

¹¹ Локк употребляет здесь термин «духи» вместо «духи жизни» или «животные духи». Последним термином пользуется Декарт, заимствуя его из физиологического учения Аристотеля-Галена (Гален — греческий врач III в. до н. э.), при изображении физиологических процессов в животном организме на основе открытого Гарвеем кровообращения. У Декарта с этими «духами жизни», развивающимися в крови, связывается уже скорее материалистическое представление о силах, регулирующих функциональную деятельность животного организма.

¹² Солон — крупный государственный деятель древней Греции (второй половины VI в. до н. э.). Деятельность Солона, как социального реформатора и законодателя, была сильно преувеличена преданием и позднейшими греческими историками, в том числе Аристотелем. Его действительная историческая роль свелась к временному успокоению революционного движения закабаленных народных масс, выдвинувших требования об аннулировании кабальных долговых обяза-

тельств и земельном переделе. Метод, примененный Солоном, заключался в частичном облегчении должников и расширении политических прав средних классов.

¹³ Это выражение («между Сциллой и Харибдой») основано на греческом мифе, рисуящем тяжелое положение человека, вынужденного пройти между двумя опасными пунктами. Миф изображает узкий пролив с двумя скалами у противоположных берегов: на одной скале сидит чудовище, многоголовое и многорукое, Сцилла, жадно высматривающая добычу; у противоположной скалы опасный водоворот, усиливаемый частым появлением подводной богини Харибды, глотающей и извергающей соленую воду. У греков и римлян существовали пословицы: «*Incidis in Scyliam cupiens vitare Charybdin*» (лат.) и «*Tên Chárybdin exfyzón Skylle periéreson*» (греч.).

При небольшом различии общий смысл пословиц таков: «Желающий избежать Харибды попадает в лапы Сциллы».

¹⁴ «К детям нужно проявлять самое большое уважение»; заимствовано у римского поэта Ювенала («Сатиры», XIV, ст. 47).

¹⁵ С к о ч - г о п с е р (*Scotch-hoppers*) — игра, в которой играющий, прыгая на одной ноге через клетки, вычерченные на земле, одновременно подталкивает камешки.

¹⁶ М о н т е н ь, Мишель — крупнейший французский писатель-гуманист XVI в. (1533—1592 гг.). М. своеобразный представитель того этапа в формировании новой буржуазной идеологии, который начался в Италии блестящей плеядой писателей эпохи Возрождения. С последними его сближает ярко выраженный индивидуализм и решительное отрицание средневековой аскетической морали. В философии М. — скептик; его скептицизм напоминает скептицизм Декарта, явившийся для последнего отправной точкой к перестройке философской методологии и к творческой разработке новой науки. Подчеркивание роли опыта и человеческой психологии делает М. предшественником Бэкона. Пропаганда М. веротерпимости и гуманизма (идея равенства «короля и крестьянина» в смысле возможности культурного развития) и идеализация им первобытного человека дают основание видеть в нем одного из ранних предшественников Руссо (Лансон).

В своей философско-публицистической работе «Опыты» М. подверг уничтожающей критике схоластическую образованность и процесс обучения в узкоклассических школах Западной Европы XVI в. Критика М. проникнута едкой, тонкой, аристократической иронией, высмеивающей «навьюченных книгами ослов», у которых «знание плавает на поверхности мозга». М. требует развивать в детях пытливость и умение самостоятельно оперировать полученными ими знаниями.

¹⁷ К а с т а л ь о н, Севастьян (или Шательон, 1515—1563 гг.) — французский теолог-гуманист, горячий поборник религиозной свободы и педагог-новатор. Родившись в бедной крестьянской семье, Севастьян, однако, благодаря большой настойчивости, безграничной жажде знаний и способностям, получил хорошее образование в школе, основанной в Лионе приверженцами итальянского гуманизма. К. приобрел известность как знаток классических языков и литературы, своими литературными трудами (среди них много раз переиздававшийся латинский перевод Библии). Преподавал древние языки в Страсбурге, в Женеве (по приглашению Кальвина в 1540 г.) и в Базеле. Независимость мысли, гуманитарно-просветительская работа в школе и пылкая борьба К. против смертной казни и религиозной нетерпимости — все это скоро столкнуло его с Кальвином и обрекло его в дальнейшем на тяжелую нужду и гонения. Решающим событием явилось сожжение в Женеве в 1554 г., по инициативе Кальвина, свободомыслящего испанского врача Михаила Сервета. На попытку Кальвина обосновать репрессии против отступников от религиозной догмы К. ответил горячим протестом в брошюре, изданной под характерным заголовком: «Трактат о еретиках, имеющий целью выяснить: должно ли их преследовать и как вообще следует поступать с ними, основанный на мнениях и высказываниях многих авторов как древних, так и новейшего времени; трактат весьма необходимый в наше время, полное смут, и весьма полезный для всех и главным образом для князей и правителей, которые должны знать, какова их обязанность в этом трудном и опасном деле».

Последний период своей жизни К. провел в Базеле, где состоял преподавателем греческого языка. Особенно большую нужду он испытывал в первые годы пребывания в Базеле, когда ему приходилось добывать средства существования для своей семьи трудом рабочего: на земляных работах, на вылавливании из Рейна смытых с берега бревен и т. п.

К. замечателен как педагог. Почти на 150 лет раньше он на практике осуществил те самые педагогические и методические идеи, которые Локк позднее пропандировал в Англии: в Женевской школе латинский язык преподавался параллельно с родным языком; латинский язык изучался на легких текстах, а грамматика играла лишь подсобную роль; были совершенно изгнаны приемы схоластической школы — писание сочинений по строгим планам школьной логики, диспуты, формальное спрашивание уроков. В 1542 г. К. составил диалоги на библейские темы с параллельными текстами — французским и латинским. (Lagousse. Grand dictionnaire universel и статья проф. Лучицкого в ж. «Русское богатство» за 1894 г.).

¹⁵ Модусы и фигуры — термины формальной логики, служащие вспомогательным средством при анализе правильности силлогизма. Фигура силлогизма определяется тем местом (логического подлежащего или логического сказуемого), которое занимает так называемый средний (общий) термин в двух посылаках силлогизма. Модусами силлогизма называются возможные комбинации в пределах данной фигуры, общих и частных, утвердительных и отрицательных суждений в посылках, приводящие к правильным умозаключениям. Для простого категорического силлогизма обычно принимают 4 фигуры и 19 модусов.

¹⁶ Перипатетики — последователи перипатетической философии, т. е. философии Аристотеля, получившей свое название от аллей, окружавших афинскую гимназию («Лицей»), в которой преподавал Аристотель.

Картезианцы — последователи философии Картезия (латинизированная фамилия Декарта).

Аристотель (384—322 гг. до н. э.) — знаменитый философ и ученый-энциклопедист древней Греции. Он оставил после себя систематические труды по всем отраслям современной ему науки (в части создав их): по физике, метеорологии, ботанике, зоологии, психологии, этике, поэтике, науке о государстве, логике и философии. Склонный, вследствие позитивно-научной направленности своего ума, исходить в познании от реальных вещей, он в своей философии вначале заметно склонился в сторону материализма, выступив против платоновской объективно-идеалистической концепции об «идеях», идеальных образах вещей, существующих отдельно от реальных вещей. Идеи (по его терминологии — «формы»), по Аристотелю, существуют лишь в самих вещах, и понятия материи, ее сущности, ее оформления и движущие силы в этом процессе оформления — становятся основными проблемами его «Метафизики». В целом, однако, философия Аристотеля представляет собою попытку сочетать материализм с идеализмом. В то же время его «Метафизика» содержит замечательно ярко выраженные элементы диалектического мышления, например: о единстве материи и формы; о движении как качественном изменении; о соотношении возможности и действительности; о взаимном проникновении противоположностей и значении этого в процессе становления вещей; о случайности и необходимости и т. п. Общественно-политическое учение Аристотеля носит на себе печать творческой, исключительно высокой для того времени, научной работы, с идеологической стороны выражая интересы среднего класса современного Аристотелю греческого общества. Средневековым схоластам учение Аристотеля стало известно в XI в. (из сочинений арабских ученых); ими были восприняты главным образом его формальная логика и метафизика в ее идеалистическом содержании. «Схоластика и поповщина взяли мертвое у Аристотеля, а не живое: запросы, искания, лабиринт, запутался человек» (Ленин, Философские тетради, 1934 г., стр. 332). О нем же Энгельс: «.. Аристотель, — самая универсальная голова среди них, уже исследовал существеннейшие формы диалектического мышления» («Анти-Дюринг», Введение).

Главнейшие сочинения Аристотеля переведены на русский язык: «Метафизика», «Физика», «Афинская полития» (государственное устройство афинян) и др.

Декарт Рене (Renatus Cartesius, 1596—1650 гг.) — знаменитый французский философ, математик и физик, сыгравший огромную роль в развитии философии и математики нового времени.

В математике Д. принадлежит величайшая заслуга создания аналитической геометрии.

В философии Д. осуществляет резкий разрыв с средневековой схоластикой, с ее наукой и философией, основанными на авторитете и формальной логике, с схоластическим истолкованием физического мира, на основе учения о скрытых и конечных качествах вещей. Д. выдвигает на первое место проблему достовер-

ного знания и ставит своей задачей выяснение достоверных отправных точек познания и правильного универсального метода (который мыслится им как аналогичный математическому методу). Принимая дуализм тела и души, Д., однако, стронг, на предпосылках объективности пространства и движения, детализированную механическую картину физического мира, включая и космогонию (мысля при этом даже силу лишь в ее эффекте, в движении), механистическую физиологию; тот же принцип механического объяснения он вносит и в изучение первичных элементов психической жизни.

Его учение о физическом мире, перегруженное гипотезами, вместе с тем замечательно вихревой теорией материи, выдержанными механическими понятиями упругости, силы тяжести (исключающими гипотезу о действии на расстоянии), о теплоте, свете и др., гениально предвосхищенными идеями эволюции материального мира и т. п.

Специальные работы Д. в области физики (отражение и преломление света, явление радуги) обнаруживают в нем и талантливого экспериментатора.

Крупнейшая роль Д. в истории философии и науки отмечена Марксом: «Механический французский материализм примкнул к физике Декарта» (Маркс и Энгельс, «Святое семейство», Соч., 1929 г., т. III, стр. 154), «механический материализм, сливается с французским естествознанием» (там же), а Энгельс, имея главным образом в виду переворот, произведенный аналитической геометрией, и метод разработки у Д. физики и космогонии, называет его одним из блестящих диалектиков нового времени («Анти-Дюринг», «Диалектика природы»).

Д. сыграл большую роль в философском развитии Локка: он говорил леди Мешем, что «первыми книгами, которые внушили ему вкус к философским проблемам, были сочинения Декарта; что хотя он во многом расходился с Декартом, однако испытывал наслаждение от чтения его трудов из-за их понятности» (письмо Мешем к Леккерку от 12 января 1705 г.).

Опровергая в книге 1-й «Опыта» учение о врожденных идеях, Локк несомненно имеет в виду не только упоминаемые им «κοινὰ ἐπιποιᾶ» английского философа Герберта (Чербери), но и «врожденные идеи» Д. (ср. замечание J. A. St. John'a, комментатора Локка в издании *The philosophical works of John Lock*, London, 1843 г., стр. 81—82, также цитир. биографию Локка (F. Bourne), т. II, стр. 89).

²⁰ См. примечание 6.

²¹ Бургерсдициус (точнее Франко Бургерсдик, 1590—1635 гг.) — голландский автор широко популярного в XVII в. учебника логики, изданного в Лейдене в 1626 г. под названием «*Institutiones Logicae libri duo*». Этим учебником еще в 1710 г. студенты Кембриджского университета пользовались в качестве начального руководства по логике.

Христоф Шейблер — автор философского компендиума на латинском языке («*Philosophia compendiosa*»), содержавшего сжатое изложение основ логики, метафизики, физики, геометрии, астрономии, оптики, этики, политики и экономики. Шестое издание этого учебника датировано 1639 годом (Оксфорд).

²² В подлиннике сказано «*ingenuity*», что значит «изобретательность», вм. «*ingeniousness*» (пояснение английского комментатора Локка — Адамсона).

²³ Софистика — слово, происшедшее от греческого слова «софист» («*sofistés*»), что вначале означало «человек науки», а со времени знаменитого философа-софиста Протагора — «учитель науки». Софистами назывались в Афинах популяризаторы философии и знания вообще и учителя красноречия. Появление софистов во второй половине V в. отвечало народившейся в афинских массах потребности в знании и политическом просвещении.

Древнегреческим софистам принадлежит заслуга первоначальной разработки науки о языке (грамматики), логики, и, строго говоря, в древней Греции они же положили начало науке об обществе и государстве. В социально-политическом отношении крупнейшие софисты (Антифонт, Алкидам, Ликофрон, Фалеас) представляли собою радикально-демократическое течение, выступившее с критикой афинской рабовладельческой аристократии. Социально-политический демократизм и философский скептицизм софистов, популяризаторский характер их просветительной деятельности, вульгаризаторские и узко утилитарные настроения в низших кругах софистов-риторов — все это вызвало резкие выступления против них крупнейших философов последующей эпохи — Сократа, Платона и Аристотеля.

идеологов аристократии и средних классов рабовладельческого афинского общества; результатом этого явилось извращенное представление о софисте, как о человеке, сознательно убеждающем другого в истинности неистинного путем внешне убедительных логических приемов. В этом смысле употребляется с того времени термин «софистика».

²⁴ «Queis humana sibi doleat natura negatis» — «В чем по природе себе человеку отказывать тяжко».

Этот стих взят из одного отрывка 1-й сатиры Горация, который содержит следующее обращение к жадному богатому скупцу:

«...на мешках, отовсюду стасканных, жадно
Ты бессонный лежишь, стараясь щадить как святыню
Их, и только любишься ими, словно картиной.
Знаешь ли цену монеты? Какое ее назначенье?
Хлеба купить, овощей и кружку вина, да иного,
В чем по природе себе человеку отказывать тяжко».

(Пер. А. Фета)

²⁵ См. примечание 15.

²⁶ Гопкинс и Стернхольд — авторы английского перевода (размерной прозой) «Псалмов» древнееврейского царя Давида. Перевод издан в середине XVI в.

²⁷ Одна из лотерей, разрешенная Карлом II и названная им так в честь Роскобельского дуба.

В дупле этого дуба Карл II скрывался во время своего бегства из революционного Лондона.

²⁸ «In folio» (лат.) — большого формата, в лист.

²⁹ Эзоп — греческий баснописец (живший около VI в. до н. э.). Его басни долго сохранялись в устной передаче как образец практической мудрости. У греков подвергались поэтической обработке; в средние века в Европе получили широкое распространение в прозаических пересказах.

³⁰ Рейнеке-Лис — главное лицо средневековой сатиры, в форме животного эпоса, направленной против человеческих пороков и слабостей; ее содержанием являлись обычно рассказы о плутовских похождениях лисы и других животных.

³¹ Ногн-бук — детский букварь в форме листа, на котором обычно печатались азбука, элементарные буквенные сочетания и текст молитвы «Отче наш»; для сохранности вставлялся в рамку под прозрачной роговой пластинкой.

³² Джон Уорthingтон (John Worthington, 1618—1671 гг.) — преподаватель колледжа Исуса в Кембриже. Его катехизис вышел в свет в 1673 г.

³³ Минерва — по древнеримской мифологии, богиня-покровительница полезных ремесел и искусств (в частности поэзии и музыки). В более позднее время образ Минервы сблизился с греческой богиней Афиной, воплощавшей также военную и политическую мудрость.

³⁴ Замечание Локка о стенографии несколько неточно. Оно верно лишь в том смысле, что стенография, которая была изобретена еще в I в. до н. э. римским грамматиком Тироном, была хорошо разработана и получила в древнем Риме значительное применение (при записывании публичных речей, при составлении протоколов заседаний и т. д.; сохранились даже рукописи, написанные стенографическим способом), в средние века исчезла из употребления и вновь появилась только в XVI в. в Англии. В XVII же веке применение стенографии распространяется уже в других европейских странах.

³⁵ Марк Туллий Цицерон — известный римский оратор, адвокат, политический деятель и писатель-философ последнего века до н. э. (106—43 гг.). В обстановке этой переломной бурной эпохи в истории Рима — эпохи крупных социальных конфликтов и политических потрясений, Ц. вначале заигрывавший с демократическими элементами, впоследствии примкнул к консервативной партии, имевшей сильную опору в сенате; добрался до высшей в республике должности консула и сыграл активную роль в подавлении заговора Катилины (65 г.). Как писатель-философ Ц. не оригинален и поверхностен (см. замечания Маркса в его работе «Отличие натурфилософии Демокрита от натурфилософии Эпикура»). Ц. оставил после себя большое литературное наследство в виде блестящих по форме, внутреннему построению и изяществу языка речей, политических

и философских сочинений (последние представляют главным образом популярную обработку этических учений греческих философов) и переписки. Слава Ц. закреплена классической школой, в которой — начиная с эпохи Возрождения и по настоящее время — Ц. отводится почетное место. Гуманитарная окраска идеологии, политический пафос, республиканская теория Ц. заслоняли его подлинный образ социального консерватора даже перед такими демократами эпохи первой французской революции, как Жан-Жак Руссо, Сен-Жюст и Робеспьер. «De officiis» («Об обязанностях») — одна из его работ об этике.

³⁶ Евклид — знаменитый греческий математик начала III в. до н. э., сведший в систему известные в то время математические положения.

³⁷ Sanctii Minerva. Sanctius — латинское имя знаменитого испанского грамматика Санхеца (Санкция, 1523—1601 гг.), занимавшего кафедру греческого языка и риторики в университете в Саламанке. Из множества сочинений, доставивших ему европейскую известность, особенную славу ему принесла грамматика латинского языка, в которой с исключительной ясностью были изложены правила синтаксиса. Заглавие этой книги — «Minerva, seu de causis linguae Latinae Commentarii» (1587 г.) — «Минерва, или об основах латинского языка».

Сциоппий (Sciorpius, Gaspar Schopp) — знаменитый голландский ученый-филолог (1576—1649 гг.). Написал громадное количество сочинений (около 400) по вопросам классической литературы и стоической философии. Широкое распространение получила его «Философская грамматика» — «Grammatica philosophica» (1628 г.).

Перизоний (Perizonius, Iackes Woorbrock) — голландский филолог и историк (1651—1715 гг.); был профессором греческой истории и литературы в Лейдене. Наиболее известные в свое время его сочинения: «Animadversiones Historicae» («Исторические заметки», Амстердам, 1685 г.), «Origines Babylonicae et Egypticae» («Древнейшая история Вавилонии и Египта», Лейден, 1711 г.).

³⁸ Это пример из спряжения латинского глагола «aufero», что значит «уношу». «Aufero» — 1-е лицо единств. числа настоящего времени; «abstulere» — 3-е лицо множеств. числа прошедшего совершенного времени.

³⁹ Юстин (Марк Юстиниан) — римский историк, жил в I в. н. э. Автор извлечения из недошедшего до нас обширного исторического труда Трога Помпея в 44 книгах. Извлечение Ю. представляет собой всемирную историю, которая пользовалась большой известностью в средние века.

Евтропий — римский историк IV в. н. э., написал историю Рима со дня его основания до IV в. нашего времени. Этот труд считался одним из удачных школьных руководств по истории, так как отличался удачным распределением материала, прекрасным языком и объективностью.

Курций (Квинт Курций Руф) — римский историк, живший в I в. н. э., написавший историю Александра Македонского (мало достоверную).

⁴⁰ «Omnia vincit amor» — «любовь все побеждает». «Non licet in bello bis peccare» — «на войне нельзя делать двукратную ошибку».

⁴¹ Парнас — священная гора в греческой области Фокиде (вблизи Атики); считалась местопребыванием Аполлона и муз (бога поэзии и богинь искусств). На южном склоне горы находился Дельфийский оракул.

⁴² Ксеркс — царь Персии в период могущества этой монархии, совершивший неудачные походы против Греции в 493—480 гг. до н. э. (к этой войне относятся прославленные эпизоды греческой истории — битвы у Фермопильского ущелья, при Саламине и Марафоне).

⁴³ Во время Локка Австралия еще не была открыта.

⁴⁴ Коперник Николай (1473—1543 гг.) — гениальный астроном и математик. Произвел целую революцию в мировоззрении своего времени, объявив неверным старое представление о земле, как находящейся в центре вселенной.

Учение К. нанесло сильнейший удар религиозному воззрению на строение вселенной. Поэтому учение К. жестоко преследовалось церковью.

⁴⁵ «Breuiarium chronologicum»; буквально — «Краткий обзор хронологии».

⁴⁶ См. примечание 35.

⁴⁷ Вергилий Публий Марон (70—19 гг. до н. э.; иногда неправильно произносят «Виргилий») — крупнейший римский поэт I в. до н. э., друг Горация.

В его произведениях ярко отражена эпоха перехода Рима от республики к империи. Наиболее значительные произведения Вергилия: «Bucolica» — 10 «эклог»

из пастушеской жизни, «Georgica» — поэма в четырех книгах, и особенно «Aeneis» — «Энеида», в 12 песнях. Последняя вошла в обиход классической школы, как образец изящного и правильного стихосложения.

⁴⁸ Гуго Гроций (1583—1645 гг.) и Самуил Пуфендорф (1631—1691 гг.) были крупными, европейски известными юристами и теоретиками права своего времени. Оба они разрабатывали вопросы расчленения права на отдельные дисциплины (гражданское, государственное, международное право и др.), систему и содержание каждой отдельной дисциплины и так называемое «естественное право». Последнее представляло собою попытку выразить институты права, жизненно необходимые набиравшей силы буржуазии (частная собственность, свобода договоров и обязательность их выполнения, вознаграждение за имущественный вред, возможная охрана собственности и торгового оборота в периоды международных военных конфликтов), в форме «вечных принципов, вытекающих из природы и разума» (а не из религиозных догматов и предписаний и не из конкретных действующих законов).

Вопросами о «справедливой войне» и о правовой регламентации самого ведения войны занимается Гроций в своей книге «De jure belli et pacis» («О праве войны и мира», 1625 г.), которой он положил начало буржуазной теории права и государства.

Главные работы Пуфендорфа:

1) «Elementorum jurisprudentiae universalis libri duo» — «Элементы всеобщей юриспруденции», в двух книгах (Гаага, 1660 г.).

2) «De jure naturae et gentium» — «О праве природы и народов» (Лунд, Швеция, 1672 г.).

3) «De officio hominis et civis juxta legem naturalem» — «Об обязанности человека и гражданина согласно естественному закону» (Лунд, 1673 г.).

⁴⁹ Common law (обычное или общее право). В английском праве «обычное право» имеет более широкий объем, чем в континентальном праве. Противопоставляемое «статутному праву», обычное право охватывает все нормы права, освященные судебной практикой и не основанные непосредственно на законе.

⁵⁰ Предикаты — латинский термин, равнозначный греческому термину «категории». Здесь имеется в виду аристотелевская классификация всего представляемого и сущего. Основное определение и полный перечень категорий изложены у Аристотеля следующим образом («Категории», II, 6): «Каждое из слов, взятое отдельно, вне связи с другими, обозначает или сущность, или количество, или качество, или отношение, или место, или время, или положение, или обладание (по-гречески *eschēin*, переводимое некоторыми, по другому его смыслу, «состояние»), или действие, или страдание (последнее в грамматическом смысле)». Часто пользуясь этой классификацией в других своих сочинениях — в логике, физике и метафизике — и соответственно оттеняя ее онтологический смысл, Аристотель, однако, часто уменьшает число категорий до восьми без «положения» и «обладания» («Аналитика» и «Физика», по греческому и латинскому изданию «Полного собрания сочинений Аристотеля» А. Didot (Париж), т. I, стр. 142 и т. II, стр. 309).

Предикативы (греческое «*Kategorimena*») — классы сказуемых.

⁵¹ Чилингворт, Вильям (1602—1644 гг.) — английский богослов, обладавший также значительными познаниями в области математики; два раза менял религию: из англиканства перешел в католичество и обратно. Его религиозные искания нашли свое завершение в работе «Протестанская религия как верный путь к спасению». Во время гражданской войны сражался в армии короля.

⁵² Туллий — См. примечание 35.

⁵³ Вуатюр, Винцент (1598—1648 гг.) — французский писатель, писавший преимущественно стихи и письма. Вращаясь в придворных кругах, он приобрел большую известность и признание главным образом в этой среде благодаря живому остроумию и изяществу стиля.

⁵⁴ Фарнэби — автор небольшого учебника латинского языка (I-й половины XVII в.).

⁵⁵ Натуральная философия.

Под названием «натуральная философия» в эпоху Локка понимались сведения в систему общие теоретические основы естественных наук, при явной тенденции свести эту дисциплину к более узкому кругу закономерностей первичных материальных процессов, т. е. к физике (ср. название классического исследования Ньютона по физике: «Математические принципы натуральной философии»).

Английские словари (напр. «Funk and Wagnalls Practical Standard Dictionary») и сейчас ставят знак равенства: «натуральная философия = физика».

Очень характерные для Локка первые три параграфа этого раздела не должны вводить читателя в заблуждение. Выражая в самом начале сомнение в возможности построения «натуральной философии» в качестве спекулятивной науки (в смысле идеализма, спиритуализма), Локк пытается дать юному джентльмену предохранительную прививку против импонирующего материалистического духа изучения явлений природы, который так увлекал самого Локка (см. наше примечание 6 к «Воспитанию разума»). Рассуждениями в этих трех параграфах Локк, вольно или невольно, отдает дань основному требованию идеологии класса. Заметно крепче и полнее становится тон повествования у Локка, когда он подходит к позитивному содержанию натуральной философии и говорит о знаменитых натуралистах эпохи — Бойле и Ньюtone.

Что Локк понимал под «натуральной философией», можно видеть с полной отчетливостью из его статьи «Элементы натуральной философии» (во втором томе полного собрания сочинений изд. 1824 г.). Здесь Локк на 25 страницах дает замечательный по точности изложения и почти совершенно свободный от идеалистической интерпретации очерк современного естествознания (в значительной мере — даже описательного естествознания). Конкретность и позитивность изложения покажут читателю самые заголовки глав: гл. 1-я — «О материи и движении»; гл. 2-я — «О вселенной»; гл. 3-я — «О нашей солнечной системе»; гл. 4-я — «Земля как планета»; гл. 5-я — «О воздухе и атмосфере»; гл. 6-я — «Атмосферная влага, облака, дождь, снег, град, радуга (метеорические явления)»; гл. 7-я — «Об источниках, реках, морях»; гл. 8-я — «О некоторых видах земли — камнях, металлах, минералах, и других ископаемых»; гл. 9-я — «О растениях»; гл. 10-я «О животных»; гл. 11-я — «О пяти чувствах»; гл. 12-я — «О человеческом разуме».

⁵⁶ Кэ д в о р т Ральф (1617—1688 гг.) — профессор еврейского языка Кембриджского университета и наиболее выдающийся представитель «кембриджской школы» теологов-философов, примыкавших к философскому идеализму Платона и выступавших против молодого английского материализма Бэкона и Гоббса. Из его сочинений «Истинная интеллектуальная система мира», 1678 г., «Трактат о вечной и неизменной нравственности» (опубл. в 1731 г.) и «Рассуждение о свободе и необходимости» — самое значительное первое. Большое знание древнегреческой философии позволило ему дать обстоятельное изложение критикуемых систем (что, между прочим, возбудило у ортодоксов курьезное подозрение против К. в тайной симпатии к греческим материалистам) и дать четкую классификацию, о которой говорит Локк. Защищаемые им положения: 1) существование бога и духовного мира, 2) вечное разделение добра и зла, 3) свобода и ответственность человека (в философско-религиозном смысле). Существенная деталь в его системе — гипотеза «пластической природы» — посредствующего звена между материей и духом.

Дочь К., леди Мэшем. — близкий друг Локка.

⁵⁷ Б о й л ь Роберт (1627—1691 гг.) — английский физик и химик, открывший зависимость между давлением и объемом газов. С именем Б. связан целый ряд открытий в области физики и химии.

⁵⁸ Н ь ю т о н Исаак (1643—1727 гг.) — знаменитый английский математик и физик. В своем главном сочинении «Математические принципы натуральной философии» Н. дал основательную и систематическую разработку математической физики и механики: здесь он впервые сформулировал общие законы движения и закон всемирного тяготения, разработал множество вопросов гидростатики, математической акустики и небесной механики (в частности, впервые установил и объяснил сжатие земного шара у полюсов, выяснил неправильность лунных затмений и др.).

Крупнейшее значение имели работы Н. в области оптики (сведенные в одну книгу «Оптика, или трактат об отражениях, преломлениях и цветах света», в 1704 г.); он первый установил экспериментальным путем спектральный состав солнечного луча и на основе этого открытия успешно разработал вопросы окраски тонких пластинок, естественной окраски тел, дал исчерпывающее объяснение явления радуги и др.

Разделяя с Лейбницем заслугу изобретения дифференциального и интегрального исчисления (они изобрели его независимо друг от друга), Н. широко и пло-

дотворно пользовался методом бесконечно-малых в своих физико-математических исследованиях.

⁵⁹ Ла-Бриер Жан (La-Bruyère, 1645—1696 гг.) — французский писатель, моралист; вошел в среду классиков французской литературы сочинением, которое цитирует Локк и точное название которого «*Caractères, de Theophraste, traduits du grec, avec les caractères ou les moeurs de ce siècle*», Paris 1688 («Характеры» Теофраста, перевод с греческого с добавлением о характерах или нравах нашего века», Париж 1688 г.). (Напомним читателю, что Теофраст был другом и сотрудником Аристотеля и приобрел известность своими сочинениями по ботанике и упомянутыми «Нравственными характерами» — «*Ethikoi caractères*».) Изображенные Л.-Б. «нравы его века» — это нравы морально чуждой ему среды придворного французского общества, которую, однако, он имел возможность близко наблюдать.

⁶⁰ «Там, где есть мудрость, не нужна никакая небесная сила» (Ювенал, Сатиры, X, 365 и XIV, 315).

⁶¹ Гедеон — имя одного из выборных вождей-правителей (по библейской терминологии — «судей») еврейского народа в легендарный период древнееврейской истории (около 1000 лет до н. э.).

⁶² Цинциннат Луций Квинций (V в. до н. э.) — римский консул. Ц. принадлежал к знатым слоям римских патрициев, но вел крайне простой образ жизни, сам занимаясь обработкой земель. Вследствие этого его жизнь считалась образцом жизни граждан древнейшего Рима.

⁶³ Катон Старший — государственный деятель и писатель древнего Рима (234—149 гг. до н. э.). Представитель землевладельческой знати и консерватор-националист, он был упорным сторонником полного покорения Карфагенской республики (финикийской морской державы в Африке, близ нынешнего Туниса), с которой Рим вел три продолжительные войны. Известен сочинением по сельскому хозяйству и написанной в шовинистическом тоне книгой по истории Рима.

⁶⁴ Кир, Куруш, царь Персии (558—529 гг. до н. э.) — основатель древнеперсидского государства, расширивший его границы до пределов Индии и побережья Эгейского моря.

⁶⁵ Ксенофонт (прибл. 440—355 гг. до н. э.) — древнегреческий историк-мемуарист, автор «Греческой истории», охватывающей период с 411 по 362 г., также описания похода греческих наемников на службе у персидского царя («Анабасис») и других исторических мемуаров и публицистических сочинений. Пользуется известностью и ряд его сочинений, посвященных Сократу и его философии. К. является в своих сочинениях ярким представителем аристократической идеологии, противником афинской демократии и сторонником спартанского государственного устройства, а в связи с этим и пылким поклонником энергичного и авторитарного спартанского царя Агесилая (его современника), которому посвящена одна из его работ. В русском переводе недавно издана его «Греческая история» и «Сократические сочинения».

⁶⁶ Собственное изготовление духов с помощью перегонных кубов и равной аппаратуры стало во времена Локка модным увлечением знатных дам. Это модное новшество было одним из проявлений всеобщего увлечения английской знати вопросами химии и физики.

«О ВОСПИТАНИИ РАЗУМА».

¹ Работа «О воспитании разума» («*Of the conduct of the understanding*») была Локком задумана в виде новой, «самой большой», как он писал одному из своих друзей (Molineux) в письме от 10 апреля 1697 г., главы «Опыта о человеческом разуме». Начатая весной 1697 г., она, однако, не была включена в 4-е издание «Опыта», фактически вышедшее осенью 1699 г. (датир. 1700 годом), а впервые была опубликована уже после его смерти, в 1706 г. (в «Посмертных сочинениях мистера Локка», изданных без указания фамилии издателя, как полагает Фокс Борн, двоюродным братом Локка Петром Книгом).

Это сочинение не было Локком закончено и является в известной мере фрагментом, что в частности сказалось на содержании некоторых параграфов, представляющих собой неразвитые наброски (напр. §§ 35 и 37), на недостаточной точности некоторых заголовков (§26, того же § 37) и т. п.

Предлагаемый перевод сделан с текста, помещенного во 2-м томе 12-го лондонского издания «Собраний сочинений Джона Локка» 1824 г. («*The works of*

John Lock in nine volumes», Tweluthr. edition. London 1824). При переводе были учтены опечатки, исправленные в других изданиях, и, кроме того, некоторые пояснения к тексту, сделанные Вильямом Адамсоном в лондонском издании «Педагогических сочинений Джона Локка» 1912 г. («The educational writings of John Lock», ed. by William Adamson. London 1912).

² Лорд Веруламский — титулованное имя (точнее — барон Веруламский) знаменитого английского философа Фрэнсиса Бэкона (1561—1626 гг.), родоначальника новейшего материализма. Основные элементы философского мировоззрения Бэкона: философский материализм, близкий к доплатоновскому материализму древнегреческих мыслителей (главным образом Демокрита), в котором материя мыслится в неразвитой связи с формой и заложенными в материи потенциями движения и развития высших ее форм; признание внешнего опыта, эксперимента и индуктивного метода единственными источниками и орудием познания; цель познания — подчинение природы власти человека, интересам человеческого рода, создание основы для систематических открытий, для реализации искусства открывать, «ars inveniendi». Для расчистки пути к новому, действительному и положительному знанию, по Бэкону, необходимо устранить помехи, коренящиеся в особенностях чувств отдельного человека, в вере в авторитеты, в предрассудках прошлого, которые фиксировались в языке (бэконовское учение об идолах).

Своей пропагандой и популяризацией научного метода Бэкон в сильнейшей мере способствовал рождению естествознания нового времени. Роль его в этом отношении в ярких словах охарактеризована Марксом в «Святом семействе»: «... истинным родоначальником английского материализма и вообще опытных наук новейшего времени был Бэкон. Естествознание является в его глазах истинной наукой, а физика, опирающаяся на свидетельство внешних чувств, — важнейшей частью естествознания... По его учению, чувства непогрешимы и составляют источник всякого знания. Наука есть опытная наука и состоит в применении рационального метода к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперименты суть главные условия рационального метода. Первым и самым важным из прирожденных свойств материи является движение, — не только как механическое и математическое движение, но еще больше как стремление, как жизненный дух, как напряжение... Материя улыбается своим поэтическим чувственным блеском всему человеку. Но изложенное в афористической форме учение Бэкона еще полно теологической непоследовательности» (Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 157).

Цитируемое Локком сочинение Бэкона «Новый органон» является главной его работой.

³ Русский перевод «Нового органона» С. Красильщикова. Соцэкгиз, 1935 г., стр. 81 и 82.

⁴ «Определенности» идей Локк придает кардинальное значение в деле познания, в частности — анализа и доказательства. «Когда люди приобретут определенные идеи всего того, что они обсуждают, исследуют или доказывают, они увидят разрешенными большую часть своих сомнений и разногласий» (из «Письма к читателю» во введении к «Опыту о человеческом разуме»).

Термином «определенная идея» Локк в 4-м издании «Опыта» часто заменяет ранее применявшиеся им выражения «ясные, раздельные» идеи. В том же обращении к читателю он объясняет, почему он это сделал. Хотя он прямо этого не высказывает, но, видимо, он чувствовал субъективную условность определений «ясный, раздельный».

Этому вопросу Локк посвящает специальную главу «Опыта» (гл. XXIX, кн. II). В отношении простой идеи ясность и раздельность определяются максимальным приближением идеи, со стороны ее отчетливости, к той идее, которая возникла при непосредственном восприятии объекта. В отношении сложной идеи «ясность», «раздельность», «определенность» обуславливаются определенностью, количеством и существенностью признаков (простых идей), из которых она составлена.

⁵ Понятие «посредствующей» («intermediate») идеи устанавливается Локком в связи с делением нашего познания на интуитивное и демонстративное. Интуитивное познание заключается в непосредственном «созерцании» соответствия или несоответствия идей («душа воспринимает истину, как глаз воспринимает свет» — «Опыт», кн. IV, гл. II «О степенях нашего познания», русск. пер. 1898 г., стр. 530; ср. «интуитивное познание есть восприятие достоверного соответствия или несоответствия двух идей через их непосредственное сравнение» — «Опыт», стр. 698).

Демонстративное познание, или, как Локк иначе выражается в другом месте — «рациональное» познание («Опыт», стр. 698), имеет место тогда, когда «душа старается открыть отыскиваемое соответствие или несоответствие при помощи других идей» («Опыт», стр. 531). Эти другие идеи — «посредствующие идеи».

В рассуждениях Локка о достоверности демонстративного познания красной нитью проходит та мысль, что в каждом звене «рассуждения» соответствие, связь промежуточных идей созерцается непосредственно, «интуитивно». На примере книги Ньютона, «которой нельзя надивиться», он с особенной силой подчеркивает значение посредствующих идей в деле познания и доказательства («Опыт», стр. 604 и ниже, как общее положение, на стр. 606). Промежуточным принципам посвящен ниже § 21.

Интересно сравнить со следующими замечаниями Бэкона в его «Новом органоне»: «Не следует все же допускать, чтобы разум перескакивал от частных к определенным и почти самым общим аксиомам (каковы так называемые начала наук и вещей) и по их непоколебимой истинности испытывал бы и устанавливал средние аксиомы. Так было до сих пор: разум склоняется к этому не только естественным побуждением, но и потому, что он уже давно приучен к этому доказательствами через силлогизм. Для наук же следует ожидать добра только тогда, когда мы будем восходить по истинной лестнице, по непрерывным, а не разверстым и перемежающимся ступеням — от частных к меньшим аксиомам и затем к средним, одна выше другой, и наконец к самым общим» (русск. пер. 1935 г., стр. 169—170).

Третий вид достоверного познания составляет, по Локку, сенситивное познание единичного существования («конечных внешних вещей»). Правда, он видит в этом виде познания низшую степень очевидности и достоверности; однако он высказывает в этом отрывке (§ 14, гл. II, кн. IV) краткие, но твердые возражения против основного положения субъективного идеализма и скептицизма. Здесь ярко сказывается материалистическая сторона его мировоззрения (поскольку ему чужда концепция объективного идеализма).

«Опыт о человеческом разуме» цитируется нами по русскому переводу А. Н. Савина, изданному в 1898 г. в Москве).

⁶ Предположение о существовании духов, существ более совершенной природы, чем человеческая, можно нередко встретить у Локка (ср. «Опыт», стр. 441—442, 519, 558). Однако заслуживает быть отмеченным, что это предположение часто высказывается им в довольно осторожной форме, вроде: «Вероятно существуют бесчисленные виды духов»; «Нет ничего невозможного и противного разуму в представлении, что может быть много видов духов» («Опыт», стр. 442).

⁷ Гесем — название местности, в которой, по библейской легенде, поселился пастушеский род Иакова после переселения в Египет.

⁸ Марианские (или Ладронские) о-ва расположены на Тихом океане к юго-востоку от Японии, на широтах несколько южнее южного побережья Китая. Открыты в 1521 г. Магелланом.

⁹ Акакапулько — портовый город на тихоокеанском побережье Мексики.

Манилла — главный город и крупнейший торговый порт (вывоз табака, сигар, сахара, манильской пеньки) на острове Люцон, самом крупном в группе Филиппинских островов и расположенном недалеко от Кантона (Китай) к юго-востоку.

¹⁰ Изречение Павла, одного из виднейших первых проповедников христианства (казнен в Риме в 65 г. христ. эры), из 1-го Послания к фессалоникийцам (V, 21).

¹¹ «Квартальные сессии» — съезды мировых судей в Англии. Это судебно-административный орган, осуществлявший контроль над должностными лицами местного управления и разбиравший жалобы на их действия; был также апелляционной инстанцией для определенного круга уголовных и гражданских дел.

¹² Уайтголл — здание правительственных учреждений в Лондоне.

¹³ Вестминстер-холл — здание судебных учреждений.

¹⁴ Сити — район в Лондоне, где расположены торговые, банковые и т. п. учреждения.

¹⁵ Вопросу о соотношении между идеей и словом и о расхождении между словом и идеей, как причине ошибок, Локк придавал исключительно важное значение и посвятил ему целую книгу своего «Опыта» (кн. III). Его излюбленные

мысли: идея возникает до слова и независимо от слова; из научного оборота необходимо всячески устранять неопределенность терминов, часто свойственную обычному словоупотреблению (для этого Локк дает технические указания, в частности в главе XI).

Наряду с этим анализ проблемы терминологии дает ему повод для метких выступлений против вывертов идеалистической философии и для выразительной формулировки основных положений номинализма. Примеры: тезис против гипостазирования «формы» («отвлеченные идеи суть произведения разума, но имеют своим основанием сходство вещей» — стр. 410); «общие сущности не что иное, как отвлеченные идеи» (стр. 406); «общее и универсальное создание разума» (стр. 408) и т. д.

⁴⁶ Максимумы. Под «максимами» (равнозначные термины у Локка — «аксиомы», «принципы») Локк понимает самые общие положения, претендующие на самоочевидность. Вопросу о максимах Локк посвятил одну из самых интересных, четких и характерных для его гносеологии глав «Опыта» (гл. VII, кн. IV).

Локк оспаривает большую самоочевидность и обоснованность самых общих аксиом по сравнению с методически правильно построенными менее общими положениями, отрицает также их роль в качестве начального этапа нашего познания (ср. «познание отправляется не от максим», кн. IV, гл. XII); остроумно отмечает, что они имеют большее значение при передаче знания другим, чем при построении науки (стр. 604); удачно вскрывает связь переоценки «максим» с методом схоластической науки и схоластического спора; сжатыми и сильными аргументами освещает роль восхождения от частного к общему в познании реального мира.

⁴⁷ Ср. «Опыт», стр. 666.

Вопросу о «вероятности» и «степенях согласия» посвящены главы XV и XVI кн. IV «Опыта».

«Вероятность должна восполнить недостаток достоверного знания» («Опыт», стр. 664). В суждениях вероятности «человек предполагает, что его идеи находятся в соответствии или несоответствии или что данное предложение (это то же самое) истинно или ложно, не воспринимая демонстративной очевидности в доказательствах» (стр. 662).

Основания вероятности: сообразность нашему собственному опыту и свидетельство чужого опыта (стр. 665). «Отношение души к такого рода предположениям называется «верю», «согласием», «мнением» (в этом специальном смысле — в смысле признания наиболее достоверного вывода после исследования возможных выводов и сопоставления всех соображений за и против каждого из них; по подведению, как Локк иногда выражается, баланса — он часто употребляет термин «согласие», «assent», применительно к случаям, когда невозможна демонстрация доказательства истины).

¹⁸ См. предыдущее примечание.

¹⁹ То-есть людей, занятых повседневным трудом для поддержания своего существования.

²⁰ О своих наблюдениях над французской действительностью, в частности над жизнью французских крестьян, Локк оставил интересные заметки (во Франции Локк провел около четырех лет — с 1675 по 1679 г.). Он отмечает полную зависимость чиновников и провинциальных парламентов от центрального правительства, говорит об откупной системе, о распределении бремени налогов между различными классами, о паразитическом образе жизни французского дворянства; подробно описывает экономические условия крестьянства, подсчитывает бюджет крестьянина и т. д.

²¹ «Опыт», кн. III, гл. IX — «О несовершенстве слов», гл. X — «О злоупотреблении словами», гл. XI — «О средствах против предыдущих несовершенств и злоупотреблений». См. выше, прим. 15.

²² Несколько измененное двустигшие из трагедии Сенеки «Медея»: «Qui statuit aliquid parte inaudita altera. Aequum licet statuerit, haud aequus fuit» — в русском переводе (С. Соловьева, в изд. «Академия», 1932 г.):

« Решивший,
«Не выслушав одной из сторон,
«Хотя его решение справедливо,
«Несправедлив.

²³ Ср. «Мысль», §§ 31—32 и 75.

²⁴ В подлиннике сказано: «as they are in themselves» (буквально: «как они суть в себе»). Мы передаем: «как они суть сами по себе», так как совершенно очевидно, что Локк имеет здесь в виду не гносеологический субъективизм, а отказ считаться с реальным миром в самом простом смысле слова.

²⁵ См. выше прим. 5 и 17, также абзац 2 § 7 текста.

²⁶ «Res nolunt male administrari» — «дела не хотят, чтобы ими плохо управляли».

²⁸ «Res nolunt male intelligi» — «вещи не хотят, чтобы их плохо понимали».

(Из произведения Горация «Ars poetica», «Поэтическое искусство», — «Послания» («Epistolae»), кн. II, письмо 34)

²⁷ Мысли, высказанные Локком в этом абзаце, являются откликом на оживленную дискуссию, происходившую тогда во Франции (Pargault и Fontenelle) и Англии (Temple, позднее Bentley и Swift) по вопросу о сравнительной ценности научного наследия классической древности и современной Локку науки (Адамсон).

²⁵ «Vox populi vox Dei» — «глас народа—глас божий» (поговорка).

²⁹ В английском тексте сказано: «or in experiments made by them» («by them», по мнению Адамсона, в смысле «of them»). В отдельном издании 1859 г. (edited by Bolton Corney, London) сказано иначе: «or in experiments made by men», т. е. «при экспериментах, производимых людьми».

³⁰ См. прим. 5.

³¹ Евклид и Архимед — знаменитые математики древности. Первый, живший в начале III в. до н. э., свел в систему известные тогда математические положения. Вторым (287—212 гг. до н. э.) — вычислил объемы шара, цилиндра и конуса, вычислил отношение длины окружности к радиусу и, помимо того, установил ряд основных положений механики.

³² Заголовок, который Локк дал этому параграфу («Anticipation», «Предвосхищение»), явно неудачен.

³³ Стих из Горация, означающий: «что способны выдержать плечи и что отказываются вынести» («Ars poetica», «Поэтическое искусство», ст. 39).

³⁴ В третьей книге «Опыта», в особенности в гл. X и XI.

³⁵ «Субстанциальные формы» и «целесообразные виды» — термины школьной схоластики, основанные на аристотелевском учении о различных видах метафизической реальности и о целевой причине. Характерно более выразительное замечание Локка о «субстанциальных формах» в «Опыте»: «И невежественные люди, которые не заявляют притязаний на прозрение реальных сущностей, не беспокоятся о субстанциальных формах, а довольствуются различием вещей по их чувственным качествам, оказываются часто лучше знакомыми с их особенностями, точнее различают их для своих целей и лучше знают, чего могут ожидать от них, чем те ученые и прозорливые люди, которые так глубоко проникают в вещи и так уверенно толкуют о скрытом и существенном» (кн. III, гл. VI «Об именах субстанций», русск. пер., стр. 448).

³⁶ В английском тексте имеется явная опечатка; сказано: «Where men have determined ideas without known names of them». В упомянутом выше издании Bolton Corney слово «without» заменено «with».

³⁷ См. прим. 17.

³⁸ Гипократ — знаменитый греческий врач IV в. до н. э. (460—377 гг.). Изучал медицину в разных странах и оставил после себя ряд трудов с замечательными для того времени, по точности наблюдений, описаниями многих болезней.

³⁹ «И приобретает силы в ходьбе» (из поэмы древнеримского поэта Вергилия, «Энеида», песнь IV, ст. 175).

⁴⁰ «Они побеждали, пока думали, что побеждают» (Тит Ливий, II, 64).

О Б У Ч Е Н И И.

¹ Под заголовком «Об учении» («On the study» — правильное было бы название «Мысли о самообразовании») лорд Кинг свел в один очерк разбросанные заметки из записной книжки Локка, относящиеся ко времени его пребывания во Франции (1675—1679 гг.). Заметка, которой начинается очерк, датирована у Локка 6 марта 1677 г. Этот очерк впервые был напечатан в книге Кинга, вышедшей в Лондоне в 1830 г., под названием: «The life of John Lock with extracts from his correspondance, journals and common place books» в двух томах («Жизнь Джона Локка с извлечениями из его писем, дневников и записных книжек»).

Настоящий перевод сделан с несколько сокращенного английского текста, помещенного в виде приложения в английском издании «Мыслей о воспитании», с примечаниями Quick M. A. (Лондон 1887 г.).

² Пиндар — знаменитый греческий поэт — одописец (522—488 гг. до н. э.).

Персий Флакк — римский сатирик (34—62 гг. н. э.).

Геродот (прибл. 485—425 гг. до н. э.) — первый древнегреческий историограф (если не считать его предшественников — «логографов», занимавшихся обработкой местных легенд). Он написал историю первого периода греко-персидских войн, обнимающего первую четверть V в. Значение названной работы заключается в том, что наряду с не критической передачей легенд, собранных логографами, Геродот дает в живом и простом изложении огромный материал о событиях по рассказам свидетелей — современников; кроме того, выходя за пределы своей темы, он дает много сведений о культуре народов Ближнего Востока, основанных отчасти на личных наблюдениях, и по истории этих народов на основании различных источников. Его труд (в 9 книгах) переведен на русский язык.

Тацит Корнелий (прибл. 55—120 гг. н. э.) — известный римский историк. Яркая художественность изложения и субъективно-психологический подход к историческим деятелям обеспечили ему большую популярность среди современников. Главные его две работы («История» и «Летопись») посвящены истории римской империи за период 14—96 гг. н. э. и дошли до нас в неполном виде. Другая его работа, о древних германцах, служит исключительно важным историческим источником.

³ Локк здесь имеет в виду знаменитого царя Македонии Александра (356—323 гг. до н. э.), начавшего с уничтожения политической самостоятельности южно-греческих республик (Афин, Спарты и др.) и затем совершившего свои замечательные победоносные походы через всю территорию, в той или иной мере подвластную персидской монархии (Малая Азия, Афганистан, Таджикистан, Узбекистан, Западная часть Индии и Египет). Результатом его завоеваний было временное объединение в грандиозной монархии всех стран древнегреческой и ближневосточной культуры, стимулировавшее усиление экономических и культурных связей между этими странами.

⁴ Робин Гуд — герой английских народных сказаний XIII в. о лесной разбойничьей шайке, выступавшей против угнетателей народа — феодалов — и великодушной к простому люду.

⁵ Семь мудрых учителей. Трудно сказать, кого здесь подразумевает Локк. Возможно — семь греков, которым греческое предание приписывало высокую житейскую мудрость и нравственность, а каждому из них определенные изречения (Биас, Хилон, Клеовул, Перикандр, Питтак, Солон, Фалес).

⁶ Плутарх (прибл. 50—120 гг. н. э.) — греческий писатель, философ-моралист. Приобрел большую известность своими «Параллельными жизнеописаниями» — параллельными биографиями близких по типу политических деятелей Греции и Рима. Это сочинение, дошедшее до нас в своей значительной части, служит, несмотря на недостаточно критическое отношение Плутарха к источникам, очень важным, а по многим вопросам единственным материалом для установления фактов древнегреческой и древнеримской истории.

⁷ Курций (Квинт Курций Руф) — римский историк, живший в I в. н. э., написавший историю Александра Македонского (мало достоверную).

⁸ Тит Ливий — римский историк (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.), современник первого римского императора Августа, написавший полную историю римского государства (сохранились до нашего времени лишь книги I—X и XXI—XLV). Монархически-патриотическая тенденция и недостаточно критическое отношение к источникам понижают ценность его труда, который является, тем не менее, одним из важнейших источников римской историографии.

⁹ Колосс — нарицательное имя огромных статуй. В древности наиболее известен был «Колосс Родосский» — статуя Гелиоса (бога солнца) при входе в гавань Родоса (острова на Эгейском море); он имел высоту 140 метров.

¹⁰ Капитолий — внутренняя крепость с храмом Юпитера в древнем Риме; она была расположена на высоком холме того же названия.

¹¹ Икар — по древнегреческому мифу, сын Дедала, искусного мастера, изготовившего крылья, скрепленные воском. Погиб при полете с отцом, неосторожно приблизившись к солнцу, которое растопило воск.

Законодательная записка о «рабочих школах» составляет часть проекта реформы законодательства о бедных, который был разработан «Комиссией по делам промышленности и колоний» («Commission of trade and plantation»), учрежденной в 1696 г. Основная задача комиссии заключалась в изучении нужд отечественной промышленности и молодых заокеанских колоний и в разработке соответствующих мероприятий. Но, помимо того, на комиссию было также возложено «разработать надлежащий метод привлечения бедных королевства к труду, с тем, чтобы сделать их полезными для общества и тем самым облегчить бремя, которое они налагают на нацию».

Комиссия развернула в отведенной ей сфере необычайно интенсивную и разностороннюю деятельность, ярко отражающую подъем предпринимательской энергии английской буржуазии этой эпохи. Круг текущих вопросов, которым занималась комиссия, очень подробно и интересно обрисован во втором томе биографии Локка Фоксом Борном, который при этом отмечает, что Локк, несмотря на слабость здоровья, был самым деятельным членом комиссии и ее вдохновителем в работе. Проект нового закона о бедных был целиком составлен Локком и своим содержанием показывает с исключительной выразительностью, как и вся его работа в комиссии, крепкую идеологическую и деловую сращенность философа Локка с предпринимательским кругом английской буржуазии.

В своей записке Локк напоминает, что законы Елизаветы о бедных предусматривали жесткие меры воздействия против нищих и бродяг, не желающих работать и получающих пособия от приходов, но что об этой возможности борьбы с лентяями забыли: ничего в этом направлении не делается из-за халатности инспекторов по делам призрения бедных; эти инспектора забыли «о лежащей на них обязанности заставить праздных людей работать».

Но Локка старый закон не удовлетворяет: он предлагает усилить карательные меры против людей, занимающихся нищенством и бродяжничеством, и предлагает подробно разработанный проект закона.

Общая система суровых кар, по его проекту, не применяется к детям моложе 14 лет; однако в одном случае он и в отношении их допускает такую меру, как шестинедельную принудительную работу в исправительном доме (в том случае, если девочка или мальчик такого возраста будут вторично пойманы на нищенстве далее пяти миль от места их проживания).

Как правило, для этих детей устраиваются школы, назначение и характер которых обрисованы в предлагаемой части его общей записки. (Проект Локка законодательного утверждения не получил.)

Записка Локка была впервые опубликована Фоксом Борном в 1876 г., в неоднократно цитируемой нами биографии Локка.

Перевод сделан нами с текста, перепечатанного в виде приложения в английском издании «Мыслей» с примечаниями Quick'a, 1887 г.

БИБЛИОГРАФИЯ.

1. «Some thoughts concerning education», by John Locke. The ninth edition, London 1732.
2. «Of the conduct of the understanding» В «The Works of John Locke in nine volumes. The twelfth edition». V. II. London 1824.
Там же, «Elements of natural philosophy».
3. «Of the conduct of the understanding», by John Locke, edited by Bolton Corney, M. R. S. L. London 1859.
4. «The educational writings of John Locke» edited by William Adamson. London 1912.
5. «The life of John Locke with extract from his correspondence, journals and common place books», by Lord King. London 1830.
6. «The life of John Locke», by Fox Bourne. London 1876.
7. «Some thoughts concerning education». Appendix: Locke's other educational writings. Introduction and notes by Quick M. A. London 1887.
8. Larousse. Grand dictionnaire universel.
9. Enzyklopedia Britannica.

10. Д. Локк. — Опыт о человеческом разуме. Перевод Савина. М. 1892 г.
11. Гребенев. — Д. Локк. Серия: Жизнь замечательных людей. 1929 г. Изд-во «Московский рабочий».
12. К. Маркс. — Святое семейство. Собр. соч.
13. К. Маркс. — Письма из Англии.
14. К. Маркс. — Людвиг Фейербах.
15. Ф. Энгельс. — Об историческом материализме.
16. Ф. Энгельс. — Анти-Дюринг.
17. К. Маркс и Ф. Энгельс. — Собр. соч.
18. Ленин. — Материализм и эмпириокритицизм.
19. Деборни. — Введение в философию диалектического материализма.
20. Аксельрод. — Философские очерки. ГИЗ, 1925 г.
21. Асмус. — Очерки истории диалектики в новой философии. ГИЗ, 1929 г.
22. Фишер Куно. — История новой философии, тт. I и II. СПб 1906 г.
23. Гефдинг. — История новой философии. СПб 1900 г.
24. Ланге. — История материализма и критика его значения в настоящем, т. I.
25. Серебrenников. — Учение Локка о прирожденных началах знания и деятельности. СПб 1892 г.
26. Ковалевский. — От прямого народничества к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму, т. I. М. 1906 г.
27. Новгородцев. — Лекции по истории философии права. Учения нового времени. М. 1902 г.
28. Виндельбанд. — История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. тт. I, II. СПб 1908 г.
29. Гизо. — История Английской революции. 3 т. СПб 1860 г.
30. Бернштейн. — Общественное движение в Англии. М. 1899 г.
31. Английская революция 1649 г. (Из истории Англии Маколея) Изд. «Труд». М. 1906 г.
32. Каррел. — История контрреволюции в Англии при Карле II и Иакове II. СПб 1866 г.
33. Гнейст. — История государственных учреждений в Англии. 1885 г.
34. Гнейст. — Н. О. в Англии, Уэльсе, Шотландии и Ирландии. Пер. с английского Королюкова. М. 1902 г.
35. Брейль. — Организация среднего образования в Великобритании. М. 1904 г.
36. Мижуев. — Очерк развития и соврем. состояния среднего образования в Англии. СПб 1898 г.
37. Медынский. — История педагогики, ч. I. Всеобщая история педагогики. М. Учпедгиз, 1938 г.
38. Монро. — История педагогики, т. II.
39. Ге Франсуа. — История воспитания и образования. М. 1912 г.
40. Шмидт. — История педагогики, изложенная во всемирном историческом развитии, в органической связи с культурной жизнью. т. II., М. 1880 г.
41. Руссо. — Эмиль или о воспитании. СПб 1913 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Введение:

Педагогическая теория Д. Локка. Жизнь и мировоззрение Д. Локка . .	3
Содержание, цели и организация воспитания	19
Учение	52
Сочинения Локка	
Мысли о воспитании	67
О воспитании разума	225
Об учении	285
Рабочие школы	300
Примечания	303
Библиография	318